

Алина Борисова

*Опекун
для юной девы*

Нежность, забота, любовь... И тайна, которую он так и не решился ей открыть. Не станет ли его нерешительность роковой для них обоих?

Один-единственный порыв ветра навсегда лишит тебя возможности вернуться домой.

Один-единственный росчерк пера вычеркнет из списков живых.

Но значит ли это, что в новом мире тебя

ждет лишь смерть?

Ведь теперь у тебя есть Он, а Он обещал позаботиться...

Вот только кто, собственно, Он? Что значит его обтекаемое «опекун»? Разве опеку над молоденькой девушкой могли отдать одинокому симпатичному мужчине?

И как понимать его осторожное «не человек»? Если не человек, то кто? Точнее даже: кто же тогда человек, если не он? Потому что более человеческих она не встречала.

Опекун для юной девы
Алина Борисова

Пролог

Просто гроза

Рейс задерживался. Самолеты прилетали и улетали, а они сидели в аэропорту уже второй час. Весь северо-восток накрыло циклоном, и самолет из Перми вылетел с огромной задержкой.

А над ними было ясно. В огромные, во всю стену, окна, нещадно палило солнце, уменьшая площадь помещения, пригодную для ожидания, почти что вдвое. Кондиционеры работали, но не спасали.

Аня стояла, опираясь спиной о стену и невольно прислушиваясь к чужим разговорам. Сама она в беседе участия не принимала, ей было просто не с кем. Знакомых у нее тут не было, мама смогла проводить ее лишь до автобуса, выделенного городским управлением образования, папе и вовсе надо было выспаться перед работой, он даже к завтраку с утра не вышел.

Кому-то повезло больше. Несмотря на рабочий день, их родители сумели выкроить время и проводить своих детей прямо до аэропорта, и теперь скрашивали им беседой томительные часы ожидания.

Лететь предстояло на конкурс. Вернее, на школьную олимпиаду по естественно-научным предметам. Стать призером олимпиады городской Ане уже удалось. Теперь предстояло защищать честь родного Краснодарского края на Всероссийской. Не одной, конечно. Еще примерно сотня счастливиц изнывала сейчас от жары в ожидании самолета. Год был юбилейный, к тому же объявленный «годом науки», и олимпиаду решено было проводить с особым размахом и невиданным прежде составом участников. А иначе Ани бы здесь сейчас просто не было. В тройку призеров она не вошла. Даже в собственном городе у нее было почетное четвертое место.

Так что на особые победы она не рассчитывала. Ничего, зато приобретет опыт участия в подобных мероприятиях, посмотрит новые места. В любом случае, слетает не зря. Осталось только как-то дожить до самолета. Ноги гудели, очень хотелось присесть. Но все возможные сидячие места были заняты и точно уже не освободятся.

— Как думаете, нам долго еще ждать? — донесся до нее голос какой-то светловолосой девушки приблизительно ее возраста.

— Не меньше двух часов. Скорее больше. Пока долетит. Выгрузится. Заправится. И только потом объявят посадку, — рассудительно ответил той стройный седовласый мужчина, чем-то родитель, должно быть.

— Ага, это если еще объявят, — мрачно хмыкнула еще одна девочка, помладше. — У них же там погода нелетная. Может, Пермь нас еще не примет.

— Ну, раз самолет смог взлететь, значит, все-таки распогодилось, — не разделила опасений блондинка. — Да и впереди еще столько времени, унесет этот страшный циклон за Темные горы, пусть монстров там мочит.

— Монстров не надо, — бесконечно тоскливо, видимо от усталости, протянула ее подруга. — Монстры солнышко любят.

— Поль, ну большая вроде девочка, какие монстры? — укорил блондинку мужчина. — Просто страна, просто люди. Ну не хотят они с внешним миром общаться — так что ж теперь? Монстрами их объявлять сразу? Это ж каким господом богом завещано, что все

страны должны в ООН вступать? Прямо какие-то средневековые предрассудки — все, что непонятно, немедленно объявляем злом!

— Ну, скорее это они ведут себя, словно жители средневековой Японии, — присоединился к беседе высокий светловолосый мальчик, стоявший неподалеку. — Никого к себе не пускают, сами к нам не рвутся...

— А я передачу смотрела по ВВС, там говорилось, что Сибирия — это просто такая огромная аномальная зона, — в разговор вступила еще одна девушка, с аккуратным черным каре и самоуверенным взглядом. — Там никто не живет. Просто в древности там упал гигантский метеорит с очень специфическим излучением. Так вот это излучение не только убило все живое на огромной территории, но и не позволяет приблизиться к метеориту ближе определенного расстояния. Это не искусственная граница, таких технологий просто нет, это очень сильный радиационный, ну или какой там, фон, что никого туда не пускает.

— Ага, радиационный, скажешь тоже! Счетчик Гейгера бы зашкаливал, — фыркнула, разворачиваясь к ней, блондинка. — Нормально там все с фоном. И вообще, как тогда они объясняют, что там люди пропадают? И пара военных самолетов, и исследователи пытались туда пробраться — проникли же, просто не вернулся никто.

— А почему все решили, что они туда проникли? Может, их просто на атомы размело при вхождении в поле излучения? — черноволосая девчонка уверенности не теряла.

— А я слышал, что там вообще база инопланетян, — встрял в разговор еще один мальчишка. — Недаром у них над границей НЛО постоянно замечают...

— Кто, сумасшедшие старушки, которые жаждут, чтоб их по телевизору показали?

Беседа намечалась жаркая. Тайнственная аномальная зона за Большими Каменными горами, неофициально, но довольно часто именуемыми Темными, будоражила умы многих. Куда там американцам с их несчастным Бермудским треугольником! Очень многие в Евразии были уверены, что американцы выдумали его специально, лишь бы показать, что и у них феномены есть. Но до окутанной таинственными легендами огромной Сибири жалкому участку морской воды было далековато. Что там было на самом деле — за горами, созданными словно специально, чтобы разделить материк непроходимой границей, не знал, похоже, никто.

Зато сказок и страшилок на эту тему было — хоть отбавляй. Вот ими и делились. Надо же было как-то время убить.

* * *

Половину пути небо было ясным и совершенно безоблачным. Ну, может даже немножко больше половины. Успели и обед раздать, и пустые коробочки собрать. Стюардессы волновались напрасно. «Детский рейс» (а как еще можно обозвать рейс, девяносто процентов пассажиров которого — школьники от одиннадцати до восемнадцати?) проходил без эксцессов. Утомленные долгим ожиданием, дети не орали, не вопили, не пытались носиться по салону, ломать столики или активно мусорить. Они, в большинстве своем, просто дремали, выходя из забытья только чтоб съесть предложенный обед, выпить чая с неизменной булочкой и вновь провалиться в сон.

Включения светового табло «Пристегните ремни» практически никто не заметил. Стюардессам пришлось тормошить каждого второго и убеждать пристегнуться каждого

первого. До прибытия в аэропорт Большое Савино было еще больше часа.

По громкой связи к пассажирам обратился командир экипажа. Идущий навстречу грозовой фронт самолет будет обходить по краю, с востока. Ни сверху, ни снизу просвета нет, обойти грозу с запада тоже возможным не представляется. Трясти будет сильно, потому как значительно отклоняться к востоку они не могут. Зато пассажирам, возможно, выпадет редкая возможность любоваться уникальным оптическим явлением, известным как «Воздушная Граница». Сплошная стена сияющего голубого цвета, очерчивающая границы аномальной зоны Сибири. Становится видимой при приближении к ней более, чем на десяток километров.

— Он что, собирается лететь в десяти километрах от Сибири? — руководитель группы, Зинаида Павловна Полесская аж за сердце схватилась. И черт ее дернул попасться на глаза начальству в столь неподходящий момент! Далась ей эта олимпиада по естественно-научным предметам. Ну, далась, конечно, она в Москву рассчитывала слетать на халяву. А тут такой облом. Саммит у них там, видите ли. Двадцатки. И лишние толпы школьников им там не нужны. Да хоть Тридцатки. Зачем было загонять их в эту окраинную, приграничную Пермь? Мало ли городов в центральной России?

— Да что вы так переживаете, мы всю жизнь так летаем, — сидящая рядом с Зинаидой молодая мамаша с младенцем (да, счастья мало не бывает), попыталась ее успокоить. — Десять километров — это ж огромное расстояние. Ну, сияет там вдали что-то. Красиво. Вреда же никакого.

— Никакого. Конечно. В нормальную погоду. А сейчас ветер, гроза. А если нас снесет? А если мы подлетим слишком близко, и они из-за этой своей границы стрелять начнут? Кто их знает вообще, что они себе думают?

— Да не собирается никто в вас стрелять, — усмехнулся загорелый парень, расположившийся через проход. Курортник, явно. Из отпуска возвращается. — У меня друзья — летчики, они рассказывали: можно летать как угодно вплоть до самой границы, это наша воздушная зона, и никто на нее не претендует. Что все пилоты всю жизнь и делают. Расслабьтесь.

— Ага, вам расслабьтесь, а на мне дети! Больше ста человек! — излишне громко возмущалась женщина.

— Ну, не на вас одной, — Ирина Федоровна, руководитель одной из групп, поспешила напомнить о себе.

— А были б на мне одной, я б вообще коньки откинула! — продолжать дискуссию Зинаида была не намерена. Разумеется, у нее были помощники. Но отвечала-то за все она. И все с самого начала шло не так. Да еще и Управление! Ведь обещали выделить самолет только для участников школьной олимпиады. И что? Пустили в продажу все оставшиеся билеты. И теперь сиди здесь рядом с пищащим младенцем!

Самолет тряхнуло. Младенец проснулся и заорал. Дальше самолет трясло, не переставая, и орали уже не только младенцы. Воздушные ямы следовали одна за другой, порывы ветра мотали самолет, словно поделку из бумаги.

— Мы разобьемся! — выли какие-то девчонки. — В самолет попадет молния, и мы все умрем!

— Какая молния? — пытался урезонить их уверенный юношеский голос. — Девочки, вы как олимпиаду по физике-то выиграли? По благу? При попадании молнии с самолетом ничего не будет, он же не заземлен!

Но его, похоже, никто не слушал. Молнии вокруг сверкали, гром гремел, турбулентность только усиливалась. С обедом расстались уже многие.

— Смотрите, Граница!

Да, это была она. По правому борту вдали мерцали голубые сполохи, похожие на северное сияние.

— А говорили, сплошная стена, — почти разочарованно протянул кто-то.

— Мы далековато, не вся проявилась.

Они все летели. Их все так же трясло и мотало. Пилоты напряженно вглядывались в темные тучи, выискивали просветы меж ними, ныряли то в один, то в другой. Самолет петлял, пытаясь прорваться сквозь непогоду, синие змейки стекали по стеклам почти непрерывно. Голубые сполохи по правому борту превратились в сплошную стену от земли и до неба, цвет ее то темнел, то светлел. Они наблюдали ее урывками, сквозь редкие просветы меж темных туч, потом она и вовсе скрылась в непроглядной тьме. А когда показалась вновь — была уже не голубой, фиолетово-синей.

— Нас сносит! — истошно завопил кто-то. — Нас несет к ней все ближе!

Самолет отчаянно пытался вырваться. Но гроза нещадно прижимала его к границе. Пассажиры испуганно следили, как фиолетово-синий сменялся зеленым — больного, мутного оттенка, скорее — гнилостно-болотным... А потом и неприятно желтым.

— Нет, — в ужасе шептала Аня, глядя в иллюминатор на приближение таинственной световой стены.

Они летели уже почти вплотную. Порыв ветра, правое крыло задевает Границу, отчего в том месте она окрашивается красным, вызывая вздох ужаса у пассажиров. Кажется, будто крыло горит. Или его обрезают гигантским световым ножом, и разлетаются в стороны сияющие красные искры. И с обрезанным крылом ему останется только падать, уходя в смертельное пики. Самолет пытается взять влево, отрывается от потока света, и Граница вновь окрашивается желтым, а крыло невредимо, все не более, чем оптический обман. Вздох облегчения, порыв ветра, и вновь крыло чертит красную полосу, уходя в световой поток все больше, больше. Еще одна попытка оторваться, и вновь удачная. Недолго. Еще один удар грома, порыв ветра — и они влетают в непроглядное красное море.

Гаснет свет. Замолкают, словно захлебнувшись двигатели. Прекращается тряска. Больше не слышно грома, не видно молний. Больше не видно и не слышно вообще ничего. Мир словно замер. И даже младенец больше не рыдал.

* * *

Чуть покачиваясь в мягком кресле, дежурный с любопытством наблюдал в мониторы за отчаянными попытками самолетика обойти грозу. Он бы обошел, но места для маневра не было. Самолетик пытался поднырнуть снизу, но там было не лучше. Вверх — нет, тоже без шансов, так высоко человеческие самолетики не летают. Коридор все сужался, грозовой фронт заставлял самолетик прижиматься все сильнее к Границе. Такая близость летчиков явно нервировала, они пару раз пытались уйти прямо в грозу, но шквалистый ветер мгновенно делал угол наклона судна столь критическим, что лишь мастерство пилотов спасало самолет от сваливания. И они вновь были вынуждены прижиматься к границе, надеясь пройти, проскользнуть по самому краю. Ну, грозу-то Граница не остановит, гроза

явно собралась к ним в гости, и явно с подарком.

Несчастный самолет давно уже был отсканирован, опознан как гражданский, вооружения на борту не имеющий. Зато имеющий пассажиров. Полный самолет пассажиров. Вместе с экипажем их сто двадцать семь.

Начальник базы был, разумеется, давно предупрежден о решивших прогуляться в столь опасной близости от их территорий. Зашел, взглянул на мониторы, и приказал ничего не предпринимать. Он сам был пилотом, он знал, как сурово порою небо. Мужество тех, кто отчаянно боролся со стихией, ему импонировало.

— Отключить все системы предварительного реагирования. Оставить только световое предупреждение. Минимальное проникновение разрешаю. Ну а влетят больше, чем на шестьдесят процентов корпуса — закон есть закон, мы сделали для них все, что могли.

— А дальше будем делать для себя, — позволил себе ремарку дежурный.

Начальник базы кивнул, и объявил боевую готовность. Все же давненько уже люди не присылали им столь вкусных подарочков. Боятся, наученные предыдущим опытом. Вот и дальше должны — бояться. А то, что такое, разлетались под самым носом. Сам факт видимости Границы их уже не пугает.

* * *

Самолет опускали медленно, двумя перехватчиками. Собственно, остановила чужеродный предмет сама Граница. Для того и установлена, а не только северным сиянием работать. Зафиксировала в пространстве, отключила связь и приборы, обнулила видимость иллюминаторов. И лишь затем подошли перехватчики и отбуксировали самолет на базу. База располагалась значительно южнее места пленения самолета. И пилотам, наверное, было бы жаль, узнай они, что так долго пробирались на север совершенно напрасно. Но, лишенные возможности отслеживать перемещение судна и визуально, и по приборам, они безуспешно пытались реанимировать хоть какие-то системы, не имея представления ни о происходящем, ни о своей дальнейшей судьбе. Твердо зная только одно: в эту страшную, непознаваемую Сибирю они все же влетели. Ну и, наверное, еще одно: они все еще живы. Но с последним совершенно не ясно, надолго ли.

Тьма, обступившая стекла кабины, исчезла внезапно. Неяркий свет ненастного дня ослепил, делая пилотов беспомощными еще на несколько мучительных секунд. И лишь затем они с удивлением, смешанным с ужасом, разглядели: самолет стоял на земле. На небольшой ровной площадке, со всех сторон окруженной горными пиками. На краю площадки возвышались строения, небольшие, ничем не примечательные. Примечательным было другое: самолет стоял, а они не чувствовали приземления. Они не чувствовали вообще никакого движения с тех пор, как самолет завис в красном мареве границы, будто в гигантской паутине.

— Викторыч, может это мираж? — обратился второй пилот к командиру.

— Ага, и вот эти — тоже?

К самолету подходили трое. Один впереди, двое чуть следом. В единой форме, которую, наверно, следовало принять за военную. Вот только оружия у подходивших не наблюдалось. Микрофона или рупора, впрочем, не наблюдалось тоже, но когда первый из подошедших заговорил, его слышали все. Каждое его слово.

— Внимание экипажа и пассажиров. Ваш самолет незаконно пересек границу независимого государства Сибирия, и был принудительно посажен на нашей военной базе. Для проведения переговоров о дальнейшей судьбе пассажиров и экипажа просьба командиру воздушного судна выйти из самолета.

Пилоты переглянулись.

— Пойдешь? — немного нервно поинтересовался второй пилот, еще довольно молодой, по-мальчишески стройный.

— А варианты? — КВС отодвинул кресло и встал, неторопливо оправляя китель. — Забаррикадироваться в самолете? И смысл, Вась? Самим нам отсюда не взлететь, вертикальному взлету не обучены. Судя по тому, как они нас посадили, нас столь же ловко и из самолета достанут, и в порошок сотрут. Лучше уж пытаться договориться, тем более, сами предлагают. Да и, — он взглянул на стоящих возле самолета, — рогов у них нет, хвостов тоже. И по-русски говорят прекрасно. Может, не настолько здесь все и плохо, как по телевизору рассказывают?

Он подмигнул Василию и вышел из кокпита. Чуть постоял возле выхода, затем решительно вытолкнул дверь наружу. Еще успел подумать, что трапов здесь точно нет, придется задействовать аварийный. И с изумлением увидел, как воздух у его ног уплотняется, образуя полупрозрачные, чуть подсвеченные зеленым ступени.

— Не бойтесь, они выдерживают любой вес, — доброжелательно сообщили ему с земли, и КВС решительно сделал первый шаг. Поздно уже бояться. Ошибка была его, ему и отвечать. Командир был уже не молод, под пятьдесят, давно уже не так строен, как в юности, и вес, который можно было бы назвать лишним, у него тоже имелся. Но воздушная лестница выдержала. Чуть заметно пружинила под его ногами и вела его прямо к стоящим на земле военным.

Они спокойно ждали его приближения — молодые, высокие, стройные, в серовато-синих обтягивающих комбинезонах. У старшего — несколько нашивок на груди, вероятно, обозначающих его статус. Лица европеоидные, ничем особо не примечательные. Разве что глаза скрыты непроницаемыми стеклами черных очков, как-то совсем не по погоде и не по уставу. И, совсем уж не по-военному, все трое имели весьма длинные волосы, собранные сзади в строгий хвост.

Представился:

— Командир воздушного судна Алексей Ковригин.

— Начальник пограничной базы «Запад» Сарминоратит ир го тэ Вэнэг, — сказано было очень спокойно, совсем не по-военному, без излишней жесткости или строгости в голосе. — Пойдемте, Алексей. Гроза, похоже, идет за вами, так стоит ли ее дожидаться? — говоривший сделал приглашающий жест в сторону жилых строений, и Ковригину осталось лишь проследовать в указанном направлении. Вопреки его ожиданиям, двое подчиненных Вэнэга за ними не пошли, остались возле самолета.

— Не беспокойтесь, внутрь они не зайдут, — заметив его взгляд, любезно пояснил местный начальник. — Всего лишь проконтролируют, чтоб и из самолета никто раньше времени не выбирался.

— Просто полагал, это мои конвоиры. Я ведь арестован? За незаконное пересечение границы?

— Формально — да. Но зачем нам греметь цепями? Пока предлагаю просто немного побеседовать. И о пересечении границы, и о погоде, и о последних веяниях мировой

авиации...

— Полагаете, вам, как представителю предполагаемого противника, я раскрою все наши военные тайны? — летчик просто шутил, «военных тайн» он не знал, к военным отношения не имел.

— Ну почему же «предполагаемого»? — чуть усмехнулся Вэнэг. — Вполне себе реального. Которого лучше не трогать, радуясь уже тому, что он не трогает вас.

— Нарушение вашей границы запланировано не было. Погода. Моя ошибка. У меня на борту дети и...

— В каждом рейсе есть дети, Алексей. У людей они рождаются часто. Что до всего остального, то сейчас вы сядете в мягкое кресло, и я буду знать об этом даже больше, чем вы.

* * *

Минут пятнадцать спустя, Ковригин с трудом мог заставить себя держать глаза открытыми. Голова раскалывалась от боли. Память удерживала лишь то, что он в это самое «мягкое кресло» сел. А потом... Было чувство, что его выворачивали наизнанку и обратно раз восемь без перерыва. При том, что реально к нему не притронулись и пальцем. Вэнэг всего лишь сидел напротив, в точно таком же кресле, и глядел на него непроницаемыми стеклами своих очков. Или нет, очки он все же снимал. Но вот дальше...

— Выпейте воды, Алексей, — Вэнэг, по-прежнему доброжелательный, вежливый и в очках, протянул пилоту стакан. — Я предложил бы вам чая, но увы, гостей мы не ждали. Я отдал указание привезти чай, да и еду из ближайшего городка, но на это потребуется время.

— Что это было? — Ковригин тер виски, пытаясь прийти в себя.

— Ну, видимо, допрос. С пристрастием, — начальник базы слегка пожал плечами. — Простите, Алексей, но подоплеку происшествия я должен был знать доподлинно. Даже если вам самому она неизвестна.

— На что вы намекаете?

— Да ведь вы и сами не мальчик, должны понимать. Вы могли влететь к нам случайно. Погода, ошибка в расчетах. А могли по заданию вашей разведки. Возможность проникновения на наши территории интересовала вашу (да и не только вашу) страну всегда, едва ли вам это не известно, — Вэнэг чуть потянулся в своем кресле и продолжил. — Это задание вам могли озвучить, и тогда ваши действия были бы вполне осознанными, а могли вложить прямо в мозг, и тогда вы и сами искренне не понимали бы, как такое могло случиться, что вы прилетели туда, куда не собирались.

— И что же вы выяснили? — в «тайное задание разведки» пилот не верил, а явного точно не было.

— Погода, Алексей. Всего лишь погода. И дети.

Последнее было сказано таким тоном, словно одна только мысль о полном самолете детей, стоящим посреди его базы, ввергала начальника в пучину головной боли, не менее сильной, чем терзала сейчас виски пилота.

— А скажите, господин Вэнэг, — сама мысль о том, что этот милейший молодой человек только что, не шевельнув и пальцем, ковырялся в его сознании, словно на старом чердаке, выискивая необходимые ему вещи, уже вызывала легкую дурноту, но надо было выяснить главное, — может ли установленный вами факт отсутствия злого умысла служить

смягчающим обстоятельством и как-то способствовать нашему возвращению на родину?

— Ир го тэ Вэнэг звучало бы правильней, — начальник сибирских пограничников встал, подошел к окну, полюбовался на самолет, застывший посреди вверенной ему базы. — И обращение «господин» у нас не используется. Принято говорить «светлейший». Обращение по имени с добавлением этого слова так же является и вежливым, и корректным, даже если младший обращается к старшему, а подчиненный к начальнику. Возможно, даже более вежливым, чем по фамилии.

— А если я обращаюсь к вам согласно вашим правилам вежливости, вы мне ответите?

Светлейший ир го тэ Вэнэг неторопливо вернулся и вновь сел в кресло напротив.

— Вы ведь сами знаете ответ, Алексей. Из Сибири не возвращаются. Никто. Никогда. Вне зависимости от причины.

Ковригин сглотнул. Светлейший был прав, именно этого ответа он ждал и боялся. И отчаянно надеялся не услышать. Ведь все же, несмотря на свои чудовищные методы добывания информации, начальник базы был весьма доброжелателен, комната, где они сидели, походила скорее на гостиную, нежели на камеру предварительного заключения, да и вокруг самолета никто с пулеметами не выстраивался.

— И что же нас ждет... здесь?

— Здесь пока что ждем мы, светлейший командир воздушного судна. Пока еще командир... Как все же красиво вы именуете свои самолеты, — начальник базы откинул голову на спинку кресла, помолчал, не то закрыв глаза, не то разглядывая потолок, кто его поймет за очками. Затем вновь взглянул на собеседника. — Принимать решение о вашей дальнейшей судьбе — не в моей компетенции. Мы ждем прибытия Верховного Куратора. Он уже извещен об инциденте, но ему понадобится еще часа два, а то и три, чтоб до нас добраться. А тем временем, нам привезут чай, и даже что-нибудь к чаю. И я смогу угостить и вас, и ваш экипаж, и даже пассажиров. Как голова, полегче?

— Можно сказать и так, — Ковригину казалось, что легче не будет уже никогда. Дома ждала жена. Заканчивала школу дочь. Лежал в коридоре, положив морду на его тапки, старый Джулька. Один взмах крыла. Одна маленькая ошибка в расчетах...

— Тогда идемте, надо успокоить ваших пассажиров. Паника на борту нам ни к чему, верно? Скажете им примерно следующее...

* * *

Паники не было. Была непроглядная тьма и липкий, вязкий страх. Страх мешал говорить, кричать, двигаться. Иногда казалось, что страх мешал даже дышать. Но они все еще дышали. А значит, жили.

Жили, несмотря на то, что оказались в этой страшной Сибири. Их не разметало на атомы при пересечении границы. И голос, что сообщил им об их местонахождении, был вполне человеческий. А больше не было ничего. Долго. Очень.

Потом загорелся свет. Слабый, словно на взлете или посадке, но после непроглядной тьмы и он был чудом. В проходе появился командир корабля и попросил минуту внимания.

— Как вы уже, наверное, слышали, наш самолет совершил вынужденную посадку на военной базе Сибири. При прохождении через грозовой фронт самолет получил ряд повреждений, поэтому взлететь мы пока не можем, — командир чуть заметно поморщился

от этой «не совсем, чтобы правды», но, признавая правоту светлейшего хозяина положения, вынужден был продолжить «успокаивать пассажиров». — Вопреки ожиданиям, представители местной власти встретили нас довольно дружелюбно. Нам была предоставлена помощь в устранении повреждений. Сейчас рассматривается вопрос о предоставлении гостиницы для пассажиров и экипажа на случай, если устранить поломку сходу не удастся. Кроме того, в течение ближайших двадцати минут нас обещали угостить местной выпечкой, а наши бортпроводницы с удовольствием нальют вам чая.

— Но, Алексей Викторович, — Татьяна, старший бортпроводник рейса, тихонько тронула его за локоть, — мы не сможем сделать чай, кухонное оборудование вышло из строя.

— Оно либо уже работает, либо заработает в течение пары минут, — успокоил ее Ковригин. И вновь обернулся к пассажирам. — Так же меня просили сообщить вам, что пока вопрос о нашем юридическом статусе в этом государстве решается, покидать самолет никому не позволят. Поэтому ближайшую пару часов придется, видимо, провести здесь.

— А почему ничего не видно в иллюминаторы? — в него тут же полетели вопросы.

— А мы правда стоим на земле?

— Ну вы же самолет покидали!

— А что там, вокруг?

— А вы видели монстров?

— А они правда люди?

— Нас всех убьют?! — самый громкий, самый надрывный.

* * *

Он появился и не через час, и не через два. Позже. Много позже. И чай был весь выпит и булочки съедены. И попы нещадно болели от бесконечного сидения, и языки — от бесконечного выдвигания версий их дальнейшей судьбы. Кто-то даже спал, хотя — удивительно, как мог этот «кто-то» иметь столь крепкие нервы.

До него никто из местных в самолет не поднимался. И версий на тему, как выглядят эти самые «местные» выдвинуто было немало. А он — молодой, высокий, черноволосый, в самом обычном костюме и при галстукe — был как-то слишком уж прозаичен, его и заметили-то не сразу. Однако именно от него пришло, наконец, разрешение, покинуть ненавистный самолет. Правда, пока не всем.

— Ситуация, в которую вы попали, не простая, — спокойно пояснил он измученным ожиданием пассажирам. — А потому мы поступим следующим образом. Сейчас все взрослые совершеннолетние пассажиры приглашаются на информационное собрание, которое состоится в помещении местной военной базы. Там мы подробно обсудим с вами сложившуюся ситуацию, а затем вы сами уже решите, что и в какой форме вы будете рассказывать своим детям. Прошу на выход.

«Дети», особенно старшего возраста, недовольно зашумели:

— Почему только им? Говорите всем! Мы тоже имеем право на полноту информации!

— На что вы имеете право, знают ваши опекуны, или те, кто временно выполняет эти обязанности, — спокойно возразил черноволосый. — Я ваших законов не знаю, и решать за ваших руководителей не намерен. Поэтому пока — будет так, как я сказал. Пожалуйста, взрослые, выходим, не задерживаем остальных.

Взрослые ушли. Дети остались. К счастью, на этот раз ждали недолго. Уже минут через десять в салон вошла стюардесса, и пригласила на выход подростков шестнадцати и семнадцати лет. По ее словам, местные власти предоставляли для ожидания гостиницу. Вообще, это было странно. За прошедшие минуты никакого собрания провести бы никто не успел, решения принять, основываясь на полученной информации — тем более. И вообще, на выход, прежде всего, следовало бы отправлять малышей, им сидеть и ждать сложнее...

Но взрослых не было. А подростки указанной возрастной группы радостно спешили покинуть самолет.

* * *

— И все же я вынужден настаивать, Владыка, — в голосе говорившего мешались почтительность и непреклонность.

— А скажи ты мне честно, Риньер, вот лично тебе — оно зачем? — удобно откинувшись в кресле, Владыка протер глаза. Все же в очках они уставали. Или дело тут было не в очках. Ведь раньше он носил их практически целыми днями. А теперь... А теперь, видно, спать надо было чуть больше, чем пара часов в сутки. Но днем у него были дела. А ночью... А ночью дела были тоже.

И вот теперь уже вечер, а он рассчитывал попасть домой до заката, летние ночи и без того слишком коротки. Надо уже заканчивать эту эпопею с очередным заблудшим самолетом. Но подчиненные сегодня просто в ударе. Они бы такое рвение по делу проявляли. А то такая инициативность, словно, бедные, от скуки маются, чем и занять себя не знают.

— Вот лично мне... — говоривший задумался. — Лично мне их всего лишь жаль, Владыка. Они дети, и они заслуживают хотя бы шанс... Хотя бы завершить свое детство.

— Все дети остались в самолете, куратор, — в голосе Владыки сквозило явное раздражение. — И в течение получаса отправятся в аэропорт назначения с призами и подарками. Что само по себе не здорово, потому как этот акт доброй воли люди сочтут не более, чем слабостью. И дальше мы будем вынимать из «паутины» случайно залетевшие туда самолеты, на шпигованные детьми и всевозможными приборами слежения, по две штуки в неделю. А скорее всего и по три. И тогда эти самолеты-шпионы нам придется взрывать прямо на границе. И прямо вместе с детьми. И вы будете сидеть и шептать по углам, что Владыка слишком жесток, или слишком безумен.

— Я все понимаю, Владыка, но все же шестнадцать... Это слишком мало, чтоб считаться взрослым. Мы сами создавали эту страну, и сами создавали свои принципы, свои основы морали в отношении с людьми. И сами объявили, что до восемнадцати мы не трогаем. И если теперь мы будем отходить... вот совсем немного, по шажку... завтра мы сочтем, что и десять — вполне приемлемо.

— Если этого потребует выживание нас, как вида, то и сочтем. А пассажиры вражеского самолета гражданами Страны Людей не являются, и, соответственно, гражданскими правами не обладают. Что же до возраста — им повезло, что в основном там летели старшие школьники, иначе я снял бы и тех, кто младше. Но пятьдесят человек из ста тридцати можно и оставить. Надеюсь, на западе впечатлятся. Ладно, все, — Владыка решительно встал. — Сарминоратит, подберите, кто из ваших пилотов сопроводит самолет

до места назначения. Человеческого летчика одного оставьте, пусть связывается с местными диспетчерами, незачем нам изучать их позывные. По прибытии в аэропорт перережьте горло. За отличную работу вашей базы я готов передать вам в пользование пятнадцать пленников, можете выбрать на свой вкус, согласуйте только с Риниеритином, его проект в приоритете.

Начальник базы кивнул и поспешно вышел.

— То есть проект ты все же мне разрешаешь? — в отсутствии посторонних они давно уже перешли на «ты». В конце концов, не только на приемах встречаются. И если бы вызов с границы не застал их обоих за дружеской партией в тарго, Владыка на базе и вовсе б не появился. Полномочий у Риниеритина было более чем достаточно, чтоб разобраться в возникшем вопросе. Но Владыка порой любил — по старой памяти — вникать в дела Верховного Куратора слишком уж пристально. Порой это бывало на пользу. Сейчас — связывало руки.

— Попробуй, — повернувшись к окну, Владыка наблюдал, как подростки выходят из самолета. Как дивятся неведомой лестнице, предложенной им вместо трапа. Как рассматривают окружающие их горы. — Я не очень-то верю в результат, скажу тебе честно. Либо сгорят от ментального воздействия, либо просто не смогут принять условия местной жизни. И мы получим весь букет от суицидов до попыток революционного восстания.

— Значит, буду тестировать особенно тщательно. И брать в группу лишь тех, кто потенциально способен выжить и приспособиться. Думаю, человек двадцать я наберу легко.

— Двадцать? — Владыка чуть вздернул бровь. — Вы поумерили бы аппетиты, Верховный. Ресурс не бесконечен. Мне из этой партии еще за преданную службу награждать, за выслугу лет, за успехи в развитии отрасли. Сам знаешь, какой у нас нынче год — юбилей на юбилее. На столь малоперспективный проект я готов дать разве что десять.

— Да перспективы-то как раз замечательные, Анхенаридит. Если мне удастся приживить их к местному обществу, мы сможем рассматривать подобную практику как один из способов пополнения...

— Да-да, ты уже рассказывал. Но больше десяти я дать не могу, они, знаешь ли, и по прямому назначению требуются. Хочешь — могу снять с этого рейса еще пятнадцатилетних, их там как раз двенадцать человек, отдам всех тебе.

— Вот эти точно уже сгорят. Все до единого. Так что оставь их. Пусть себе летят, они же дети, — Верховный тоже подошел к окну, взглянул на самолет, на подростков, недоуменно озирающихся по сторонам. Что им там наобещали, автобусы? Ну, еще не долетели. — А что до наград — да возьми ты диких, награждай стадами, совсем не обязательно абсолютно всем делать столь экзотические подарки.

— То есть подарок я должен сделать исключительно тебе? — сарказма Владыка не скрывал.

— Не исключительно, Владыка, как можно, — Риньер старательно изобразил испуг и тут же лукаво улыбнулся. — Но вот... ваш небольшой проигрыш за такой подарок я мог бы легко забыть.

— А вот это уже шантаж, куратор, — предложение Владыку развеселило.

— Это подкуп, — мягко согласился Риниеритин, и продолжил уже серьезно. — Анхен, ну они же все умные, талантливые, нам в стране нужны такие. Ну зачем же их просто на еду?

— Ладно, пятнадцать и ни человеком больше. Итоговые списки должны быть у меня на столе в течение получаса. Надеюсь, времени тебе хватит.

День первый

Странные они составляли списки. Не по алфавиту, не по регионам, не по возрасту. И даже не по той очередности, в которой кровь сдавали. Странно, что они вообще эти списки составляли. И проверяли соответствие по паспортам. Ведь, казалось бы, не все ли им тут равно, кто в какой гостинице переночует. Но вон подружки хотели поменяться, чтоб вместе поехать, и даже нашли, с кем, договорились, но им не разрешили. Вежливо, с улыбкой, и аргумент убойный — «уже завтра встретитесь», но не разрешили.

А если уже завтра, то какой смысл в этих списках? К чему так строго следить, кто и где переночует? Да, понятно, что их не ждали, и что разместить сотню человек в одном месте просто не реально, но к чему столько формальностей?

Ринат отшутился, что Бюрократия — это второе имя Сибири, и нет в их стране монстра страшнее, а с монстрами, как известно, проще не связываться. Но Ринат ушел, уехал с первой группой, а Аня, как оказалось, попала во вторую.

Это было, понятно, не так уж важно, кто в какой. Просто Ринат ей понравился. Он был такой открытый, доброжелательный, веселый. С трудом верилось, что он какой-то большой начальник. Все время шутил, о чем-то с интересом расспрашивал, сам охотно отвечал на вопросы. И к нему тянулись, с ним хотелось общаться. В его обществе было комфортно и как-то уже совсем не страшно. Не страшно, что они попали в жуткую Сибирю. Не страшно, что самолет сломан, и продолжить полет им пока весьма проблематично. Не страшно, что их сейчас разделят на небольшие группы и увезут в неизвестность. Даже усталость особо не ощущалась.

А потом он ушел, и словно маленькое солнце погасло. Остались томительные минуты ожидания, зависть к тем, кого он увез с собой, и непонятная ей самой, едва ощутимая обида: «а меня — не взял». Обида была глупой, Аня понимала. Ведь в первых рядах тех, кто жаждал поболтать с Ринатом, она не толкалась, в беседе участия не принимала. Он, правда, сам подошел однажды, спросил о чем-то абстрактном. Но как-то слишком уж неожиданно. Смугил. Блеснуть остроумием или эрудированностью не вышло. И беседу он продолжил с другими. С другими и уехал.

А они ждали еще полчаса, пока появились следующие автобусы. И следующие списки. Во второй группе было всего семь человек, и Аню назвали первой. Видимо потому, что Бочарова — на Бэ, а на А никого не было... То есть внутри каждой группы все же по алфавиту?

Автобус был странный, меньше маршрутки. Невысокий и... и колес у него не было! Им открыли заднюю дверь и предложили садиться. Но сидений там не было тоже! Пол, правда, был чистый и обит чем-то вроде ковровина. Вот только привычки сидеть на полу в транспорте... Придется, видимо, вырабатывать. Потому что тот местный, что сопровождал их до «автобуса», на Рината походил разве что собранными в хвост длинными волосами, да непроницаемыми очками, скрывавшими глаза. А вот улыбаться он никому не собирался. Или объяснять хоть что-то. И даже сомнений не возникало, что приказ отвезти неожиданных гостей в гостиницу от чего-то важного его отвлекает.

Он прикрикнул, понуждая их поторопиться, они послушно сделали, что велено. Дверь закрылась, и они... взлетели. Окон в салоне не было, ни одного. Но это неприятное ощущение, схожее с чувством, которое возникает при подъеме на скоростном лифте, спутать

было сложно.

Впрочем, со скоростными лифтами были знакомы не все, поэтому панический вопль: «что это?!» безжалостно ударил по ушам.

— Взлетаем, — спокойно ответил мальчишка, сидевший слева. — О, вот уже ровно полетели, — добавил он, прислушавшись к изменившимся ощущениям.

— Какое «взлетаем», они же говорили — автобус? — кричавшая девчонка теперь явственно стучала зубами.

— Ну так может у них автобусы только летающие бывают, вот и уточнять не стали. Вы ж видели, какая тут техника? Нашим и не снилось. Чтоб так посадить самолет... А нап «автобус»? Ни крыльев, ни винта — вообще флаер, как в фантастике. И двигателя не слышно... — парень, похоже, был просто в восторге от местных технологий. Аню радовало разве что наличие света в тесном, лишенном окон салоне. Мягкий, неяркий свет словно шел из стен, а может, струился сквозь стены, позволяя видеть лица собеседников, у кого усталые и испуганные, а у кого и откровенно восторженные. Вот как у этого светловолосого парня, любителя иноземной техники.

— Как думаете, они самолет починят? — подала голос еще одна девчонка.

— С таким-то развитием техники? Да легко. Еще и усовершенствуют, чтоб меньше ломался, — светловолосый не сомневался ни секунды.

— С чего бы это им? Это ж Сибиря, они за все свое существование ни разу на контакт-то не пошли, не то, что технологиями не поделились, — разделить его уверенность спешили не все.

— Да они просто механизмов у себя не найдут таких примитивных, вот и поставят взамен свой какой, чтоб меньше возиться.

— А они нас точно отпустят? — черноволосая девочка, нервно обнимающая обтянутые джинсами колени, произнесла вопрос почти шепотом, но услышали все. И нервно сглотнули тоже, наверное, все. Потому как все это хорошо — и про помощь в починке самолета, и про гостиницу, и про «дорогие гости», но это Сибиря, а отсюда еще никто не возвращался.

— Ну, раз сами пообещали... Их за язык-то никто не тянул, — вот только любитель техники ни в чем не сомневался. — Могли бы пленниками объявить. Или вообще взорвать всех прямо в воздухе. И никто б им не помешал. Значит, оно им не надо. Может, они вообще решили с нашими в диалог вступить. Ну а мы, вроде как — жест доброй воли: мы вам ваш самолет в целостности и сохранности, а вы с нами мирный договор и взаимовыгодное сотрудничество.

— И нафига мы им сдались, с их супертехнологиями?

— Да кто ж разберет? Может, самоизоляция надоела, а может, у них ресурсов каких не хватает, природных ископаемых там всяких. А задружиться все никак повода не возникало. Наши ж их бояться до жути. А тут мы вернемся, всем расскажем: да все у них там здорово, нормальные люди...

— Кажется, снижаемся...

Снижение больше напоминало падение. Причем свободное. Потому что днище «автобуса» на немыслимой скорости уходило вниз, а их тела за ним не поспевали. Нет, они еще не отрывались от пола, но чувство, что вот-вот оторвутся и врежутся в потолок, их не оставляло.

Перепуганный визг на несколько голосов. Внезапная резкая остановка, от которой

тошнота подкатывает к горлу. И тишина. Минута, другая.

Задняя дверца бесшумно откидывается вверх. Они приподнимаются, готовясь покинуть «автобус», но стоящий у выхода хвостатый, тот самый, что был, видимо, ответственный за их перевозку, обрывает их коротким и небрежным:

— Сидите на месте.

Сам он на них даже не смотрит, а вот стоящая рядом молодая женщина разглядывает прилетевших с явным интересом. Она тоже носит очки, а волосы у нее короткие, пышные, чуть спутанные ветром. Длинное, до пола, кремовое платье необычного покроя, видимо, форменная одежда служащей гостиницы, развевается на холодном ветру. Вместе с порывами ветра холод проникает и в салон.

А женщина улыбается:

— Ну, здравствуйте, путешественники. Летать не надоело еще?

Ей улыбаются в ответ. На этой шутке как бы да, хватит.

— Ребят, мне нужен один человек для помощи в одном крайне нелегком деле. Найдется среди вас рыцарь?

Рыцарем вызвался быть светловолосый любитель техники. Едва он вылез, дверь стала закрываться.

— А мы?

— Ждите, — это уже их нелюдимый сопровождающий.

Ждали. Минут пять, не больше. А потом «автобус» стремительно взмыл вверх. Еще один перелет, еще одна остановка. Возле двери кроме их сопровождающего еще один хвостатый абориген, только не в комбинезоне, являющемся, по-видимому, военной формой, а в костюме, подобном тому, что был на Ринате. Чиновник? И в руках какие-то документы.

— Так, ребята, давайте знакомиться, — бодро начинает он. — Кто тут у нас... — взгляд в бумаги, — ... Бочарова Анна?

— Я, — не всегда приятно быть первой по списку. Взгляд местного чиновника, хоть и скрытый традиционными черными очками, вызывает тягостное чувство. Ане кажется, что она ощущает его физически, как прикосновение. И этот взгляд ощупывает ее лицо, фигуру... И, наконец, вновь утыкается в бумаги.

— Ведерникова Дарья.

И вот уже Даша замирает под его взглядом, словно кролик перед удавом. Пара секунд превращаются в вечность.

— Джаниева Гаяна.

— Гаянэ, — робко поправляет его девушка.

— Гаянэ-э? — тянет мужчина чуть насмешливо, не отводя пристального взгляда от очередной жертвы своего повышенного внимания. — А в документах Гаяна. Напутали. У нас таких имен нет. Да и внешность у тебя... необычная, — кончик его языка мечтательно скользит по верхней губе. — А давай-ка ты, Гаянэ-Гаяна, своей рукой мне тут правильно напишешь. Вылезай.

Она послушно выбирается наружу.

— Идем, тут удобней будет, — они скрываются из вида, и только голос мужчины еще доносится. — Вот здесь, разборчиво и по буквам: фамилия, имя. Чтоб не было у нас разночтений...

Дверца захлопывается. Они ждут, напряженно прислушиваясь... И ничего больше не слыша. А «автобус» вновь взмывает в воздух.

— Это не гостиница, — Даша почти плачет. — Что угодно, только не гостиница.

— Надо не выходить, — предлагает молчавший до того парень. — Или выходить только всем вместе. Они же обещали поселить нас всех вместе, а сами...

— Да пусть объяснит, что вообще происходит, — Анина соседка справа решительно привстает и стучит в перегородку, отделяющую их от водителя. — Эй, зачем вы оставили тех ребят? Почему высаживаете по одному? Куда вы вообще нас везете?!

— В гостиницу, — перегородка отдергивается, их сопровождающий, оказавшийся еще и пилотом, смотрит на девочку, словно на таракана. — Сядь, помолчи. Мешаешь.

Девочка садится, буквально падает на свое место и больше не произносит ни слова. Остальные тоже молчат, испуганные, подавленные.

Остановка. И еще один хвостатый мужчина с пилотом. Вот только пилот в этот раз не безмолвствует.

— Вот, прекрасный экземпляр, — ловко нагнувшись, хватая за предплечье девочку, что посмела требовать у него ответа и выволакивает наружу. Дверца закрывается, но они еще успевают услышать, — а вы посмотрите, какие уникальные характеристики. Для ее возраста...

Они опять улетают.

— И как же «все вместе»? — растерянно спрашивает Аня.

Мальчишки молчат. И только Даша — жалобно, растерянно:

— Ноги не идут...

Аня только кивает. Страшно. Безумно страшно.

Еще посадки, высадки, взлеты... Их остается двое. Забрали Дашу, забрали мальчика, чьего имени Аня так и не узнала. А у последнего решила все же спросить:

— А тебя как зовут?

— Никита. А ты Аня, да?

— Да.

Помолчали.

— Вот и все, Ань, — негромко заговорил Никита. — Открывается дверь... Одного из нас просят выйти подышать кислородом... И мы никогда больше не увидимся...

— Нет, — она уже понимает, что да, но признать это еще не готова. — Нет, увидимся, завтра, они же обещали. Или послезавтра, ну, когда самолет починят...

— Из Сибири не возвращаются, — он тихонько качает головой. — Они просто на стали сеять панику... А сами... похоже, по хозяевам раздают. Заметила — мужчины девочек берут, женщины мальчиков?.. В личную собственность, точно... А что у них тут принято делать с пленниками, можно только догадываться. Не зря про них столько слухов ходит...

— Перестань. Слухи ходят от незнания. Вот и ты ничего не знаешь, и сеешь панику, — Ане от всего происходящего и так было жутко, а слова Никиты слишком походили на правду. Ту страшную правду, в которую до последнего не хочется верить, которую напрочь опровергали слова Рината... Но слова Рината оказались просто словами: то, в чем их везли, не было автобусом, а места, где оставляли, не были гостиницами. А из Сибири еще никто и никогда не возвращался. — И при чем здесь — мужчина, женщина? Совпало просто...

— Совпало, конечно, — он невесело усмехается. — И лучше даже не думать, с чего б.

— Ерунда все это, — она решительно тряхнула короткими волосами. — Нет у них мест в гостиницах, вот, в частном секторе и селят. Кто взять согласился.

— Ты новости когда-нибудь смотрела? Про аварии и стихийные бедствия?

Пострадавших селят компактно и не по гостиницам — в спортзалах ближайших школ и подобных спешно оборудованных местах. Мы здесь иностранцы, чужаки, у них строжайше закрытое государство — какой частный сектор? Какое распыление по одному? Ты хоть представляешь, какие расстояния мы между посадками пролетаем?

— Но у них же... другая техника... технологии... и представления, наверно, другие — и о расстояниях, и о том, где иностранцев селить, — она отчаянно ищет доводы против его предположений. — Мы их не понимаем просто... А рабство — это... оно в слаборазвитых странах бывает, а здесь ты же сам видишь... — голос срывается и она бессильно закрывает лицо руками.

— Держись, — он неловко касается ее предплечья. — Слезы здесь не помогут, точно.

— А что поможет?

— Не знаю... Ну, давай загадаем, хочешь? Если мы с тобой еще встретимся, то все обязательно хорошо у нас будет. И домой мы вернемся...

— Мы встретимся, обязательно, — она опускает руки, и упрямый огонек надежды загорается в глубине ее глаз. — Уже завтра. И домой полетим. Ну, не домой, в Пермь. Хотя, я не представляю, как я после всего буду физику решать...

Их транспорт вновь пошел на посадку. И говорить стало невозможно не только из-за неприятных ощущений. Один из них прилетел. И уже через пару минут узнает, что же случается, когда остаешься один на один с этим чужим и чуждым миром. Солгал ли Ринат... Прав ли Никита... И было ли совпадением то, что девочек забирали мужчины...

Остановились. И дверца привычно начала подниматься. Они ждали, не отрывая взглядов от двери. Мужчина или женщина. За ним или за ней...

Дверца, наконец, открылась. Мужчина.

Анино сердце ухнуло куда-то вниз, отказавшись биться, рот наполнился вязкой слюной, и никак не выходит вспомнить, а как же, собственно, глотать. Сквозь шум в ушах едва расслышала негромкое:

— Идем.

Он даже протянул ей руку. И был, кажется, вполне доброжелателен. Но они все были доброжелательны. Все что-то говорили и куда-то звали. И каждый по отдельности был вполне убедителен. Но все вместе... Никита прав, говорят что угодно, лишь бы не сеять панику. А этот даже предлог придумывать поленился, зачем она с ним идти должна.

Ждет. Лица против яркого уличного света не разглядеть толком, только эти их очки, да волосы, стянутые сзади. Даже не разобрать, светлые у него волосы или темные. Или это у нее в глазах все плывет?

— Не бойся, — спокойно, ласково.

Она не боялась, она... просто шевельнуться не получалось.

И тут ее словно толкнуло в сторону выхода. Она выскочила наружу, даже не коснувшись предложенной руки. И замерла возле мужчин, не в силах сделать больше ни шага. Лишь побелевшие от напряжения пальцы отчаянно цеплялись за ремешок висящей на плече сумки.

— Зачем? — укоризненно поинтересовался вновь появившийся у пилота.

— Да не до утра же мне с ними копошиться? — тот лишь неприязненно передернул плечами. — Мне последний адрес знаешь, где дали? Айтенгой. Только представь, сколько мне оттуда до базы добираться! А на базе, между прочим, ужин... ждать не станет. Разберут всех лучших, покуда я тут каждому буду сопли вытирать. Идем, подпишешь мне документы на получение.

На Анины плечи лег пиджак. И только ощутив кожей его нагретую мужским телом подкладку, она осознала, насколько замерзла. И что зубы стучат, а плечи ходуном ходят. Поверх пиджака легли руки, обнимая ее бережно, словно хрупкую статуэтку. А ей показалось, что ударило током. Пронзило насквозь, заставив вздрогнуть...

— Так холодно или так страшно? — голос у того, кому предстояло расписаться в ее получении, был приятный — негромкий, бархатистый. Ей даже нотки сочувствия в его вопросе послышались.

— Н-не знаю, — а вот руки его прожигали, даже сквозь пиджак, и это было некомфортно. Аня дернулась, вырываясь.

— Ну что ты, я ж пытаюсь согреть, — его ладони легко заскользили по ее предплечьям, удерживая, успокаивая.

— Н-не надо.

Он отстранился. Тем более что пилот протянул ему какие-то документы.

— Здесь имя, число, подпись, что получил... Так, ну это стандартный... вверху полное имя... ее данные уже вписаны. Позови, пусть распишется.

— Аня... — Аня...

Она стояла рядом, но словно не с ними. Она их слышала и, наверное, даже видела, но едва ли отчетливо осознавала происходящее. Страх клубился над ней, словно черный удушливый дым, она дрожала крупной дрожью, слишком маленькая и щуплая под его большим пиджаком. Едва держалась на ногах от усталости — не только физической, но и моральной, от этой бесконечно длящейся пытки неизвестностью и страхом.

— Аня, надо написать свое имя — вот здесь, полностью, — он вновь коснулся ее предплечья, привлекая внимание. Она снова вздрогнула, но хоть отмерла и попыталась сфокусироваться на его словах.

— Красиво и по буквам? — что-то такое сегодня уже предлагали. Не ей, но кому-то из тех, кого забрали раньше.

— Можно некрасиво. Главное — за границы вот этого светящегося прямоугольника не выходи, — он вложил ей в руку ручку.

Прикосновение вновь обожгло. А от ручки стало больно пальцам. Но она все же вывела, почти не задумываясь, «Бочарова Анна». Читать, что написано выше, она даже не пыталась. В ушах шумело, перед глазами все расплывалось... Он забрал у нее ручку и написал несколько длинных и совершенно нечитаемых слов в той же светящейся графе, прямо под ее именем. В словах было множество завитушек, которыми он, словно нитью, связывал ее буквы со своими. Нарочно связывал, старательно наезжая на каждую букву ее имени. А ей становилось все труднее дышать, с каждым росчерком этой ручки, и в конце она едва не упала, да он успел подхватить.

— Ну что ты, Анечка, все хорошо будет, не бойся.

— Д-да...

Он вновь прижимал ее к себе, удерживая одной рукой, в то время как другой расписывался за что-то еще, получал свои экземпляры документов... А она не могла уже разобрать, это нервная дрожь так волнами прокатывается по ее телу, или прикосновения незнакомца, обнимающего ее так по-свойски, действуют на нее столь электризирующе. Но даже попытаться отстраниться сил уже не было.

— И что я сейчас подписала? Брачный контракт или согласие на пожизненное рабство? — мрачные предположения Никиты, все эти его намеки на «мужчина-девочка», две

подписи, связанные в одну... Неизвестность становилась невыносимой. Она хотела пошутить — чтоб все рассмеялись и сказали, что у нее безудержная фантазия... Вот только пилот усмехнулся так гаденько, а тот, с кем ей предстояло остаться, чуть сжал ее плечо, словно успокаивая, и пообещал:

— Я сейчас объясню, Анют. Дай мы только машину отпустим, чтоб никого не задерживать... Так, погоди, — это уже пилоту, закрывающему папку с оставшимися у него документами. — А почему здесь год рождения стоит 93-ий? Он максимум 91-м может быть.

— В каком родилась, такой и стоит, — тот даже вникать не стал.

— Анют, ты в каком году родилась?

— В 85-ом.

— Анют... — мягко так. И с большими сомнениями в ее сохранившемся разуме. Но почти сразу сообразил, — ах, да, у вас же летоисчисление другое! Прости, забыл совсем. Вот, видимо, при переводе и напутали, — он улыбнулся, что все так легко разрешилось, но все же решил уточнить. — Давай так: полных лет тебе сколько?

— Шестнадцать.

Не напутали. Рука, поддерживающая ее, опустилась рефлекторно, он и сам не заметил, как отступил от ребенка на пару шагов, впервые внимательно вглядываясь в ее лицо. Юная. Не просто щупленькая или мелкая. Именно юная. В глаза не бросается, но если взглянуть чуть пристальней... На улице он бы к такой не подошел.

— И давно тебе шестнадцать?

— Недели три.

Ну да, тут же стоят число и месяц. Видно, хотелось услышать, чтоб как-то сей факт осознать. В немом изумлении он перевел взгляд на посыльного.

— А тебя не предупредили разве? Вся партия такая. Указом Владыки признаны совершеннолетними. Да не грузись, ты посмотри, там коэффициент сопротивления какой! — поспешил уточнить, чувствуя, что в клиенте растет отторжение. Еще откажется, а ему по новому адресу вези? Ну уж нет! — У всех до единого выше восьмидесяти, отборные! Ты таких в своем городе днем с огнем искать будешь, даже взрослых!

Он послушно взглянул, куда указали. «Коэффициент сопротивления ментальному воздействию — 94 %». Почти абсолют. Здесь посланец Владыки прав, редкость страшная. За такую секретаршу любой куратор удавится, это ж сколько она проработать сможет!.. Но ему не нужна секретарша, да и в любом случае — шестнадцать лет...

— Радоваться должен — такая экзотика, да в личное пользование! Нам вон мало того, что на всех, да еще и малолетки ни одной не досталось. Все, бывай, улетел.

Улетел. Она немного заторможено смотрела, как странный летательный аппарат, представленный их группе как автобус, взмывает ввысь и скрывается в облаках. Он по-прежнему вчитывался в бумаги, подписанные им не глядя. Первый документ и впрямь был стандартным: кровь, плоть, жизнь. Никаких ограничений, связанных с возрастом. Никаких оговорок. Зато имелось приложение — данные психо-биохимической экспертизы. Той самой, что выявила сказочные 94 %. Помимо прочего, здесь значилось: «способность к социальной адаптации — значительно выше среднего, склонность к суициду отсутствует». И это было, несомненно, неплохо, давая ребенку шансы, несмотря на весьма критический возраст. Правда, был и второй документ, и на нем подпись девочки уже не требовалась. Такие документы по эту сторону Бездны вообще хождения не имели. И по самой своей сути были несовместимы с документом первым. Бред. Бред и абсурд, но... значит, на его

усмотрение!

«Автобус» скрылся из виду, а Аня так и стояла, бессмысленно разглядывая облака. Потом все же опустила взгляд вниз. И увидела город. Впервые, до этого не замечала.

Не замечала, что высадили ее на крыше здания. Высокого, но не небоскреба. Этажей восемь... десять... может, чуть больше. Что вокруг множество подобных домов, ничем особо не примечательных, просто многоэтажки. Типовые, панельные. Стоят в строгом порядке, образуя кварталы, разделенные широкими улицами. По улицам ездят машины, вполне привычного вида, и даже автобусы. Настоящие автобусы, на колесах. По тротуарам, полускрытым раскидистыми кронами деревьев, спешат куда-то люди.

— Город Чернометск. Самый обычный, человеческий, — она и не заметила, как он снова оказался рядом. Послушно кивнула — да, город на вид вполне обычный. Вот только название, в котором фигурировало слово «черный», кольнуло сердце нехорошим предчувствием. Черный город за Темными горами. Город, где она сгинет. Как сгнули уже все, кто совсем недавно был рядом. Целый самолет. Огромная толпа. И вот никого уже нет. Одна. И чужой человек, имеющий на нее какие-то права, за спиной.

— Не дрожи ты так. Черной-черной ночью черные-черные монстры здесь не бродят, правда, — он к ней не прикасался, но стоял так близко, что она все равно его чувствовала. Непонятно как — но ощущала. — Я слышал, такие сказки про нас рассказывают по вашу сторону гор. А вот у нас они не в моде. «Черный» город благодаря развитию здесь черной металлургии, всего лишь. Никакой мистики. Да и то, вся «чернота» в название ушла, а город, ты же видишь, зеленый... Градообразующее предприятие — Чернометский металлургический комбинат, есть несколько крупных предприятий тяжелого машиностроения, химической промышленности. Ну и много чего по мелочи. Третий по величине город... этой страны, крупнейший промышленный центр, — не решаясь прикоснуться, он пытался успокоить ее словами. Много-много спокойных рассудительных слов. И может, она перестанет так дрожать. — Живут в нем люди. Самые обычные, такие же, как ты. И у них есть школы, больницы, научные и учебные институты, театры, библиотеки, стадионы, выставочные залы... Как и в любом городе мира. Ничего страшного. Просто люди. Просто город. Сегодня, наверное, отдохнешь, а завтра пойдем с тобой по нему гулять.

— А Вы? — город был там, внизу. И пугающего в нем, кроме названия, и впрямь ничего не было. А вот он стоял прямо за ее спиной, и держал в руках документы, определяющие ее судьбу.

— А я с сегодняшнего дня официально назначен твоим опекуном. Кстати, мы ведь так и не познакомились. Меня зовут Аршезаридор... Ну, ты хоть посмотри на меня, я тоже не страшный, правда.

Она обернулась. Хотя смотреть на него почему-то было действительно страшно. Уперлась взглядом в его грудь. Заставила себя поднять голову и взглянуть в лицо.

Высокий лоб, мягко очерченные скулы, чуть больше, чем следовало бы, заостренный подбородок. Прямой нос, чуть припухшие губы... и глаза, скрытые черными стеклами очков.

— А вы здесь всегда в очках ходите? — нерешительно поинтересовалась. — Это правило такое?

— Есть несколько правил, — он мягко улыбнулся. — Но на нас с тобой они уже не распространяются.

Протянул руку и снял очки. А ее словно воздушной волной ударило. Она чуть

отшатнулась, сбиваясь с дыхания, и тут же смущенно отвернулась, не выдержав его взгляда.

Глаза у него были красивые — большие, миндалевидные, в обрамлении густых ресниц. Вот только от взгляда этих глаз у нее словно вся кровь к лицу прилиwała и... дискомфортно, очень, еще хуже, чем когда он ее обнимал.

— Ничего, Анют, ты привыкнешь, — он опять улыбнулся, скрывая улыбкой горечь. Привыкнет она быстро. Слишком быстро. Несмотря на все свои 94 %. — Идем домой, ты совсем замерзла.

— Домой? — она нервно сглотнула. — К Вам?

— К нам с тобой. Как я уже сказал, я назначен твоим опекуном. Так что мой дом — твой дом. Отныне и навек.

— Почему навек? Зачем? Мне же только переночевать. До завтра. А потом самолет починят... — она пятилась от него и той модели реальности, которую предполагали его слова. Да, все к этому шло и все на это указывало, но она до последнего надеялась, что она не так поняла, что все как-нибудь объяснится...

— Разве ваш транспорт сломан? — он не пытался ее преследовать. Удивился только.

— Так нам сказали. А разве нет?

— Не знаю. Мне так и этого не сказали. Как и многого другого, впрочем, — он чуть поджал губы, похоже, не слишком довольный ситуацией. Но тут же вновь взял себя в руки. — Анют. Ты замерзла. Устала. Идем домой. Сядешь в уютное кресло, расскажешь мне все, что знаешь. А я расскажу все, что знаю я. Там обычная типовая человеческая квартира. Ничего страшного, ни монстров, ни привидений. Идем.

Она глубоко вздохнула, соглашаясь. Он открыл дверь на лестницу, предлагая войти.

Вошла. По лестнице спустились в небольшой коридор. Дверь справа была обычная, деревянная, даже без замка.

— Моя спальня, — кивнул он на нее. — Тебя туда не зову и даже на экскурсию не приглашаю, не дрожи.

— Я не... А разве?... Я думала — здесь много квартир...

— Квартир много, а выход на крышу только у меня. Личный. Так что мы с тобой уже внутри моей квартиры. Но не в той ее части, где стоит бродить маленьким девочкам. Идем, — толкнув дверь в конце короткого коридора, он вывел ее в гостиную. Небольшую, и кажущуюся просторной только благодаря минимализму обстановки: пара кресел с крохотным журнальным столиком у одной из стен, письменный стол у окна да этажерка с книгами в углу.

— Ну, гостиная, понятно, общая, ее в любом случае не минуешь, комната проходная, — мужчина сделал неопределенный жест рукой, не то представляя комнату, не то отмахиваясь от нее. — А твоя комната будет здесь, — он открыл перед Аней дверь в левой стене гостиной. — Здесь у меня комната для гостей была. Чего-то специально для тебя подготовить я не успел, мне всего час назад сообщили, как сильно меня ценит высокое начальство. Пока с делами закончил, пока до дома добрался — уже и ты прилетела. Но самое основное, думаю, найдем.

Самым основным в комнате была кровать. Поскольку занимала ее практически всю. Вдоль одной из стен был как-то втиснут шкаф. Между кроватью и окном уместилась прикроватная тумбочка. На этом, собственно, все. Ну, не считая огромного зеркала напротив кровати.

— А гостей у вас, видимо, бывало много...

— А комната для них всего одна. Приходилось складировать вповалку, — поддакнул он ей. И уже серьезно добавил, — мебель мы поменяем, не переживай. Сделаем так, чтоб тебе было уютно.

Он, наверно, успокоить хотел. А у нее ноги подкосились. Села. Тяжело, сторбившись.

— Я никогда не вернусь домой, верно? Они обманули и это... в самом деле все, навсегда?

— Верно, Анют, — он присел рядом, попытался обнять за плечи, но она снова вздрогнула, и он тут же убрал руку. — Вам должны были объяснить: законы нашей страны не предполагают обратного пересечения границы. К нам попасть можно. Вернуться обратно — уже нет. Закон един для всех, причины пересечения границы значения не имеют. Твой дом теперь здесь. Навсегда.

— Но нам сказали не это! Нам все объяснили совсем иначе! Просто наш самолет... он неисправен, из-за грозы, и нам... — слезы текли потоком, эмоции захлестывали, — ... нам обещали, что его починят, а мы пока... просто в гостиницу, переночевать, а уже завтра... — рыдания захлестнули. Она упала лицом вниз на безразмерную эту кровать... с зеркалом... как в дешевом борделе... или... бордель и есть, и гостям здесь будет теперь предлагаться не только комната, но и она в придачу...

А он сидел рядом и бессильно смотрел, как вздрагивают худенькие плечи. Ее хотелось обнять. Посадить на колени, прижать к груди, поцеловать хотя бы в лобик, утешить. Но ей не нравились его прикосновения. Подсознательно, на уровне инстинктов. Слишком молодая. Незрелая. Не такая. Ребенок чужой страны. Первозданный человек. И что ему делать с ней? Перепуганной, беспомощной, наивной...

Заклученный контракт, конечно, прописывал четко всю палитру его возможных действий. Да только чихать он хотел на такие контракты! Он и в Чернометск не от голода переехал, и людскими жизнями никогда не баловался. Даже у тех, кто сам был не прочь предложить ему всего себя, никогда не брал больше, чем человек мог отдать ему без риска. А уж чужеземную девочку, его отнюдь не жаждущую, обманутую, даже мыслей о сексе еще боящуюся...

Контракт предполагал еще и заботу — о том, кто доверил тебе свою жизнь. И пусть она ничего ему не доверяла, и даже не знала, что жизнь ее теперь принадлежит ему, заботиться о ней он был отныне обязан. Согласно его представлениям о собственной чести. А как там представляют себе ситуацию всякие выродки с военной базы — лично его не касается.

Он решительно поднялся, открыл дверцы шкафа. Она не заметила. Все так же плакала, уткнувшись лицом в покрывало. Только вздрогнула, когда он тихонько потянул на себя пиджак. Но не возразила, позволив ему забрать свою вещь. Вздрогнула гораздо сильнее, когда его пальцы коснулись плеча, аккуратно поддевая словно впившийся в кожу ремешок ее сумки. И вновь не возразила, позволив забрать и ее. Только обернулась и взглянула ему в лицо. И столько отчаянья затравленной на охоте зверушки было в ее глазах... И теперь уже он невольно вздрогнул.

Он охотился, да. Давно и совсем не здесь. И больше ему не хотелось. И тоже уже давно. Потому и уехал сюда, где люди смотрели иначе, где улыбались в ответ на его улыбку...

— Ты так смотришь, будто следующим шагом я сдеру с тебя кожу, — непринужденно улыбнуться здесь и сейчас оказалось сложно, но он справился. — А я просто хочу укрыть, — и осторожно укутал пледом. — Ножки поджимай, они тоже совсем замерзли.

— Я... в обуви...

— Вместе с обувью, — разувать ее сейчас он не рискнул, опасаясь напугать еще сильнее. — Что такого страшного на твоих ботинках, что у нас не получится потом отстирать?

Она послушно поджала ноги, позволяя укутать и их.

— А знаешь, — вновь начал он, не позволяя ей остаться наедине со своим горем, — твой наряд здорово отличается от местных. Здесь девы такие короткие штанишки не носят. Только длинные, до пола. А если юбку — то ниже колена.

Она чуть дернулась под пледом, словно пытаясь укрыться еще сильнее.

— Так я в Ваших глазах выгляжу неприлично? И Вы... считаете меня распутной, и потому... — сразу вспомнились всякие истории про арабские страны, и как там к европейским женщинам относятся, которые местной моде не следуют.

— В моих глазах ты выглядишь несчастным, насмерть перепуганным ребенком. А до распушенности тебе столь далеко, что я не уверен, что ты и знаешь толком, что это значит. И даже не готов просвещать.

— Но вы же сами сказали...

— Что здесь так не носят? Сказал, — и вновь напугал, вместо того, чтобы отвлечь и успокоить. Он осторожно присел рядом, стараясь не прикоснуться. — Всего лишь имел в виду, что для прогулок по городу понадобятся другие наряды. Ну, ты же девочка, должна любить обновки. Неужели совсем не любопытно?

Девочка тихонько вздохнула. Любопытства в ее эмоциях не мелькнуло, но тревога чуть смазалась — самую малость. Аня так и осталась лежать — наискось, на самом краю, как упала. Даже не попыталась подняться или сменить положение.

— А лично я против твоего наряда ничего не имею. И я совсем не возражаю, чтоб ты ходила в нем дома, если тебе так удобней, — его голос, в отличие от прикосновений, успокаивал. — Я родился и вырос в стране, где женщины носят куда более открытые одежды. И при этом в упор не понимают, что же такого ужасного мерещится людям в слове «распушенность».

— А Вы разве не из Сибири? Вы тоже попали сюда из нашего мира? — вот теперь он сумел пробудить в ней любопытство. Искреннее, с теплотой... и надеждой.

— Нет, маленький, я как раз из Сибири. Из самых ее глубин, — обнадежить ее ему было особо нечем. Но можно было попытаться объяснить... хоть что-то. — Просто у нас две страны. Очень разные. Во всем, не только в одежде. Я родился в одной. Теперь вот живу в другой. Чтобы сюда переехать, мне пришлось очень много учиться. Язык, традиции, культурные особенности, манера поведения... И именно потому, что я понимаю, что значит разница культур, мне и доверили тебя, ребенок.

— Но Вы можете вернуться домой, — она опять попыталась завернуться в свое отчаянье, как в кокон.

— Могу, — не стал отпираться он. — В этом мы с тобой не равны, ты права. Вот только плакать об этом бессмысленно. Давай попробуем хорошее поискать. Посмотри на все с другой стороны: ты попала в новый мир, в совершенно недоступную большинству людей страну. Уникальную, единственную в мире. Разве узнать ее, разведать все ее тайны, будет не интересно?

— Интересно. Конечно. Но исследовать чужие страны хорошо, когда знаешь, что вернешься.

— Разве все исследователи возвращались? Более того, разве все они были изначально

уверены, что смогут вернуться? Будь это так, нашу границу не пересекали бы регулярно исследователи разной степени самостоятельности.

— Они по собственному выбору.

— А ты случайно, не спорю. Но надо принять условия, которые поставила тебе судьба, и жить дальше в соответствии с изменившимися обстоятельствами, а не рыдать вечно на тему: «что было бы если бы». Поэтому давай-ка вставай, тебе надо как минимум умыться с дороги. А я пока постельное белье тебе поищу. Глаженого-то точно нет, а вот чистое вроде было, я, кажется, не так давно весь бак перестирывал... Недели две... или три тому назад...

Улыбнулась. Чуть снисходительно к его мужской беспомощности. И даже встала.

— А Вы что, совсем один живете?

— Совсем. Жил, пока мне тебя под дверь не подкинули. Теперь вдвоем придется. Ты уж мне помоги, хорошо? Идем, покажу, где у нас санузел, — миф о неспособности мужчин вести домашнее хозяйство был у людей, почему-то, чрезвычайно развит. Он не очень понимал причину, но — пользовался, и с успехом. Вскользь брошенные замечания о том, что он не слишком-то справляется с теми или иными бытовыми проблемами, снимали излишний пафос почти мгновенно. Мужчина, не знающий, с какой стороны взяться за уют, человеческих женщин почему-то умилял. Ну, так пусть лучше умиляются, чем обожествляют, ему приятней. Да и общаться проще.

Судя по реакции девочки, за горами в ходу те же мифы. Отправив ее умываться, он чуть постоял в раздумьях над ящиком с постельным бельем, выбирая, какой из комплектов, разумеется, стирального и даже идеально отглаженного белья ей предложить, чтоб вновь не напугать, вызвав не самые добрые ассоциации. Вот кто их знает там, за горами, какой цвет у них считается нейтральным, а какой несет в себе отрицательный, применительно к их ситуации подтекст? Какие рисунки означают ровно то, что на них нарисовано, а какие подразумевают еще до кучи всякого?.. Где инструкция, дракос всех дери, к этому ребенку? Чем они там, за горами, отличаются?..

Санузел был самый обычный, что туалет, что ванная — ничего экзотического. И даже стоящая в ванной стиральная машина вполне узнаваема. Ничего принципиально иного, что должно было бы быть присуще столь «уникальной» и закрытой стране, она не обнаружила. Да даже какого-то «торжества технологического прогресса» не наблюдалось. Вода из крана не текла, стоило поднести к нему руки, требовалось крутить банальный вентиль. Да и смыв в туалете сам собой не активизировался.

Вот со смывом она помучилась. Очень долго не могла найти, а где же он, собственно, включается. Даже хотела крикнуть, спросить... Но, во-первых, стыдно: едва знакомый мужчина, и о таком. А во вторых — она поняла, что совершенно не запомнила его имени. Что-то длинное и непривычное. Даже странно, что с таким именем, он свободно зовет ее Анютой. Или у них тут всякие имена встречаются? Тот же Ринат... Ах, нет, Ринат — это так, чтоб им привычнее, а в начале он свое настоящее имя говорил — тоже очень длинное и незапоминающееся.

Со всяческими кранами разобралась, помощь все же не понадобилась. И долго держала руки под струей горячей воды, пытаясь согреться. В квартире было тепло, да и на улице не так уж холодно, просто ветер. И нервы. Это все нервы. Просто нервы, надо успокоиться и во всем разобраться. И... и не так ведь все и плохо!

Ну, в самом деле. Она в Сибири, да. Но все еще жива. А ведь сколько предположений было, что просто при входе в «границу» на атомы разметаает. Или местные расстреляют еще

в воздухе... Ей не позволят вернуться домой. Но она не в тюрьме, не брошена в одиночестве в безводной пустыне. Она в большом человеческом городе, и не под забором, без копейки местных денег и знаний об окружающем мире. Она в квартире, где ей выделена отдельная комната, ей назначен опекун, который поможет ей здесь прижиться: объяснит местные законы и правила, поможет найти работу — едва ведь он заинтересован содержать ее вечно... Мама... Но вот честно, она же летела в другой город, где собиралась прожить без мамы и папы две недели, ничуть не горюя при этом... Но она собиралась вернуться... Вот, значит, через две недели, когда планировавшийся срок разлуки истечет, и можно начинать плакать. Ведь две недели без родных она прожить в состоянии?.. Ну и вот Он же (как бы его ни звали) переехал в другую страну, и живет себе, да и многие переезжают — в другую страну, в другой город — расставаясь при этом с родственниками. И живут. Привыкают. Да она и сама после школы планировала обучение продолжить... не в Анапе. Южно-Российский университет, как минимум, а если б маму удалось уговорить, то и в столице...

Она решительно закрыла воду и потянулась за полотенцем. Промокнула лицо, вдохнув едва ощутимый аромат сандала, Его аромат. Нехорошо, наверно, пользоваться его личным полотенцем, но другого Он ей не дал — не то забыл, не то тоже чистых нет. А Он... стремно, конечно, жить вдвоем со взрослым мужчиной. Да еще и достаточно молодым. Опекуны, они все же постарше должны бы быть. И никак не противоположного пола. Что-то в этом не то все-таки. Неправильное. Или действительно предполагается, что она за него замуж должна выйти? Или вышла уже? Недаром же он про «навсегда с ним» рассказывает... Но вроде же на немедленном исполнении супружеских прав не настаивает. И комнату отдельную выделил...

Нет, надо заканчивать гадать и трусить, надо выходить и пытаться как-то разговаривать, знакомиться, объясняться. Человек-то он, кажется, не плохой...

Вышла. Справа была, видно, прихожая. Верхняя одежда на крючках висела, внизу — галошница. Аня аккуратно поставила на нее свои кроссовки, одела стоящие там небольшие, явно женские тапочки.

И вздрогнула, почувствовав его присутствие слишком близко.

— Ну так не честно, Ань, ну в самом деле! — он стоял, опираясь на косяк, всего в двух шагах от нее. — Я ж тебя даже не трогал. Сколько можно дрожать, уже обидно как-то.

— Простите. Просто никак не привыкну. Вы так подкрались неожиданно... Я тапочки взяла, ничего?

— Ничего. Они как раз для гостей.

— А там дверь на лестницу, да?

— На лестницу, к лифту, к соседям. На нашем этаже, правда, всего две квартиры, и вторая сейчас пустует, но, уже начиная с девятого — соседей даже больше, чем порой хотелось бы.

— А мы, значит на десятом?

— Мы на десятом. А дома ты на каком жила?

— На первом. У нас частный дом. Небольшой, одноэтажный. Одно время думали комнату на чердаке обустроить, меня отселить, когда подрасту. Но потом бабушка умерла, я в ее комнату переехала, так и не стали. А теперь вот... совсем... смысла нет... А там у Вас кухня? — она заставила себя взбодриться, переключиться на дальнейшее изучение квартиры. И решительно направилась в сторону двери слева от ванной.

— Что?.. А, нет, там просто кладовка.

Она дернула на себя дверь, благо он, вроде, не возражал. Остался на месте, спокойно глядя на ее имитацию кипучей деятельности. За дверью действительно оказалась кладовка. Задвинутая, словно для «складского хранения», не самая новая мебель, ящики, чье содержимое, судя по слою пыли, уже давно никого не интересовало, скатанный в рулон ковер, небрежно прислоненный к стене (и как не упал до сих пор — загадка). Комнатка была, конечно, небольшая, но с окном, а в дальнем углу Аня даже умывальный разглядела.

— Квартира не моя, предоставлена мне на время работы в городе. Вот и затолкал сюда в свое время все лишнее, что от прежнего жильца осталось. Собирался выкинуть потом, да комната все равно не нужна — так руки и не дошли, — спокойно пояснил ей хозяин квартиры (хоть и временный, как выясняется). — Ты далеко бы не заходила, там пыль никто годами не убирал.

Она и не собиралась. Пока не заметила цепь, свисающую с одной из стен. Заинтересовалась, протиснулась мимо мебели. Действительно, цепь. С толстыми тяжелыми звеньями, идущая от крюка, вбитого в стену где-то на высоте Аниного роста, и заканчивающаяся на полу широким металлическим ошейником. И в метре от этой — еще одна. Такая же.

— Это что??

— Предыдущий хозяин квартиры животных своих здесь держал. Вылезай, Ань, правда. Мне тебя после экскурсии по этой свалке пылесосом придется чистить.

— Да, сейчас, — ближе к раковине на полу белело нечто странное, она попыталась пролезть мимо коробок, чтоб разглядеть. — А что у вас за животные такие крупные, что их в доме на цепи держат? И диаметр шеи такой... мощный. Какие-то бойцовские породы собак?

— У вас нет аналога, малыш. Мои соплеменники порой из нашей страны привозят, а у людей их и здесь нет. Так что не пугайся, не встретишь.

— Да я не пугаюсь, любопытно просто... Ой, так это что, унитаз? — она, наконец, добралась до того, что ее так заинтересовало. — Стоячий, у нас похожие в общественных туалетах раньше делали... А вот чтобы кто для своих животных отдельно канализацию проводил — никогда не слышала. Собак выгуливают обычно, особенно крупных, им же бегать нужно, двигаться...

— Ань, вылезай оттуда, хорошо? В каждой стране свои особенности. наших животных на территории этой страны выгуливать нельзя, чтоб люди не пугались. А на родине их просто в больших загонах держат, без цепей.

Она, наконец, выбралась, и он демонстративно стряхнул пыль с ее шортиков. Слишком коротких, так что его рука, резко скользя по ее бедру, каждый раз задевала и голую кожу. Вполне невинно, впрочем, он явно не имел в виду ничего фривольного. Вот только она все равно каждый раз вздрагивала и жутко краснела.

Он чуть поморщился на подобную реакцию, но перестал.

— В любом случае, у меня подобных животных нет, дорогое это удовольствие, так что давай уже закроем эту тему. Да и дверь заодно, — он захлопнул, наконец, дверь, здорово сожалея, что вообще позволил ее открыть. Побоялся, что запретная комната интереса вызовет больше. Да уж куда уж! Но кто ж знал, что она среди рухляди копать полезет? Ребенок. Маленький любопытный ребенок. А он сам предложил ей игру в исследователя...

— А где же тогда у Вас кухня? — она несколько недоуменно огляделась. Больше в квартире дверей не имелось. Она, конечно, в спальню его не заглядывала, но едва ли вход на кухню из нее.

— Да нет у меня кухни, маленький. До сих пор не нужна была... Стоп. Ты ж голодная, да? Вот дракос!.. — он немного нервно огладил свои волосы, и без того идеально зачесанные в низкий хвост. А волосы у него при ближайшем рассмотрении оказались ни темными и ни светлыми. Шатен. А вообще ему больше подошла бы нормальная мужская стрижка. На Анин вкус, конечно. Его-то проблемы собственной прически мало сейчас заботили. — Вы же три раза в день едите, верно? Ах, нет, ты еще ребенок, значит, вообще четыре... И вот как мне тебя кормить?

— А как Вы сами питаетесь? — она удивилась, очень. Мужчины, конечно, готовить не любят, но чтобы даже кухни в доме не было...

— Да мне-то привозят каждый вечер, но это мне. Тебе моя еда не подойдет, причем совсем... Дракос, вот нет у меня опыта выращивания девочек в домашних условиях! Ладно, не переживай, сейчас придумаем что-нибудь...

Он немного нервно прошелся по гостиной, застыл возле письменного стола, уперев кулаки в столешницу и задумчиво глядя в окно.

Она не переживала. Вернее, после всего, о чем ей сегодня пришлось переживать, отсутствие в доме еды вообще проблемой не выглядело. Хотя, стоило ему заговорить об этом, осознала, что действительно кушать хочется. Последний раз они ели давно. Очень. В другой стране и, кажется, в другой жизни...

— Знаешь, мы сейчас с тобой, наверно, сделаем самое простое, что мне приходит в голову: дойдем до ближайшего ресторана, — вот в рестораны он человеческих дев водил, бывало. Он кормит ее, потом она его, удовольствие общее... Впрочем, в данном случае придется остановиться на первой части программы. — Заодно и город немного посмотришь, и горожан... — обрадованный найденным решением, он вновь с улыбкой обернулся к своей деве. И слегка запнулся, зацепившись взглядом за ее голые коленки. — А другого наряда у тебя при себе, конечно же, нет?

— Был. В самолете. Целый чемодан. Но нам их не отдавали, если только вам отдельно его не прислали...

— Нет, малыш, и, думаю, не пришлют. Чтоб вы нам тут своими штанишками модный переворот не устроили. Местное общество несколько консервативно... Ладно, Анют, решаемо. Только придется тебе подождать, пока я схожу в магазин, куплю тебе приличное платье...

— Может, просто что-нибудь из еды? Это быстрее, да и дешевле, чем ресторан.

— Я не разбираюсь в ваших продуктах, Анют. Как должно выглядеть это «что-нибудь» представляю с трудом. Да и платье тебе в любом случае нужно.

— Но ведь «наших» продуктов у вас в магазине, наверно, и нет, — она его не поняла. — Да и в ресторане не будет. А мне все равно же придется с местной кухней знакомиться...

— Аня-Аня-Анечка... Проблема не в том, что тебе придется, проблема в том, что я с ней не знаком, а потому помочь не смогу... А вот официанты справятся. Так, предложение следующее: я иду в магазин, ты отдыхаешь после дальней дороги. Скажем... принимаешь ванну. Теплую, с пеной. Кажется, это не самый плохой способ снять усталость и стресс, девочкам, вроде, нравится. Договорились?

Она кивнула. Возможность остаться, наконец, одной, расслабиться. Не факт, что все девочки любят принимать ванну, но вот конкретно она — любила.

— А полотенце дадите?

— Да, разумеется. Идем, у меня еще и халат для тебя найдется, — он стремительно

направился в «ее» комнату. Она вошла следом, и невольно застыла на пороге: безразмерная кровать была аккуратно заправлена свежим бельем нежного светло-салатового оттенка. И когда успел?

— Что-то не так?

— А Вы говорили, у Вас глаженого ничего нет...

— Как оказалось, есть. Не мять же обратно, верно? — он лишь улыбнулся, доставая из шкафа вещи, — вот, держи полотенце, халат. Он, конечно, не новый, но стиранный. Постоянной хозяйки у него никогда не было, покупался абстрактно «гостям». Так что пока он твой, как моего нежданного гостя, а со временем мы тебе и собственные вещи все купим. Идем, покажу, где у нас в ванной что лежит.

В ванной у него много чего лежало. Включая женские шампуни, гели, пену... «Для гостей», невозмутимо пояснил хозяин. А часто у него, как видно, «гости» бывают, раз он так всеобъемлюще готов к их нежданному визиту. Впрочем, чему удивляться? Молодой, симпатичный, живет один...

А теперь не один. С ней. Понять бы еще, в каком конкретно качестве... Принудительно женили, чтоб разгульную жизнь его прекратить? Но тогда почему на ней? Логичнее было бы на ком из местных, раз он сам не отсюда, чтоб к этой стране его привязать. И ее тоже — кому из местных презентовать. Хоть в качестве подопечной, хоть в качестве... да кого угодно, что она так на этой женитьбе зациклилась! Не было ничего такого, да он ее как женщину и не воспринимает совсем, «ребенок» да «ребенок»... Да только его ведь тоже приказом сверху осчастливили. Да и выбора у него не было, последняя она была девочка в том автобусе... А если б был? Взял бы он тогда ее? Из других вон никто не позарился.

И ведь она не уродина, вполне себе ничего. Ну, может худенькая слишком, но фигура-то есть. И если не сутулиться, это даже заметно. И... и глаза у нее красивые, мама всегда говорила. Большие, карие. И ресницы ничего, если их удлиняющей тушью подкрашивать. А волосы цвета ольхи глубину ее глаз оттеняют невероятно удачно... Вот кому только надо любоваться сочетанием различных оттенков коричневого? «Цвет ольхи», «цвет дуба», «цвет ореха»... Это ж не паркет в новую квартиру выбирать! Мужчины обычно предпочитают ярких, конкретных. Чтоб либо жгучая брюнетка, как Гаянэ, либо голубоглазая блондинка, как та же Даша. А она — серая, никакая, обычная. И характер не боевой, стучать в кабину, требуя развернуть самолет, в жизни не решится. Мышь с глазами.

Лишь услышав, как хлопнула входная дверь, она осмелилась начать раздеваться. Нет, Он, конечно, не походил на маньяка, но задвижки на двери ванной не было. Вода набралась едва ли до половины, но она залезла, не став дожидаться окончания процесса. И поняла, что действительно — хорошо. Теплая вода, горы белой пены (да, переборщила она с количеством), рассеянный свет, приглушенный шторкой. И одиночество. Спокойное, расслабленное. Никто не ждет, да когда же она закончит. Никто не торопит — самим фактом своего присутствия в квартире. Наоборот — у нее есть время, много-много времени, пока Он будет ходить, выбирая ей платье.

Он... имя так и не переспросила. Да что там — даже лица почти не запомнила. Высокий, длинноволосый, худощавый — как все, кого она здесь видела. Волосы — темно-русые, да, его хвост, достающий почти до пояса, она рассмотрела. А в лицо смотреть боязно, только один раз и решилась, когда он сам велел, да и то... Вот какого цвета у него глаза? Не разглядела. Куда там, если от одного взгляда в эти глаза у нее чуть сердце не остановилось! А прикосновения его! Он ведь просто руки касается, а ее будто током бьет... Это что, как в

романах? «Их пальцы случайно соприкоснулись, и словно искра меж ними пробежала»? То есть, это она к нему так... равнодушна? Да что за бред, он ей даже не нравится! Нет, нравится, конечно, но ведь именно деликатностью своей и нравится. Тем, что не пристаёт, даже намёка себе не позволяет, а ведь они совсем одни, и её никто не защитит, если вдруг он посмеет...

Бедная мама, если б она только узнала, что её дочери предстоит жить в одной квартире с одиноким мужиком, причем совершенно непонятно, в каком смысле «жить»... Бедная мама! Она ведь думает, что Аня мертва... Нет, наверное, сообщили, что самолет пропал без вести, но ведь это одно и то же, все пропавшие без вести самолеты потом находят разбившимися в каких-нибудь диких местах и без выживших пассажиров... Мамочка там оплакивает её смерть, а она тут, в ванне, полной пены, сожалеет, что не успела рассмотреть, какого цвета глазки хозяина квартиры!

Вновь стало больно, и опять покатались слезы. Да, она сумела убедить себя, что с ней все не настолько плохо, чтоб плакать. Но мама! Мама никогда об этом не узнает, и плачет сейчас по ней... как и папа... А папа сейчас ругается, проклиная мать, за то, что позволила ей полететь. Папе всегда нужен виноватый, и виноватым назначается кто угодно... Это жутко злило её раньше, но теперь было просто жаль папу: он тоже переживает, очень, просто не умеет иначе справиться с эмоциями... А ещё начнет названивать тетя Вика, интересоваться новостями, громко сочувствовать и требовать, чтоб кто-то куда-то бежал, что-то у кого-то требовал...

Она практически видела это: дом, мама, сидящая, сторбившись, на кухне, папа, нервно меряющий шагами комнату, трезвонящий телефон... Не только тетя Вика. Ещё знакомые. Знакомые знакомых. Все уточнить, а точно ли Аня была в том самом самолете, «выразить надежду», которой сами и близко не испытывают...

— Аня! — негромкий голос раздался слишком близко.

Она вздрогнула, расплескивая воду, не сразу сообразив, кто он, где она. А потом судорожно пытаюсь прикрыться, хотя пены было ещё много, и эта пена и так скрывала все.

— Вот всю дорогу боялся, что ты уснешь, и ты все-таки уснула, — Он возвышался над ней, беззастенчиво отдернув шторку. — Давай-ка ты вылезай, Анют, так и утонуть недолго. Надо мне было тебя спать уложить, прости, не сообразил сразу, что ты не в том состоянии, чтоб оставлять тебя в воде без присмотра.

— А можно я все-таки без присмотра вылезу? Я в нормальном состоянии, правда, — под его взглядом она чувствовала себя беззащитной, было страшно, что сейчас он нагнется, протянет руку...

— Ну конечно, — он лишь улыбнулся и отступил, задерживая шторку. — Я подожду в гостиной, не бойся.

Вышел. И сразу стало легче дышать. Все же от одного его присутствия словно воздух электризуется... или этого воздуха просто становится меньше. И как она могла так заснуть, что пропустила его возвращение? И ведь действительно, едва не утонула. Вот уж... куда нелепей: попасть в страшную-престрашную Сибирю, чтоб обнаружить, что она нестрашная и утонуть в ванной. Для этого, конечно, стоило сюда попасть!

Раздосадованная, напуганная, да и просто излишне взвинченная из-за того, что он не постеснялся зайти к ней в ванну, водные процедуры она заканчивала скомкано и излишне быстро.

Он ждал, морщась от коктейля её отрицательных эмоций, да мысленно ругая себя за

преступную халатность. Назвался опекуном, а сам... За пару часов едва ребенка не погубил! Да, он, конечно, не специалист, но можно ж было сообразить, что усталость, нервы... Нельзя ей было в ванну! Люди такие хрупкие. Так быстро устают. Так легко умирают...

— А ш-што вы делаете? — она стояла возле самой двери и смотрела на него широко распахнутыми глазами. Из всех эмоций — одно удивление и осталось. Ну — и то польза.

— Платье твое новое в порядок привожу, чтоб времени не терять. Примялось, пока из магазина донес, — он отставил утюг, чтоб передвинуть ткань на гладильной доске, затем разгладил еще одну складку. — Почти закончил.

Она смотрела на него как на фокусника... или жонглера... или уродца с тремя руками... в общем, как на кого-то, кого разве что в цирке и увидишь. Не то, чтоб это было приятно.

— А у вас тут что, матриархат? — осторожно поинтересовалась Аня.

— Почему матриархат?

— Ну... я не знаю, — засмушалась. — Просто вы все делаете... постель мне заправили, платье купили, гладите его вот... И прически у вас у всех странные...

— А прически-то тут причем?

— Ну... у нас такие только женщины носят... и работу вы делаете женскую... ну, у нас она считается женской... простите, — отчаянно покраснела, понимая, что наговорила глупостей, и он обидится, и прав будет.

— Правда? И что же делают ваши мужчины, когда остаются совсем без женщин? Неужели превращаются в грязных оборванцев?

Аня лишь недоуменно пожала плечами. Про всех мужчин она не знала, а папа один оставаться не любил, потому что «не собирался голодать», и мама всегда наготавливала ему впрок кастрюли еды («несвежей и холодной»), а когда они возвращались, жаловался, что от грязной посуды по квартире уже запах, рубашка испачкалась, и ему не в чем ходить, потому как другую ему никто не погладил...

— Малыш, ну ты сама подумай, — продолжая деловито орудовать утюгом, невозмутимо объяснял ей меж тем новый знакомый. — Я живу один, слуг у меня нет. А на работу я должен приходить идеальным, в том числе в идеально чистой и глаженной одежде. Где же мне ее брать? И потом, это я должен выглядеть идеально, так почему это должно стать заботой какой-то женщины?

— Но я...

— И ты, я не сомневаюсь, умеешь все это делать сама. Сама и будешь. С завтрашнего дня. А сегодня ты слишком устала, и я просто тебе помогаю. Кстати, закончил. Иди, меряй.

Платье было красивым. Легким, воздушным, цвета яркой весенней зелени, с мелкими белыми цветами, рассыпанными по ткани. Чуть широковато, но пояс решал эту проблему. Юбка мягкими волнами спускалась до щиколоток, свободные слегка прозрачные рукава собирались резинками на запястьях, вырез небольшой, едва приоткрывает ключицы. В целом, наверно, неплохо, ей, вроде, идет. Хотя видеть себя в платье было довольно непривычно. Она уж и забыла, когда одевала в последний раз... в детстве, должно быть. Хотя, в детстве, помнится, тоже предпочитала шорты.

Чтобы разглядеть себя целиком ей пришлось залезть на кровать. Идеально расправленное одеяло смялось под ее ногами. Но это ведь ничего, кровать ведь теперь ее... Хочется надеяться, что только ее... Да что она опять все о том же!

Но платье было таким... взрослым, что ли. А ей предстояло идти в ресторан с едва знакомым мужчиной. Почти свидание. Или без почти? Ведь потом, поздно вечером, им

предстоит вдвоем возвращаться сюда же и... Нет, стоп, хватит себя запугивать!

Надо накраситься, наверно. Ресторан — это торжественно, все же. Мама, правда, была против «неумеренного пользования косметикой, школьницам это ни к чему». Но где теперь мама и где теперь школа?.. Да и нет у нее ничего особенного для «неумеренного», так, тушь да помада почти натурального оттенка.

А из обуви — только кроссовки.

— Да, не слишком сочетается с платьем, — согласился Он, глядя, как она завязывает шнурки. — Но легкую эпатажность облика мы можем себе позволить. А платье тебе идет. Ты в нем выглядишь почти взрослой.

— И чем это мне грозит? — комплимент был весьма сомнительным, но понять этого человека, от которого стала внезапно зависеть ее судьба, ей было важнее.

— Ну, я буду не так смущаться, идя с тобой по улице.

— Вы — и смущаться? — она не поверила. — Но почему?

— Видишь ли, ребенок, — задумчиво начал он, пытаясь не сообщить ей снова что-нибудь, что опять ее напугает. — В нашем обществе есть определенные правила... оформленные, в том числе, законодательно. Но главное — они являются фундаментальной частью общественного сознания, основа основ. И согласно этим правилам, к несовершеннолетнему гражданину этой страны я и близко подойти не имею права. Тебя, конечно, признали совершеннолетней именованным указом... но не могу ж я этот указ на лоб себе наклеить!..

— Но... но, может, я ваша сестра. И не из этой страны, а из вашей.

— Угу, — чуть усмехнулся он. — Первое, что приходит в голову... Несовершеннолетних граждан моей страны здесь быть не может, это тоже закон, — поспешил добавить он, чувствуя, что она готова обидеться.

— А почему все так сложно?

— Расскажу постепенно. А пока идем ужинать.

Он элегантно положил ее ладонь себе на локоть. И едва не взвыл, ощутив, как она опять нервно дернулась. Отпустил. Отошел. Сделал круг по гостиной в попытке досчитать до ста. Бросил, вернулся к ней.

— Аня, ну я не могу так! — нервным жестом пригладил волосы. — Нам с тобой все равно вместе жить, тут никуда не деться, и если ты будешь так переживать каждый раз, когда я тебя касаюсь... Аня, я просто не смогу быть рядом, не прикасаясь к тебе совсем. Я уже завтра полезу на стенку и начну глупо срывать по мелочам! Ты пойми, я готов во многом себя ограничивать. Я не претендую на твою девственность, на твою спальню, на твою... неважно! Но я должен иметь возможность хотя бы брать тебя иногда за руку, обнять, коснуться волос... — он вновь нервно прошелся по комнате, пытаясь точнее сформулировать суть проблемы.

Она несколько растерянно следила за ним взглядом, изрядно смущенная его откровениями. С одной стороны, они ставят точки над і («я не претендую на твою девственность»), но с другой... «Готов ограничивать» это значит, имеет право не ограничивать? И претендовать? Да что там, получить, как она реально сможет от него отбиться?.. И все эти игры с ее совершеннолетием — они что, означают, что ему дали на нее вот эти права?

— Анют, понимаешь, постоянные дружеские прикосновения — они просто в основе нашей культуры, нашей физиологии даже. Когда я вынужден общаться с тем, кого не могу

коснуться, я просто физически ощущаю нехватку... воздуха, информации... не знаю, с чем лучше сравнить. словно тебе запретили пользоваться одним из органов чувств — велели держать закрытыми глаза, уши, нос. И ты держишь, но... сама понимаешь, спокойнее от этого не становишься. Нарушается гармония. Общения, в данном случае.

— Но... я же не возражаю, — а в ее мире прикосновения малознакомых людей считаются вторжением в личное пространство. Хотя он прав, конечно, невозможно жить в одной квартире, вообще друг друга не касаясь. Только разве она виновата, что от его прикосновений ее словно током бьет?

— Не возражаешь, — согласился он. — Реагируешь очень негативно. А я эмоции чувствую.

Она покраснела.

— Эмоции, Анют. Мыслей не читаю.

Но она лишь смутилась еще сильнее:

— Но я же не виновата. Я не специально, я... Просто, когда вы касаетесь...

— Я понял, не мучайся, — выговорившись, он вновь стал спокоен. Вновь мягко улыбался, а голос звучал так чарующе нежно. — Я все это к тому, что проблему с твоей реакцией надо решать.

— Как?

— Для начала, присядь, — он указал ей на кресло, и сам опустился на колени возле ее ног. Не касаясь, но все равно близко. Очень близко. — Проблема, Анют, не в тебе. Во мне. У меня немного иная энергетика, отличная от привычной. Той, которой обладают люди по ту сторону гор. Твой организм просто не сталкивался с подобным прежде и не знает, как реагировать. В итоге выставляет защиту.

— А «иная энергетика» это как? — спросить, почему-то вышло шепотом. — Вы что же... вы здесь... мутанты? На этих землях в древности произошел какой-то катаклизм, из-за чего местные жители изменились... изменили свою энергетику? И потому вы закрылись от мира?

— Почти, Анют. Одно маленькое уточнение: мы не меняли свою энергетику. Она у нас изначально была другой. Мы не мутанты, Анечка. Мы просто не люди. И никогда ими не были.

— Так не бывает, — она испуганно затрясла головой.

— Попробуй посмотреть мне в глазки, малыш. Просто посмотри — спокойно, не отрываясь. И найди, чем они отличаются от твоих.

Выполнять его просьбу не хотелось. Как и знать то, о чем он пытался ей поведать. Но это было совсем уж глупой трусостью.

А глаза у него были голубые. Бирюзовые даже. Красивые. И ресницы — куда длиннее и пушистей ее. Нечестно, он же мужчина...

А потом она вскрикнула и побледнела, осознав, что зрачок в этих красивых бирюзовых глазах лишь тонкая вертикальная черточка.

— Это не плохо и не хорошо, Анют. Это просто по-другому, — он говорил медленно, спокойно и убежденно. Он должен был ей объяснить. И при этом не напугать, ей и без того непросто. — Мы просто другие, не такие, как люди. Внешне это проявляется мало: другой зрачок, другая энергетика, другое питание. Есть множество культурных отличий, но, как я уже говорил, приехав сюда, я обязан соблюдать местные нормы, которые специально изучал.

— А здесь... я запуталась.

— Здесь живут люди. Обычные, такие как ты. Это их город, их страна. Не-люди живут в другой стране, на востоке. Здесь представителей моего народа мало. Очень, — он чуть улыбнулся. — Хотя все, кого ты сегодня встречала, людьми не были.

— Но тогда я не понимаю. Если это — страна, где живут люди, почему же тогда нашу судьбу решали те, кто, как вы говорите, людьми не является?

— Потому что мы здесь главные. Наши страны живут в очень тесном симбиозе, мы зависим друг от друга. Но технологически, да и физически, мой народ более развит. Граница — это наши технологии, людям недоступные, поэтому людей к охране границ не привлекают. Да и политику Страны Людей в целом во многом определяют именно правители моей страны. Правда, здесь принято говорить, что мы просто опекаем молодое государство, делимся опытом, помогаем определить вектор развития. Ну а раз мы опекаем целое государство, логично, что и новых жителей этого государства доверили опекать именно представителям моего народа... Стало чуть понятней?

— Да... наверно... надо привыкнуть, — от обилия новой информации кружилась голова. Не люди. Не человек. Он — не человек, вообще. Другая цивилизация, другое... все, недаром он переучивался. А у нее все мысли о нем — только на уровне любовных романов в мягкой обложке...

— Дай мне ручку, Анют.

— 3-зачем?

— Ну, ты ведь и сама признала: надо привыкнуть. Вот, просто положи мне на ладонь, — он протянул ей руку раскрытой ладонью вверх. Она поколебалась, но опустила сверху свою.

Чтобы тут же нервно отдернуть.

— Нет, Ань. Ты закрываешься. Как только ты чувствуешь мою силу, ты пытаешься оттолкнуть. А ты попробуй принять. Не отталкивай, но пропусти сквозь себя... Закрой глазки. Теперь протяни мне свою ладошку. Не клади, держи на весу. Попробуй почувствовать мою руку. Где она? Я поднес ее ближе или убрал дальше?

— Ближе, — ей стало жарко, сердце забилось быстрее.

— А теперь?

— Теперь убрали, — она невольно выдохнула.

— Потянись за ней, Анют. Не рукой, попробуй ощутить ее, отчетливой.

Она ощутила. Его рука была справа. Потом приблизилась, медленно заскользила вдоль ее вытянутой руки — не касаясь, где-то рядом. Она ощущала тепло. Волну мурашек, бегущую по коже. Сердцебиение. Рука дошла до уровня плеча, медленно заскользила вниз. Все так же не касаясь. Все так же мучительно. Хотелось сбежать и не чувствовать. Или почувствовать, наконец, этот разряд тока и не мучиться уже, ожидая.

— Соприкоснись с моей ладонью.

Она послушалась. Он сжал пальцы, не давая ей отдернуть руку. Она не сопротивлялась. Лишь сморщилась чуть-чуть, вновь ощущая то, что лучше всяких слов убеждало — человеком он не был.

— Не зажимайся. Позволь моей энергии наполнить тебя... пройти насквозь... пропусти ее, станет легче, не отталкивай.

Она пыталась. Ощущение не было неприятным, скорее мучительным... мучительным жаром ожидания чего-то большего...

Он потянул ее за руку, побуждая встать. Осторожно положил ее руку себе на плечо...

вторую... медленно прижал к себе всем телом. Она позволила. Так и не открывала глаз и глубоко и часто дышала, словно пытаюсь успеть за безумно скачущим сердцем. Он тихонько поглаживал ее по спине, синхронизируя потоки, убирая шоковую реакцию организма. Чувствуя, как она расслабляется, «плывет» в его руках. Как выравнивается дыхание и успокаивается сердце. Ей было уже просто приятно, спокойно, уютно. Ему нравились эти чувства. Ради них он готов был гладить ее по спинке вечно, но зачем-то попросил:

— Открой глазки.

Она открыла. Большие, темные, чуть расфокусированные сейчас. Томные. Исчезли напряжение и ожидание подвоха, тревога, превращавшая ее нервы в оголенные провода. Она была такой открытой сейчас, такой его... Они даже дышали в такт. Она смотрела прямо в его глаза, терялась в них, тонула... Ему нравилось. Он погружался в ее эмоции целиком, пропитывая ими каждую часть своего сознания, с наслаждением перебирая тончайшие оттенки... Сам не заметил, как коснулся губами ее виска, зарываясь пальцами в мягкие после ванны волосы, чуть выющиеся на концах, скользнул кончиком носа по ее уху и припал в поцелуе к бьющейся на шее жилке...

— Не надо! — она резко отпрянула, вырываясь из кольца его рук. Испуг, смущение... разочарование... в нем. Она, может, до конца и не осознала, но он почувствовал. Заставил себя не морщиться. Улыбнулся:

— Чуть-чуть увлекся. Прости.

— Мы так не договаривались! Взять за руку — это одно, а вот так!.. — у нее пылали щеки при мысли о том, как он прижимал ее к себе, заставляя соприкасаться с собой всем телом — животом, грудью, бедрами, как его руки скользили по ее спине, а его губы... А ей нравилось! Самое ужасное — ей нравилось, она позволяла ему с собой это делать...

— Не паникуй, ребенок, пожалуйста. Ничего страшного я не сделал и не собирался. Просто хотел, чтоб ты немного расслабилась. Хотя бы минуту ничего не боялась...

— А через минуту что? В постель меня потащите? Вы... Вы же обещали! А сами?

Она ругалась, перепуганная невиннейшим поцелуем, а он никак не мог отвлечься от мысли, что запах шампуня ей удивительно подходит. Он так гармонично сплетается с густым ароматом ее крови — такой чистой, натуральной, не разбавленной ни физраствором, ни донорскими вливаниями...

— Пойдем ужинать, ладно? — сосредоточиться на разговоре все равно не получалось. — Нам обоим стоит выйти на воздух, здесь... становится несколько душно.

Она полоснула по нему взглядом, но покорно вышла в раскрытую им дверь. В лифте ехали молча, так же молча вышли из дома и пошли по улице. Он ее не касался. Просто шел, несколько оглушенный тем, как сильно он ее теперь чувствует — запахи, эмоции, воздух, наполняющий ее кровь кислородом, и каждую капельку этой крови, влекомой вечным круговоротом, и каждое сокращение сердечной мышцы... Помянув Дракоса недобрым словом, попытался сосредоточиться на том, что надо показать девочке город. Что-то сказать об этой улице, домах, магазинах... Что???

— Почему они все на меня так смотрят? — Аня не выдержала первой. Потому что люди вокруг вели себя странно. Расширяющиеся от удивления глаза, толчки в бок соседа с последующим кивком в их сторону. Но стоило ей взглянуть в ответ — и они отводили взгляды, старательно делая вид, что вовсе и не интересуются... А в спину смотрели все, она это чувствовала. Даже обернулась пару раз — все, до единого!

— Завидуют, — он легкомысленно улыбнулся. — Ты ведь со мной.

Не поверила. Обожгла обиженным взглядом.

— Правда, Ань. Честно-честно. Вспоминай, я же только что рассказывал. Мой народ считают покровителем и защитником этой страны. Представителей моего народа среди людей встретишь нечасто. Поэтому все и всегда будут смотреть: на меня — с восхищением, на тебя — с завистью. Потому что каждый прохожий мечтает поменяться с тобой местами. Ты теперь — принцесса в золотых тифельках, Анют. Привыкай.

Она несколько рассеянно кивнула, вновь огляделась. Взгляды, взгляды, взгляды... А волосы у мужчин короткие. Прически разные, и привычные, и не очень, но вполне «мужские», без хвостов и косичек.

— А длинные волосы только ваши мужчины носят? — сказать это его «не-люди» язык не повернулся.

— В основном. У людей есть подражатели, копирующие нашу моду, но это именно подражание кумирам. Такой хвост, как у меня, растить долго. Поэтому люди обычно отращивают сантиметров на пять, чтоб только можно было собрать резинкой, а снизу подвязывают длинный искусственный хвост — их тут в магазинах продают, любых цветов и размеров. Место соединения обычно прячут под длинной трубчатой заколкой. Удобно, в общем: походил недельку поклонником древней расы, потом хвостик отвязал — и вновь приличный мальчик.

— А с хвостиком что, неприличный? — она улыбнулась. Он с трудом подавил в себе желание привлечь ее к себе и запутаться пальцами в ее волосах. Эти волосы, беспощадно растрепанные ветром, сводили его с ума, не давая сосредоточиться на разговоре.

— Немного. В чем-то это позерство, эпатаж. Они, как правило, предпочитают весьма экстравагантные наряды... Так что твои кеды в концепцию вписываются.

— Кроссовки. И они-то при чем? — она даже остановилась в недоумении.

— Ну как же. Ты ведь, если судить по прическе, тоже из «подражателей», — не удержался, все же приподнял кончиками пальцев ее короткие пряди, чтобы тут же позволить им скользить обратно на плечи — медленно, едва ли не по волосинке. И залюбовался, как они меняют оттенки в косых лучах заходящего солнца.

Отступила на шаг, лишая его и этой малости. Даже пряди немного нервно за уши заправила.

— Ты же видишь, здесь женщины волосы не стригут, — он лишь плавно повел рукой, приглашая продолжить движение. — А если обрезают — то только из любви к представителям нашей расы. Вернее — из желания быть на них похожей.

— Да? Ну, тогда я и в шортах могла пойти. Сами же говорите — вашим поклонникам эпатаж по статусу положен, — местные культурные завихрения показались весьма забавными.

— Не-не-не, весь эпатаж — в рамках приличий. А твои, как ты говоришь, «шорты» на аморалку тянули, за такое нам бы обоим с тобой неприятностей прилетело.

— Нет, погодите, — попыталась она осознать ситуацию. — То есть если я иду с вами в таком виде... с такой прической, то каждый встречный считает, что я обрезаю волосы, потому что безумно в вас влюблена. И, как последняя дура, пытаюсь выглядеть как представительница вашей расы, при том, что любому ясно видно, что я человек? — а вот при таком раскладе как-то уже совсем не весело. Аня почувствовала, что отчаянно краснеет под всеми этими взглядами. Она и значок-то с фотографией любимого певца никогда к одежде не прикалывала, потому как никого не касается, кто из кумиров у нее любимый. А чтобы уж

демонстративно «я люблю Сережу»... А тут и «люблю» никакого и близко нет, но каждый считает, что есть, и что она демонстрирует это глупейшим образом...

— Так, пассаж про последнюю дуру выкинуть и слова такие забыть, — в его голосе отчетливо зазвучали начальственные нотки. Он и сам услышал, поспешил исправить улыбкой. И продолжил гораздо мягче, — а все остальное в общих чертах верно: именно так все и думают. Вот разве что волосы обрезала не «пытаясь выглядеть», а дабы сделать мне приятное, напомнив мне обычаи моей родной страны.

— Позор какой, — она даже лицо руками закрыла. Да лучше б у них паранджа была в моде! Или чадра хотя бы...

— Н-да... И чем же я так плох, что любить меня — позор и ужас?

— Простите, — она совсем смутилась, запнулась, остановилась. Отвернулась, даже взглянуть не осмеливаясь. — Я не хотела вас оскорбить, я не имела в виду... Позор — не в смысле любить, но демонстрировать так публично... и... Вы же не думаете, что я вас люблю... что влюбилась с первого взгляда и... А они все это думают. А я вас даже не знаю совсем! Я даже имени вашего не помню. И... вот вы говорите, что вы не человек... Они, наверно, знают, что это значит. А я не понимаю. Ну, глаза. Энергия эта ваша. И что? А отношения у вас с людьми при этом какими могут быть? Та же любовь — она в каком виде в виду имеется? Эмоциональная, физическая? Мы биологически вообще совместимы?

— Ну тише, тише, что ты? — он обнял ее за плечи, притянул к себе, пытаясь успокоить. — Я не думаю, что ты меня любишь, более того, знаю, что это не так. Я ведь чувствую твои эмоции, ты забыла? Мне нет нужды фантазировать. Ты переутомлена, смущена, испугана. Тебе приятно, когда я рядом, но ты стараешься это в себе побороть. Тебе почему-то важно остаться нейтральной. Это неплохо, но все же не слишком увлекайся, ладно? Легкую-то симпатию ты себе можешь позволить? Дружескую?

Она кивнула. Неуверенно, по-прежнему смущенно, не поднимая глаз. Его прикосновения... уже не вызывали неприятных ощущений, он действительно что-то сделал тогда, и током больше не било. Теперь наоборот — хотелось к нему прижаться, он словно минус сменил на плюс. И он был прав — она пыталась с этим бороться, потому что неприлично же так — таять от прикосновений.

— Ну, посмотри на меня, Анют. Подними головку, — он осторожно убрал с ее лица спутанные пряди, зачесал их назад, аккуратно распутывая пальцами. Она все же взглянула — робкая, смущенная. — Меня зовут Аршез. Давай, повторяй: Ар-шез.

Она повторила. Негромко, почти шепотом. И добавила:

— Вы тогда говорили длиннее.

— Длиннее не надо, хватит и так. Повтори еще раз.

— Аршез...

— Вот и умница. И можно уже на «ты», — он переплел ее пальцы со своими и повел дальше по улице. — А чтобы узнать друг друга у нас с тобой вся жизнь впереди, куда нам спешить?

Вскоре вышли на площадь. Чтоб добраться до ресторана, пересекать ее не требовалось. Заведение с поэтической вывеской «Элегия» находилось всего двумя домами левее. Но в центре площади били фонтаны. Их было там много, фактически, они занимали весь центр огромной площади. Расположенные по кругу двенадцать отдельных фонтанных бассейнов, символизирующих каждый свой месяц года — каждый со своей скульптурой и оригинальным дизайном фонтанных струй, и в центре — самый огромный, тринадцатый,

«фонтан-солнце», чьи струи били, казалось, в самое небо.

Аня заинтересовалась. Издалека композиция из воды и металла, несомненно, впечатляла, но была слишком сложна для восприятия, и он повел ее рассмотреть все поближе. Она бродила с ним среди этих потоков воды и пены, пытаясь понять, чем, по замыслу авторов, январь отличается от февраля, а июнь от июля. И как передать эти отличия, меняя толщину струи и мощность напора. Мельчайшие брызги летели в лицо, а Аршез держал ее за руку.

Аршез. Она повторяла про себя его имя, чтобы опять не забыть. Она все еще чувствовала себя неловко от того, что все вокруг смотрели на нее, и лишь она одна — на фонтаны. Брызги падали на лицо, охлаждая. Его пальцы сплетались с ее, даря тепло и поддержку. Он пытался ей объяснить:

— Январь — это рождение человечества. Юные люди, поверившие в свою звезду.

— Нет, это Рождество, — она видела скульптуру совсем иначе. — Это волхвы, идущие за звездой.

— Кто такие волхвы? — он не знал это слово.

— Мудрецы. С Востока.

— Да, — согласился он, — здесь верят, что первые люди пришли с востока. И именно мудрость отличала их от животных предков. Разум. Люди здесь превыше всего ставят человеческий разум, как ту силу, что способна преобразить вселенную. И каждый фонтан здесь — это месяц года. Но еще и шаг человечества на пути прогресса. А тот, что в центре, это не только солнце, льющее лучи во все стороны. Но и сила человеческого разума, стремящаяся в бесконечность.

— Так странно все, — она задумчиво опустила пальцы в прохладную воду. — Когда мы попали к вам... вернее... когда мы уже поняли, что попали, но было еще совершенно неясно — куда, думалось, что будет все что угодно, но только не это. Город металлургов, фонтаны во славу разума и прогресса... И вы...

Она замолчала, не зная, как объяснить ему это «вы», если он переспросит.

— А что я? Тоже металлург, если вдруг интересно. Работаю в НИИ Стали и Сплавов, — ему казалось, что объяснять сегодня должен он. И чем обыденней, тем лучше. Знать бы еще точно, что для нее обыденность.

— Мне интересно, что значит «не-человек». Если не человек, то кто?

Он промолчал, неопределенно улыбнувшись. Просто взял ее осторожно за талию и посадил на бортик фонтана. Лицом к себе, ему хотелось видеть ее глаза. Она попробовала спросить иначе:

— У нас есть легенды. О древних расах. Что, якобы, прежде на Земле жили атланты, а до них — гипербореи, а до них — еще кто-то... Или в другом каком порядке, не помню, не увлекалась этим особо. А вы, значит — какая-то из этих древних рас, те, кто выжил после катастрофы, погубившей вашу цивилизацию?

Ее коленки были теперь слишком близко от его ладоней. Он заставил себя опереться о парапет.

— Какие удобные легенды. А если я скажу «да», тебе станет легче? Для тебя что-то станет понятнее? — ее лицо казалось слишком юным, даже для ее шестнадцати. А впрочем, что он понимал в человеческих детях? Прежде он как-то не заглядывался.

— Да, наверное, — а ей было интересней понять. Осознать, с чем именно столкнула ее жизнь. Кто он? — Просто чтобы совсем «не-человек» — так же не бывает. Ну, не может

быть. Как сказать... в голове не помещается.

— Ну, тогда давай считать, что гипербореи. Или атланты, — ему было все равно, названия ни о чем ему не говорили. — А чем одни от других отличались?

— Не знаю. Я же говорю, я не интересовалась, так, краем уха слышала. Их, кстати, далеко не все отдельными расами людей считают. Большинство уверено, что они обычные были, как мы. Просто жители стран, которые полностью погибли... исчезли... вот как Сибиря. Да, она не исчезла, просто... закрылась, стала недоступна для внешнего мира... А правда, что в древности не было Границы, и можно было свободно путешествовать хоть через всю Сибирю?

— Говорят, — ему нравились ее версии. Нравилось, что все необъяснимое она объясняла себе сама и успокаивалась, не терзаясь страхами и подозрениями, не требуя у него ответов, давать которые он был пока не готов. — В столь глубокой древности я не жил. Может, все же пойдем в ресторан?

Она кивнула, легко спрыгнула с парапета и доверчиво позволила ему сжать свою ладошку. Привыкла. Что он рядом, что от него больше не бьет током, а напротив — веет теплом и умиротворением. Да, он сам этого хотел, и сам это сделал. Ему нравилось ощущать ее симпатию, ее доверие. Ему нравилось ощущать ее — своей.

Но было тоскливо осознавать, что все закончится слишком быстро. Легкая симпатия перерастет в безграничное обожание, любопытство к миру и желание найти для всего объяснение обернется неспособностью этот мир замечать. Сказка кончится, едва начавшись, а ведь он сам... сам.

Нельзя было лишать ее защиты. Той, природной, естественной. Нельзя было так сильно сплестать их ауры. Увлёкся. Той гармонией, что выходила, тем букетом нежнейших эмоций, что она при этом испытывала. Захотелось ощутить их отчетливей. Еще. Сильней. До дна...

Забыл, что до дна нельзя...

На краю площади примостился фотограф. Его рекламный стенд, полный видов фонтанов с людьми на их фоне, привлек внимание девочки. И он послушно подошел вместе с ней.

— Совсем как у нас, — задумчиво протянула Аня. — Куда не приедешь, возле каждой достопримечательности — фотограф. А эти фонтаны у вас знамениты?

— Скорее — известны. В экскурсию по городу обычно входят.

— Добрый вечер, Великий, — фотограф мгновенно оказался рядом. Не подобострастный, но исполненный почтения. И осознания того, что он может оказать услугу. — С удовольствием сниму Вашу деву на фоне этих чудесных фонтанов. Надеюсь, Вы согласитесь принять это от меня как скромный подарок на память о посещении нашего города.

Фотография? Она не отразит и половины того, что он видит в ней... Но отразит ее такой, как ее видят люди. Такой, какая она сейчас. В свой первый день. Настоящая. Естественная. Сметенная. Со взглядом, полным опасений и надежд, смущения и любопытства. А где-то в самой глубине еще теплится пережитый ужас, и тоска о невозможном еще не размыта полностью счастьем быть его.

— Если дева окажет мне честь, согласившись сняться, — чуть кивнул он фотографу. И, обернувшись к ней, спросил совсем другим тоном, — попозируешь? Для меня.

Его улыбка подкупала. Такая теплая, нежная. А вот обращение «Великий», использованное фотографом, несколько напрягло. Да, она помнила про «не-людей» и их

почитание (забудешь разве, когда все вокруг разве что рты не разевают и пальцем не показывают). Но все же Аршез... он великим не был. Не казался. Скорее напротив — человеческим. Обычным, своим... Нет, обычным как раз он не был, его доброта, забота — далеко не каждый повел бы себя так же со свалившейся на голову девушкой...

Она совсем запуталась в своих мыслях и торопливо кивнула, соглашаясь на его предложение.

— А вы... разве вы не сфотографируетесь со мной? — добавила, видя, что он не собирается двигаться с места.

— Не сегодня. И мы же договаривались на «ты».

— Да, конечно, простите... прости.

— Прошу вас, светлейшая дева, — фотограф сделал широкий приглашающий жест.

Но тут же опомнился и переспросил:

— У какого фонтана Великий желает?..

— Не надо фонтана. И вот этого всего, — Великий, не глядя, щелкнул по стенду, — не надо тоже. Я хочу только деву. Ее лицо — крупным планом, на три четверти снимка. И невнятная вода в качестве фона.

— Да, конечно. Прошу вас, присядьте сюда, — это он уже Ане. Она присела. — Улыбочку!

— Не надо, — Аршез поморщился. — Я ведь просил — без всей этой пошлости. Ей не подходит сейчас улыбка, вы разве не видите? К ее настроению, к ее ауре. Вы никогда не пробовали отображать естественную красоту? Не портя ее приклеенными улыбками?

— Простите, — фотограф был несколько растерян. — Тогда... просто посмотрите на своего спутника.

Он щелкнул раз, другой, третий. Ближе, дальше. Взгляд на Него. Взгляд в сторону. Взгляд в камеру. Фотограф не знал, как Великому понравится больше. Но очень хотел угодить.

— Распечатайте для меня все, что вы сняли. Полагаю, этого хватит? — Аршез протянул фотографу деньги.

— Ну что вы, Великий, не надо денег. Для меня это честь. Это подарок. Для вас.

— А для меня честь — платить за чужой труд, а не пользоваться безвозмездно его плодами, — не согласился тот. — А если хотите сделать подарок, опустите эти снимки завтра утром в почтовый ящик моей девы. Она живет в двух шагах отсюда, адрес я написал.

— Вашей девы? — на лице фотографа проступило глубочайшее изумление. — Но разве?.. — он смешался.

— Что? — вопрос Аршеза прозвучал жестко. Надменно даже. — Вы полагаете, я должен дать Вам свой адрес? Или убеждены, что моя секретарша не в состоянии мне их передать?

— Простите, Великий, я, разумеется...

Великий уже не слушал.

— Удачного вечера, — приобняв свою деву за талию, он решительно удалялся прочь.

Он молчал, но Аня чувствовала: его просто распирает от гнева. Гнева, вспыхнувшего буквально на пустом месте. И никак не желающего утихнуть.

До ресторана дошли молча. Так же молча он дернул дверь, приглашая ее зайти.

— Добрый вечер. Огромная честь для нас, Великий, — метрдотель встречает со всем почтением. — Вам отдельный кабинет?

— Нет, — голос он не повышает, но Ане чудится сдерживаемый рык. — Просто столик

в зале. Но чтоб за соседними столами никого не было.

— Конечно, Великий. Пройдемте. Вам будет удобно, — его распоряжение (просьбой высказанное в таком тоне было не назвать) никого не удивляет. А он все еще злится и никак не может заставить себя успокоиться.

Их провожают за столик, его деве приносят меню.

— Что-нибудь для вас, Великий?

— Воды, если можно.

Воду приносят почти мгновенно. Он пьет медленно, не глядя на Аню. А вот она, напротив, смотрит. Не в меню, на него. С опаской.

И это ее опасение его отрезвляет:

— Прости, ребенок, устал. Голодный, невыспавшийся — и вот результат: срываюсь, — он постарался ей ободряюще улыбнуться.

— Но что такого страшного сказал тот фотограф?

— Да он не причем. Выбирай, что заказывать будешь.

Она послушно открыла меню. И поняла, что буквы знакомы не все. А блюд слишком много, и их названия — даже если б удалось разобрать — ни о чем ей не скажут.

— А почему вы назвали меня своей секретаршей? — попыталась она оттянуть необходимость выбора из этого странного списка.

— Разозлился на его гнусные домыслы.

— Вы ж говорите, он не причем?

— Он и не причем, разозлился-то я. Ну подумаешь, мало ли дураков на свете?.. — от одного воспоминания об этой потной роже, уже похоронившей его девочку, опять замутило. — А быть секретаршей у одного из Великих — это очень почетно, едва ли не самая вожделенная должность.

— А у вас есть? — тут же заинтересовалась Аня.

— Секретарша? Нет, я еще не настолько велик, — он чуть усмехнулся. — Вот ты подрастешь — тебя возьму. Пойдешь ко мне секретаршей? — секретарша ему не требовалась, но пусть уж у его ребенка будут планы на перспективу.

— Придется, видимо. Должна ж я вам буду отплатить за вашу доброту.

Перспектива ее не вдохновила. Ну да, он для нее не «Великий», а потомок каких-то там цивилизаций. Еще, наверное, и жалости достойный, «ведь вы ж, бедненькие, почти все вымерли»... А трудно, оказывается, отключиться от формулы «я осчастливлю тебя собой». К собственному «величию» привыкаешь еще быстрее, чем люди.

— Да ничего ты мне не должна. И я просил обращаться на «ты», разве это сложно?

— Немного. Когда все вокруг именуют Великим...

— Это просто вежливое обращение, Анют. Ко всем представителям моей расы. А я — самый обычный. Ничего великого или выдающегося в жизни не сделал. Так что просто Аршез и на «ты». Выбрала, что будешь заказывать?

— Нет, я... не все понимаю.

— Тогда давай проще, — он щелкнул пальцами. И возле них мгновенно возник официант. — Будьте так любезны. Моя дева не обедала сегодня. Поэтому — плотный ужин на выбор шеф-повара. Пусть лучше что-то будет лишним.

— Да, конечно. Что-нибудь из напитков?

— Анют?

— Ну, наверное, чай. Если можно.

— Конечно, светлейшая дева. Что-то из алкоголя?

— Нет, этого не надо, — привычно отозвался Аршез. И тут же задумался, — хотя... Вы ведь с помощью него расслабляетесь, верно? — обратился он к официанту. — Снимаете стресс?

Тот кивнул.

— Тогда принесите бокал... чего-нибудь легкого, тоже на выбор шеф-повара. Чтоб мне не стыдно было предложить юной дева.

Официант исчез.

— А почему бокал? А вам?

— «Тебе» ты хотела сказать? — она смущенно кивнула. — Я это не пью, малыш. Это человеческий ресторан, и здесь подают только человеческие напитки. Они мне не подходят, как и здешняя еда. Ты же видишь, мне даже меню не принесли.

— Но вы... ты же сказал, что ты голоден.

— Мне ближе к ночи привезут домой. Не переживай. Даже если бы тебя не было, они все равно не прилетели бы раньше.

— А чем именно ты питаешься?

— Ох, Ань, ну ты придумала тоже. Такие вопросы, и перед едой. А вдруг окажется, что дождевыми червями? Ты мне лучше сама расскажи. Фонтаны, как я понял, у вас есть. А рестораны? Похожи на этот?

А дальше он спрашивал, спрашивал, спрашивал. Про ее город, про школу, про семью. Ей принесли еду — одно блюдо за другим, заставили практически весь стол. Принесли бокал белого вина, и он чокнулся с ней своей водой. И все спрашивал, спрашивал.

Она ела, дегустируя принесенные блюда сначала с осторожностью, потом смелее, еда оказалась вполне привычной — ни излишнего перца, ни экзотических продуктов, вроде жареных кузнечиков. И рассказывала. С кем из родных она летела в самолете. С кем из друзей. Аршез испытал явное облегчение, узнав, что совсем одна. На вопрос «почему» ответил абстрактное: «Чтоб нам с тобой за них не волноваться», и спрашивал дальше. Куда летел самолет, зачем ей было туда, как залетел в Сибирю, кто их встретил, да что им сказали...

— Что значит «миграционная служба»? — термин был ему не знаком.

— Ну, те, кто занимаются проблемами переселенцев. Контролируют перемещение людей из страны в страну.

— У наших людей есть только одна страна, тут нечего контролировать.

— Зачем же тогда вам такая служба?

— Да нет у нас такой службы.

— Кто же тогда Ринат?

— Не знаю, никогда не слышал этого имени. А полное его имя ты не помнишь?

— Полное я даже твое не помню.

— Аршезаридор Шеринадиир ир го тэ Андаррэ.

— Вот и у него примерно такое: бесконечный набор звуков в случайной последовательности.

— Спасибо, Аньот. Но это было мое имя.

— Прости, пожалуйста, — она смутилась. — Вот напрасно ты заказал мне вино, я теперь не слишком соображаю, что говорю.

— Не страшно. Зато выкать, наконец, перестала.

— Это важно?

— Что?

— Чтобы не выкала. Я все же младше. И знакомы мы очень недавно.

— Ты не просто младше, ребенок. Ты младше настолько, что я не знаю, как нам с этим и жить. И делаю что-то не то, и чувствую как-то не так... — он чуть усмехнулся. Задумчиво и немного печально. — Знаешь, я с людьми, конечно, общался. С самыми разными и довольно много. Я, собственно, сюда для того и переехал. Но никогда я не брал на себя ответственность за чью-то жизнь. А тут... Понимаешь, вся твоя жизнь теперь зависит от меня. Вот какой я смогу ее организовать — такой и будет. Что сумею тебе подарить — то и твое. И это очень сложную гамму чувств рождает, — он не спеша отпил воды из бокала. Эта удивительная природная жидкость, которую люди, почему-то, предпочитали портить вкусовыми добавками, обладала весьма полезными свойствами: дарила спокойствие и ясность мысли. А ему казалось важным ей объяснить. — Понимаешь, я чувствую тебя сейчас... своей. Не просто очень близкой, а буквально частью себя... И каждое твое «вы» при этом — как попытка оттолкнуть. Исторгнуть. Я понимаю, ты чувствуешь иначе, я все время тебя тороплю... Что поделаться: ни опыта, ни терпения, — он вновь чуть усмехнулся, глядя в ее огромные глаза. Ошарашил. Ну конечно, его обтекаемое «опекун» ничего ей не сказало, и потому его отношение к ней ей сложно было понять. И от местной человеческой культуры, воспитывавшей безусловное приятие любого из Великих, она тоже была далека.

Он расплатился за ужин и повел свою деву домой. Деву... Слишком громкое слово для его маленького усталого ребенка.

Они неспешно брели по улице, и она думала о том, что дома в это время бывает уже совсем темно, значит, они значительно севернее, но где? На картах Сибирю обозначали большим белым пятном. Terra incognita. Говорят, даже со спутника разглядеть невозможно. Какое-то излучение. Явление, подобное Границе, не дающее получить информацию.

— Аршез, а карты Сибири существуют?

— Конечно.

— И мне можно будет взглянуть?

— Завтра, ладно? Не уверен, что дома есть, но в любом магазине продаются. Купим.

Она благодарно кивнула. С ним было легко, его отношение действительно заставляло забыть, что они едва знакомы. А уж его слова о том, что он чувствует ее своей... Они оказались важными, очень. Они давали защиту. Уверенность, что завтра он не прогонит, устав возиться. Ведь кто она без него в этом мире? Куда ей идти, кого искать? Даже если «своих», то где?

Вот только почему он считает ее слишком маленькой?

— Аршез, а насколько я тебя младше? Сколько тебе сейчас лет?

— Да мне не много, ребенок. Всего лишь три... дцать, — в последний момент исправился он, сообразив, что его «немного» для нее запредел, которого вообще «не бывает». — Но проблема не в том, сколько мне...

— Тридцать... — для нее даже эта цифра оказалась невыносимо большой. — Я думала, ты моложе. Года двадцать два... ну, в крайнем случае, двадцать четыре...

— Ну, будь я моложе, мы б, возможно, с тобой и не встретились. Знаешь, как мне тебя представили? Позвонил мой начальник из Управления... он курирует развитие тяжелой промышленности, к решению вашей судьбы точно не причастен... и сообщил, что в связи с недавно прошедшим юбилеем, высокое начальство распорядилось прислать мне подарок...

— Это я — подарок?

— Подарочек, — он улыбнулся и притянул к себе, обняв за плечи. Нежно поцеловал в висок. — Не обижайся, это только слова. Идем, — он повел ее дальше, не убирая руки с ее плеча. Она не возражала, а ему приятно. — Просто, понимаешь, на большие юбилеи у нас принято дарить подарки. Причем это подарки не только от родных и друзей, но и от вышестоящих начальников. Всех уровней, порой — до самых высоких. Ты, да и все, кто с тобой летели, ни в коей мере подарком быть не можете, это понятно, — поспешил сгладить он свои слова. — Просто раздав вас «в частные руки» государство бодро скинуло с себя ответственность за вашу дальнейшую судьбу и необходимость вас содержать. Как говорится, ничего личного... Но понимаешь, ребенок, не будь у меня в этом году юбилея, обо мне на этом «празднике жизни» никто бы не вспомнил. Я, по меркам моего народа, действительно крайне молод, положение у меня весьма незначительное. Богатыми и знатными родственниками похвастаться тоже не могу. Не повезло тебе с покровителем, — закончил с улыбкой.

— Неправда, мне повезло, — осмелев — то ли от алкоголя, то ли от того тепла, что дарили его прикосновения — она обвила его рукой за пояс и так и шла с ним в обнимку. Ну и пусть все вокруг на них смотрят. Ей было сейчас хорошо.

Дома он отправил ее спать и ушел к себе, плотно притворив за собой дверь. Подумал, что надо бы поставить замок на выход в коридор возле его спальни. Не все здесь для ее глаз.

Но это потом. Сейчас она спит, и он может, наконец, расслабиться.

Прилетела машина с едой. Он не чувствовал вкуса и все никак не мог насытиться. Словно все еще пил ту воду из ресторана. В очередной раз подумал, что пора уже начать заказывать себе еду первого сорта, он не так уж плохо зарабатывает. В очередной раз одернул себя, что это блажь, деньги нужны семье, да и на девочку сейчас придется потратить. Доходы увеличились немного, а вот расходы в ближайшие дни возрастут. Еда как еда. А он просто излишне устал.

Отправился спать, ведь в прошлую ночь не удалось. Потребовалось срочно лететь домой, а с утра ждали на совещании. Всего лишь люди, да. Но зачем их подводить? Он — их воплощенная мечта, он должен быть идеален.

Глаза уже закрывались. И тут по нервам ударил плачь.

Его ребенок рыдал и не мог остановиться. Он, конечно, пришел. Включил свет, позвал, попытался утешить. Она спала. Она спала, и плакала, и чего-то боялась. Кричала, заливаясь слезами. И не слышала его, и была не в силах проснуться.

— Мама, — стонала она сквозь слезы, метаясь в беспамятстве по огромной постели, — мама, мама, мамочка!.. Я не хочу! Я не хочу, я не хочу, нет!!!

Он обнял, спеленывая в одеяло, как в кокон, затащил к себе на колени, прижал к груди:

— Все хорошо, Анечка, я здесь, с тобой, все хорошо. Ничего страшного больше не случится, все прошло, моя хорошая, все уже прошло...

Она прильнула к нему, затихая. Он осторожно убрал с ее лица спутанные волосы, мокрые от слез и от пота, прижался к виску губами.

— Все хорошо, — шептал он как заклинание. — Все обязательно будет хорошо, я обещаю.

Так и не ушел, остался с ней до утра. Он пытался, но стоило ему ее отпустить, как девочку вновь настигали кошмары. В итоге он сдался, лег рядом, обнимая ее поверх одеяла.

И так и не смог сомкнуть глаз. Она была слишком близко — спящая, беспомощная,

доверчиво прижимавшаяся к нему во сне. Ее запах сводил с ума, будоража, дразня, отнимая волю. Нет, сон не пришел, был лишь полубред нереализованного желания, полного образов испепеляющей страсти и безудержного наслаждения.

«Но она же не хочет, — твердил он себе. — Ей это не надо, она не хочет». У его народа это был единственный критерий. Их детям «можно» было всегда, в любом возрасте. Как только желание страсти пробуждалось — оно должно было быть реализовано. Ибо было оно острым, как жажда. Да, собственно, жаждой и было. Жаждой плоти.

У людей с этим было как-то сложнее. Даже у взрослых желания плоти были оплетены паутиной каких-то сложных табу. А уж пробудившееся прежде срока желание подростка и вовсе подавлялось и осуждалось. Связано это было не то с хрупкостью человеческого организма, не то с невозможностью контролировать появление потомства... Он никогда не вникал, человеческие дети жили для него в параллельной вселенной.

Но сейчас... Он наплевал бы на все их глупые и бессмысленные запреты, детей ей от него не рожать, а для секса ее тело вполне созрело... Тело, не разум. И он в сотый раз повторял «она не хочет» — единственный довод, заставлявший его оставаться неподвижным. Ведь детей, чье желание не пробудилось — не трогают.

А рот наполнялся вязкой слюной, и так болезненно ныли зубы...

Он покинул ее на рассвете, забывшуюся, наконец, глубоким сном и так и не узнавшую о его мучениях.

А он долго стоял в потоке воды, пытаясь взбодриться и сообразить, что же ему делать дальше. Наступающий день обещал быть долгим.

День второй

Несколько позже, наряженный в обтягивающую серебристую футболку с карикатурно-нелепым малиново-черным рисунком, с малиновой прядью, подколотой к волосам в районе левого виска и заправленной в хвост, и, конечно, в узких черных очках, он уверенно звонил в одну из квартир седьмого этажа.

— Кто там? — недовольный старушечий голос полон подозрений.

— Гости, — отвечает он беззаботно.

Дверь распахивается.

— Артемка, ты? — грузная пожилая женщина, стоящая на пороге, не скрывает радости. — Ты что не спишь-то в такую рань? Ну заходи, заходи.

Он заходит. В небольшой прихожей витает запах лекарств, но следов запустения нет — все прибрано и опрятно.

— Как сердце, тетя Люсь, больше не обижает?

— Да помаленьку, Тёмочка, помаленьку. Чаю тебе налить?

— Не откажусь.

Она удивляется. Впрочем, скорее обрадованно:

— Да? Вот давно бы так. А то все «воды» да «воды». Идем.

На маленькой кухне она готовит ему чай, делаясь последними новостями. А он внимательно следит за процессом, почти не вникая в рассказ. Он ведь никогда не интересовался, как люди готовят свой самый популярный напиток. А теперь вот — надо как-то ребенка кормить, а он не умеет...

С соседкой он познакомился несколько лет назад, вскоре после того, как сюда переехал. Познакомился случайно: поленился ждать лифта, пошел пешком. И услышал, как за одной из стен сердце бьется слишком неправильно. Остановился, чуть прикрыл глаза, вчитываясь в детали... И решительно выбил дверь.

Пожилая женщина лежала на полу в прихожей. Была в сознании, вот только сил добраться до телефона и позвать на помощь у нее не было. Он вызвал ей скорую, дождался врача, помог собрать вещи в больницу. Ну а поскольку был он в тот день одет бесшабашным мальчишкой, спрятавшим глазки за модными очками, никому и в голову не пришло именовать его Великим. Так и остался Артемом — что для нее, что для врачей той скорой. Им, впрочем, он еще и родственником больной представился.

Ну а коль уж представился... Он зашел к ней в больницу, узнать как дела. Выяснил, что нужно лекарство. Редкое. Он достал. Затем зашел к ней домой проведать после выписки. Понял, что слишком слаба, чтоб готовить, убирать и ходить по магазинам. Он нашел ей сиделок. Благо жаждущих провести ночь с Великим хватало. Вот Великий и объявил: заслужи. Три дня работы помощницей по хозяйству — и ночь твоя. Да, сиделок получилось многовато, и тетя Люся сокрушалась его непостоянству, но он никому не дарил больше одной ночи. Не хотел — ни привязываться, ни привязывать.

А к соседке вот привязался. Ну да, назовешься племянником... и вдруг окажется, что это не просто слова.

— Сахар тебе положить?... Арте-ем, о чем думаешь?

Он встрепнулся.

— Прости, тетя Люсь, засыпаю. Кого куда положить?

— Сахар. В чай.

— А надо?

— Вот я тебя и спрашиваю, надо ли?.. Тём, ты с девочками своими бесконечными завязывал бы. Не доведут до добра-то. Всю ночь ведь, небось, с красоткой какой кутил опять.

— Кутил. Красотка вот только не в курсе, — он вздохнул. — Теть Люсь, давай проще: ты себе чай как делаешь?

— Да себе-то без сахара, нельзя мне уже, Артемушка, здоровье не то. А ты у нас паренёк молодой, здоровый... на, держи сахарницу, сам сыпь сколько надо.

Он задумчиво посмотрел на жидкость в чашке, на белый песок в «сахарнице»... Слово «сахар» он слышал, запомнит. А вот чай... как он выглядит хоть до того, как его «приготовили»?

— Теть Люсь, а от чая можно посмотреть упаковку?

— А что упаковка? — не поняла она, но послушно протянула. — Обычный самый чай. Черный, без добавок. Или ты у нас такой не пьешь?

— Я любой не пью, — рассмотрев этикетку, он открыл коробку и любовался теперь мелкими скрученными комочками засохших листьев. — Но надо ж когда-то начинать...

— Да что случилось-то, Тём? Я ж вижу, ты не ради чая пришел.

«А ради чего ж?» — безмолвно вздохнул он. И признался:

— Да ребенком меня осчастливили...

— Допрыгался, то есть, — осуждающе кивнула старушка. — И когда родится? Или уже?

— Что? — нет, все же две бессонные ночи подряд дают себя знать. — А, нет, не в том смысле. Родилась уже. Лет шестнадцать назад. И не у меня. Понимаешь... это дочка маминой подруги. Приехала на лето. Город посмотреть захотелось. Ну и... самостоятельности, понятно. А мамочка и подсуетилась: зачем деньги за жилье платить, у Артема ж квартира, чай не чужие... Так что будет жить у меня. А у меня... плита сломалась.

— И планы на разгульную жизнь?

— Да планы... переиграем, — не понимал он ее веселья. Как и осуждения его «бесконечных девочек». Бесконечные — это ж хорошо. Это значит — не кончатся, ни одна из них. — Кормить мне ее нечем, вот проблема.

— И из-за этого ты с раннего утра так маешься? Плита-то, небось, не вчера сломалась? Вон худющий какой, сам ведь вообще про еду забываешь, верно? А для чьей-то там дочки все надо в лучшем виде!

— Я за нее отвечаю, — угрюмо получилось. Насуплено. Как объяснить, что у девочки только он? И если он не справится — ей никто уже не поможет?

— Вот я и говорю: ответственный ты слишком. Больно близко к сердцу все принимаешь.

— И кому из людей от этого хуже?

— Да не хуже, не хуже, не обижайся. Я вон твоей отзывчивости жизнью обязана, мне ли тебя за нее ругать.

— Да не...

— Не спорь!.. давай я вам блинов, что ли, к завтраку напеку. Ты блины-то любишь?

Он кивнул, не особо представляя, как это блюдо выглядит, но надеясь, что его деду оно понравится. Надо хоть книжку купить. С картинками. Про человеческую еду. Бывают же, наверно, такие. Слишком сложно у людей все готовится, не с рождения ж они это знают.

— Скажи, тетя Люсь, а дети... девочки — они с какого возраста обычно готовить

умеют?

— Да от родителей обычно зависит, кто как поставит, — она лишь пожалала плечами, роясь в шкафчиках в поисках каких-то продуктов. — Кто со школы прекрасно готовит, а кто до пенсии «мама, приготовь». Но это — если мама под боком, а так — жизнь заставит, всему научишься.

— Последнее радует.

— А ты уже и готовить за нее собрался?

Промолчал. Нет, если она умеет — это здорово, если этому можно научиться — тем более неплохо. Потому как ресторан три раза в день — это не только дорого, это еще и безумно долго.

— Вот не пойму я тебя, Артемка... — вздохнула между тем тетя Люся. — Ты чай-то пей, что сидишь?.. Хороший же ты парень. И чуткий, и отзывчивый, и заботливый. А в личной жизни у тебя при этом такой бардак. Из тебя же муж получится замечательный, отец... Неужели никогда не хотелось?

— Хотелось, почему ж нет. Каждому, наверно, хочется. Вот только выходит не у многих, — он почти забыл, что для нее он только Артем. Позволил себе поддаться воспоминаниям. Вторая бессонная ночь? Или девочка, спящая у него в квартире? — Знаешь, она была старше меня. Ненамного, но... Приезжала к нам в гости, и все говорила: «Вырастай, Арик, будем с тобой детей делать. У нас с тобой непременно красивые дети получатся». Я вырос. Да только не вышли у нас дети. Не родились... А вот с другим у нее получилось. Я рад, конечно. За них. За себя — не очень...

Он только годы спустя осознал: ей нужен был только ребенок, от кого — не важно. Кто сможет. Панический страх не родить... А он не хотел — с кем выйдет. С ней — хотел. Когда-то. В той, прошлой жизни. Но старой человеческой женщине говорить об этом уже не стал. Не человеческие это проблемы. Они своих детей нерожденными убивать пытаются, им не понять...

— Она тебе изменила, и ты теперь изменяешь каждой? — тетя Люся и не поняла. — Разве ж это выход?

— Изменяю?.. — он задумался, отпил чаю из чашки. И тут же закашлялся, и был вынужден кинуться к раковине, чтоб выплюнуть омерзительную жижу. — А вот скажи, тетя Люсь, — беря с полки чистый стакан и наливая туда воды из крана, продолжил он. — Если я буду жить с этой девочкой в одной квартире. Просто жить — без любви, без секса. То станет ли она считать изменой, если я буду звать к себе на ночь подруг?

— Если ты ей ничего не обещал — нет, конечно. Особенно, если сама она к тебе равнодушна. Что чай, прям настолько негодный?

— Нет, что ты. Поперхнулся. Да и горячий слишком.

— Да, ладно, остыл давно, не юли... Только, Тём, — вернулась она к разговору, — ведь и уважать тебя девочка не будет. Бабник — это среди мужиков круто, юные девы такого не ценят. А если однажды ты в нее влюбишься — не поверит ни единому слову. Насмотрится, как вылетают из твоей жизни те, кто купился на твои сладкие речи.

— И с чего я должен в нее влюбляться?

— Привязчивый ты у меня, Артемка. Сам это знаешь. Вот потому и гонишь всех своих «потенциальных». А ее тебе как прогнать? Мама не велела. Привяжешься. А там и до любви недалеко. Мама-то не зря тебе девочку сосватала. Надеется ведь, что, наконец, остепенишься. Внуков, наверно, давным-давно хочет.

Мама. Его настоящая, непридуманная мама, страстно хотела лишь одного: чтоб ее Арик хорошо и полноценно питался. Голод, пережитый ими в его детстве, стал ее вечным кошмаром: ей все казалось, ему не хватило. Тогда, в детстве, когда идет активное строительство всех органов и систем организма, ему не хватило каких-то полезных веществ, они питались тогда слишком мало, слишком нерегулярно, и еда слишком часто бывала ниже всякой критики. Ей казалось — он навеки теперь в группе риска, его иммунитет слишком слаб. И не важно, что он не болеет... Это она настояла, чтоб он учил язык и специализировался на куратора. И радовалась, когда он сообщил, что хочет совсем переехать к людям. Здесь есть еда для ее мальчика. Хорошая, качественная еда. А внуки... нет, с ними надо делиться...

* * *

Аня проснулась ближе к полудню. Отдохнувшая, выспавшаяся так, как это можно только в каникулы, когда точно знаешь, что спешить тебе некуда: ни сегодня, ни завтра, ни еще много-много ясных солнечных дней. Чуть понежилась, зарывшись носом в подушку, вдыхая идущий от белья сладковатый аромат сандала с едва ощутимой дымной горчинкой на конце. Аромат был тонкий, едва уловимый. Как от подвески сандалового дерева, что привез ей когда-то из Индии дядя Леша. Сначала аромат, источаемый фигурно вырезанным кусочком дерева, казался ей очень ярким, насыщенным, но с годами словно выветрился, истерся, и приходилось принахиваться, поднося подвеску к самому носу, чтобы вновь ощутить знакомую сладость, приправленную туманным привкусом экзотики. Вот как сейчас, хотя подвеска давно потерялась, а белье... чужое!

Она вздрогнула, резко садясь на кровати и нервно оглядывая комнату. Из огромного зеркала, занимавшего почти всю стену в изножье, на нее смотрела встрепанная девушка в сползшей с одного плеча безразмерной футболке. Футболке столь же чужой, как и это постельное белье непривычного салатного оттенка, и вся эта комната, залитая ярким солнечным светом...

Воспоминания о вчерашнем дне накрыли лавиной. Она не дома. Совсем не дома, и никогда туда больше не вернется. Вспомнить об этом оказалось больно. Но вспомнилось и другое, то, что не позволило испортить начало этого дня страхом и отчаяньем. Аршез. Она не одна, у нее есть Аршез. И он поможет, поддержит, вместе они справятся. Со всем.

Аршез. Даже имя его согревало теплом, словно яркий солнечный луч, проникающий в самое сердце. Вспомнилась его нежная улыбка, его глаза — нет, не страшные вовсе, необычные только — чуть-чуть, капельку. Главное — теплые. И красивые, не отнять.

А домой они шли в обнимку... Щеки запыхали. Это все вино, ей не стоило пить! Она вообще-то, не очень любила, но вот — постеснялась отказаться...

Взгляд упал на подоконник. Еще вечером абсолютно пустой, сейчас он был заставлен коробками. Подошла. В самой большой обнаружился электрический чайник, судя по фирменной упаковке — только из магазина. Рядом — коробка с чайным сервизом на две персоны, тоже не вскрытая. В бумажном пакете — коробочка с чаем и пачка сахара. На большом блюде, прикрытая салфеткой — высокая стопка блинов. Рядом — баночка с каким-то вареньем. Улыбнулась. Нет, Аршез — это все-таки чудо. Таких не бывает. Людей — так точно.

Нашла его за письменным столом в гостиной. Обняла, подлетев к нему сзади и коснувшись щекой щеки:

— Спасибо!.. Ой, а это что? — распрямляясь, заметила яркую малиновую прядь в его волосах. Вчера, вроде, не было...

— Это — маленькое хулиганство, — он обернулся, легко подхватывая ее и усаживая себе на колени. — Совсем небольшое, — он осторожно прижимал ее к себе, вдыхая аромат ее волос, скользя рукой по бедру. — С добрым утром, ребенок.

— Не надо! — она попыталась одернуть задравшуюся футболку, изгоняя его наглую руку.

— Желать доброго утра? — улыбнулся он, но руку убрал. Переложил на тонкую девичью талию. — Я ж просто погладил, что в этом такого ужасного?

— Не надо так, — повторила с укором.

— Хорошо, уговорила, не буду. Просто поцелую, ладно? В щечку? Вот так, едва-едва? — он осторожно коснулся губами ее нежной кожи, впитывая искорки ее смущения и ее удовольствия. Его пальцы безнадежно заблудились в ее волосах, нечесаных, спутанных после сна...

— Ар, не надо, щекотно! — она опять вырывалась. А он всего лишь лизнул ее в ушко. Или за ушком. Он совсем терял голову от ее запаха...

Вздохнул и опустил руки:

— Беги, умывайся. Растрепашка.

Она резво соскочила с его колен, а он тут же почувствовал необходимость затянуть ее туда обратно.

— Только одень что-нибудь, а то у нас в кладовке ремонт делают, не здорово в одной футболке скакать, — добавил уже практически в спину, сообразив, что надо предупредить.

— Какой ремонт? — она резко затормозила, словно наткнувшись на преграду.

— Косметический. Будем из кладовки кухню делать. Должно же у тебя быть место для приготовления и поглощения пищи, не все ж по углам жаться.

— Аршез... — это было так неожиданно и так приятно. Нет, он вчера пообещал, конечно, что поменяет для нее мебель в комнате, но обещать умеют многие. — А как же все те вещи, что у тебя в кладовке хранились?

— Выкинул, — судя по голосу, сожаления он не испытывал. — Если за столько лет ничего из этого хлама не понадобилось, так чего ради хранить?

— Ну... там ковер был, можно было б здесь постелить, а то как-то пусто...

— Ой, Анют, там такой ковер, что лучше уж не стелить, — он невольно вспомнил о том, чем был нещадно залит коврик еще при прежнем владельце. И понял, что тоже хочет ковер в гостиную. Потому что на кровати она постесняется, а на ковре, да под видом дружеской борьбы он столь многое сможет себе позволить... — Купим ковер, Анют. Новый, а не вытертый до дыр, — пообещал. То ли ей, то ли себе.

— Как у тебя все просто, — она даже головой покачала. — Старое выкинем, новое купим, и все мгновенно, без раздумий... И как только ты так быстро мастеров нашел, чтоб ремонт делали?

— Беззастенчиво воспользовался служебным положением, — улыбнулся он. — Должна же мне быть хоть какая-то выгода от всеобщего обожания.

Она вспомнила вчерашний поход в ресторан. И взгляды абсолютно всех, и безграничное желание услужить, и как ей было неуютно это всеобщее внимание. А ведь он так живет.

Каждый день. Неудивительно, что давно научился использовать это всеобщее обожание «в практических целях». Но все же причины столь горячей любви к его расе ей были непонятны. Впрочем, если они все такие, как Аршез...

— Вот только скажи мне, пожалуйста, что мне одеть? — вспомнила она о насущном. — Единственное платье жалко, а шорты, в которых ты вчера разрешил мне по дому ходить, я сегодня почему-то найти не могу. Ты их случайно вместе с ковром не выкинул?

— Так они в ванной, Анют, сушатся. Вместе с остальными твоими вещами. Я подумал, что после целого дня в дороге стирка им не помешает.

— Аршез... Ну зачем, я могла бы сама... — смутилась.

— И зачем сама, когда в доме стиральная машина есть? — он сделал вид, что не понял и вновь вернулся к книге, от которой его отвлекло ее появление. — А платье недолго осталось быть единственным, так что не жалея.

Завтракать она устроилась в гостиной. Он не возражал, хотя теперь сосредоточиться на чтении стало заметно сложнее.

— А откуда у нас блины? — поинтересовалась меж тем девочка.

— Соседка тебе испекла. Очень надеется, что ты оценишь.

— Спасибо ей. Только неудобно как-то...

— Ей было приятно. Тебе это блюдо знакомо, у вас такое готовят?

— Да, конечно, часто. Только это, похоже, из ржаной муки, у меня такие бабушка порой делает, а мы обычно готовим из пшеничной.

— И в чем разница?

— Немного другой цвет, немного другой вкус, а так все то же самое, — она легкомысленно пожала плечами.

— А по калорийности, по набору микроэлементов? — уточнил он вопрос. — Они что, по своим питательным свойствам больше подходят пожилым людям?

— Честно говоря, не в курсе, — она намазывала блин вареньем, ничуть не интересуясь энергетической ценностью ни того, ни другого.

— То есть сама ты их готовить не умеешь?

— Почему? Умею, конечно. И не только их, я вообще готовлю неплохо.

— И как же ты готовишь, если в теории не разбираешься? — не понял он. — Или это у вас возрастное разделение: те, кто старше и опытней составляют полноценное меню, а подросткам вроде тебя доверяется только приготовление указанных взрослыми блюд?

— Какое полноценное меню?

Он бросил быстрый взгляд в открытую книгу.

— Оптимальное сочетание белков, жиров и углеводов — как в отдельной порции еды, так и в суточном курсе, составление блюд исходя из калорийности их компонентов, да, и при этом обязательное наличие в ежедневном рационе молочной, мясной, овощной и зерновой пищи.

— Аршез... — она взглянула на него с подозрением. Не выдержала, подошла. Потянулась к книге. «Основы правильного питания». Несмотря на наличие незнакомых букв, название она поняла. — Ты ко всему подходишь столь основательно?

— Ну а как я смогу тебя нормально кормить, если даже основ процесса не понимаю?

Улыбнулась, глядя в невозможные его бирюзовые глаза. Серьезные такие, целеустремленные.

— Аршез... — просто произнести его имя было приятно. — А вот давай ты эту книжку

закроешь и больше не будешь забивать свою прекрасную головку...

— Что??

— Ой... — не выдержала, прыснула. — Прости, пожалуйста. Но когда мужчина пытается заниматься женскими делами, это так смешно выходит...

— Не понял, почему эти дела женские, и что смешного в моем желании разобраться в процессе? Тем более что процесс, как выясняется, невероятно сложен даже в теоретической своей части.

— Теоретическую часть пропускаем. Нет, Ар, правда, — добавила, видя, что он собирается поспорить. А он... разбилась об это ее короткое свойское «Ар», которого она даже не замечала, похоже, в своей речи, об эту ее неосознанную, но непоколебимую уверенность, что она знает лучше. Уверенность, которую в разговоре с Великим ни один человек этой страны не испытывает. Он был для них авторитетом — для всех и для каждого, даже в тех вопросах, в которых совсем не разбирался. Просто, по умолчанию. А для нее — не был. Но при этом она чувствовала к нему симпатию, она привязывалась к нему все глубже, сама, быть может, того не осознавая. — Послушай, все проще гораздо. Нужны продукты — ну, вернее, чтоб у меня была возможность их покупать. Ты выделяешь, сколько в месяц я могу потратить на покупку еды, рассказываешь, где здесь ее покупают — магазины, рынки, как у вас тут принято? Еще нужна плита для готовки, ну хотя бы плитка маленькая. И холодильник, чтоб продукты хранить. Ну и посуда. Все. И о моем кормлении можешь даже не волноваться.

— Правда? — того, что она просто стоит рядом, не выдержал, утянул на колени. Зарылся носом в ее волосы, не сомневаясь, что она опять дернется и возмутится. Но ведь хотелось. Так хотелось...

— Ар...

— Да? — полузакрыв глаза, он наслаждался ее запахом, ее симпатией к нему, нотками удовольствия от его близости. И легким смущением. И близость, и удовольствие она почему-то считала запретными, неправильными.

— Пусти, у меня руки жирные, испачкаю ж твою майку нарядную, жалко будет, — ну вот, нашла повод отстраниться. Отпустил.

— Плитку маленькую мы с утра в кладовке нашли, когда хлам выбрасывали. Взгляни, подходит она? — он кивнул на простенькую электрическую плитку, стоящую на полу у стены. Одноконфорочную, немного оттертую от пыли, но еще жаждущую отмыться от многочисленных пятен и потеков.

— Да, конечно, если она работает, — Аня с некоторым сомнением оглядела данное «чудо техники». Вспомнился светловолосый парень из их группы, верящий, что тут «механизмов таких примитивных не найдется». А тут вон — и допотопные в ходу.

— Работает — это просто нагревается до высокой температуры? Тогда да, мы проверили. Только я не понял, как простым нагреванием можно либо жарить, либо варить, либо... — задумался, но вспомнить не смог, глянул в раскрытую на столе книгу, — тушить.

— Я потом тебе покажу. На практике, ладно? Если тебе интересно.

— Мне интересно, Аня. Мне, видишь ли, крайне интересно, чтоб ты хорошо и полноценно питалась. Здесь это важно, ребенок, здесь от этого здоровье твое зависит.

— Оно везде от этого зависит, вот только не надо доходить до фанатизма.

— «Везде» и «у всех» на тебя больше не распространяется, ребенок. Ты, к сожалению, в группе риска, и потому просто не можешь себе позволить халатность в этом вопросе.

— Почему в группе риска?

— По многим факторам, — углубляться в тему не хотелось. — Другой климат, другой бактериологический фон, другой энергетический... Да, кстати, купил тебе витамины, — он дернул на себя средний ящик стола, достал оттуда две коробочки с лекарствами. Взглянув на этикетки, одну, чуть замявшись, все же убрал обратно, другую протянул ей. — После еды, согласно инструкции.

— Аршез, а ты не слишком серьезно к вопросу подходишь? — витамины она взяла, куда деваться. Покрутила в руках, раздумывая, где именно она их похоронит...

— Надеюсь, что достаточно серьезно. И я надеюсь так же, что ты уже достаточно взрослая, чтоб витамины действительно принимать, а не выплевывать втихаря в унитаз.

— Ну зачем же втихаря? — от того, что он угадал ее мысли, она неожиданно разозлилась. — Могу и громко вернуть дарителю! — коробочку хотелось швырнуть, но она просто положила ее прямо на его раскрытую книгу. — Выражение «удушающая забота» слышать не доводилось?! — почувствовала, что сейчас сорвется на бессмысленный крик. Попыталась успокоиться. Объяснить. — Я сама могу разобраться со своим питанием. Я сама могу постирать свои вещи. Я понимаю... я пытаюсь себя убеждать, что ты, наверное, как лучше хочешь. Но есть же какие-то границы. Какие-то вещи, которые я должна делать сама, потому что если ты их делаешь за меня, ты словно демонстрируешь мне, что я не состоятельна, что я не справилась, не смогла, не успела...

— Аня, что за глупости, какая состоятельность, в чем? Ты у меня в гостях, ты младше, слабее, беспомощнее — это объективный факт, чем моя забота оскорбляет? Зачем ты выворачиваешь все с ног на голову? — он ее не понял. Просто не понял. В психологии человеческих детей у него не то, что пробелы, полное отсутствие информации. Надо будет почитать. Потом. Сейчас как-то договориться. Проще было бы приказать, она б даже не ощутила, но... Она и так под воздействием, добавлять еще и ментальные атаки — гарантированно губить то самое здоровье, о котором он так печется. — Ань, давай так: я постараюсь не вмешиваться. Максимально, насколько возможно. Во все, в чем ты достаточно компетентна, чтоб делать самостоятельно. Но. Постарайся, пожалуйста, понять. Здесь другая страна. Другие законы. Немного другая реальность. И эту реальность я знаю досконально, ты — не знаешь совсем. Поэтому если я говорю, что надо сделать так-то и так-то — ты делаешь, а не считаешь это вспышкой моей природной вредности.

Он вновь поднял с книги коробочку с витаминами и вложил ей в ладошку:

— Пожалуйста, Ань. Я не шутил про группу риска.

Она кивнула, соглашаясь на его таблетки. Лишь уточнила:

— Вторая пачка тоже меня дожидается?

— Да, — отпираться не стал. — Это тоже профилактическое... Но с тем лекарством мы подождем. Пока. Надеюсь.

— Аршез... Как-то мне уже у вас не нравится... С таким-то количеством необходимых профилактических средств.

— Не бери в голову, ребенок. Все решаемо. Давай, заканчивай завтрак и садись писать список вещей, чтоб бессмысленно по магазинам не шататься. Что нам надо купить уже сегодня? И из одежды, и из еды, и из предметов быта. Только не все подряд, а то на что-то важное у нас просто денег не хватит.

Для написания списка он уступил ей свой стол. Выдал ручку и лист бумаги. Ручка на этот раз была самая обычная, пальцы от нее не болели. Перьева, правда, но ведь и в Анином

мире такие еще встречались. Особым спросом, правда, не пользовались, но ведь были.

Пока она сидела, раздумывая, что ей понадобится в первую очередь, зазвонил телефон. Несколько резко, впрочем, и сам аппарат, примостившийся на краю стола, был немного громоздким. У них дома телефон был куда изящней.

— Да? — поднял трубку Аршез. — Взаимно... Может быть... Едва ли, я несколько занят... Нет, не зову... Угадал, не планирую... Значит, ты думал обо мне лучше, чем я заслуживаю. Всего хорошего.

Трубка падает на рычаг, Аршез с улыбкой оборачивается к деве:

— Ты пиши, что задумалась? — склоняется над ее записями, вчитывается в аккуратно выведенные буквы — знакомые и незнакомые. — Не обязательно платье, это может быть юбка и блузка, или даже футболка. Брюки тоже возможны, просто длинные. По магазинам в них ходить даже удобней, наверно, будет.

Она кивает, чуть разочарованная, что звонок он никак не прокомментировал. Но, в конце концов, кто она ему, чтоб он отчитывался перед ней во всех своих словах и поступках? Пока они вместе составляют список, телефон звонит еще дважды. И ответы Аршеза, как, видимо, и вопросы звонящих, не слишком разнятся.

— Как все же много у меня друзей, — саркастически хмыкает Аршез, кладя в очередной раз трубку. — Никогда бы не догадался.

— Да ладно тебе, всего лишь третий.

— Это третий соня, который, как и ты, полдня в постели потерял. Основная масса «лучших друзей» с утра мне телефон обрывала.

— И чего они хотят? — все же не удержалась Аня.

— Тебя они хотят... посмотреть поближе, — поспешил добавить, видя, как она напряглась от его неосторожных слов. — Все же человек из-за гор — это редкость невероятная. Там почти никто из нас не был, любопытно...

— То есть, кто-то из вас в нашем мире все же бывает?

— Разведка, агентура... — он равнодушно пожал плечами. — Врагов не стоит недооценивать, даже если пока они слабее.

— Так мы для вас враги?

— Потенциально — да. Не конкретные люди, но государственные образования в целом.

— Но почему?

— Я ведь уже объяснял: потому что мы — не люди.

— Но ведь здесь вы живете вместе с людьми.

— Здесь созданы уникальные условия. Со всем миром так не получится.

— Но...

— Не отвлекайся, Анют, ладно? Уже и так много времени.

Она послушно возвращается к списку. Но тут же вновь поднимает голову:

— А почему ты не хочешь меня ни с кем из друзей знакомить?

— Потому что я эгоист. Мама в детстве делиться не научила.

— Правда? — она смотрит на него с огромным сомнением. Это он эгоист? Отдал комнату незнакомой девочке, теперь вот ремонт для нее устроил.

— Мне так сказали. Раз пять за это утро. Выходит, правда... Кстати, мне принесли фотографии, посмотришь? — он решительно меняет тему, доставая из ящика стола объемный белый конверт.

Конечно, она смотрит, мгновенно забывая и о его друзьях, и о его отказах.

— Я здесь такая бледная... Я действительно была вчера такой страшной и перепуганной?

— Ну и не правда, — не соглашается он. — Здесь ты уже чуть порозовела и даже улыбаешься. А когда только прилетела — помнишь? — в обморок падала от ужаса.

— Это я от усталости, — спорит она. — И от перелета на этой жуткой штуке.

— Жуткой? — удивляется он. — А я хотел тебя на такой покатать...

— Н-нет, не надо, пожалуйста. Мне и так всю ночь в кошмарах снилось, как мы на ней летим — то падаем, то взвиваемся...

— Хорошо, уговорила, не буду. Только человеческой машины у меня нет, придется пешком.

— Лучше пешком. Ты мне отдашь фотографии?

— У тебя есть зеркало.

— А ты и без зеркала меня видишь. Отдай, зачем они тебе? Я на них страшная.

— Ты на них очень красивая, Анечка, — качает он головой. И склоняется над ее плечом. Просто, чтобы лучше разглядеть снимки, конечно, а вовсе не для того, чтобы вдохнуть еще раз аромат ее мягких волос. — Просто не парадная, не лакированная. Живая. Настоящая, естественная. И я их тебе не отдам. Они лежат вот здесь, в ящике. Можешь любоваться, сколько хочешь. Но забирать даже не думай.

— Зачем тебе, Ар?

Он нервно сплывает на это немисливо короткое имя, произнесенное почти что шепотом. И отвечает несколько сдавленно:

— Хочу помнить...

И тут же выпрямляется, заставив себя переключиться:

— Ладно, заканчивай с этим списком, а то мы так никуда не успеем. Разберемся на месте.

* * *

Потом они ходили по магазинам. Долго. И, наверное, даже нудно, если бы не с ним. Вопреки расхожему мнению, что «девочки обожают ходить по магазинам», Аня терпеть этого не могла. Но он держал ее за руку, и это было так... трогательно, тепло, волнительно. Его пальцы переплетались с ее, ее ладошка тонула в его ладони. А она чувствовала себя его. Его девочкой, окруженной его заботой, его вниманием. А еще... сегодня, почему-то, никто не пялился, если и бросали взгляды, то так, вскользь, да и те не слишком почтительные.

Как оказалось — все дело в его малиновой пряди. И майке с рисунком на грани приличия. И черных очках, за которыми он спрятал свои глаза.

— Они не чувствуют меня, — пояснил ей, хитро улыбаясь, Аршез. — Всей этой волны силы, что окутывает любого представителя моей расы. И потому считают человеком. Мальчишкой, обожающим Великих. Что невероятно удобно, если хочешь избежать излишне пристального внимания.

— Но я тебя чувствую по-прежнему.

— Так я ж держу тебя, маленькая. И ауры наши сплетены. Ты всегда меня будешь чувствовать, посреди любой толы и любого маскарада. Как и я тебя.

И они покупали вещи, как самые обычные... ну, студенты, наверное. Приехали в

большой город, поступили в институт, теперь обустраиваются. И спорят по поводу необходимого количества кастрюль, тарелок и вилок.

Впрочем, начали они не с кастрюль. Начали с мебели для кухни. Кухня ведь для нее, вот и выбирать — ей.

— Но... я же не знаю размеров, — растерялась она, немного опасливо разглядывая представленные в магазине образцы. Таких крупных и ответственных покупок ей делать еще не доводилось.

— Размеры знаю я, ты, главное, выбери, что именно тебе нравится.

— Ну... — она в задумчивости прошлась по залу, — ... из того, что здесь есть, вот эта, наверное, самая симпатичная... Только вся она к нам не поместится, часть шкафчиков надо будет исключить...

— Думай, какие тебе важнее, а я пойду поищу продавца... Быть Великим, все же, порой удобнее, продавцы сами тебя находят...

— погоди, зачем продавца? — встрепенулась она, отвлекаясь от разглядывания мебели.

— Чтобы продал, — он взглянул на нее с легкой улыбкой. — Да ты не переживай, он нам сейчас все подскажет — и с размерами, и с комплектацией.

— Но... ты же даже не взглянул. И потом — эта кухня в этом магазине самая лучшая, а может в соседнем есть интереснее что. Или та же, но дешевле, — Ане хотелось быть взрослой и рассудительной. И подойти к такой серьезной покупке ответственно. Как мама. А мама всегда обходила все магазины города, сравнивая товар и цены, даже чтоб тумбочку в прихожую купить, а тут — целая кухня!

— Анют... — он вздохнул, не разделяя ее энтузиазма. — Кроме кухонной мебели нам надо купить: холодильник, плиту, новую раковину, смеситель, сифон (там все сгнило давно), обои, линолеум, люстру, затем посуду для приготовления и хранения пищи, собственно, сами продукты... я ничего не забыл?

— Еще карниз и занавески на окно, — поддакнула она с самым серьезным видом. Собственно, его мысль она уже поняла. Но основательность, с которой он подходил к вопросу... как и стремительность, с которой он возникающие вопросы пытался решать, они восхищали и веселили одновременно. Причем веселость — она, скорее, от радости возникала. Что вот так все просто.

— Ну, видишь — еще и занавески, я не подумал. И это только на кухню. А еще твои личные вещи... — он ее веселости не разделил, продолжил объяснять серьезно. — Поэтому правило такое: приходим в магазин, и если там совсем не из чего выбрать — мы идем, конечно, в следующий. Но если там есть что-то, хоть отдаленно похожее на то, что нам надо — мы покупаем, и не тратим время на бессмысленные телодвижения. Вечно жить в состоянии ремонта не хочется.

Жить в состоянии ожидания ему не хотелось тоже. И потому, закончив обсуждать с продавцом все детали заказа, он достал из кармана некий документ и, аккуратно расправив, положил перед работником магазина. И «доставка через две недели» почти мгновенно сменилась на «доставку через два дня».

— И что это было? — любопытствовала Аня, едва они вышли на улицу.

— Моя высказанная в письменном виде просьба по возможности чуть ускорить процесс, — улыбнулся он. — Раз уж я поленился выглядеть как Великий, приходится запасаться письмами от самого себя.

А потом они покупали, покупали, покупали. И, в отличие от мебели и бытовой техники,

продукты, кастрюли, да и обои, им выдавали сразу, и потому приходилось по несколько раз возвращаться домой, чтоб сгружать покупки.

А потом он кормил ее обедом в каком-то простеньком кафе, и все смотрел, когда она ела, и чуть улыбался. А ее обжигал его взгляд, и она смущалась, но, в то же время, ей не хотелось, чтоб он отворачивался. Хотелось, чтоб смотрел. Вот так — спокойно, чуть улыбаясь...

А он любовался. Это оказалось так странно — иметь свою девочку. Только свою, полностью, единолично. Она была живая и настоящая, со своими мыслями, чувствами, эмоциями. Со своими знаниями и представлениями о мире. Маленькая вселенная, затянутая в его орбиту. Еще не осознавшая его царем и богом всех своих помыслов, еще не променявшая все сокровища своей души на неутолимую жажду. Если и симпатизирующая ему, то лишь за то, что он сделал, а вовсе не за то, кем он был. Да и не знающая, в сущности, кто он...

«Надо бы объяснить» — в сотый раз за сегодняшний день думал он. — «Надо бы как-то осторожно ей это объяснить». Это та реальность, с которой она неизбежно столкнется, она здесь буквально разлита в воздухе. В названиях улиц и памятных мест, в книгах и фильмах, в будничных разговорах людей... Но стоило ему только представить, как стирается с ее лица улыбка, как развеивается прахом та, пусть не твердая еще, но все же уверенность в настоящем и будущем, которую ему удалось подарить ей за неполные эти сутки... И он вновь малодушно решал: потом. Ей надо привыкнуть, освоиться, научиться ему доверять...

И он вновь говорил лишь о том, что надо еще купить и сделать. И пытался соотнести мысленно запах того, что она ела, с ее собственным запахом, ауру мертвенной ее пищи с ее аурой — живой и сияюще-многоцветной. И все пытался решить заданную самому себе логическую задачу: можно ли из тех ощущений, что вызывала в нем человеческая пища, вычленить какой-то базовый комплекс, идеально сочетающийся с его девой, знание которого позволит ему безошибочно определять, что из еды ей понравится, а что нет.

Данных для анализа было критически мало, но сложность поставленной задачи позволяла отвлечься от других, куда более навязчивых и совершенно излишних сейчас, ощущений.

А потом он покупал ей одежду. И это оказалось кошмаром, потому что ей не хватало уверенности, ей требовался его совет, его критический взгляд, в конце концов, она просто не разбиралась, что у них считается нейтральным, а что — вызывающим. И самым ужасным было даже не то, что он вынужден был лицезреть ее в каждой новой одежке — будь то очередное платье, блузка или штанишки. Хуже всего, что он чувствовал — ей это нравится. Чувствовал, как чуть замирает ее сердечко, прежде чем она отчаянно дернет шторку, дабы предстать перед ним в очередном наряде, как под его взглядом быстрее бежит кровь по ее венам, как ее словно опаляет его мучительно сдерживаемым жаром... И, ощущая столь явственно ее отклик, он все сильнее терял связь с реальностью, с трудом преодолевая зубную боль и охотничьи инстинкты. Он уже почти ощущал себя ворвавшимся в ту кабинку, развернувшим ее лицом к стене, чтоб не видеть глаз... Нет, одежду срывать бы не стал, обнаженные люди теряли в его глазах часть своей человечности, а значит, и привлекательности, просто задрал бы... И с неким отрешенным удивлением понимал, что все еще просто стоит и смотрит...

Купили, в итоге, куда больше, чем изначально планировали и, лишь выйдя на свежий воздух, вспомнили, что нужна еще теплая кофта и куртка на случай непогоды.

В магазин белья он не стал даже заходить, вручив ей кошелек и оставшись ждать на улице. И она вздохнула с не меньшим облегчением, чем он, потому что мерить одежду под его взглядом, прожигаящим даже сквозь черные очки, было столь волнительно, словно она не одевалась для него, а раздевалась. И это сейчас вспоминать об этом было мучительно стыдно, а тогда ей хотелось вновь и вновь ощущать волны его темного удовольствия, словно омывающие все ее естество, и тщательно маскируемые им самым нейтральным на свете выражением лица и вежливой полуулыбкой.

На белье бы она рядом с ним и взглянуть не решилась, не то, что примерить. А так хоть рассмотрела внимательно. Каких-то принципиальных отличий от привычного ей не нашла, корсеты и прочие комбинации под их длиннющие платья не предполагались. Вот разве что трусики были чуть более закрытые, а уж стринги в коллекции и вовсе не значились. Ну да под такими юбками безразмерными не все ли равно?

«А если снимать?..» — прокралась в сознание предательская мыслишка, и воображение тут же нарисовало в красках, как она медленно спускает с плеч платье, а он стоит и смотрит... просто смотрит, и глаза скрыты за темными очками, и улыбка такая... вежливая, а воздух плавится...

Она решительно тряхнула головой, отгоняя прочь порочные виденья, и, схватив несколько бюстгалтеров, отправилась мерить, потому как размеры здесь были вообще за гранью какой-то логики, все приходилось исключительно на глаз подбирать.

С обувью было проще. Аршез, слава богу, не рвался изображать принца, отыскавшего Золушку, и все больше смотрел в окно, пока она спокойно выбирала и мерила туфли и босоножки. Покупка всяких бытовых мелочей, вроде средства для мытья посуды, и вовсе вернула им обоим состояние мирного дружеского сотрудничества. Аня вновь думала лишь об обустройстве своего нового дома, Аршез с самым серьезным и деловым видом подсказывал, что еще значится в их бесконечном списке самых необходимых покупок.

Разрушилось все внезапно, когда она стояла перед полкой со средствами личной гигиены, и понимала, что надо себе что-то взять, а он... даже если сейчас и отвернется, все равно будет потом за это платить... А он не только не отвернулся, но еще и невозмутимо уронил ей в корзинку пачку тампонов.

— Аршшез! — покраснев до корней волос, едва ли не зашипела она. — Мы договаривались, что ты не вмешиваешься!..

— Там была одна оговорка, — осторожно начал он.

— У тебя вообще нет представления о личных границах?! — он возмутил ее настолько, что было уже не стыдно. — Ты уже и внутрь меня мысленно залез, да?!

— Я подожду у кассы, — он малодушно сбежал, предпочтя не развивать тему.

Она раздраженно кинула в корзину упаковку прокладок. Не из вредности, не назло, просто тампоны она не любила. Ей было с ними некомфортно, неприятно, и вставлялись они... по-дурацки. Ту пачку, что он сунул в корзинку, хотела было выкинуть, да передумала: его деньги, хочет — пусть тратит. И вставляет потом себе сам... вот куда захочет! А к ней... И ведь только начнешь о человеке хорошо думать, поражаясь его предупредительности и деликатности... Ладно, пусть о не-человеке, но как он мог?!..

Он молча оплатил покупки, она так же молча засунула все в сумку. Домой шли тоже в полном молчании. Он в очередной раз пытался настроить себя на то, что дома надо сесть и спокойно все девочке объяснить. Что его вмешательство в ее интимную сферу — это отнюдь не блажь и не «нарушение ее личных границ» (ну что за бред, ну какие могут быть границы

между ним и его ребенком???), а забота о ее, в первую очередь, благополучии. Он же не каменный, он же все равно сорвется. Ей же лучше, чтоб это случилось позднее... Ей же лучше хоть как-то быть к этому готовой, иметь хоть какое-то представление о том, что собственно, неминуемо произойдет... Неминуемо... Он ненавидел это слово, но был реалистом. Ему уже сейчас сносит голову от... он бы сам не мог сказать, от чего. Ее запаха? Ее запретной юности? Ее инаковости? Или от осознания того, что она целиком в его власти, полностью, безгранично? Он не знал, но ощущать ее рядом порой становилось совершенно невыносимо, а ее запах в его квартире будет только накапливаться, ее симпатии к нему расти...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вот пусть и растут, в очередной раз сдался он. А когда она будет желать его так, что весь мир уже станет неважен, ее не испугают и его откровения. Пока же к знанию о том, чем платят люди за любовь к ему подобным, она совершенно не готова. Ее отчаянный взгляд загнанной зверюшки все еще преследовал его.

— Прости меня, Ань, — прошептал Аршез, едва ли имея в виду происшествие в магазине. Она лишь фыркнула, все еще оскорбленная его выходкой, сторающая от стыда от одной только мысли, что он о таком думал. Он бы обнял ее, чтобы хоть собственным теплом облегчить ее терзания, но в руках был десяток сумок, разной степени тяжести и объемности, и даже у Ани были сумки, пусть легкие, но взять еще и их он просто не мог, и хотелось скорее все это донести... Так и шли до дома, разделенные сумками, взглядами, мыслями.

А у подъезда сидела с подружками тетя Люся, и появление «Тёмочки», не тащившего сумки с покупками разве что в зубах, без внимания она, конечно, не оставила.

— Артемка, — окликнула она скорее удивленно. — Ты так решительно начинаешь новую жизнь... Предложение-то своей девочке еще не сделал?

— Не успел, — выдохнул он сквозь сжатые зубы, чувствуя, как вновь смущается его Аня. — Что-нибудь еще, тетя Люсь, а то сумки тяжелые?..

— Ну хоть познакомил бы нас, — не унималась женщина. И ее великовозрастные подружки буравили их глазами, не скрывая любопытства.

— Это Аня, тетя Люсь, я тебе утром о ней рассказывал, — но все же повторил — и для Ани, и для Люсиных подружек, — дочь лучшей подруги моей матери. Переехала в Чернометск, жить — пока — будет у меня. На этом все, — он подчеркнуто развернулся к девочке, — Аня, знакомься: наша соседка тетя Люся, моя давняя знакомая. Утром она была так любезна, что угостила нас блинами...

— Здравствуйте, спасибо, — несколько смущенно бормочет девочка, весьма обескураженная и новым вариантом имени своего спутника, и собственной биографией.

— А так же светлейшая Екатерина и светлейшая Антонина, — представил он Ане и Люсиных товарок. С ними лично знакомства он не водил, но имена, разумеется, слышал.

— Да можно просто тетя Тоня, — тут же встряла в разговор последняя. — Какая девочка-то молоденькая! И как же тебя мама одну-то отпустила? Да в большой город, да к такому кавалеру?

— Мы пойдем, — заторопился он, чувствуя, как у Ани кровь отливает от лица, и с языка вот-вот сорвется нечто колкое, злобное, отчаянное...

— Он же всех девок в округе перепортил, ни одной юбки не пропустил, — не унималась старая жаба.

Вспыхнув до корней волос, Аня стремительно скрывается в подъезде. А он вскидывает

голову и кривит губы в презрительной усмешке:

— И чем же я их так испортил? — бросает с вымораживающей надменностью, едва ли свойственной «милому Тёмочке». — На мой вкус — так только краше стали. И, кстати, когда они мыли здесь кому-то полы, то были, помнится «замечательными девочками», девками их тут не величали. Недолго продлилась благодарность.

— Но, Тёмочка, я же... — всплеснула руками тетя Люся.

— Аррр-тём! — вышло утробным рыком. Едва не сбился на «Аршезаридор и на вы». — Вам, светлейшая Людмила, спасибо отдельное. Инспирированная вами сцена была удивительно к месту.

Ушел, в бессильной злобе хлопнув подъездной дверью. Ани внизу уже не было, уехала на удачно подвернувшемся лифте.

И ждала его теперь возле запертой квартиры. Потому что — куда ей еще? Кому она нужна в этом мире, где ее ждут? Это только в сказках, попав в чужой мир, молоденькая девушка непременно встречает бездетную старушку, которая успеваает лишь удочерить да скоростажно скончаться, оставив наследство. А в реальности можно рассчитывать только на место шлюхи и содержанки, и ей еще повезло, что достался молодой и симпатичный Аршез, а не место в борделе — единственная работа, на которую принимают без документов. Надо радоваться такой удаче...

Она понимала, что накручивает себя, и что все, наверное, не так уж плохо. И Аршез обещал... И работу он ей найти поможет, и все деньги она ему вернет... Вот только старухи у подъезда все равно будут считать ее малолетней шлюхой и содержанкой...

Приехал лифт. Аршез вышел мрачный и напряженный. Молча открыл ей дверь, пропустил вперед. Она тут же сбежала к себе в комнату, а он пошел инспектировать ремонт.

Надежды на то, что столь маленькую комнатку смогут привести в порядок за один день, не оправдались. Нанятые им рабочие что-то пытались ему рассказывать про сложности выравнивания пола после снятия старой сантехники, а он чувствовал только запах их пота и приходил в ужас от перспективы терпеть их в своем доме еще один день. Рассчитал и выгнал, сорвав на невинных, наверное, людях свое раздражение от сложившейся ситуации.

Распахнул настежь окно, немного постоял возле, пытаясь взять себя в руки.

И тут вновь затрезвонил телефон.

— Да?.. Нет... Нет, нету, всё, кончилась!.. А мне понравилась!.. Передумал! — трубку на рычаг едва ли не швырнул. Сдурели они, что ль, всем скопом?! Да с какой радости он станет делиться?! Да как только в голову пришло, что он вообще их близко подпустит к своему ребенку?!

Тяжело опустился на стул, снял очки, протер уставшие глаза. Подумал, что за сегодняшний день он умудрился поругаться со всеми. Вот вообще со всеми, с каждым, кто встретился. И это он всегда себя спокойным считал... Где то спокойствие?..

Ладно, все — и дракос с ними, но за девочку-то он отвечает. Ей плохо из-за него, а ведь он обещал заботиться. Встал и решительно направился в комнату к своему ребенку. Надо договариваться. Утешать. Объяснять. Хоть что-то.

* * *

Она лежала под одеялом. С головой. Недвусмысленно демонстрируя свое полное

нежелание общаться.

— Давай попробуем поговорить, Анют, — он ненадолго замер в проеме двери, давая ей время осознать свое появление.

— Стучать... видимо, не учили, — ее раздражение оборачивает ее коконом поверх одеяла.

— Это наш общий дом, Анют. Общее жизненное пространство. Одно на двоих. И, в общем, не слишком большое. Довольно глупо делить его на сегменты и начать вести себя, будто мы друг у друга в гостях, — он постарался сохранить спокойствие. — К тому же, ты чувствуешь мое приближение. Как и я твое.

Молчит. Не дождавшись ответа, он проходит и присаживается на край кровати. Даже не рядом с ней, на другой стороне. Но она тут же взвизгивает.

— То есть, твои слова о том, что это моя комната — это только слова, да? Вон там, за тремя дверями, есть твоя, и она — только твоя, туда и близко не подходить. А все остальное у нас общее? — она сидит посреди кровати, нервно сжимая сбившееся одеяло. Полностью одетая, но все равно ощущающая себя раскрытой и уязвимой перед ним. — Включая и предметы моей личной гигиены? Которые ты мне, наверное, и вставлять сам будешь? Я ведь такая маленькая и слабая, а ты большой и опытный, у тебя явно лучше получится!..

— Анют, попробуй меня послушать...

— Я слушала тебя уже. Вчера слушала, сегодня... Сегодня особенно заслушалась. Мама меня к тебе послала! Господи, да ты хоть врать бы где-нибудь учился! Ну кто в здравом уме поверит в подобное, ну скажи мне? Какая мать своими руками навлечет позор на своего ребенка, на свою семью? Отправит свою несовершеннолетнюю дочь пожить у одинокого мужика?

— На взгляд соседей я довольно молод. Скорее юноша, чем мужчина. Поэтому разница в возрасте между нами воспринимается, как минимальная, — он не очень понял, что, собственно, не так?

— Да при чем здесь разница в возрасте??? Твои намерения воспринимаются ими как вполне очевидные! Как и моя порочная сущность. Я для них шлюха, шлюха, понимаешь?!

— Честно говоря, нет. Прежде всего, я категорически не понимаю и не принимаю употребление тобою грязных нецензурных ругательств. Аня, тебе шестнадцать лет, ты неопытная юная дева, откуда эта грязь в твоей голове? Ты хоть значение этого пещерного вульгаризма знаешь?

— А с чего мне его не знать? Я свои шестнадцать лет в реальном мире прожила, не в монастыре, не в сказке. И я прекрасно знаю, как относятся к тем, кто, не закончив школу — да даже и закончив — переезжает в большой город и поселяется у мужика посостоятельней. И какими словами их называют, и какие услуги они оказывают своим «покровителям» за «покровительства», — она поплотнее запахнулась в сползающее с плеч одеяло. — А у вас... я не поняла с твоей расой, но люди у вас такие же. А в глазах своих соседей ты предпочитаешь выглядеть человеком. Вот и судить меня все будут по человеческим понятиям. То есть как... — она в отчаянье закрывает лицо руками. — А ты еще и маму мою приплел...

— Ну, давай попробуем начать с соседей, — воспользовавшись тем, что она выдохлась, пытается объяснить ситуацию Аршез. — Ты поняла совершенно верно, в глазах всех жителей этого дома я — человек. Артем. Самый обычный молодой парень, разгильдяй в крикливых нарядах и с неустроенной семейной жизнью. Та же Люся уже лет пять советует мне

жениться и остепениться. Впрочем, она крайне редко бывает столь навязчива с этими советами, как сегодня. Видимо, количество наших покупок оказалось для нее критическим, — чуть качает головой. И чего он так взъелся на нее там, у подъезда? Надо будет зайти, извиниться. — Впрочем, быть для них человеком — это даже не моя личная прихоть, это часть нашей политики, — возвращается он к объяснениям. — Как я уже говорил, мы — Великие. Древние, почитаемые как цари или боги. А ни царь и ни бог просто не могут быть соседями рядовых людей по лестничной площадке. Они прилетают из-за Бездны, дабы взглянуть мудрым взглядом, дать добрый отеческий совет, и тут же улететь обратно — в свою прекрасную волшебную страну.

Чуть улыбнулась. Нет, не «всем сердцем», и даже губы не дрогнули, но едва видимой рябью по ауре улыбка мелькнула.

— А Бездна — это что?

— Граница между Страной Людей и нашей. Гигантская трещина в земной коре, прошедшая по руслу одной из Великих рек, — поясняет он и вновь возвращается к насущному. — Но речь сейчас не о ней, Анют. Речь о твоих извращенных представлениях о жизни, которыми ты себя же и мучаешь. Какие еще услуги за покровительство, что ты выдумала? Ты мне абсолютно ничего не должна. Это я взялся тебя опекать, тебе помогать, и именно этим и собираюсь заняться. А для всех соседей на свете — ты просто моя подружка. И видят они самую обычную молодую человеческую пару, которая решила жить вместе. Как это может опозорить какую угодно семью, мать, дочь?

— Ты не понимаешь...

— Да, — согласился он, — не понимаю.

— Вот сколько у тебя было... «подружек»? — вспоминая услышанное от бабки, вполне сопоставимое, впрочем, с его «гостевыми» халатиками-гелями-шампунями, интересуется она.

— Много, Анют. Даже если б считал, давно сбился.

— Ну да, царю и богу — оно зачем? — кривится девочка. — Ну а бастардов у твоего величества сколько?

— Чего? — недоумевает он. — Прости, я не знаю этого слова.

— Детей, — раздраженно выплевывает она. — Сколько детей родилось у твоих подружек после того, как ты их бросил? Интересовался когда-нибудь? А сколько не родилось в результате аборта? А сколько твоих бывших стали бесплодны, из-за того, что аборт оказался неудачным? Тоже не знаешь, или тоже считать сбился?

— У меня нет детей, Анют, мне некого считать. Я ва... Великий, а девы, о которых идет речь — человеческие. Наши виды не совместимы генетически. Ты спрашивала вчера, какие отношения между нами возможны. Дружба возможна. Любовь возможна. Страсть возможна. Секс — возможен. Но вот родителями общего малыша нам не стать.

Она... как-то сдулась сразу. Осела. Вроде много чего еще хотела в запале ему сказать, но... как-то вдруг это все стало неважным. Она сидела, растерянно вглядываясь в его лицо, и в очередной раз пыталась понять, что же все-таки это значит — «другой», «не человек». Не человек настолько, что даже биологически... генетически несовместим. Так похож на людей, что можно обмануться (чем и пользуется без зазрения совести), но в то же время настолько другой, что...

— Но погоди, тогда выходит, что... получается, что мы с тобой — не пара... я имею в виду — даже гипотетически быть парой не можем, — смешавшись, поспешила уточнить.

Еще подумает, что она претендует, в самом деле. — То есть в глазах тех, кто отдал меня тебе... нас всех — вам... это действительно просто опека... помощь в приспособлении к новому миру...

— Да, — поспешил он поддержать такой правильный ход ее мыслей. — Документы опеки, которые мы вчера с тобой подписали, подразумевают твою определенную юридическую зависимость от меня, но оставляют тебя при этом свободной в социальном плане — ты мне не рабыня и не супруга, — он вспомнил ее вчерашний испуганный вопрос, — и ты вправе выйти замуж за любого гражданина Страны Людей по своему усмотрению. По достижении тобой восемнадцати, разумеется.

Она чуть смутилась, но все же смогла вычленить главное:

— А эта «определенная юридическая зависимость», она в чем выражается?

— Ну, это как прежде ты была юридически зависима от своих родителей.

Хмурится чуть недоуменно:

— Я была юридически зависима от законов моей страны.

— Не спорю. Но вот... заявление о приеме тебя в школу ты писала сама, или все-таки мама?

— Учитывая, что поступая в школу, я и писать-то толком не умела...

— Хорошо, сейчас умеешь. Но, чтобы полететь на этот ваш конкурс, тебе ведь требовалось разрешение родителей?

Кивает.

— Ну, вот, а здесь для совершения тех или иных действий тебе будет требоваться мое разрешение: будь то поступление на работу или на учебу, переезд в другой город, совершение крупных финансовых сделок, вступление в брак... То есть юридически ты — несовершеннолетний человек под опекой. Ничего кроме. Мне как бы передаются функции твоих родителей. Но это ведь и означает «опекун», верно?

Вновь кивает, обдумывая услышанное. Страха нет, он сумел найти правильные слова. Лишь сосредоточенное осмысление ситуации.

— И до какого момента я буду под твоей опекой? До восемнадцати? Или до вступления в брак?

Он чуть вздыхает, опасаясь ее реакции, но отвечает честно:

— Пожизненно, Анют.

— По... то есть... но как же?.. — еще не испугана. Растеряна, смятена, но все еще просто стремится понять.

— Это не так уж страшно, Анют, — он ободряюще ей улыбается. — Со временем будешь жить одна. Ну, или с мужем, как сложится. А со мной даже видеться не будешь. Просто будешь высылать мне по почте необходимые документы, я — подписывать. Это формальность, Анют. Для тебя это будет просто формальность, — на него все сильнее наваливалась усталость. Все же две бессонные ночи, третий день на ногах. Повышенная активность в течение дня, конечно, позволила ему отогнать сонливость прочь. Но усталость никуда не делась. И теперь, когда он сидел неподвижно на краешке кровати, опасаясь не то, что прикасаться к своему ребенку, даже просто неловко шевельнуться, он все сильнее чувствовал, как ноет поясница и затекают плечи. А главное, язык ворочается с трудом, а еще о стольком надо сказать... — Если я сяду поглубже и обопрюсь спиной о подушку, ты ведь не станешь кричать, что я опять нарушаю какие-то там границы? — решил уточнить, прежде чем шевелиться. Сил на еще одну вспышку ее паники у него, пожалуй, не хватит.

— Садись, конечно, — ей стало неловко. Все же это его квартира, и кровать до последнего момента тоже была его. А здесь, в общем-то, и сесть больше некуда.

Он с облегчением устроился в изголовье, вытянув ноги, откинув голову так, что затылок уперся в стенку, и подложив под поясницу мягкую подушку. «Счастье все же бывает», — подумалось. Теперь бы еще не уснуть.

— Дай мне руку, — попросил он девочку.

— Что?

— Устраивайся рядом и дай мне руку. Ну, ты ведь больше со мной не воюешь?

Подняла на него темные свои глазки, вздохнула, не найдя повода отказаться, взбила подушку, аккуратно пристроила возле его и села рядом, скопировав его позу. Разве что голову не откинула — напряжение все еще пружинило в ней, не отпускало.

— А руку?

Помедлила. Но дала.

Он положил ее маленькую ладошку на свою, легко скользнул пальцем по линиям, про которые кто-то придумал, будто они скрывают судьбу. Затем поднес ее ладонь к лицу, мечтательно вдохнул, ощущая, как бежит ее теплая кровь под прозрачной кожицей, какие невыносимо тонкие там сосуды...

— Ар! — дернулась она, когда его губы обожгли, прижавшись к самой середине ладони.

Он со вздохом открыл глаза. Ну что за ребенок!

— А это штраф, — заявил он ей с нарочитой наглостью. — Мы с тобой вчера о чем договаривались? Что ты позволяешь мне тебя касаться.

— Так касаться, а не...

— А ты давала? То ты возмущаешься, то пугаешься, то обижаешься... Я тебя когда за руку последний раз держал? Час назад? Вот теперь терпи, если хочешь, чтоб я продолжил объяснять серьезные вещи.

— Что толку от твоих объяснений? — она резко дернула руку, вырываясь из его пальцев. — Ты говоришь одно — и тут же другое, обещаешь не приставать — и тут же пристаешь!..

Он вздыхает.

— Я устал, Ань. Если б ты только знала, как я устал за последние дни! Столько всего свалилось сразу... А тебе жалко такую малость!..

Нет, не ведется. Лишь поджимает недовольно губы.

— Ну, хорошо. Тогда погладь. Сама.

— Что? — она в ответ едва ли не отодвинуться от него пытается.

— Просто погладь. Как ребенка, как кошку: по голове, по волосам... А я отвернусь, — добавляет он, видя, что она не готова согласиться даже на это, — и даже руки уберу под подушку, — и, не дожидаясь ее решения, действительно отворачивается, взбивает подушку и опускается на нее щекой, вытянувшись, наконец, на кровати в полный рост и, как и обещал, пряча руки. — Пожалуйста, Анют. Просто капельку твоего тепла. Для меня действительно сложно совсем без прикосновений.

Ее рука чуть дрожала, когда она все же коснулась его волос. Нерешительно, кончиками пальцев. Если бы он даже вздохнул в этот момент слишком громко, она бы, наверно, отпрянула. Но он был неподвижен, а его волосы, оказавшиеся такими мягкими на ощупь, манили... Она провела по ним увереннее, всей ладонью, потом еще раз, еще... Поняла, что заколка, жестко стягивающая и прижимающая волосы к голове, ей только мешает, и

отстегнула ее, позволив его длинным прядям свободно рассыпаться. Зарылась пальцами в его волосы, проведя ими, словно расческой, по всей длине. И поразилась, насколько легко скользят в его волосах ее пальцы, не встречая ни одного препятствия в виде спутанных прядей.

Кстати, о прядях. Ее пальцы заскользили по его виску, перебирая волосы у основания. Хотелось взглянуть, как он крепит свою малиновую прядь, на чем она держится... и сможет ли она отцепить... И уже отцепив, опомнилась. Ее же просили только погладить. Не перешла ли она границы дозволенного? Но Аршез лежал неподвижно, никак не реагируя на ее самоуправство. Она склонилась над ним, пытаясь понять его отношение по выражению лица.

Он спал. Его лицо было расслабленно и безмятежно. И ему явно было уже совершенно безразлично наличие или отсутствие в его волосах искусственных прядей, заколок, Аниных рук. А впрочем, рассудила девочка, без всего этого, наверное, даже и лучше.

Она тихонько выбралась из кровати, накрыла спящего Аршеза половинкой одеяла и вышла в гостиную. Надо было разобрать покупки, не здорово, что они их посреди комнаты бросили.

* * *

Напокупали они просто горы, и разбирала все Аня долго. Старательно, тщательно... Он не проснулся. Она приготовила себе ужин, поела, помыла посуду. Он спал. Зашла на свою будущую кухню, полюбовалась результатами ремонта. Потолок побелили, пол выровняли, лишнюю сантехнику сняли, стены очистили от краски и от этих ужасных цепей. Кухня, конечно, получится небольшая, но... Аня мысленно представила, как все здесь расставит, постелет скатерть на стол, повесит занавески на окошко. Ее кухня. В самом деле ее, полностью. Ну, еще, конечно, Аршеза, но ему же не нужна, а она, выходит, самая настоящая хозяйка... Ага, это если «дорогой Артемка» не возьмется за нее еду готовить. А то с него ж станется! Или меню ей составлять, пересчитывая граммы в килоджоули...

Аня чуть усмехнулась, покачала головой. Все равно не могла на него долго сердиться, он был такой... такой...

Тишину разорвал звонок. Она не сразу сообразила, что это не телефон. Метнулась было к входной двери... Нет, это не оттуда. С крыши. Кто-то прилетел.

— Аршез! — открыв дверь в свою комнату, позвала она. Он даже не шевельнулся.

Звонок повторился. «А ведь это, наверно, его еда», — подумала девочка. Ну, да, по времени, вроде, подходит. Она поспешила на крышу. Надо забрать, курьер долго ждать не будет. А Ар потом проснется и поест. Открыла дверь в коридорчик при его спальне, покосилась на закрытую дверь, начала подниматься по лестнице.

— Стой! — окрик прозвучал настолько неожиданно, резко и властно, что она оступилась. И упала. Почти, он успел подхватить.

— Ты куда собралась, я могу узнать? — так и не выславшийся толком, разбуженный слишком резко, да еще и изрядно напуганный ее едва не совершенной глупостью, он все равно прижимал ее к себе очень нежно. Но вот убрать из голоса недовольные начальственные нотки не получалось.

— Там... звонили... — она настолько ошарашена его внезапным появлением, его столь

явно, почти грубо высказанным недовольством, что даже не вырывается. — Твоя еда... наверно. Я забрать хотела...

Он решительно сажает ее в кресло в гостиной.

— Аня, раз и навсегда: дверь, ведущую на крышу, ты не открываешь. Никогда! Если я есть, я открою сам. Если меня нет дома — тем более открывать ее незачем. Твои гости оттуда не появятся. Со своими я разберусь сам.

— Да как хочешь, — становится обидно. Ему же помочь хотела.

— Не сердись. Это действительно очень серьезно, — он целует ее в щеку и выпрямляется. — Скоро вернусь.

Возвращается он не слишком уж скоро, но она все так же сидит в кресле, уставившись застывшим взглядом в противоположную стену. Обиделась. Ну вот, опять. Он садится на пол, возле ее ног, утыкается лбом в ее колени. Она не реагирует.

— Не пускаю тебя в свою жизнь, да? — вздыхает, не поднимая глаз. И не дожидается ответа. — Вот такой я нехороший, — бессильно вздыхает снова.

— Это было... грубо, — наконец отмирает девочка. — Я ничем не заслужила!

— Прости.

Она снова молчит.

— Ну а хочешь... — он поднимает голову, озаренный пришедшей идеей, — хочешь, я покажу тебе свой мир, свой дом — там, за Бездной? Вообще-то это строжайше запрещено, но мы ведь никому не скажем, правда?

— Как покажешь? — заинтересовалась.

Он встает и протягивает ей руку с заговорщицкой улыбкой:

— Идем.

Свою ладонь она ему в ответ протягивает и позволяет отвести себя... В его спальню??

— Не бойся, — ободряюще улыбается он, когда она замирает на пороге, — идем.

«А мы никому не скажем», — повторяет она про себя. Ну, в самом деле, он у нее в спальне был, и ничего. Да и вообще, вся квартира его, и ночь она в ней уже провела... Правда, незаметно подкралась следующая... Глупости. Она решительно делает шаг в его комнату. И вовсе здесь нет ничего необычного. Кровать не намного меньше ее. Шкаф чуть посolidней. Есть комод, на нем — безделушки всякие. А так — чисто и опрятно, как, впрочем, у него везде.

— Забирайся, — кивает он меж тем на кровать. — На середину, с ногами. Будет как кино, только еще интересней.

Аня немного неуверенно смотрит на его ложе. Застеленное, кстати. Покрывало приятного бежевого оттенка выглядит достаточно нейтрально, можно представить, что это просто диван. Ну а что, сесть здесь больше все равно некуда. Она забирается, усаживаясь по-турецки посередине кровати. Покрывало оказывается удивительно мягким, она даже проводит по нему руками.

— И куда смотреть?

— Одну минуту, мне надо настроить, — Аршез берет с комода подставку с сиреневым каменным шаром сантиметров десяти в диаметре, кладет перед Аней на кровать. — Держи, сейчас будем колдовать.

— Почему колдовать? — недоумевает она, разглядывая шарик. — А это вообще что?

— А это, Анют, телефон. Только по технологии моего народа, — он тоже забирается на кровать и осторожно садится у нее за спиной. Озадаченная его словами она практически не

реагирует. Разве что спину чуть выпрямляет.

— Правда? — девочка крутит шар в руках. Действительно камень — холодный, тяжелый, цельный. Ни проводов... ничего.

— Правда, — он забирает у нее ретранслятор. — В отличие от человеческих аналогов, он передает не только звук, но и изображение. Поэтому, как только на наш вызов ответят, вместо части этой комнаты мы увидим совсем другие интерьеры. Так что не пугайся, ладно? Это только иллюзия.

— Думаешь, у нас видео не изобрели? — слова ее не впечатлили. — А кому мы будем звонить?

— Я ведь обещал тебе свой дом, верно? Тот, в котором я вырос? Значит, маме. Заодно вас и познакомлю.

— Ой! — Аня напрягается. — А что она... я...

— Мама не говорит по-человечески. Так что просто смотри. Если что-то заинтересует — спрашивай. Я все равно все переведу правильно — чтобы никто ничего ненужного не подумал. Договорились?

Она кивает. Он вновь кладет шар на подставку, держит над ним руку, сосредотачиваясь, находя среди сотен контактов самый дорогой, самый родной, самый близкий. И видит мамино лицо.

Аня вздрагивает. Потому что часть комнаты да даже часть кровати перед ними исчезает, обрываясь в пустоту. А дальше — тоже с какого-то немислимого обрыва — начинается совсем другая комната, с другой мебелью. Небольшая, с деревянными стенами и арочным проемом вместо двери, украшенным необычным резным орнаментом. Еще более сложный и причудливый орнамент прорезал спинку широкого дивана, на котором сидела коротко стриженная девушка, судя по одежде — только что вернувшаяся с пляжа.

И это было совсем не как в кино. Не было экрана. Не было границы. Скорее, все походило на фантастическое совмещение пространства, словно два далеких фрагмента карты вдруг взяли и состыковали.

— Дэйдэ, — в голосе Аршеза явственно слышалась улыбка.

— Дэйдэ, — девушка тепло улыбнулась в ответ.

Быть Аршезу мамой она никак не могла, выглядела ничуть не старше. Однако их сходство было несомненным. Должно быть, сестра.

— Что ты творишь? — шептала между тем женщина, глядя на сына в обществе человеческой девы. — А если узнает кто? Да ты ж работу потеряешь без права восстановления!

— Имею право, — с улыбкой качал головой ее взрослый мальчик. — Она моя. Навсегда. Совсем. И она не гражданка Страны Людей. А я подписывал обязательства не разглашать наши технологии гражданам.

— То есть? — недоуменно хмурится женщина. — Погоди, так это правда? Слухи не лгут, тебе действительно подарили? Из чужих? Сам Владыка, лично?

— Мама, где я и где Владыка? — чуть улыбается он ее доверчивости. — Кто-то из его подчиненных внес меня в списки в связи с юбилеем, а он подписал не глядя, вот и все «лично». А девочку мне потом курьером доставили. И тоже не «лично». Набили целую машину, да и развозили, — не смог скрыть неприязни.

— Но это же не важно, Арик, все равно, такой почет, — она неправильно понимает его негатив.

— Видела б ты того уroda, что их развозил, — про почет он даже не услышал. — А они маленькие, перепуганные, дрожащие...

— Да, некрупная, — мама пытается оценить подарок. — А ты уверен, что она взрослая?

Он лишь качает головой, вздыхая:

— Не было там взрослых, мама.

Аня давно перестала вслушиваться. Вначале она попыталась сообразить, на что может быть похож их язык, но... в голову ничего не пришло. Да и много ли она языков не то что знает, слышала? Аршез явно рассказывал о ней, недаром его руки то скользили по ее плечам, то приобнимали ее за талию. Аня не возражала. Ничего лишнего он себе не позволял. Да и объяснял же он, у них так принято. А эти руки словно заявляли на нее свои права, а Ане почему-то очень хотелось, чтоб его сестренка видела: да, она с ним, они вместе. Вместе... Почему же тогда, когда старушки у подъезда стали намекать на их близость, ей так нехорошо стало?

«О, господи, я его что, к сестре ревную?» Аня отодвинулась. Но, чтобы отстраниться не так явно, не обижая Аршеза, она осторожно подползла на коленях к самому краю — туда, где их комната исчезала, уступив место чужой, и медленно коснулась рукой границы. Того места, где должна была проходить граница между двумя реальностями. Но ничего не было. Рука прошла сквозь воздух, не встретив преграды. И просто перестала быть видимой.

— Иллюзия, Ань, — повторил Аршез, глядя на ее действия, — только иллюзия.

— А это ничего, что я трогаю? — запоздало задумалась она. — Это не вредно?

— Нет, можешь пройти насквозь, если интересно. Там снова будет видна моя спальня.

— Любопытная, — с улыбкой прокомментировала женщина телодвижения Аровой человечки. — Что ты намерен с ней делать?

— Ничего. Жить. Выращивать. Может, со временем удастся... — он замолчал, закусив губу, не уверенный, что стоит делиться.

— Удастся что, Арик? — мать мгновенно почувствовала, что задумал он нечто не слишком хорошее.

Он вздыхает. Но выговориться хочется. Хоть кому-то.

— Они не дали им гражданских прав, мама! Не дали, понимаешь? Знаешь, какие документы я на нее получил? Как на домашнюю скотину! Которую по эту сторону держать, конечно, можно, но в клетке, в подвале, чтоб не видел никто.

— Сынок, но... — женщина задумалась. О людях она знала мало. Ни у нее, ни у ее близких знакомых подобной собственности никогда не было. — С ней же, наверное, гулять нужно. Свежий воздух. В подвале она у тебя зачахнет совсем. Может, лучше к нам ее отвезти? Ты можешь быть уверен, ее и пальцем без тебя никто не тронет, я прослежу. А ты будешь прилетать, навещать.

— Ох, мама... — тянет он. — Свежий воздух-то как раз не проблема. Свежий воздух ей и здесь обеспечу. Еще нужна жизнь в коллективе, возможность личностного роста, принадлежность к определенным социальным институтам... В ее возрасте она в школу должна ходить. И ближайшая школа тут в соседнем дворе. А я не могу Анюту туда отправить. Ее нет, нет такого человека, не существует. У нее нет паспорта, ее нет в списках живущих. Она — моя собственность, о которой люди вообще не должны знать... Она не может самостоятельно перемещаться по стране — даже в пределах улицы. Она не может самостоятельно жить — только в моем доме, под моим присмотром. Она не может выйти замуж, если только я не оформлю себе в собственность ее мужа, не может пойти работать —

ничего, понимаешь, из того, что для нее всю жизнь было естественным, к чему ее готовили. А ты говоришь, воздух...

— И? — ждет продолжения мать.

— Что «и», мама?

— Задумал ты что? Я ж вижу, вечно тебе жучков-паучков спасать было надо. Только это не жучок, Арик, десять раз подумай. Мы квоту, чтоб тебя на куратора определить, с таким трудом получили. У тебя приличная зарплата, приличное питание, на твое место очередь стоит, ждет, когда ты оступишься. Хоть что-то там им нарушишь — и все, пиши пропало. Мы долги отцовские тогда из каких средств выплачивать будем?

— Ну, зачем нарушать? — чуть усмехается он. — Я законы изучил хорошо. Тут одно главное правило: не светиться. Меня, знаешь ли, тоже в некоторых местах видеть не должны. Но это вовсе не значит, что я не могу там бывать. Просто видеть вместо меня будут обычного человека. Так и с Анютой: до тех пор, пока в ней будут видеть обычного человека, я ничего не нарушаю. А дальше... — чуть помолчал, раздумывая, стоит ли делиться. Но если уж не маме, то кому? — Нам главное — пару месяцев продержаться, чтоб тише воды, ниже травы. А потом о ней забудут. И о ней, и обо всей этой истории с проникновением. И обо мне, соответственно. Я на хорошем счету, нарушений за мной не числится, так чего следить?.. Ну а я съезжу куда-нибудь в дальнюю деревню, выпишу там Анюте свидетельство о рождении, потом оформлю тихонько паспорт...

— Ар! Ну вот это уже точно нарушение, и серьезное, — не одобряет мама.

— А вот и нет! — он смотрит упрямо и решительно. — Они сами оставили мне лазейку. Заставили нас с девочкой подписать контракт! Понимаешь? Они выдали мне дарственную на домашнее животное и при этом — заставили подписать контракт!

Она не понимала этих тонкостей.

— С животным невозможно подписать контракт, оно ж по определению неразумно! Оно не обладает никакими правами, и потому просто не может отказаться от них в мою пользу. А если она передает мне права — и об этом есть официальная бумага — значит, права у нее были. А права есть только у граждан Страны Людей. Выходит, делая ей документ о гражданстве, я только исправляю досадную оплошность. И моя девочка сможет ходить в школу! А там и уехать от меня, когда истечет ее срок.

— Ар, в управлении не дураки сидят, — пытается предостеречь его мать.

— Да знаю, мама, знаю. Но я ж говорю, тут главное — не светиться. Подправлю ей речь, подучу истории, правилам местным... Понимаешь, пока она не будет привлекать внимания, никому не будет до нее дела. Главное, чтоб круги по воде не пошли. И будет у меня не зверушка, а самая настоящая Избранница.

— Арик, так ты что, все эти махинации только ради того, чтоб иметь Избранницу, задумал? — не понимает его мама. — Так мне казалось, ты и так имеешь право, на законных основаниях. Раз в несколько лет, конечно, но ты ж, вроде, ни разу не заводил?

— Не заводил, — соглашается сын. — Но раз уж завелась... Я, кстати, обещал показать Анюте дом. Поможешь?

Это было почти как путешествие. Изображение настолько точно воспроизводило реальность, что Ане казалось, будто она просто переезжает из комнаты в комнату на самоходной кровати. А дом его был небольшим, как и ее. Деревянный, одноэтажный. Можно было бы сказать — совсем простой, если бы не резьба. Деревянной резьбой здесь было украшено все — арки дверных проемов, переплеты окон, мебель. На комодах и полочках то

тут, то там стояла деревянная скульптура: и небольшие фигурки животных, и достаточно сложные абстрактные композиции. Особенно много подобных вещей стояло в комнате, которую Аршез назвал своей.

— А все эти фигурки, — их что, ты резал? — предположила Аня.

— Я. Нравятся?

— Да, очень. А почему здесь ни одной нет?

— Да здесь... — он несколько недоуменно пожал плечами. И в самом деле... — Наверное, так и не осознал эту квартиру своей, все как к казенному временному жилью отношусь. Да и живу я здесь недолго, и дел вечно много: не здесь — так дома, все скачу между двумя странами... Но, если хочешь, могу для тебя что-нибудь вырезать.

— Правда? Конечно, хочу, — она радуется, как ребенок. Ребенок и есть, поправляет себя он. А у него опять все мысли — как бы опрокинуть ее на эту кровать и до утра уже не выпускать.

— Тогда договорились. А пока давай отпустим маму отдыхать и сами будем ложиться.

— Да, конечно. Спасибо, — поблагодарила Аня девушку по ту сторону реальности. И только тут сообразила: — Маму???

— Ну, да, я же, вроде, сказал, что маме звоню, — попрощавшись, Аршез отключил изображение.

— Но... она же молодая совсем... я думала, это твоя сестра, мамы дома нет.

— Молодость, Анют... вернее, очень юная внешность моей расе свойственна. Недаром ты и меня сочла моложе, — попытался он осторожно ей объяснить.

— Вы что, нашли лекарство от старости?! — пораженно всматривается она в его лицо. И в действительно, такие нежные черты... даже мимических морщинок нет.

— Можно сказать и так. Вот только на людей оно не действует.

— Да? Жаль... — особого сожаления не испытала. Старость — она была еще так далеко. Кто его знает, что до тех пор изобрести успеют. — Погоди, так тогда там, на базе... Это поэтому там все до единого молодые были, даже начальство? То есть на самом деле они какого угодно возраста могут оказаться?

— Несоввершеннолетних там нет. А так... Предполагай, что чем выше должность, тем старше, практически не ошибешься.

— Но у тебя ведь не высокая? — опасливо уточнила она.

— Нет, — он улыбается. — У меня не высокая.

Аня кивает. И вспоминает начальника несуществующей миграционной службы. Как он сидел на столе, покачивая ножкой, шутил... Врал... Даже интересно, а сколько может быть лет Ринату? А впрочем, что ей до него? Ему она не глянулась... Ну, и... к лучшему. Кто его знает, что этот высокопоставленный лжец с теми ребятами сделал? А у нее есть теперь Аршез... А у Аршеза есть мама, с которой он может хоть по сто раз в день беседовать по видеотелефону. А он большой уже, ему уже не так уж сильно надо, а ей... а у нее...

— Аня, ты чего? — недоумевает Аршез, глядя как стремительно падает настроение у его девочки.

— Мама, — со всхлипом произносит она. — У меня тоже есть мама. И я тоже хочу... вот так, перед сном... А она там хоронит меня сейчас. С ума от горя сходит. И только от скорби еще лет на двадцать постареет, — она не хотела, но слезы сами уже бегут. — А вам что, — горько всхлипывает она снова, — вы вон молодые, красивые, с видеофонами... Зачем вы закрыли границу? Почему вы нас не выпускаете? Что мы вам сделали, что?!

— Аня... Анята, пожалуйста, я не руковожу страной, я не определяю ее политику. Для меня Граница так же непроходима, как и для тебя. И если я туда полечу, я застряну в ней так же как ваш... летающий транспорт. И получу очень серьезные взыскания. Я не смогу вернуть тебя домой, при всем желании не смогу. Но я могу обустроить твою жизнь здесь. С твоей помощью, конечно, один я не справлюсь. А слезы здесь не помогут, надо брать себя в руки и строить свою новую жизнь. Учить местные правила, перенимать местные обычаи...

— Погоди, но ты говорил, — она его не слушает, захваченная новой мыслью. — Ты говорил, что есть те, кто границу регулярно пересекают — разведчики, шпионы...

— Я не служу в разведке.

— Да, но... возможно, у тебя есть... ну, хоть какой-то знакомый там. Он передал бы письмо... ну, даже не письмо, записку. Что я жива, что у меня все в порядке... Ты же не позволяешь своей маме волноваться. Так почему моя должна поседеть от горя?

— Анята, — он качает головой.

— Пожалуйста, Ар... Ну пожалуйста... И я не скажу ничего, что у вас секрет. Ну хочешь, ты мне даже сам продиктуешь... А я буду во всем тебя слушаться. Все делать, как ты скажешь. Буду учиться. Мне бы только маме... два слова, чтобы она не убивалась. И мне станет легче жить, легче принять... Ну, пожалуйста, ведь есть же кто-то, кто мог бы...

Но он все качает головой, даже мысли не допуская. Ему надо спасти свою девочку. Спасти, а не подставить. А горящая мама все же меньшее зло. Лучше уж пусть она горюет, когда с Анятой все хорошо, чем не горюет, а от дочери уже и...

— Давай спать, малыш. Нам завтра надо будет ремонт заканчивать, мастеров я выгнал...

— Выгнал? — удивляется девочка. — Зачем?

— Уже не помню. Умеешь клеить обои?

— Научусь.

— Вот и хорошо.

Хорошо не было. Он отправил ее спать, а ее опять настигли кошмары. И она плакала во сне, захлебываясь от подступающего ужаса, звала маму, и все повторяла отчаянно и безнадежно: «пожалуйста... ну, пожалуйста!..»

На этот раз он хотя бы ее добудился. Она распахнула свои полные боли глаза, увидела его, склонившегося над ней. И бросилась ему на шею:

— Не оставляй меня, Ар! Пожалуйста, не уходи, не оставляй меня одну! Я боюсь! Они приходят, и... Мне страшно!

— Я с тобой, — он осторожно уложил девочку обратно на подушку.

— Не уходи! — она отчаянно вцепилась ему в руку.

— Даже и не собирался, — заверил он, — двигайся.

До последнего ожидал, что она возмутится, когда он откинул ее одеяло и устроился рядом. Но ее кошмары были куда сильнее надуманных мифов о приличиях. Она сама прижалась к нему — заплаканная, дрожащая. Он обнял, поцеловал мокрый от слез висок.

— Спи, маленькая. Все хорошо, я никуда не уйду.

И она спокойно уснула, уверенная, что уж с ним-то она точно в безопасности. А вот он... в этом уверен не был. Его рука все скользила по ее спине, и с каждым скольжением в этом жесте оставалось все меньше дружеского и успокаивающего. Он возбуждался. Зубы ныли, дыхание учащалось. В какой-то миг он осознал, что гладит уже не спину, а ягодицы, причем обнаженные, одну ее ногу он закинул на себя, а ночнушку задрал практически до подмышек.

А она спит. Она просто спит, ребенок, ему поверивший. Защитничек. Защитит он ее, как же! Сейчас в момент вместо одних кошмаров ей другие организует. И даже гадать не надо, какие страшнее окажутся!.. Она же маленькая. Маленькая...

Ругаясь последними словами, чтоб хоть немного прийти в себя и сосредоточиться, он аккуратно уложил ее на спину, поправил рубашку, укрыл одеялом. И сбежал, плотно притворив дверь ее спальни.

Поднялся на крышу, чувствуя, что в квартире он задыхается. Надеюсь, что свежий ветер его успокоит. Выдует ее запах из его легких. Запах, которым в его квартире было пропитано уже все. Но главная проблема — даже не в этом. Он вдруг осознал, что в принципе не умеет сдерживаться. Просто не знает, как жить с этим чувством: «хочется, но нельзя». Правило всегда было: «если хочется — то можно и нужно», и те, кого он желал, всегда горели страстью в ответ. А детей — Светоч прежде миловал как-то — на пути его раньше не попадалось. Да и... нет, никогда он не мечтал о подобном, несовершеннолетние девы в эротических снах к нему не приходили. А с совершеннолетними он все свои сны с успехом реализовывал. И что ему делать теперь? Что ему делать с этим жгучим чувством нереализованного желания? Как люди с их миллиардом сексуальных запретов вообще живут? Когда после женитьбы можно вообще всего одну женщину. Как они не сходят при этом с ума?

Он стоял на низеньком парапете, ограждавшем крышу, и смотрел на окна соседних домов. Тянулся к ним не только зрением, но и всеми прочими органами чувств. Пытался услышать, ощутить, осознать эмоции, что спрятаны за оконными стеклами. Искал ту, чьи муки нереализованных желаний сродни его. Ту, кому он отдаст все то, что его ребенку пока не требуется. А найдя — сорвался в полет. Без контракта, да. Но он будет аккуратен и ничем не навредит ее здоровью. А к утру она и вовсе будет считать все случившееся ночью всего лишь красивым сном, он позаботится.

До утра не остался, конечно. Но домой вернулся чуть более спокойным и чуть более удовлетворенным. Чуть более, всего лишь. Не тот запах. Не то тело. Не то. Все не то. Не насыщает. Не удовлетворяет. Не успокаивает.

А в доме горел свет. Везде, даже в его спальне, даже в туалете. Аню он нашел в кресле. Забившуюся туда с ногами, сжавшуюся в дрожащий комочек, в слезах.

— Что случилось, ребенок? — перепугался он.

— Страшно. Я тебя искала, а тебя нет. Обещал, что не уйдешь, а сам? Я думала, ты к себе спать ушел, а тебя вообще нет, я одна...

— Анечка... — он поднял ее на руки, сам сел в хранящее ее флюиды кресло, устраивая девочку на коленях. — Ты так хорошо и крепко спала. Я думал, ты уже до утра не проснешься.

Она лишь судорожно вздыхает, вцепляясь в него сильнее и пряча лицо у него на груди.

— Так страшно?

Кивает.

— И что страшно, Ань? Что именно снится?

— Не знаю... Так всё... так... — слов она не находит. Лишь прижимается еще сильнее.

А он... ничего не может с собой поделаться. Вдыхает ее запах — глубоко, стремясь снова наполнить им свои легкие без остатка. Затмить им тот, чужой. Он раньше и не думал, что бывает настолько чужой запах. Обнимает ее — чуть крепче, чем требуется для того, чтобы просто согреть и утешить. Пьянеет от нее вместо того, чтоб сочувствовать и успокаивать. Но

зачем она так обнимает? Зачем так тянется к нему, не только телом, всей душой, распахнутой сейчас настужь?

— Анечка, — отчаянно шепчет он, думая не столько о ее страхах, сколько об эмоциях, что его сейчас обуревают. — Что же нам с тобой делать?

— Это все из-за мамы, — жалобно шепчет в ответ она, и Аршез не сразу понимает, чью маму она сейчас вспомнила — его, свою. — Ты не представляешь, какие слухи ходят у нас о землях за Темными горами. Один другого ужаснее. И что сейчас думает моя мама? Перебирает ужасы, которые я здесь переживаю. Перебирает смерти, которыми я здесь погибла... А я здесь... в тепле, в уюте. Ты меня холишь, лелеешь, на руках носишь, словно я — принцесса какая...

— Фантазерка... Я просто стараюсь быть гостеприимным. Разве хорошего отношения заслуживают только принцессы?

— Не в этом дело. Мама...

— Мама... — он пытается сосредоточиться на ее словах. — То есть, ты полагаешь, что твои кошмары — наведенные? Что это мама транслирует тебе свои страхи? Но... разве между вами такая сильная связь?.. У представителей моего народа это бывает, я говорил, мы эмпаты, и если связь сильна, то даже на расстоянии можем почувствовать всплески эмоций своего близкого. Но для людей... Я всегда считал, что для вас подобное невозможно, люди более поверхностны в своих ощущениях, слабее развиты органы чувств...

— По-моему, это вы поверхностны в своих суждениях о людях, — недовольно кривится девочка. — А как же интуиция, предчувствия, вещие сны? Истории о том, как люди за тысячи километров чувствовали, что с их близкими случилась беда... А сейчас с мамой беда, понимаешь? Не со мной, с ней. У нее дочь пропала.

— Мы не можем помочь твоей маме, Анечка. Если все действительно так, как ты говоришь, надо думать, как отгородиться от чужих эмоций, чтобы...

— Давай напишем письмо, Аршез, пожалуйста! — ей не нравится, куда он пытается свернуть беседу.

— Да пиши, Анют, хоть десять. Хоть в день по сотне, я же не запрещаю. Может, даже полезно будет, выговоришься, пропишешь все свои страхи... Но отправить их я все равно не смогу. Никак.

— Ар... Но ведь должен быть способ. Я же прошу так мало. Два слова всего, что я жива... Я же не прошу домой, не требую невозможного...

— Ну, а что ты сейчас, по-твоему, требуешь? — вздыхает он.

— Ты же видишь, я спать не могу, сама мучаюсь, тебя мучаю...

— А может, дело не в маме? Вернее, не в ее страхах? А в твоём чувстве вины? Ты чувствуешь себя виноватой за то, что тебе хорошо, в то время как мама считает, что тебе плохо. Вот и пытаешься подсознательно сделать себе плохо, воскрешая в памяти все кошмары, которые ты пережила и передумала во время пересечения Границы.

— Нет... Я не знаю... Даже если так, если я буду знать, что мама за меня не переживает...

— Мне надо подумать, Анют. Почитать, посоветоваться... А пока идем спать. Я больше не уйду, я обещаю.

Не ушел. Сторожил ее сон и отгонял ее страхи. Свои навязчивые фантазии о ее теле даже не отгонял. Просто из последних сил не давал им реализовываться. В эту ночь удалось.

День третий

Утром все же позвонил Ксандаридору, одному из друзей своего детства. Тому самому, что рассказывал ему когда-то о людях. Куда больше, чем принято рассказывать об этих существах в его среде. Ксандар и не был из их среды. Столичный мальчик, чьи родители вращались в самых высоких сферах, он был занесен в их забытый светочем городишко капризным ветром каких-то придворных интриг и провел там пару десятков лет. Отец Ксандара служил во внешней разведке еще в те дни, когда мир не разделяла Граница, и потому о странах и народах, нравах и обычаях настоящих людей даже его сын знал куда больше, чем пишут в любом учебнике. Именно Ксандар, поселившийся тогда волею судьбы в их доме, навсегда отвратил Арика от дикой охоты, бешено популярной среди подростков их городка, и поведал о том, что для того, чтобы познать людей, существует совсем другой способ. Он вернулся в столицу, мелькнув яркой звездой на небосклоне провинциальной жизни и оставив Ару мечту, к воплощению которой тот шел много лет. И вот пришел. И теперь у него есть даже своя собственная «настоящая» девочка. Но по-прежнему не хватает знаний.

Ксандар его помнил, хотя прошло уже, наверно, лет двести с тех пор, как они общались. И если и удивился, что безродный мальчишка сумел стать куратором в Стране Людей, то удивился приятно. Сам он пошел по стопам отца, избрав делом жизни службу во внешней разведке и, собственно, только чудом оказался сейчас дома.

— Удивительно, что ты меня застал. Я и прилетел-то всего на пару дней и этой ночью опять улетаю.

— Юг, восток, запад?

— Запад.

— Тогда... возможно, ты смог бы вылететь на час раньше и пролететь через Чернометск? Мне безумно нужен совет, и кроме тебя просто не к кому обратиться.

— Да? Жаль. Я-то решил, что ты вспомнил обо мне ради меня...

— Порой бывает так сложно найти повод и кажется так глупо звонить без повода. Пока соберешься — столетия как не бывало. И мне вот совсем не жаль, что повод все же нашелся. Так ты залетишь?

— Диктуй адрес.

Анюту обнадеживать не стал. Напротив, загрузил работой с утра пораньше. И они стелили линолеум, клеили обои, прибивали и красили плинтуса. Вместе. Рядом. Порой — слишком вместе и слишком рядом. И он пользовался ситуацией по максимуму и даже не скрывал этого.

— А стремянка у тебя есть? — поинтересовалась девочка еще в самом начале совместной работы.

— Нет, Анют, без стремянки.

— Но...

— Мы везде достанем, я обещаю.

Достали, конечно. Потому что, велев ей держать подготовленный кусок обоев, он обхватил ее за талию и взвился под самый потолок.

— А!..

— Наклеивай, Анют. Желательно ровно.

— Но... — она не испугалась, растерялась скорее, и все оглядывалась, не в силах поверить.

— Клей высохнет, не отвлекайся.

Она все же приложила обои к стене, разгладила чуть дрожащими руками. Он потихоньку опустился, давая ей возможность прижать и разгладить все полотно до самого пола.

— И что это было? — она пораженно смотрела на него снизу вверх, сидя на коленках и не в силах осознать происшедшее. — Ты как?.. Ты что, умеешь летать?

— Умею, Аня, — он тоже присел перед ней на корточки, взял в руки ее ладошки. — Но ведь это же не страшно, удобно просто. Можно экономить на стремянках.

— Это — технологии какие-то, да? Реактивный ранец или что там... Ты меня разыгрываешь просто?

— Нет, малыш. Врожденная способность. Я же говорил, я не человек. И возможности мои чуть отличаются.

— Чуть... Ничего себе, чуть!.. Умение летать, это... А ты с земли и до наших окон взлететь сможешь?

— Смогу.

— А спрыгнуть вниз и не разбиться?

— И вниз, и вверх, и вбок, и даже с тобой на руках, если не побоишься, — он поднес ее ладошки к губам и поцеловал. Она не отдернула. Может, привыкла уже, а может — слишком уж поражена была его возможностями. — Но с экспериментами давай потом, а пока будем мои способности в быту использовать. Для поклейки обоев на отдельно взятой кухне. Идет?

Она нетвердо кивнула. Привыкнуть к тому, что Аршез человеком не был, оказалось сложно. Она все время забывала об этом, слишком уж теплым было его отношение, слишком уж близким он сумел стать для нее за эти неполных два дня. Но каждый раз эта его инаковость прорывалась — намеренно ли, как сейчас, или случайно, как вчера, когда он просто не мог понять, в чем она видит проблему. И приходилось вновь объяснять себе, что он, все же, другой. Не человек. Но ведь это не страшно. Он все равно Аршез. Ее Аршез Добрый, заботливый. Самый лучший. Ну, еще и летать умеет... Ну и... А некоторые двадцать иностранных языков знают. А канатоходцы вообще по проволоке ходят. Просто способность. Пусть.

— Ты самая лучшая, — шепнул он ей в самое ухо, почувствовав, что эту особенность его расы она приняла. И чуть коснулся губами щеки. — Давай продолжать.

И они продолжали. До самого вечера. С перерывом на обед, конечно, уж покормить своего ребенка он не забыл. Отвел в ближайшее кафе, заявив, что она и без того устала, чтоб еще и заниматься готовкой. Да и негде пока у них. И свежим воздухом подышать не повредит.

Зато к вечеру у них была кухня. И пусть пока там стоял только холодильник, всю заказанную мебель должны были доставить лишь завтра, но с ремонтом они закончили.

— Завтра отдыхаем и развлекаемся, — пообещал Аршез. — Правда, с утра мне надо будет заехать на работу. Но после обеда обязательно пойдем куда-нибудь в парк.

— Ага. Парк — это здорово, — блаженно развалившись в кресле, она чуть прикрыла усталые глаза. — Знаешь, я поняла, чего не хватает в этой гостиной.

— Кроме ковра? — он нетерпеливо поглядывал в окно, ожидая Ксандара. Все же близкими друзьями они не были. Да и вообще — детство было давно. Причин, могущих

помешать визиту, можно легко отыскать пару тысяч.

— Ковра? Да нет, ковер — это мелочь. Тут нужен телевизор. Вот ты сидишь вечером в кресле и смотришь... куда? На дверь туалета?.. Или у вас телевизоров нет?.. Но я вроде видела в магазине нечто похожее...

— Телевизор? — он попытался сосредоточиться на разговоре. — Ящик такой с картинками? Есть, ты права. Не так давно появились, позже гораздо, чем в вашем мире, но популярность уже завоевывают.

— Но лично у тебя еще не завоевали? — она улыбнулась.

— Так я ж не вижу там ничего практически. Зрение устроено чуть иначе, скорость восприятия зрительной информации иная — и для меня, как и для любого представителя моей расы, это почти бесполезный предмет. Я, конечно, могу сесть и вытянуть всю информацию из той или иной передачи, но для меня это будет не отдых, как для тебя, а работа, причем напряженная, — охотно объяснил Аршез, а она очередной раз мысленно споткнулась: вот, он даже видит как-то не так.

— Знаешь, из-за этой разницы в восприятии наши люди телевизор увидели лет на пятьдесят позже, чем ваши, — продолжал он рассказывать. — Во-первых, очень уж муторно контролировать, что конкретно там показывают...

— А вы контролируете все?

— Да, Анют. Мы контролируем все. Все сферы жизни. Это реальность, ее надо принять и жить, исходя из нее.

— Жутко, — она поежилась.

— Да нет, не очень, — он подошел, и вновь сгреб ее на руки, сев на ее место. — Ты ведь не думаешь, что в вашем мире такого тотального контроля нет?

— Конечно нет. Вернее, раньше он был, а теперь...

— Сказки, Анют. У нас их тоже рассказывают. Любого на улице спроси — ответит так же. Только без «раньше». Просто: «нет и не было». Я же тебе даю сейчас информацию с этой стороны реальности. От лица одного из тех, кто в этой несуществующей службе контроля занят. Не для того, чтобы ты делилась этой информацией с кем бы то ни было. Но чтобы лучше представляла мир, в котором живешь. И, кстати, была и вторая причина, по которой мы очень долго отказывались от телевизоров. Считалось — и все еще считается — что они вредят здоровью. Портят зрение, способствуют малоподвижному образу жизни, сокращают время, проводимое человеком активно, в том числе — на свежем воздухе...

— Ах, да, забота о здоровье во главе угла. Привет витаминам.

— Только привет? — он тут же напрягся. — Аня, мы договаривались, что ты их пьешь.

— Я пью, пью... Так почему же все-таки разрешили такие вредные телевизоры? — она поспешила уйти от скользкой темы.

— Без передачи на монитор изображения в режиме реального времени стало невозможно развитие целого ряда производств, мы тормозили бы этим науку, увеличивая отставание от остального мира, это недопустимо. Плюс, оценили возможности формирования общественного мнения, прежде недоучтенные. У нас есть и другие методы, их хватало, но... этот проще. К тому же — и это главное, наверное — был открыт новый способ кодирования и передачи зрительной информации, значительно улучшивший качество изображения. Стало хоть что-то видно. Нам, я имею в виду, для людей разница, возможно, не столь значительна...

— А у вас ведь есть свой аналог, верно? Вот как телефон, только чтоб фильмы

показывал, передачи какие-нибудь...

— Да, фильмы у меня есть, но ты ведь не поймешь в них ни слова.

— Но ты мог бы переводить.

— Мог бы, — от одной мысли, что он может усадить ее на свою кровать, обнять вот так и несколько часов нашептывать на ушко слова перевода, дыхание его участилось. И плевать, что людям подобное показывать нельзя. Он ведь уже показал, так какая теперь разница... Вот только надо выбрать, что ей поставить... В любом фильме могут быть сцены... Он на них и внимания не обращал, надо будет вспомнить, попробовать пересмотреть с человеческой точки зрения... — Не сегодня, мне надо сообразить, что тебе показать.

— Например, по географии что-нибудь. Ты мне, кстати, атлас обещал.

— Ах, да, атлас... — а там от одних названий ей дурно делается. — Да, да, конечно. Купим.

Его спас звонок.

— Твоя еда?

— Нет. Надеюсь, что нет. Я жду одного приятеля, видимо, это он, — Аршез поднялся, вновь усаживая девочку в кресло. — Ты отдыхай, мы, возможно, не будем спускаться, поговорим на крыше.

— Ар, но... Это нехорошо как-то. Словно я тебя уже из родного дома выгнала.

— Не выдумывай. Здесь просто сильно пахнет краской. Не забывай, у нас обоняние куда сильнее. Так зачем я буду мучить гостя? Не скучай, ладно? — он поцеловал ее в нос и ушел.

А она осталась, начиная потихоньку ненавидеть этот выход на крышу. Ведь даже не предложил пойти с ним, познакомиться с его другом... И вчера. Практически, накричал на ровном месте. Что он там прячет, на своей крыше? И, главное, было б где прятать... Или он прячет ее? Стыдится, потому что она маленькая, несовершеннолетняя. Он же говорил, что ему неловко, каждому не объяснишь... С его-то подружками, о которых весь двор судачит, и неловко?

Чтобы хоть чем-то себя занять, она сняла с этажерки первую попавшуюся книжку. Оказался справочник по редкоземельным металлам. Ладно, тоже сойдет. Тут бы еще с алфавитом вначале разобраться.

* * *

Ксандар изменился. Стал уверенней, жестче. Прожитые годы добавили к его ауре столько новых, и далеко не только светлых оттенков... А впрочем, тот яркий и ровный свет, что привлек Аршеза еще в юности, все так же горел в его сердцевине, чистый, незамутненный... Хотя, с его-то профессией там может сейчас гореть любой. Но так хотелось верить, что все-таки настоящий.

— Привет, — Ксандар обнимал его, излучая самую искреннюю радость. — Вот уж не думал, что встречу тебя когда-нибудь здесь.

— Настолько в меня не верил?

— Так уж сразу — «не верил». У каждого свой путь. Не думал, что твой — сюда. Да и вообще, полагал, ты пойдешь по стопам отца.

— Вот уж спасибо.

— Прости, — друг детства чуть смешался. — Не в этом смысле. Но черная металлургия.

Ар? Твоим всегда было дерево.

— Это его всегда было дерево. А я лишь освоил механические навыки резьбы, — Аршез почувствовал, что начал раздражаться. Это было лишним, он хотел о другом.

— Врешь. Ты резал душой. Чувствовал каждую жилку. Без всякой магии создавал из мертвого живое. Я, между прочим, до сих пор храню твой подарок. «Таинственный лес», помнишь?

— Бесплезную деревяшку хранишь, а собственную шевелюру сохранить не сложилось? — Аршез решительно уводил разговор от болезненной темы. — Что ты сделал с волосами?

— Я сделал из них шикарный парик. Надеваю, прежде чем явиться в родное ведомство, дабы не шокировать почтенных старцев. Но ты же, вроде, не старец, тебя ведь я не шокирую? А то могу надеть, вон они, все до волосинки в машине валяются.

— Оставь, — Аршез отмахнулся и попытался с симпатией взглянуть на человеческую прическу друга. Все же он живет в человеческих землях, там мужчины обрезают свои волосы... Но даже для человека слишком уж коротко. Слово и не мужчина перед ним, а красotka какава. — Тебе девы свое сантретэ примерить еще не предлагают? — все же не удержался.

— Девы нет, а от мужчин регулярно слышу.

— Прости.

— Забудь. Я слишком редко бываю на родине. И с каждым разом все меньше понимаю соплеменников, чтоб их подначки меня задевали.

— А людей — понимаешь?

— Хочется верить, что да.

— А я, собственно, о людях и хотел тебя спросить. Давай присядем? — он кивнул на парапет.

— В дом не зовешь?

— Я не один, а разговор личный. Ты, наверное, слышал, про человеческий транспорт с детьми, залетевший к нам на днях из-за западной Границы, — начал он, усаживаясь вместе с Ксандаром на краю крыши.

— Ну, еще бы. То, что мы вернули людям всех детей, наделало в столице столько шума, будто мы еще и своих им отдали.

— Мы кого-то вернули? — поразился Аршез. — Я даже не слышал.

— А что же ты тогда слышал? Весь Илианэсэ ходит ходуном: в самолете летело около пятидесяти детей, и их всех вернули на родину вместе с самолетом. Общество расколосось, не в силах решить, что же это: неслыханное благородство или невиданное безумие, подрывающее основы нашей безопасности?

— Неслыханное вранье.

— Ар?

— Вернули не всех.

— Ну, да, разумеется, там были еще взрослые, их оставили...

— Только взрослых, значит? Как мило. Вот только что же тогда у меня в квартире делает шестнадцатилетняя девочка?

— Арик, а вот это уже не шутки, — Ксандар хмурится.

— Да что ты, Ксандик, какие шутки? У меня на эту девочку еще и дарственная, подписанная Владыкой, имеется. Расслабься, все офигительно законно.

— Но...

— И именной указ, признающий ее совершеннолетней, тоже в комплекте. И да, она прилетела к нам на том самом самолете. И я совершенно точно знаю, что все дети шестнадцати и семнадцати лет на родину не вернулись. И детьми более не признаются. Соответственно, и судьба их... соответственная.

— Не знал... И что ты собираешься с ней делать?

— А что я должен с ней делать? Вечеринку устраивать не буду, если ты об этом.

— Хоть чему-то все-таки научился.

Они обменялись косыми взглядами. Помолчали.

— Я не знаю, как ей сказать, — признался Аршез.

— Что сказать, Ар?

— Кто я.

— Она до сих пор не знает? — поразился Ксандар.

— Нет.

— Но... как? Она ж у тебя уже сколько? Два дня?

— Двое суток.

— И? Ты что, стираешь ей память?

— Не делаю! — разозлился Аршез. — Ничего! Что требовало бы стирать память. Она ребенок, дракос тебя разорви! Я что, по-твоему, совсем маньяк?!

— Не горячись. Вот вижу теперь, что не делаешь. Неудовлетворенность до добра никого еще не доводила... Значит, играешь в человека?

— Да нет, я сказал ей, что не человек.

— А кто?

— А кто-то. Атлант какой-то. Или... не помню. Она сама себе что-то радостно придумала, я покивал...

— И долго ты так продержишься? Она в первой же книжке прочтет, от первого же прохожего услышит... Я уж не говорю про то, что постоянно находясь с ней в тесном замкнутом пространстве, ты однажды не выдержишь. Даже если сейчас она тебя особо не привлекает, со временем ты начнешь сходить с ума от ее запаха и попросту утратишь контроль.

— Уже.

— Уже что?

— И привлекает, и схожу с ума от запаха. Контроль пока не утратил.

— Хреново.

— Что не утратил? — чуть усмехается Аршез.

— Что собираешься терпеть до последнего. И надеешься, что там, в конце, оно как-нибудь обойдется. Не обойдется, Ар, — Ксандар печально качает головой. — Все слышали, что потеря контроля порой случается. Мало кто знает детали. Пока это не случится с ним.

— С тобой случалось?

— Нет. Но я изучал. В рамках общего курса. Статистику, исследования... Суть в следующем. Чем сильнее твоя жажда, и чем больше волевых усилий ты тратишь на ее подавление, тем сильнее тебя сорвет... Ты очнешься в луже крови, Ар. Перед ее истерзанным, искалеченным трупом. И не будешь помнить ни секунды между «до» и «после». Вот ты стоишь, улыбаясь, и даже говоришь ей что-то... И тут же финал. И ничего между. Ни проблеска. Тебя в этот момент словно нет. Ты не сможешь... минимизировать,

остановиться, причинить чуть меньше... Ничего не сможешь, Ар.

— И что мне делать?

— Позволить ее себе. Осознанно и по расписанию. Раз в неделю, в две — но чтобы ты знал свой срок, и он был для тебя реальным, — Ксандар твердо смотрел в его глаза, уверенный в каждом своем слове. — Не делай ее недостижимой. Не доводи себя до безумия. Есть принцип меньшего зла. Поверь, это — тот самый случай.

— Она не созрела для таких отношений.

— Да не создавай ты культа из ее возраста! Западные девочки шестнадцати лет крайне активно интересуются сексом, и нередко — не только в теории. А всего сто лет назад их и вовсе в этом возрасте замуж выдавали, и детей они рожали, и считались — самими людьми считались — для этого всего вполне созревшими.

— Все по-разному, видимо, созревают. Любые цифры условны, что старые, что современные, — Аршезу совет не нравился. Совсем. — Анюта — ребенок. Не телом. Вот здесь, — он постучал пальцем по виску. — Ни малейшей вспышки страсти. Симпатия, страх, приязнь, желание тепла, нежности... не более. Да еще и воспитывали ее уроды какие-то. Такая гнусь в голове. Да ее за руку взять — почти преступление, какой там «замуж»!

— Тогда начинай с теории. Объясняй. Люди разумны, Аршез, с ними надо общаться. Разговаривать, договариваться. Если она будет понимать, что происходит, ей будет легче пережить, принять, приспособиться. Люди способны принять очень многое, если они понимают суть происходящего, если у них было время подготовиться морально. Ты должен сказать ей, кто ты. Ты должен объяснить, что межрасовые отношения имеют определенную специфику. Рассказать популярно, что ее ждет, и чего вам не избежать. Подготовить, настроить. Поверь, ее неведение и твои попытки бесконечно сдерживаться могут кончиться для нее куда фатальней, чем проведенная с тобой ночь.

— А ты когда-нибудь объяснял... там, за Границей... чем обернется эта самая «проведенная с тобой ночь»?

— Я не имею на это права.

— Я не твое начальство. Ксан? Ты объяснял? Рассказывал? Это можно вообще принять? И согласиться на это, добровольно? Будучи человеком с той стороны?

— Принять можно, — все же ответил Ксандар, помолчав. — И да, я рассказывал... Не каждой, разумеется. Да каждая и не примет. Тут очень важны личные отношения. Правильно выстроенные личные отношения. Когда понимание рождает доверие...

— Значит, я прав, пытаюсь сначала выстроить эти самые отношения...

— Отчасти. Не затягивай с объяснениями, Ар. У нее должно быть время, чтоб осознать ситуацию. Хочешь, я с ней поговорю?

— Нет, не надо, я сам. С тобой я, честно говоря, совсем о другом собирался... О девочке, да. Но о ее проблемах, не о моих.

— Но ведь самая большая и страшная ее проблема — это именно ты.

— У нее пока свои страхи.

* * *

Стоя у письменного стола, Аня нервно листала книгу. Очередную, судя по вороху разложенных вокруг. И хотя Аршез точно знал, что в гостиной остались лишь справочники,

все остальное он предусмотрительно убрал еще в первый вечер, почувствовав ее смятение, перепугался: узнала.

— Анюта? — позвал настороженно.

— Ар, это кошмар какой-то! — она отчаянно всплеснула руками, даже не обернувшись. — Вы что, совсем не пользуетесь латиницей?

— Чем, прости? — он даже опешил.

— Нет. Кириллицы всегда хватало, — невозмутимо вмешался в беседу Ксандар, чуть более подкованный в этом вопросе. — Кстати, здравствуй.

— Ой, — она стремительно обернулась. — Здравствуйте.

Приятель Аршеза выглядел молодо, был при этом высок и строен. Но с определением его расы Аня все же запнулась. Ар говорил, что волосы их мужчины не бреют, а светлые волосы его приятеля были коротко острижены. Причем стрижка была весьма привычна глазу, в ее родном мире так выглядели многие. Скользя взглядом по классически правильному лицу, Аня вгляделась в зрачки, благо стояла спиной к окну, и свет падал как раз на гостя. Обычные были зрачки, человеческие! И неяркая голубая радужка вокруг... Да, и исходящих от гостя волн энергии, подобных тем, что шли от Аршеза, она не ощущала.

— А вы — человек, да? — девочка обрадовалась. — Ар говорил, что должен зайти его приятель, а я почему-то подумала, что это будет его соплеменник...

— Люди лучше? — гость подмигнул ей, улыбаясь. Так вышло заговорщицки и по-свойски. — Александр, можно просто Саша. И давай на «ты», а то когда ты мне «выкаешь», я себя таким старым ощущаю.

— Аня.

— Так что же тебя так возмутило в этих книгах, Аня? Зачем тебе латиница? — Ксандар неторопливо подошел к столу. Аршез не вмешивался, но настороженно двигался следом. Ему не нравилось, что Ксан подошел к его деве слишком близко. Не нравилось, что он решил поиграть в человека. Аршез, конечно, сам настоял, чтоб Ксандар скрыл свою ауру. Так для того, чтоб не подвергать ребенка лишнему воздействию, а не чтоб они тут коалицию «люди против нелюдя» организовывали.

— Да вы... да ты только глянь: все обозначения металлов... да любых химических элементов, все формулы, всё! Это же международные символы, во всем мире принятые, специально, чтоб... да нам всю жизнь в школе говорили: математик всегда поймет математика, а химик — химика, даже без знания иностранных языков. А здесь? — возмущалась девочка. — Я попадаю в чужую страну, а тут язык тот же, с минимальными какими-то исключениями, понимать не сложно. Но ни одной формулы не понять. Ни одного знака. Я как... как все это учить буду? У меня всю жизнь физика хорошо шла, химия, а тут? Я, выходит, по этим предметам — полный ноль, тупее первоклассника. Потому что первоклассник с нуля будет учить, а мне — переучивать, я все время сбиваться, путаться буду...

— Ну, ты выдумала, — чуть насмешливо тянет Ксандар. — Неужели, если А, Бэ, Це не А, Бэ, Вэ заменить, то значение математического уравнения поменяется? Или формула смысл утратит? Если можно выучить язык слов, то можно выучить и язык формул, и не путаться. Или ты формулы без понимания их сути учила?

Она чуть остыла.

— Разумеется...

— Разумеется, — беззлобно передразнивает Ксандар. — А чего паникуешь тогда?

Хотя... если это у тебя единственный повод для паники, то я — только за, паникуй.

— А... — хмурится Аня, — какие еще должны быть?

— Не знаю, — Ксандар легкомысленно пожимает плечами и, сдвинув книги, вольготно усаживается на столе. И становится чем-то похож на Рината, — ловит себя на мысли девочка. Тот вот тоже так сидел, болтал ножкой в воздухе, нес всякую чушь, вызывая веселый смех... — Ты все же к нам совсем из другого мира попала. Осталась одна — без родных, без знакомых. И мне на самом деле безумно интересно, как это? Что ощущаешь, что чувствуешь, что думаешь? Каково тебе тут? Есть ощущение, что жить можно, или напротив, кажется, что не выжить?

— Я не знаю толком, — Аня в задумчивости опускается на стул. — Я едва ли успела понять... Нет, живешь, и, вроде, все хорошо. Нас встретили, приняли, не обижали... Обманули, но ведь не обижали — не оскорбляли, не унижали, не бросили на улице. Распределили по семьям... по домам, — исправляется она. — И здесь... я не знаю, может, это просто Аршез такой замечательный, но я живу, как принцесса, он потратил на меня столько денег, столько всего купил, столько сделал... Идем, — Аня срывается с места, маня за собой гостя. — Вот, смотри, — она распахивает дверь. — Это кухня. Ну, почти, мебель только завтра привезут. Но мы купили уже... Аршез купил. А еще вчера здесь была пыльная кладовка, забитая старьем, он все выкинул, сделал ремонт... Ну, мы вместе сделали. Но ведь для меня, понимаешь? А я ему никто, меня ему принудительно всучили...

— Не всучили, Анют, — неслышно приблизившись, Ар нежно кладет руки ей на плечи. — Меня одарили. Самой лучшей девочкой на свете.

— Перестань, — она смущается, но все же не отстраняется, а, склонив голову к плечу, трется щекой о его пальцы, — я обычная.

— Но?.. — ожидает продолжения рассказа Ксандар.

— Что «но»? — не понимает его Аня, «уплывая» в ауре стоящего так близко Аршеза.

— Ты мне рассказывала: все очень хорошо и замечательно в твоей новой жизни, но «вроде». Что-то тебя смущает. Что именно?

— Не знаю, — она все же отстраняется от Ара и отходит к окну, пытаясь сосредоточиться. — Неправдоподобно. Слишком все хорошо. Так не бывает. В чем-то должен быть подвох, а я никак не могу понять, в чем.

— Ну, могу просветить.

— Ксан!

— Ш-ш-ш, — Ксандар предостерегающе поднимает руку. — Ты, на самом деле, сама уже озвучила, — невозмутимо продолжает он свой разговор с девочкой. — Это действительно Аршез такой замечательный. Поверь, так повезло не всем. Далеко не для всех делают ремонт в квартире, тратя деньги, отложенные на новую машину...

— Ксандар!

— Я говорю неправду? — он оборачивается к крайне недовольному Аршезу. — Тогда не мешай. Понимаешь, Анют, — возвращается он к девочке, — нигде не оговорено, как именно Ар должен себя вести со своим «подарком». Он посчитал нужным выделить тебе комнату для сна и отдать еще одну — под кухню. А мог положить тебя спать в коридоре и заставить чистить ему ботинки. Языком. И закон ему это позволяет.

— Ксандар, прекрати пугать мне ребенка.

— Я разве пугаю? Я лишь говорю, как ей с тобой повезло. Кстати, знаешь, зачем он меня позвал? — вновь оборачивается Ксан к девочке, не давая ей времени обдумать

сказанное.

— Нет, — она поднимает на него заинтересованный взгляд, ожидая продолжения.

— Сказал, ты очень хочешь отправить одно письмо.

— Да, но... Аршез сказал, что это невозможно.

— Для него — невозможно. А вот я буду на днях в ваших краях, могу занести.

— Но... как? Но люди же...

— А кто тебе сказал, что я человек?

— Но... ты, — она совсем растерялась.

— Неправда, — коварно улыбается Ксандар. — Это сказала ты, а я лишь не стал с этим спорить... Ладно, не сердись, никаких тайн я у тебя под это дело не выяснил. Знаешь, как проверить, человек перед тобой или нет?

— Как?

Он протянул ей руку, словно для рукопожатия. Она пожала и... это было оглушающе, невыразимо, непередаваемо! Слово целая вселенная взорвалась в ее ладони. И заполнила ее всю, пронзая мириадами ярких звезд, заставив разучиться дышать, позабыть на миг обо всем на свете...

Подлетевший Аршез резко дернул ее на себя, разрывая рукопожатие. А она все смотрела на Александра, не в силах поверить, что он тоже — не человек. А как же... волосы, глаза?..

— Все остальное тебя обманет, — улыбнулся ей Ксандар, — внешность, слова. Но силу, текущую внутри каждого из нас можно скрыть, но нельзя от нее избавиться.

— Но глаза?

— Линзы, Ань. Просто линзы, присмотришься внимательнее. Куда удобнее черных очков, не нужно объяснять, зачем ты носишь их в сумерки в дождь.

Она пригляделась. Да, действительно, как она сразу не разглядела?

— И кстати, Анют, — невозмутимо продолжил Ксандар. — Расскажи ему как-нибудь на досуге про ревность, — он кивнул на Аршеза, все еще обнимающего Аню за талию, словно удерживая от возможности приблизиться к своему другу. — Понимаешь, считается, что представителям нашей расы она неведома. Но я слышал, что у людей ревнивцы не только убивают порой своих соперников, но и — что гораздо чаще — лишают жизни собственных любимых. У нас об этом известно мало, так что расскажи, Аршезу интересно будет послушать.

— А можно все-таки без тонких намеков? — Аршез уже жалел, что позвал его. Да, ему не понравилось. Что Ксандар касается его ребенка, что позволяет ей чувствовать его силу, его привлекательность. Да, притяжение к представителям его расы люди чувствуют всегда и неизбежно, но Аршезу не хотелось, чтоб Аня ощущала подобное к кому-то еще, связывала эти чувства не только с ним. Это было подло, да, но она — его дева! Не Ксандара.

— Да можно, можно, — Ксан вскидывает вверх руки с самым беззаботным видом. — Так чего, не ревнивый не собственник, будем закон нарушать, или ну его?

— Закон нарушать тебе, — Аршез потянул Аню на выход из кухни, жестом приглашая Ксандара следом. — Тебе и решать.

— А прилетит обоим. Но по-настоящему пострадает только твоя дева. Так что решать совсем не мне, — Ксандар выжидающе взглянул на Аню.

— А что мне будет, если узнают?

— Ссылка на восток, полное поражение в правах.

— Полное поражение — это как? — нахмурилась девочка.

— Это рабство, — невозмутимо просветил Ксандар.

Она сглотнула. За письмо???

— Это разглашение сведений государственной важности, — друг Аршеза смотрел ей в глаза. Очень прямо и очень серьезно. — Что известно у вас? «За горами жизни нет, там нечто страшное, неведомое, непознаваемое. Сунешься — и умрешь». И тут вдруг: «да там, оказывается, города, луга и пашни, милейшие люди живут, письма пишут...» Это — серьезнейшая брешь в нашей веками проводимой оборонной политике. Такого не прощают. Мы с Аром потеряем работу. Возможность когда-либо занимать определенные должности. Но жизнью расплатишься только ты.

Аня белеет.

— Но... ты же только что говорил — «рабство».

— И долго ты протянешь в этом рабстве? Три года, четыре? Скорее три, буду честен. А может, и того меньше...

— Ксан, прекрати! — Аршез не выдерживает. — Ты первый не заинтересован терять работу. И потому либо сделаешь так, чтоб все получилось, либо откажешься.

— Либо сдам тебя, об этом не думал?

— Думал, — не стал отпираться Аршез. — Но ты не из тех, кто способен на подлость. И ты не подставишь ребенка. Если считаешь, что я прошу о предательстве — накажешь сам. Побьешь меня, разорвешь нашу дружбу — но не в спину, не чужими руками.

— Я мог измениться.

— Мог. Но не изменился.

— Ладно, малыш, — Ксан тяжело опускает руку ему на плечо. — За твою в меня светлую веру, — притягивает его к себе чуть ближе, трется виском о висок. Отстраняется. — Хорошо. Разумеется, мы все сделаем правильно. Но риск есть всегда, и предупредить я был должен. Так что, кроха, ты все еще хочешь писать письмо?

Она испытующе смотрит на одного, на другого. Они действительно готовы рискнуть, из-за нее? Вернее, Аршез — из-за нее, а Александр — из-за Аршеза... А она — из-за мамы А мама? Если она получит письмо, и на радостях начнет показывать его всем вокруг, пойдут разговоры, новость просочится в газеты... Аня впервые задумалась, что ее письмо вовсе не так безобидно, как ей казалось. Но ведь Ксандар (именно так, а вовсе не Сашей зовет его Ар) готов это письмо передать, а он ведь разведчик и, значит, просчитал все риски...

— Мне, наверное, стоит написать в письме, чтоб мама никому о нем не говорила, потому что иначе здесь об этом узнают, и у нас у всех будут неприятности?

— Нет, Анют, такого писать как раз не надо, — качает головой шпион неведомой расы. — Об этом я расскажу твоей маме сам. Поверь, слова я найти сумею. От тебя требуется другое. Во-первых, написать так, чтоб мама поверила, что письмо от тебя. Во-вторых, так, чтоб это не было письмо «из-за Темных гор»... Просто письмо от дочки маме из одного города в другой, — пояснил он, видя Анино недоумение. — Чтобы где бы его ни прочли посторонние — по эту сторону гор или по ту — не создавалось впечатления, что отправитель и адресат разделены непреодолимой границей. Или что в письме содержится хоть какая-то запретная информация.

Аня задумалась. Чтобы мама поверила... Почерк можно подделать. Или не признать. Какие-то особые «тайные» слова у них в ходу не были, «домашние клички» — тоже. Это вон подруга Юлька всю жизнь звала свою маму «мусечкой», а та ее в ответ — «карапузиком». Они же всегда были друг для друга просто мамой и Аней. Ну, мамочкой и Анечкой в особо

чувствительные моменты. Не велика шифровка. Что там еще полагается в таких случаях? Упомянуть о чем-то, известном лишь настоящей Ане? О чем? В голову решительно ничего не лезло.

— Погоди, а фотографию? — осенило девочку. — Я же могу послать фотографию? И изображена буду я, и почерк, и... я у нее свой кулон попрошу, мне бабушка дарила, она знает...

— Кулон просить не стоит, это — материальная ценность, так меня за мошенника примут, который на горе пытается подзаработать, — качает головой Ксандар. — Но мысль хорошая, что-то же я должен тебе привезти, чтоб подтвердить, что доставка состоялась. Вот только не ценное, простое. А фотографию — неплохо бы, но мы уже не успеем ее сделать, я улетаю прямо сейчас.

— Кулон не ценный, — отмахивается девочка. — Там оправа из дешевого металла, да стеклышки крашеные, и то одна часть выпала, у другой краска облезла. Мама его вообще выкидывать много раз собиралась, я не давала... А фотографии у нас есть, — Аня радостно дергает на себя ящик стола, выхватывая оттуда пачку фотографий прежде, чем Аршез успеет ее остановить. — Вот, тут можно выбрать.

— Я сам, — Ар все же перехватывает у нее пачку, — выберу.

— Не, Арик, ты не атлант, — усмехается на это Ксандар.

— А кто? — тут же заинтересовывается Аня.

— Дракон, не видишь, что ли? — продолжает насмешничать Ксан. — Вон как над сокровищем чахнет.

Аршез лишь фыркает, перебирая снимки, мучительно выбирая, какой же отдать. Она была разная, его девочка. Здесь смотрела прямо, здесь — чуть исподлобья, тут улыбалась несмело, а на этом была серьезной-пресерьезной. И какой из них лишиться?

— Садись пока письмо сочинять, он еще полчаса будет от жадности давиться, — Ксандар пододвинул девочке стул. — Аршез, кончай драконить, дай Ане бумагу с ручкой.

— А, может, лучше прямо на обороте фотографии написать?

— Такое короткое письмо? Ань, оно одно единственное будет, почтальоном я работать не стану. Да и потом, фотографию можно родным и знакомым показывать, в рамочку ставить, а письмо — это личное, зачем совмещать?

Она кивает, соглашаясь с Ксандаром.

— И учти, — добавляет он. — Все, что ты напишешь, я буду сейчас читать и редактировать. Приму от тебя только тот вариант, который меня устроит. Так что готовься переписывать все несколько раз и даже не мечтай о тайне личной переписки.

— Конечно. Ты не думай, я все понимаю, — она придвигает к себе лист бумаги, поданный ей Аршезом, берет в руки ручку, решительно выводит первые слова. — Ксандар! — зовет, оторвавшись от письма.

— Что, малышка?

— Спасибо тебе.

— Это Арику.

— Ему — само собой. Но без тебя он бы не смог мне помочь. При всем желании. Спасибо.

— Не за что, кроха. Живи. И не плачь по ночам, — он улыбается чуть печально, глядя на нее сверху вниз. — И погладил бы тебя по головке, да твой дракончик мне за это руку отгрызет.

— Отгрызет, не сомневайся, — кивает Ар, все еще решающий проблему выбора фотографии.

— А кто мне говорил, что у вас прикосновения — едва ли не основа культуры? — недоуменно оборачивается к нему Аня.

— У нас — да. А ты — человек. Да и он привык годами человеком притворяться. Так что основы нашей культуры пусть на особях нашей культуры и практикует, — невозмутимо отзывается Аршез. — Ты пиши, Анют. Ксану скоро лететь надо, нехорошо, если он задержится.

Она писала. Ксандар перечитывал. Зачеркивал. Исправлял. Предлагал другие обороты, менял акценты. Она переписывала, стараясь выражать его мысли своими словами. Он вновь перечитывал и исправлял. Письмо в итоге получилось каким-то рваным, дерганным, путанным. На взгляд Ани, информации не несло вообще. Кроме, разве что, первой фразы: «Мама, я жива!» Но Ксандар был согласен передать лишь такое, и Аня была ему благодарна за то, что хоть такое соглашался. Все остальное он обещал объяснить на словах. И про Аню, и про то, чего не стоит делать после получения ее послания.

От фотографии, все же выданной Аршезом после долгих раздумий, оторвали уголок с названием города и датой. Ксандар сложил все вместе, сунул в нагрудный карман и, простившись, улетел, пообещав дать о себе знать не раньше, чем через пару месяцев.

Они остались.

— Довольна? — притянул ее к себе Аршез.

— Да, — она не вырывалась. Обняла его в ответ, прижалась, наслаждаясь его теплом, его силой, проходящей сейчас сквозь нее мириадами крохотных звездочек, даря почти что блаженство. Вот так просто: только обнимать, прижиматься к нему — уже блаженство. — Спасибо тебе! Ты — самый лучший! Волшебный! Сказочный!

— Анечка, — его пальцы зарылись в ее волосы, он целовал ее в лоб, в висок, скользнул чуть ниже, мимолетно прихватив губами мочку уха, ловя ее судорожный вздох. Ласковым касанием убрал волосы с шеи и приник губами, только губами, в том месте, где шея переходит в плечо. Ничего не хотел, только ощущать ее запах, чувствовать, как бежит кровь по ее венам, как бьется пульс. Как бьется в ней сама жизнь — юная, трепетная. Такая хрупкая.

Но она почему-то очень смущалась этих его поцелуев в шею. Не пугалась, а именно смущалась. И кровь прилиwała к щекам, и она дергалась, спеша разорвать контакт.

— Жадная, — вздохнул он, когда она вновь выскользнула из его объятий. Но удерживать не стал. Пусть.

Этой ночью она не плакала. И он, наконец, уснул. У себя. Затворив все двери, распахнув окно. Раскинувшись на своей просторной кровати. И, конечно, во сне видел только ее. Кто бы сомневался.

* * *

Они танцевали. Легко и невесомо, где-то среди облаков. И во сне его девочка была легка и воздушна, она парила, она скользила в воздухе. А его руки скользили по ее телу, не встречая преград. И их одежды падали на землю, словно невесомые лепестки весенних цветов. Дева выгибалась в его объятьях, подставляя под его поцелуи свою небольшую, почти

детскую грудь, с такими острыми, так жаждущими прикосновения его губ, сосками.

Он застонал и сел на кровати. Такой огромной. Такой холодной. Такой пустой. Прислушался. Аня мирно спала за стенкой. Тихо-тихо, без всяких кошмаров. Без него.

— Да какого?.. — он решительно поднялся. Она две ночи спала в его объятьях — и ничего не случилось! Она даже помнит об этом едва ли. Так почему он должен хватать руками лишь воздух да простыни? Она его дева, он хочет спать, вдыхая аромат ее волос.

Она не проснулась, когда он вошел, не проснулась, когда осторожно улегся рядом. Спала, лежа на спине, и лунный свет беспрепятственно лился на ее лицо. Такое красивое. Расслабленное. Нежное.

Он улыбнулся, любуясь, и тихонько провел большим пальцем по ее губам. Ему почудилась ответная улыбка и еле слышный выдох: «Ар...». И юные губы так соблазнительно приоткрылись...

Не устоял, да. Он ведь еще ни разу... Даже не пытался, боясь напугать, а тут... Очень медленно приблизил свои губы к ее. Очень мягко, почти невесомо коснулся. Она не проснулась. Но потянулась вслед за его губами, едва он отстранился. И он не выдержал. Приник, как к источнику жизни. И все целовал, целовал, целовал...

И не помнил, что было дальше. Вроде, не было ж ничего. Его поцелуй. Ее ответ. Мягкая податливость ее губ... Все! Так почему же вся постель залита ее кровью, а он держит в руках бездыханную куклу со сломанной шеей? И все пытается непослушными пальцами поставить на место ее голову, все время безвольно откидывающуюся вбок. А кровь хлещет из разорванной артерии — бессмысленная, ненужная, мертвая — заливает лицо, глаза. Но он все равно видит. Даже сквозь кровь видит ужас, навеки застывший на лице его мертвой девочки.

— Аршез! Аршез, пожалуйста, проснись! Ну проснись же! — она испуганно трясет его за плечо, а он все никак не может разлепить веки, не может осознать: чей это голос зовет его, зачем? Аня умерла, он убил ее, убил... Все кончилось.

— Арик!!! — оглушительным звоном по ушам. И глаза открываются.

Аня. Она склонилась над ним, перепуганная, но живая и невредимая. А он все еще в своей спальне. Сон. Все это — только сон, он ничего не делал! Он не ходил к ней, не целовал, не...

— Аня! — он хватается ее в охапку, прижимая к себе, стискивая в объятьях. — Аня...

— Аршез,пусти,задушишь, — она тут же пытается отстраниться. — Ну, перестань, ну что ты?.. Ты так дрожишь. Тебе холодно? Хочешь, одеялом накрою? Где у тебя одеяло?

— Не надо, — он ослабляет хватку, но все равно не выпускает. — Просто кошмар приснился. Сейчас пройдет. Я немного послушаю твое сердце, и все пройдет, — немного нервно он гладит ее по спине, пытаясь отдышаться. Сбросить с себя злой морок сна. Он все еще видит ее мертвой. Так ярко! Так обжигающе ярко!

— Аня... — он все же отпускает ее. — Не уходи, присядь... Нет, не сюда, там, — трясущейся рукой указывает ей на край кровати возле окна. Чтобы быть между ней и дверью. Не дать ей уйти, заставить дослушать. Потому что ему все-таки придется ей сказать. Ксан прав, он должен. И сказать, и сделать. Спокойно, осмысленно, осторожно. Не дожидаясь, пока его безумие станет явью. — Прости, Анечка, мне не хотелось тебя пугать...

— Ничего. Вчера ты меня успокаивал, сегодня — я тебя. Что тебе приснилось? Ты так страшно кричал.

— Что я убил тебя.

— Что??

— Мне приснилось, что я убил тебя. В беспомощности, не совладав с эмоциями, с желаниями... Ксан говорит, это может однажды случиться... Не сейчас, — видя ужас, проступающий на ее лице, спешит добавить он. — Однажды. Когда-нибудь. Если мы слишком долго... Понимаешь, ребенок, для нашей расы не свойственна сдержанность, — он попытался взять себя в руки и объяснить. — Мы крайне легко возбудимы и не можем обойтись без разрядки. Люди как-то это выдерживают, мы — нет. Секс для нас... он как еда для людей, без него — никак. А я... что-то сделал тогда не так с нашими аурами. Чуть увлекся, они сплелись... И теперь я чувствую тебя... очень сильно. Умом я понимаю, что ты — ребенок, но реагирую, как на взрослую женщину. Пытаюсь сдерживаться, в итоге злюсь, срываюсь. Ксан говорит, что если так пойдет и дальше, то однажды я действительно дойду до безумия. И действительно смогу причинить тебе вред.

— И что ты хочешь? — она напряжена, как струна. Кровь то приливает к ее щекам, то отливает.

— Позволь мне любить тебя, моя хорошая. Я буду очень нежен, я обещаю. Я не причиню тебе боль, я всему тебя научу...

— Всем так поешь? — она с негодованием вскакивает на ноги прямо на кровати. — А ведь я поверила тебе. Что ты — хороший, что ты — опекун, что ты — не тронешь, — у нее аж слезы на глазах выступают. — А ты разыграл этот спектакль с кошмаром только для того, чтобы затащить меня в постель? И что потом — используешь и выкинешь? Друзьям отдашь, они у тебя тоже — из «службы опеки»?

— Анята, пожалуйста, — он тянется к ней, пытаясь успокоить.

— Не приближайся! — она делает шаг к самому краю. К самому дальнему от него краю. — Все ложь, да? Все твои слова, все твои действия, все! В вашей стране все лгут! Ни слова правды, нигде, никогда!

— Анечка, я не лгал тебе, я действительно...

— Хочешь сделать меня своей шлюхой?! Секс-рабыней?! А как красиво говорил, что тебе не требуется плата за услуги, что ты не такой, что ты только, чтобы помочь... Никогда! Никогда, слышишь! Я ненавижу тебя! Я тебя ненавижу! Лучше бы ты не скрывал, лучше бы сразу!.. Зачем ты притворялся хорошим, зачем?!

— Аня, — он привстает на коленях, пытаясь дотянуться до нее. Хочет прижать ее к себе и утешить. Успокоить, утопив в ауре. Но простыня соскальзывает с его бедер, она видит, что он полностью обнажен.

— Нет! — Его вид оказывается последней каплей. Девочка в ужасе перескакивает на подоконник и бросается вниз, в распахнутое на ночь окно.

Он кидается следом. Но проклятая простыня не пускает, он запутывается, падает, теряет пару драгоценных секунд... И стремительно мчится следом за падающей девочкой, спеша нагнать ее, подхватывает уже у самой земли... на земле... Ему не хватило доли секунды. Десятка сантиметров... Он подхватил, но ее голова... Продолжив стремительное движение, она откидывается вниз в тот миг, как его руки уже тянут вверх ее тело. И череп разбивается об асфальт с таким страшным, оглушающим хрустом... И кровь... кровь... кровь...

— Аршез! Аршез, просыпайся! Это сон, это только сон, проснись! — она теребит его, тормозит, дергает. Он не хочет. Он слышит, но уже ничего не хочет. Это сон, а сейчас опять будет сон, и он уже даже знает, о чем. Так зачем ему перебираться из одного сна в другой? В этом хотя бы все уже кончилось.

Ее почти невесомая ладошка легко скользит по его щеке. Такая нежная, мягкая, живая.

— Арик, ну что ты? — в ее голосе уже растерянность. — Ты же мальчик, а мальчики не плачут, тем более большие. Они смелые, они ничего не боятся, — судя по тону, она начала рассказывать ему сказку. Как малышу, которого требуется успокоить. Как он ей все эти дни.

— Глупые они, если не боятся, — голос был сиплым-сиплым. Он все же заставил себя открыть глаза. Вгляделся в ее встревоженное лицо, спутанные со сна волосы, ночную рубашку с чуть смятыми рукавами. Втянул носом ее запах — сильный, яркий запах ее плоти и крови во всем многообразии его оттенков. И легкие нотки по самому краю — аромат ее постели, мыла, которым она умывалась перед сном, прохладу пустого коридора, через который она шла к нему. Почувствовал ее сонливость, отодвинутую на задний план ее тревогой за него.

— Ты зачем не спишь, ребенок? — поинтересовался с печальной улыбкой. Почти убежденный, что на этот раз все же проснулся. Почти. — Разве мама не говорила не бегать по ночам в спальни к малознакомым мужчинам?

— А тебе мама не говорила, что ты — свинья неблагодарная?! — тут же вспыхивает девочка, отпрядывая от его кровати. — Я думала, ты умираешь, ты так орал, что стекла звенели. Спасать тебя прибежала, а ты... моралью меня попрекаешь?!

— Да какая мораль? — он раздраженно садится. Уже собирается отбросить простыню и встать на ноги. Но в последний момент замирает. — Ты мне халат не подашь? Он в шкафу, с краю.

— Нафига тебе халат? — она все еще злится. — Ты и так, как русалка, волосами прикроешься.

— Боюсь, бедра они не прикроют. А неловко будет тебе.

Вновь краснея, она отскакивает к шкафу. Излишне резко распахивает дверцу, срывает с вешалки халат, кидает ему.

— Спасибо, — он начинает одеваться теми же резкими и рваными движениями.

— А ты, — она так и стоит лицом к шкафу, не смея обернуться, — действительно спишь совсем... — так и не выговорила, смутилась. — Или это ты просто меня пугаешь?

— Напротив, ребенок, из последних сил пытаюсь не испугать, — он невесело усмехнулся. — Но в своей спальне я тебя не ждал. И не жду. Потому что — да, я действительно сплю без одежды. А, кроме того, всех женщин, которых я когда-либо в этой спальне ждал, я ждал с единственной целью. Уж прости, не для разговора о садоводстве. Ты же не хочешь, чтоб я со сна перепутал тебя с одной из них? — и лишь выговорившись, почувствовал, как она закаменела. Да что ж он творит опять?!

— Прости, — его ладони опустились на дверцы шкафа справа и слева от девочки. Поймал. Теперь она никуда не бросится, он не даст. Не пустит. — Мне действительно снились жуткие сны, и вот результат: я сам говорю жуткие вещи и все время тебя пугаю, — его негромкий голос прозвучал возле самого уха, а полы его длинного халата мазнули по ее голым ногам. — Прости, ребенок. Я никогда тебя не обижу, ни в каком состоянии. Я обещаю, — очень осторожно он положил руки ей на плечи. — Идем, Анют, провожу тебя в твою комнату. И спасибо, что разбудила. Мне действительно было очень плохо в том сне.

Осторожно вывел ее. Прочь, подальше от распаханного окна. Довел — молчаливую, притихшую — до дверей ее спальни.

— Спокойной ночи, Анют. Еще раз прости. Мне правда жаль, что так вышло.

Он оставляет ее, направляясь в ванную.

— Аршез, — зовет она уже в спину.

Он оборачивается.

— А ты правда мог бы... — нервно сглатывает, — перепутать? Меня со своей... со своими... Вот просто схватить и...

— Ш-ш-ш, — Аршез возвращается, вновь легонько обнимает ее за плечи. — Вот дернуло меня за язык! Тебя мне уже ни с кем не перепутать, маленькая. Никогда. У нас ауры сцеплены, я тебя, как собственное дыхание, чувствую, — он поправляет прядь ее волос, скользит пальцами по ее волосам. — А вот о той дистанции, что так важна для тебя, и в самом деле могу и не вспомнить в первые секунды.

Вновь слышит ее нервный вздох.

— Ань, ну я ж не маньяк. Что я успею? Ну, на кровать повалю, поглажу излишне интимно, поцелую не в висок, а, скажем, в грудь...

Сон — та его часть, что еще не стала кошмаром — вспомнился неожиданно ярко. Он даже глаза прикрыл, чтоб она не прочла в них его желаний.

— Но ведь уже в следующий миг ты начнешь так орать и так колотить по мне всеми конечностями, что пострадавшим в любом случае останусь исключительно я, — он попробовал свести все к шутке. — И избитым, и оглохшим, и при своем интересе.

Почувствовал, что она оттаивает. Позволил себе улыбнуться.

— Я, конечно, люблю девочек, Анют, я этого не отрицаю. Но я не обижаю тех, кого я люблю. И ничего и никогда не делаю против их воли. Ни наяву, ни во сне, ни в бреду. Я опасаясь смутить тебя неволью, маленькая. Но уж никак не обидеть, — он осторожно поцеловал ее в лобик. — Спи спокойно, ребенок. А в спальню мою все-таки не ходи.

Ушла. А он наконец уселся в ванной, позволяя потокам холодной воды литься себе на голову. Остужать. Отрезвлять. Успокаивать. Он откинул голову назад, ловя воду ртом. И пил, пил, пил большими судорожными глотками. Не сон. Все-таки уже не сон. Он проснулся. Его дева жива. Все хорошо.

Надолго ли?..

* * *

Аня металась по кровати с пылающими щеками и все никак не могла успокоиться. Сон не шел.

— Распутный, развратный, бесстыжий... хам! — бормотала она в подушку. И она еще умилялась прошлой ночью, что он халат не снял, когда с ней лег от кошмаров ее спасать. Да как бы он его снял, с его-то привычками?.. То есть он вчера обнимал ее, а у него под халатом... Черт, вот как самому-то не стыдно?..

Ну вот за что ей такое? И ведь хороший же парень. Ладно был бы гадом последним, было бы проще, а так... Он обезоруживает ее своей добротой, своей нежностью. Заботливый, предупредительный, идеальный. И она теряет голову, а у него, похоже, все инстинкты — в постель затащить, он, видно, и не знает, как с девушкой общаться, чтоб днем не лапать, а ночью не... Она раздраженно перевернулась на живот. «Всех, кого я к себе звал, я звал не для разговоров... Могу забыть о дистанции, что так важна для тебя... Со сна могу и перепутать». Маньяк! «Не маньяк» он, как же! Маньяк и есть. «Не ходи ко мне в спальню, не сдержусь». А еще ребенком ее кличет. «Ребенок то», «ребенок се». А сам только и думает,

как бы этого ребенка... Или это он себе зарубки на мозг делает, мол, «ребенок, не трожь!»?

Но ведь не тронул. Со всеми своими распутными привычками — ведь не тронул же. «Дистанция, что так важна для тебя». Для нее важна, да. Только для нее, похоже. Но ведь он эту дистанцию держит. Хоть и признался сейчас, что хотел бы... целовать ее в грудь?! От этой мысли запылали не только щеки, но и уши, и она в отчаянье сунула голову под подушку, там простыня еще холодная... А перед глазами все равно стояло: вот он обхватывает ее, склонившуюся над ним в тревоге, перекидывает через себя на кровать, сам склоняется сверху. А его руки... жадные, бесстыжие... Они рвут рубашку у нее на груди, открывая ее его взорам. И губы... его порочные, чуть припухшие губы, что все склоняются над ней... над ее ходящей ходуном от тяжелого дыхания грудью... все ниже, касаются соска... Она застонала, стискивая руками подушку, поджимая колени. Да что ж это с ней?

Душно. Как чудовищно душно, надо открыть окно. Это все краска, недаром говорят, что ей можно надыхаться до глюков. Аня добирается до подоконника, распахивает тяжелые рамы. Ночная прохлада мгновенно заставляет ее поежиться, но хоть прогоняет прочь ее наваждение. Дуновение легкого ветерка остужает лицо. Она вдыхает полной грудью, пытаясь успокоиться, высовывается чуть дальше, желая сильнее подставиться этой прохладе, этому легкому летнему ветру...

И тут же вскрикивает, когда стальные пальцы внезапно смыкаются на ее предплечьях.

— Куда? — мрачно интересуется Аршез, тяжело дыша у нее за спиной. — Что сейчас не так, я же даже не трогал?!

— Ар? Т-ты чего? Я просто воздухом хотела подышать. Душно.

— Душно? А ужас такой откуда? Что ты себе здесь напридумывать успела?

— Ничего не успела, пусти, больно! Ты сам меня напугал, так схватил внезапно. Да у меня чуть сердце из-за тебя не остановилось! Совсем сдурел?

— Прости, — он глубоко и с облегчением выдохнул. Стальная хватка разжалась, однако деву он не выпустил. Обхватил руками крест-накрест, прижал спиной к себе. — Прости. Нервы совсем никуда не годятся. И так кошмары снятся, а тут еще ты со своим «подышать»... У тебя, правда, все хорошо?

— Ну... да, — в ее голосе только недоумение. — Не считая тех синяков, что ты мне сейчас оставил, все, в общем, неплохо. Просто краской пахнет, уснуть не могу, решила проветрить.

— Точно?

— Да точно, чего ты?

— Отойди от окна, хорошо?

— Так ты сам же меня и держишь.

— Вот вместе со мной, — он осторожно потянул ее прочь.

Она не возражала. Удивлялась только:

— Ар, да что с тобой?

— Ничего. Прости. Просто нервы. Ты ложись, ладно?

— Да я ложусь, ложусь. Мне что, уже и окно без разрешения открыть нельзя? На лестницу не ходи, туда не ходи, это не открывай... Ксандар был прав, ты и впрямь как дракон в своей пещере. Затачил и стережешь, — она вновь улеглась в кровать, накрылась одеялом, как приличная девочка, разве что ручки под головкой не сложила.

— Ксандар бы меньше умничал, и проблемы бы не возникло. Вот почему я его не прибил сразу по прилету? Спал бы сейчас спокойно, как младенец, — недовольно бурчит

Аршез, с драконьей ревностью отслеживая, как она занимает свое место в постели. Как... вот как сокровище в шкатулке, мрачно думает Аня, а то едва не вывалилось.

— Так иди спи, что ты бродишь? Врываешься в спальню среди ночи, пугаешь...

— Мне снилось, что ты выпала из окна.

— Случайно? — она аж садится от такой новости. Это поэтому он так кричал?

— Нет. Выпрыгнула. Я тебя напугал, и... Я ведь не сделал ничего, что пугало бы тебя до желанья покончить с собой?

— Господи, Ар, о чем ты? Да ты самый лучший, самый заботливый, самый замечательный!

— Тогда обещай мне, что если вдруг... если что-то напугает тебя... или покажется неприемлемым, невыполнимым, ты просто придешь и скажешь. И мы все решим, малыш, я обещаю. Только не молчи, не оставайся одна со своими страхами, расскажи мне. Я тебе помогу, даже если бояться ты будешь именно меня, все равно я смогу помочь. Не делай непоправимого, пожалуйста!

— Аршез, да что ты? Я не собираюсь ничего делать, все хорошо, у меня есть ты, чего мне бояться?

— Вот и славно, — он присаживается на край кровати, осторожно берет ее за плечи и вновь укладывает головой на подушку. — Чтобы не случилось, Анют, помни: я никогда тебя не обижу. Никогда, ребенок. Кто бы что тебе про меня ни сказал. Никакое зло тебя не коснется, я обещаю... Ты мне веришь?

— Да, — она улыбнулась. — Тебе — верю.

День четвертый

Когда Аня проснулась, его уже не было. Ушел на работу, как и планировал. Зато на письменном столе лежала подробнейшая инструкция, что ей надо делать. Ну вот разве что не уточнил, сколько раз за время его отсутствия ей в туалет сходить полагается, а все остальное, вроде, учел. Аня только фыркала, разбирая старательно выведенные его рукой строчки. Выписывал. Каждую букву отдельно, чтоб ей легче было прочесть. Почти печатными, как для ребенка. Педофил клятый! И вот как в его голове «обязательно позавтракай и прими витаминь» с поцелуями в грудь совмещаются? Детей вроде как в грудь не целуют, а взрослые сами разберутся, завтракать им или нет.

Однако по принципу «вот назло останусь голодной» действовать не стала. И даже витаминь его дурацкие выпила. Он же как лучше пытается, от всей души. Сидел тут ни свет, ни заря, писал. Продумывал ее день, волновался. Гиперопека, конечно, налицо, но это, наверное, действительно от отсутствия опыта. Так что придется ей, видимо, еще подтвердить, что она взрослая и самостоятельная. А там он, глядишь, и успокоится.

Привезли мебель для кухни, новую плиту, помогли все расставить. Вышло, конечно, совсем тесно, если два человека за стол сядут, третьему уже и войти будет некуда. Ну, так третьих у них и нет. Расставила посуду и продукты по шкафчикам. Подумала, что после ремонта окошко неплохо бы вымыть... И поняла, что его уже вымыли. Ну да, ему же приснилось. Так что даже странно, что только помыл, а решетку решил не привинчивать. Или не успел?

А делать-то больше было и нечего. Читать? Так тут одни справочники с кучей непонятных терминов. Самой что ль начать писать? Завести дневник, описывать свою жизнь в новом мире, свои впечатления... Ага, и кто у нас будет этот дневник читать? И даже не постесняется комментировать? И к гадалке ходить не надо: прочтет и не поморщится. Какие такие личные тайны, она же «его», вместе с тайнами. А вдруг он что-то в воспитании упускает?.. Так что дневники отпадают, писать их для дорогого Арика она не готова... А во что превратили ее письмо маме? Ведь ничего же не дали сказать, ни-че-го...

— Скучаешь? — он появился раньше, чем она ожидала. — Ань, ну ты что, здесь и так достаточно чисто.

— Ну, пыль-то все время летит, влажная уборка не помешает, — отвечает с деланным равнодушием. А сама веселится: «хоть в чем-то я тебя обошла! Полы ты помыть не успел, да. Ага, в твоей квартире, и в твоей спальне. Вот почувствуешь теперь, что это значит, когда за тебя твою работу делают!»

— Гулять пошли, ребенок. Я служанку не нанимал, мне не требуется. Я тебе комнату выделил? Выделил. Вот ее и мой хоть до дыр, коль совсем заняться нечем. А у себя я сам разберусь.

— Правда? А говорил, что такое маленькое помещение просто глупо делить на зоны, мы же вместе живем, вместе пользуемся, вместе и отвечаем.

— Да? Ну, тогда позволь мне поблагодарить, — он скользящим движением переместился прямо к ней, обнял, пройдясь руками по спине и чуть ниже, — за проявленную заботу. — А дальше поцеловал. В щечку, в мочку уха, скользнул губами по шее.

— Ар! — она привычно вырывалась. — Ар, пусти, у меня же руки грязные!

— Угу, — удовлетворенно мурлыкнул он. — Вот и держи их от меня подальше. А то

рубашка белая, парадная, испачкаешь. — Он вновь лизнул ее в шею, обдал горячим дыханием ухо. И неожиданно слегка прикусил, заставив вскрикнуть.

— Ар!

— Все, все, не буду, — запутавшись пальцами в ее волосах, он притянул ее голову к своей груди. — Не буду больше смущать. Соскучилась?

— Да, — вдруг понимает она. Скучала. И даже очень.

— Тогда заканчивай с уборкой, переодевайся, бери купальник...

— Но у меня нет. Мы не купили.

— Ну, так купим по дороге. Мы ж договаривались, сегодня только отдых.

Отдых. В городе неожиданно жаркого солнца и тенистых бульваров, пронизанном легкой моросью шумных фонтанов и раскрашенном цветочным многоцветьем газонов. Встречавшиеся им компании молодежи беззаботно смеялись, радуясь погожему летнему дню и бесконечности каникул. Люди постарше двигались решительно и целеустремленно, стремясь успеть как можно больше в свой не слишком большой обеденный перерыв. Впрочем, было много и тех, кто вовсе никуда не спешил, проводя свое свободное время в прогулках по этому красивому летнему городу.

Ане красивым казалось абсолютно все: дома, люди, раскидистые деревья на бульварах, простенькие скамейки в их тени, ажурные оградки, отделяющие проезжую часть. Город словно переливался теплом и светом, его жители казались довольными и самодостаточными. И пусть они не знали об огромном мире, раскинувшемся за горами, и даже не стремились туда, куда все равно не могли попасть, им было явно хорошо и здесь — в их городе, в их стране. И, идя по улицам за руку с Аршезом, вновь нацепившем малиновую прядь и майку с картинкой весьма сомнительного содержания, Аня думала о том, что вполне сможет быть счастлива здесь — в этом городе, в этом мире. И даже без возможности пересечь когда-либо вновь непроходимую Границу.

Потому что... Потому что Аршез. У нее был Аршез, и он сам сказал, что это — уже навсегда. Еще недавно совсем чужой, незнакомый и вообще, как он утверждал, не человек, он незаметно стал для нее всем — ее семьей, ее домом, ее галактикой. Нет, она не думала сейчас о том, что отношения между мужчиной и женщиной требуют куда большей конкретики, не пыталась понять, в каком именно качестве она хочет видеть в своей жизни Аршеза. Они просто шли. Он держал ее за руку. И весь мир им улыбался.

В каком-то из магазинчиков, преодолевая смущение при мысли, что ей все же придется для него раздеваться (пусть и не до конца), она выбрала себе купальник. Чтобы на переполненном городском пляже, не выдержав темного взгляда его скрытых очками глаз, броситься в воду с головой, стартанув прямо от кабинки для переодевания. Он присоединился к ней не сразу. Прежде подобрал ее вещи, в смятении оброненные прямо в траву, неспешно разделся сам, давая ей, да и себе, время, чтоб успокоиться. И догнал уже ближе к середине озера.

— Ты точно умеешь плавать? — поинтересовался, выныривая рядом.

— Ар! — дернувшись от неожиданности, она едва воды не наглоталась. — Ну, разумеется, умею, — буркнула, недовольная своей на него реакцией. — Что я, по-твоему, совсем беспомощная?

— Тогда догоняй! — злодейски плеснув ей в лицо, он развернулся, и очень бодро поплыл прочь.

— Ах ты!.. — отплевываясь и вытирая глаза от воды, возмутилась она. И, разумеется,

бросилась за ним следом — догнать, забрызгать и вообще утопить. И почти догнала его, он был совсем уже рядом. Но вдруг нырнул, резко уходя глубоко под воду — и всплыл уже в нескольких метрах позади девочки. И вновь дразнил ее, уплывая неспешно, давая возможность догнать, но не позволяя поймать, заставляя носиться за ним зигзагами по всему озеру, пылая праведным гневом, но не имея возможности отомстить обидчику.

И лишь когда почувствовал, что она совсем уже обессилила, сдался на милость победителя, принимая на себя водопад разгневанных брызг, а потом и Аню, резко бросившуюся ему на плечи в попытке притопить. Он покорно ушел под воду, ловя при этом ее руки и обвивая ими себя за шею. И всплыл, уже пристроив ее на спине:

— Крепче держись, покатаю.

Так плавать, как он, люди не могли, конечно. Скользить по-над водой, даже не трудясь изображать гребки руками, пользуясь исключительно врожденной способностью к левитации... Но людей рядом не было, они отплыли уже достаточно далеко. А ей, чтобы не соскользнуть, пришлось не просто держаться за его шею, но и обхватить его корпус коленками, прижимаясь к нему крепко-крепко. Но она была порядком уставшей, растерявшей за время погони все свои глупости на тему прилично-неприлично. Аня прижималась к его спине, словно наездница на диковинном морском животном. И было ей хорошо.

А потом, когда они достаточно уже отдохнули на берегу, он спросил, кивнув на ребят, перекидывающих неподалеку мяч через сетку:

— Знаешь такую игру?

— Волейбол? Конечно, кто ж не знает.

— Присоединимся? У них явно игроков не хватает.

— Но... как? Ты разве их знаешь?

— Нет. Заодно и познакомимся. Нужны же тебе друзья.

Познакомился он легко. Подошел, улыбнулся обезоруживающе и попросил принять их в игру. Ребята не возражали, их взяли в команду. Играла Аня неплохо. Не мастерски, конечно, но под провал команду не ставила. Хороший средний уровень, не вызывающий ни удивления, ни раздражения. Аршез — или, вернее, Артем — предпочел продемонстрировать мастерство. Вполне себе «человеческое» мастерство, ничего сверх. Впрочем, играть в человеческие игры, оставаясь на уровне человеческих возможностей, он привык, практика имелаась. Жизнь среди людей всегда нравилась ему именно этой иллюзорной возможностью стать для них своим. Пусть на время, но все же ощутить себя членом их компании, их команды. Не выиграть у них, но сыграть с ними вместе, быть включенным в единый круг столь ярких во время спортивных поединков эмоций, разделить с ними их азарт.

Впрочем, сейчас он играл ради своей девы. И играл хорошо, даже очень хорошо, тоже ради нее. Стать для них ценным игроком, чтоб заинтересовались, чтоб приглашали еще. Их, они же ведь вместе. А его ребенку нужны друзья, нужны крепкие человеческие привязанности, она не может быть только с ним, не должна.

После игры, как и ожидалось, было совместное купание, совместные беседы, совместное распитие столь необходимых людям на жаре прохладительных напитков. Аня, чуть смущаясь, рассказывала новым знакомым, что она в Чернометске недавно, только переехала, и пока еще толком не осмотрелась и не освоилась, и даже где будет дальше учиться, пока не знает. Аршез слушал немного рассеянно, его, конечно, больше интересовали капельки воды, стекающие с верхней части ее купальника, и потому он даже

не смог толком вспомнить, а предупреждал ли он девочку о том, что ее подлинную историю рассказывать нельзя — никогда, никому и ни при каких обстоятельствах.

Но рассказывать правду новым знакомым Аня, по счастью, и сама не стремилась. Ей хватило и первого вечера в Чернометске, когда весь город, казалось, не сводил с них глаз. И все потому, что с ней шел Он — Великий и загадочный пришелец из соседней страны, представитель иной, не человеческой расы... Желание Аршеза раствориться в толпе, казаться им всем обычным, рядовым человеком, девочке импонировало. И уж вовсе не хотелось становиться центром внимания самой, оказавшись пришелицей из неведомых земель, которых, как известно здесь каждому, «не существует». Это ей в лучшем случае не поверят, сочтя бессовестной фантазеркой, а в худшем... Нет уж.

— Мой городок небольшой совсем, окраинный, вы, наверно, и названия не слышали. А Чернометск классный. Такой большой, красивый, энергичный. Столько людей, все куда-то спешат... Нет, пока не знаю, в какую школу пойду, не узнавала еще. Да я приехала только, мне бы от переезда в себя прийти...

Аршез привычно представлялся студентом политеха, благо куратор сего престижнейшего в городе вуза был его другом и о жизни и быте вверенного его надзору заведения рассказывал предостаточно. А порой и в гости звал. А уж какие он умел устраивать вечеринки с участием лучших студентов!.. Да, вот вечеринка ему сейчас точно не помешает. Хотя то, что он придет на нее без своей девы — без своей личной девы — недоумение у товарищей вызовет...

— Артем, а ты куратора когда-нибудь видел? — любопытство в голубых девичьих глазах было столь сильно, что заставило его вынырнуть из фантазий о головокружительных танцах и сосредоточиться на разговоре и его участниках.

— Так его у нас если только слепой не видел, — впервые внимательно приглядываясь к незнакомой деве, с преувеличенно показным безразличием бросил Аршез. — Он же дважды в год перед всеми студентами выступает — хвалит за успехи, поздравляет с праздниками. У вас разве не так? Ты, кстати, где учишься?

— В восемьдесят третьей школе, — «порадовала» его дева. — И нет, у нас не так. Нам, знаешь ли, кураторы по штату не положены.

Она чуть усмехалась, бравируя своей юностью. А он мысленно стонал, давясь всеми еще не рассказанными студенческими байками. Твою ж мать! Докатился! Уже с детьми тусуется... И пусть он в очках, в образе, но он же даже не заметил! Даже внимания не обратил! Да, он Аняте подбирал компанию, и, зрительно сравнивая ее и их, решил — подойдут, возраст где-то тот же. И даже мысль не щелкнула: «тот же — это тоже дети, не подходят, ему — никак».

Впрочем, чуть успокоился он, внимательно скользя взглядом по лицам присутствующих, «детьми» здесь были разве что две юных девы — голубоглазая Лика «из восемьдесят третьей школы» и серьезная, молчаливая Катя, надо полагать, оттуда же. Остальные рубеж совершеннолетия перешагнули и, за минимальным исключением, действительно были студентами. Вон Веня даже оказался студентом того самого политеха, и теперь активно интересовался его факультетом, курсом, отношением к общим знакомым.

Он отвечал «легко и охотно», при этом цепко контролируя всю компанию, чтоб некоторые слова в беседе не прозвучали, чтоб вот даже мыслей их произносить не возникло. Девочек, правда, щадил, оставляя их сознание в неприкосновенности, надеясь, что сможет вовремя прервать нить беседы и так. Аняте нужны здесь друзья, ей нужно как-то входить в

этот мир, с чего-то начать, и разговоры со сверстниками ей полезны...

Не все! — понял он уже несколько минут спустя, слушая, как Лика увлеченно тараторит его ребенку:

— Я тут на днях такой роман прочла — ах! Просто мечта! Там молодой вампир влюбился в деву прямо на Горе, во время праздника Перехода...

— У вас тоже в моде романы про вампиров? — Аня почему-то обрадовалась. И Аршез не стал обрывать беседу, слушая дальше. — А у меня подружка была, она кроме вампирских романов вообще, по-моему, ничего не читала. Сама вечно ходила вся в черном, всякие крестики-гробики коллекционировала, мышей летучих на всех тетрадках рисовала... Что? — непонимающе взглянула она на столь же удивленные лица собеседников.

— Да так, — пожала плечами Катя. — Начала про вампиров, закончила мышами. Ты всегда такая логичная?

— А в черном твоя подружка почему ходила? — не смолчала и Лика. — Такая страшная была, что даже сомнений не возникало — ни один вампир в жизни не влюбится?

— Но... — Аня даже растерялась. — У нас летучие мыши вроде как символами вампиров являются. У вас разве нет? И черный цвет. Вампиры же порождения ночи, им тьма бли...

— Чего они порождения??? — в голосе парня безмерное удивление практически мешалось с негодованием.

— Да что ты хочешь от девочки из приграничья? — Аршез примирительно-пренебрежительно дернул плечом, посылая поборнику справедливости приказ заткнуться. — Ты б видел, из какой глуши она к нам приехала. Из этого их, с позволения сказать, города до нормальных цивилизованных мест десять суток на собаках добираться нужно. А горы — вон они, из окна видать. А за горами сам знаешь, кто обитает. Так что не удивительно, что у них там поклонение вампирам Адской Бездны махровым цветом цветет и прочие мракобесия, — он ласково обнял свою Анюту, глядящую на него с обидой и явно собирающуюся возмутиться. — Ничего, с годами воспитаем, — нагнулся и поцеловал ее в щеку. Вот да, при всех. И она смутилась, сбившись с мысли, а он, воспользовавшись паузой, раскланялся. Было очень приятно... Но нам пора... Дела, заботы...

— Ну и зачем? — она косилась на него с укоризной, обиженно топя прочь от озера по извилистой тропке. — Так вот надо было выставить меня круглой дурой из дикого леса? И я, между прочим, не из глуши. Я в нормальном городе выросла, на всю страну известном. Это у вас здесь глушь и мракобесие. Отгородились от целого мира и врите, что кроме вас и мира-то нет.

— А-ань, — протянул он миролюбиво, — я выдуманный город в виду имел, в котором ты и не была ни разу.

Молчит, упорно топя дальше.

— Здесь в ходу совсем другие мифы, ребенок. Слова похожи, а значения у них иные совсем. Того, что ты там наговорила, по-другому и не объяснить было. Ты ж видела, ты их шокировала буквально. Парень так и вовсе на скандал нарывался, не будь ты девой, и до драки бы дошло.

— Из-за чего, из-за дурацких вампиров? — она даже остановилась и обернулась изумленно.

— Угу, вот именно за подобное выражение мне точно придется за тебя, как пацаненку, драться.

— Да ладно, снимешь очки да скажешь «ай-ай-ай», драться всем и расхочется, — пренебрежительно фыркнула девочка. Драки из-за литературных героев — да уж, приехали. Ну и кто тут дикарь?

— Да куда ж я их сниму, там детей полпляжа, — Аршеза предложенный вариант не устроил.

— И? — она смотрела все более недоуменно. — Дети-то тут при чем? Я ж тебе не трусы снять предложила.

И тут же покраснела, сообразив, что именно лягнула.

— Аура, малыш, — вздохнув, признался он. — Для детей не слишком полезна.

— А я... — ей вспомнился весь этот крутеж с ее совершеннолетием, и то, что он говорил, что на улице бы не подошел. — Ты мне поэтому велел витамины пить?

— Да, — не стал отказываться он. — Ты не бойся, это не так критично: ты взрослая уже почти и индивидуальные показатели у тебя... просто сказочные.

— Индивидуальные показатели чего? — она и не боялась. До тех пор, пока он не начал уговаривать ее этого не делать. «Да ты посмотри, какие уникальные характеристики... да для ее возраста...» — раздался в памяти отвратительный голос развозившего их пилота.

— Способности твоего организма сопротивляться вредному излучению моей ауры.

— Они что, растут с годами?

— Как и весь организм — только в детстве да юности. Но у тебя они уже сейчас выше, чем у абсолютного большинства взрослых в нашей стране. Не смогу тебе сказать, в чем причина. Возможно — это твои индивидуальные особенности, возможно у людей из-за гор этот показатель вообще значительно выше. Века тесного сосуществования в границах Сибири иммунитет наших людей могли существенно подорвать... В любом случае, у тебя он безопасно высок, а детей ко мне в дом не води, — подытожил Аршез не слишком приятный разговор. И перевел на банальное, — есть хочешь?

— Ага. Но не сильно, можно пока не переживать, — улыбнулась она, осознав, что будет ведь переживать. И как-то на задний план ушли и нелепые разборки о различиях в фольклоре, и вредоносность его таинственной ауры, ей, впрочем, ничем не грозящая. Он — ее Аршез, ее Артемка — волнуется из-за того, что она голодная. И даже готов драться за нее со всякими местными дураками. Хоть и считает это пацанством.

Ужин она готовила сама. Он предлагал в кафе, но она отказалась. Все же первый раз на своей собственной кухне. Хотелось обновить. Хотелось попробовать. Хотелось почувствовать себя настоящей хозяйкой их уютного дома. Хотелось показать ему, что она не маленькая, не беспомощная, и уж с чем — с чем, а с приготовлением пищи справляется прекрасно. Ну и, кроме того, она просто любила готовить.

А после ужина он утащил — нет, увлек ее смотреть кино. К себе в спальню, на мягкое бежевое покрывало. Усадил ее перед собой, так, чтоб можно было нашептывать на ухо, вдыхая аромат ее волос и кожи, и тихонечко целовать в макушку, пользуясь ее увлеченностью фильмом, и не только в макушку... ну, если повезет. Фильм выбрал, как она и просила, по географии: про Бездну и горы, про леса и реки. Тот, кто делал его, умел любить свою землю, умел делиться ее завораживающей красотой.

И Аня парила над лесами и ныряла в Бездну, неслась по степи за табунами диких коней, и ветер шевелил ее волосы на вершинах высоких гор. Или это Аршез шевелил. Так ласково, так невесомо. И все что-то рассказывал, рассказывал, а голос у него был — хотелось слушать и слушать... Так, в кольце его рук, под его неспешный рассказ она и уснула.

А он долго еще сидел, бережно удерживая ее у своей груди, и не мог ни на что решиться. Хотелось уложить ее на подушки, лечь рядом, обнять и гладить ее... ну, пусть хоть по волосам... до самого рассвета. Вот только рассудок твердил, что «по волосам» его не устроит, он хотел ее всю — гладить, целовать, обладать... Обладать!!! Пронзая ее насквозь, вслушиваясь в хриплое, сбившееся дыхание, захлебываясь от поглотившей их обоих страсти!.. И похоронить уже под утро.

Нет, он сдержится, что за бред? У него были сотни человеческих дев, и все они живы и прекрасно себя чувствуют. Все Ксандар с его безумными страшилками, да чтоб он в Бездну рухнул, ломая ноги! А Аня, его нежная, маленькая, хрупкая Аня... Да просто не простит, и никогда уже ему не поверит. И не обретет уверенности в себе, и не обретет здесь дома, который он так стремился для нее создать. Потому что дом — это там, где не предадут. Где тепло, безопасно, там, куда хочется возвращаться.

А ей хотелось. Он чувствовал это, ей сегодня хотелось. После всех прогулок, приключений, знакомств вернуться с ним в его дом — в их дом, в ее дом. Но вовсе не в его кровать. Так неужели он все разрушит?

Он вздохнул, поднимая свою деву на руки и бережно перенося в выделенную для нее комнату. Опускать — отпускать — ее не хотелось. Но он все же уложил ее в такую огромную для столь маленькой девы кровать и укрыл одеялом, так и не решившись стянуть с нее хотя бы шорты. Они точно будут мешать ей спать, и вообще, спать в одежде — это какая-то особо извращенная пытка. Но ведь не оценит, извращенка малолетняя, опять кричать начнет о личном пространстве... Да просто смутится.

Он вышел, осторожно прикрывая дверь. Но ложиться не стал. Открыл маршрутизатор, пробежал глазами зеленые огоньки тех, кто устраивал этой ночью вечеринку и списки их прибывших и еще ожидаемых гостей. И решительно добавил свой огонек к тем, кто намерен провести эту ночь под крышей дома Астэи. Лететь меньше часа, а компания подбиралась страстная. Хрупкие малолетние человечки точно из головы вылетят. Хотя бы на эту ночь.

День пятый

Когда Аня проснулась, Аршез был дома. Нет, не так. Она проснулась и поняла — он здесь, в гостиной, он никуда не ушел, хотя утро, вроде, уже не раннее. Чем-то занят. Сосредоточен. Увлечен. И это было такое странное чувство — чувствовать его, не просто его присутствие, его местонахождение, но его состояние, настроение.

Она вылетела из комнаты, желая убедиться, что это не иллюзия, что чувства ее не обманывают. И расцвела улыбкой, обнаружив его именно там, где и ожидала — возле двери на кухню, что-то тщательно вымеряющего там... И, конечно же, обернувшегося к ней тут же, едва она появилась.

— Привет, ребенок. Выспалась?

— Ага. А тебе разве не надо на работу?

— У меня полный дом работы, зачем мне куда-то ходить? — он кивнул на гостиную, и в самом деле заполненную... какими-то деревяшками разных форм и размеров — коряги, стволы, вернее, их части, распиленные кто вдоль, кто поперек, множеством инструментов, о назначении большинства из которых Аня могла лишь догадываться, листами с рисунками и расчетами.

— А это все что? — недоуменно поинтересовалась девочка. В состоянии вечного ремонта, вроде, он жить не хотел, вчера только все закончили, убрали, расставили, а тут...

— Ну, ты же хотела, чтобы я сделал тебе что-то из дерева, украсил дом.

— Но я думала так, статуэтку. Маленькую, на тумбочку.

— И статуэтку, если захочешь. Из отходов.

— А это?..

— А это будет резное ободверье для твоей кухни.

— Резное что?

— Украшение. Дверного проема. Сделаю в виде ивы, трепещущей на ветру. Вот отсюда, — он, склонившись, коснулся плинтуса справа от косяка, — будет расти ствол, дальше пойдут ветви, шатром нависая над дверью и ниспадая слева, оживляя стену летящими на ветру ветвями.

— Красиво, — представила она, следя за движением его рук. — Но это ж, наверно, долго.

— Да, — согласился он, — за пару дней не успеть. Тем более что на работе мне все же бывать придется. Сегодня вот после полудня надо будет туда заглянуть на пару часов, надеюсь, придумаешь, чем без меня заняться.

— Да придумаю, конечно, Ар, ну что ты? Ну, я же не маленькая уже, в самом деле. Ты из этих несчастных двух лет, что мне до восемнадцати не хватает, такую трагедию на ровном месте развел.

— Ну и не развел, ну и не трагедию, — не согласился он. Подошел, обнял ее, такую теплую и мягкую после сна. Зарылся носом в ее встрепанные волосы, припал губами к бьющейся на шее жилке. Лизнул, заставив ее вздрогнуть и чуть приподнять плечо. Вновь припал в поцелуе.

Она не вырывалась. Привыкла. Просто наслаждалась его нежностью, его лаской. Близостью его тела, от которого исходило такое умопомрачительное, такое родное тепло. Этой его глубоко вредоносной «аурой». Ну и как она может быть вредоносной, когда так

ласкает, кажется, каждую жилку, проходя сквозь тело?

Не ощущая сопротивления, его губы заскользили по ключице, прошлись по горлу, заставив ее выгнуть шею с легким вздохом изумления. А пальцы проникли под футболку, наслаждаясь нежностью и бархатистостью ее кожи.

— Ар! — все же всхлипнула она, приходя в себя.

— Дай ребрышки посчитать, — останавливаться не хотелось. Она пахла так восхитительно — открытая, томная.

— Перестань. Ты хотел работать.

— Да. Конечно. Сейчас, — он опустился перед ней на колени и, задрав футболку ей до груди, поцеловал вздрогнувший животик. И действительно пересчитал поцелуями ребрышки — справа, слева — до самого края ее одежд, до жестких косточек ее лифчика, до ее судорожно прижатых к груди ладоней. Провел языком дорожку от пупка и выше, до вставших на его дороге пальцев. Лизнул и их.

— Аршез!

— Трусиха, — он вздохнул, прижимаясь щекой к ее животу и обхватывая ее при этом руками, чтобы не отстранялась. А что ладони легли на ягодицы — так оно само как-то вышло, он не специально. — Такая мягкая, такая трепетная... моя, — ладони на ее попе сжались непроизвольно, ему просто захотелось ощутить ее чуть сильнее, а там ткань...

— Пусти! — она все же запаниковала. Он никогда не остановится. Не успокоится, пока не затащит ее в постель. Чуть она позволяет ему одно — и он тут же идет дальше!

— Не держу, — он действительно убрал руки и отстранился, садясь на пол возле ее ног.

Убежала. Заперлась в ванной с горящими от смущения щеками. Недовольная всем — им, собой, своей на него реакцией, своей готовностью... или нет, желанием позволить ему... посмотреть, что будет, если ему позволить... нет, черт побери, нет! Она не такая, она знакома с ним три дня! А он просто избалованный распутный мальчишка, который даже отношения ни с кем построить не может, потому что всех мыслей — как бы в постель затащить, а как затащит, так уже и идеи кончились, что дальше-то делать, и интерес пропадает... Да к дьяволу! Она не должна себе позволять, не должна от него так зависеть! Надо самой... Собой... Быть собой, а не беспомощным к нему приложением!.. Знать бы, как...

— Пойдем гулять по городу? — он неслышно опустился на кухонный стул, когда она готовила себе бутерброды под мерный шум закипающего чайника.

— Тебе ведь работать надо, — качнула головой, не отрываясь от своего занятия.

— Много работать вредно, — не согласился Аршез. — Вот свежий воздух — он никогда вредным не бывает.

— Это в городе он свежий?

— А куда хочешь, за город? Хорошо, давай слетаем. Я знаю много красивых мест, тебе понравится.

— Нет.

— Анют? — взглянул недоуменно. То, что она все еще дуется, он понял. И что смутил он ее куда сильнее, чем... чем стоило бы, понял тоже. Но ведь не собирается же она теперь безвылазно сидеть дома в такой погожий день?

— Ты ведь не можешь вечно водить меня за руку. Развлекать меня денно и ночью, контролировать... У тебя свои дела есть, работа...

— Анют, мне не сложно. Напротив, даже приятно...

— А мне — нет! — почти выкрикнула она. — Такое чувство, что ты оплел меня, опутал... Я уже задыхаюсь. Куда не повернешься, везде твои руки, губы, запах, аура твоя дурацкая. Я задыхаюсь, понимаешь? Я устала. У меня уже мысли в твоём присутствии путаются, я сообразить не могу, чего я хочу, чего ты, нить разговора теряю...

Он молчал, бессильно закусив губу. Нет. Нет, она преувеличивает, все ведь не так! И мысли у нее не путаются, он бы заметил, и с разговорами все в порядке...

— Ар? — она давно уже молчит и смотрит на него выжидающе.

— Да? — кажется, он что-то прослушал. — Да, ты права, конечно, было бы лучше, если бы ты жила отдельно, но пока я не вижу такой возможности.

Жила отдельно? Его слова неожиданно сделали больно. Еще не получил, а уже избавиться хочет? Или... потому и хочет избавиться, что получить не выходит? А говорил, что его навек... Конечно, его, не на улицу же ему ее гнать. Жить ей действительно негде больше.

— Ты говорил, я смогу работать, — осторожно начала девочка. — Возможно, ты мог бы... хотя бы подсказать, какую работу я могла бы попробовать получить, все какие-то деньги. Снять комнату. Ну, или... как у вас принято?

— У нас не принято, чтобы дети, недоучившиеся в школе, зарабатывали себе на жизнь, — неожиданно разозлился он. — У них родители есть для этого.

— У меня — нет.

— У тебя есть я, это равнозначно, — отрезал мрачный, как туча, Аршез. — Пока образования нормального не получишь, чтоб о работе даже не заикалась!

— Но сейчас... все равно каникулы, — возразила она куда менее уверенно. — Я могла бы подработать...

— Мы не бедствуем, — он едва кулаком по столу не грохнул. — Скажи, чего тебе не хватает, я куплю.

— Аршез, ну что ты? погоди, — испугалась Аня. Почувствовала, что он обиделся. Действительно обиделся. — Сам же сказал, что я у тебя на шее сижу, я просто хотела...

— Это ж когда я такое сказал? — приязни в его взгляде не добавилось.

— Когда сообщил, что предпочел бы, чтоб меня в твоём доме не было, — в конце концов, она тоже обиделась. — Вот только выгнать меня не можешь. Из сострадания, потому как... куда мне?... — у нее даже слезы выступили. Она не хотела, нет. Они сами.

Он вздохнул.

— Ань. Ну ты уже разберись. То ты утверждаешь, что тебе со мной плохо, и меня в твоей жизни слишком много. То страдаешь, что я тебя, якобы, выгоняю.

— Я просто хотела побыть одной. И тебя не отвлекать от работы, и самой немного проветриться... разобраться... А у тебя либо с тобой, либо никак, да? Либо в твою постель, либо вон пойди?

— А-ня! — он едва не взвыл. — Ну постель-то тут причем? Вот уж куда не зову...

— В глаза не бросилось!

Он беспомощно поднял вверх руки.

— Просто скажи, что конкретно ты хочешь. Как лично ты хотела бы провести этот день?

— Я бы хотела погулять по городу. Одна. Это возможно?

— Нежелательно, — он снова вздохнул. — Но... раз уж меня в твоей жизни так чудовищно много... давай попробуем.

— Спасибо, — она не выдержала, обняла его. Конечно, это было неправильно, он опять решит, что... Но ссориться с ним было так больно, так физически неприятно, что хотелось растворить этот горький осадок в тепле его рук, в прикосновении к его большому сильному телу.

— Ребенок, — он, конечно же, обнял в ответ. Целовать не стал, ничего не стал, просто подержал ее чуть-чуть у самого сердца. Отпустил. — Ты только послушай меня сейчас. Очень внимательно. Мне важно, чтоб ты меня услышала. Хорошо?

Она послушно кивнула, присаживаясь за стол.

— Это касается не только сегодняшней твоей прогулки, но и вообще... Всего времени твоего пребывания... всей твоей жизни теперь.

— Да?

— Тебе придется забыть о твоей стране. Твоем городе, твоём доме. Обо всем мире по ту сторону гор.

— Да, я поняла, что я уже не вернусь.

— Не только. Ты никогда и никому не должна рассказывать. Ничего о той жизни. Не просто «никаких подробностей», но и вообще о том, что она была. Ты родилась и выросла здесь. В небольшом городке... Потом, если хочешь, выберем по карте... Никто не должен знать, Аня, пойми. От этого зависит... да все, включая твою возможность посещать школу. Все, что касается мира за горами — это государственная тайна, и за ее раскрытие здесь по головке не гладят.

— Х-хорошо, я, в общем, и не собиралась...

— Вот и умница. Дальше. Я, разумеется, не могу предусмотреть всего...

Аня фыркнула. Да и не требуется, предусмотрительный ты мой, разберемся.

— Но если что-то тебя напугает, пообещай: ты побежишь не от меня, а ко мне — разбираться, выяснять, спрашивать. Помнишь, что я вчера тебе говорил: одни и те же слова, одни и те же понятия у нас и у вас могут означать совсем разные вещи. Не вздумай вступать в споры, даже если не согласна. Просто покивай и отойди...

— Аршез, — она все же не выдержала, — я просто иду гулять по городу. С кем мне спорить? Кому что рассказывать? У меня нет привычки приставать с разговорами к незнакомцам, правда. А знакомых у меня тут нет. Успокойся, ладно? «Дети» моего возраста считаются у людей достаточно взрослыми для подобных прогулок.

Он лишь кивнул, соглашаясь. Да, конечно. Конечно.

Отпустил. Но если дома ему еще удавалось сконцентрироваться (работа с деревом всегда дарила ему спокойствие и сосредоточенность), то в институте... Он так и просидел все совещание с телефонной трубкой в руке, то и дело набирая свой домашний номер. И так и не дождался, чтобы на его звонки хоть кто-то ответил. Она что, не пришла обедать? Или... совсем не пришла? Заблудилась? Чего-то наслушалась и боится к нему вернуться? Или ее обидели?

— Что-то не так, Великий?

— Нет, все в порядке. На чем мы остановились? — он вдруг понял, что не слышал ни слова.

— Тестирование опытного образца, светлейший Аршезаридор, — охотно напомнили ему. — Мы могли бы назначить уже на завтра, если вам будет удобно. На заводе все готово, нас ждут.

— А, да, конечно. В десять, вы говорили?

— Нет, лучше... В десять было бы замечательно, Великий.

— Так и договоримся. Если я вам больше не нужен, я вас покину, — он решительно вышел, не дав им опомниться. Что толку торчать на совещании, если он все равно не может сосредоточиться? Демонстрировать людям свою рассеянность не стоило. Как представитель высшей расы, он должен быть неизменно на высоте. Другое дело, что в списке его «очень важных дел» могут быть и другие пункты, кроме помощи людям в развитии металлургии. Вот по другим важным делам он и удалился.

Чтобы нервно ждать ее дома (нет, обедать она так и не приходила), то и дело прислушиваясь к собственным ощущениям. Ее аура, прочно связанная с его, сигналов беды или тревоги не посылала. Значит, все хорошо, иначе он бы почувствовал. Вот только беспокойство не отпускало.

Она явилась, когда и для ужина, на его взгляд, было уже поздновато. Ввалилась, веселая, покрасневшая, переполненная эмоциями и впечатлениями.

— Ар, вот ты мне скажи, — потребовала практически с порога, — как единственный, похоже, здоровый здесь человек...

Он скептически выгнул бровь. Здравым он себя в данный момент не ощущал. Человеком и вовсе никогда ощутить не удавалось.

— Что такое «вампирическая щедрость»? Это как вообще?

— В ка... ком смысле? — сердце как-то неровно стукнуло. Вот не хотел он ее пускать. Но... вроде искренне веселится.

— Да в прямом. Ну, вот скажи, как можно улицу в городе так назвать? Я ж думала, они прикалываются, послала их... А они же, оказывается, всерьез...

— А чуть подробней можно? Кого и куда ты послала?

— Да ребят. Подошли на дороге, спросили, как на улицу Вампирской Щедрости пройти, — хихикнула, не удержалась. — Ой, прости, до сих пор смешно. А тогда я и вовсе минуты две хохотала, думала, приколы такой местный...

— И в чем приколы? — недоуменно воззрился на нее он. Насупился даже. Все же обидно...

— Вот и они не поняли. Особенно, когда я послала их, — она вновь хихикнула, — проспектом Светлых Некромантов до переулка Зомбьячьего Благоухания, а там напрямую через кладбище...

— Ан-на...

— Да ладно, мы потом подружались. И даже пошли вместе эту самую улицу Щедрости искать. И ты знаешь, нашлась, действительно. На ней парк аттракционов оказался. В общем, мы там катались... Было весело.

— Пила ты зачем, чудо мое малолетнее? Или это входит в комплекс доказательств на тему «я уже взрослая»?

— Угостили. И вообще, ты и сам мне, помнится, наливал, так чего теперь дуешься? Или это с тобой можно, а с другими никак?

— Ну, меня, честно говоря, такой вариант бы устроил.

— Да перестань, это сидр был, там алкоголя три градуса, было бы из-за чего разговор начинать.

Да он и не начинал. Просто сгреб ее в охапку, радуясь, что она с ним — живая, здоровая, веселая.

— Только не дыши на меня, ладно? Ненавижу этот ваш сидр.

Потом он, конечно, все-все у нее выпросил. И что за ребята, и сколько, и откуда, и какого возраста. И что конкретно они делали в течение всего дня. Потом, когда она готовила ужин, когда ужинала, время от времени принимаясь оживленно жестикулировать с вилкой в руке. А он все слушал, кивал, чуть улыбался.

А вот с поцелуями больше не лез, даже перед сном обнять не попытался. И кино смотреть не позвал. Отговорился, что запах этого несчастного сидра (Да сколько она выпила его, плотка три? И когда это было, полдня назад?) потом долго не выветрится из его спальни. Она не поверила, решила, что ревность.

А он... Он вздохнул и улетел к Астэе.

Там не было людей, совсем. Хозяйка выступала за чистоту крови. Или ты развлекаешься с людьми, но где-то еще. Или с соплеменниками — под ее крышей. И он был согласен, на таких вечеринках люди только мешали, люди были хороши, но — сами по себе, такими, как есть, а не пытаясь подстроиться под нормы своих «старших братьев». Люди хрупки, им не выдержать огненный ритм, им не дано кружить в головокружительном танце вечной страсти, не дано...

Он вдруг понял, что не хочет. Отстранился, вышел на балкон. Веселье продолжилось без него, его партнерша, развернувшись, легко нашла нового кавалера, припав губами к его губам с той же страстью, что минуту назад целовала Аршеза. А он стоял в одиночестве на ветру, и полы расстегнутой рубахи яростно трепетали, словно требуя продолжения активных действий. Вот только действовать почему-то не хотелось.

Кружишь, как белка в колесе, не запоминая ни лиц, ни тел. Пьешь, не в силах напиться и путая вкусы. А хочется только ее. Лицо, которое не забыть. Запах, который ни с чем не спутать... И зачем ей вздумалось пить эту гадость, воняет же омерзительно, в собственном доме задыхаться начинаешь... Но зато... Зато он точно ее не напугает!

Он стремительно взлетел, перемещаясь на крышу, где среди пары десятков машин белела и его. Уже не новая, доставшаяся от отца, с преобразователем даже не прошлого — позапрошлого еще поколения, порой отчаянно барахлившим, отчего машина временами просто «провисала» в воздухе, приходилось едва ли не физической силой ее удерживать... Да ладно, все не падала, да и на части не разваливалась. До дома долететь — в самый раз.

А на собственной крыше, еще подлетая, заметил маленькую фигурку в ночной рубахе. Она сидела, прижимаясь спиной к боковой стенке входного тамбура, отчаянно обхватив коленки. Лохматая, замерзшая.

— Ребенок, ну ты чего? — он бросился к ней, едва приземлился. — Ты почему не спишь до сих пор, зачем раздетая по улице бегаешь?

— Я не бегаю, я сижу, — ответила хмуро, и он понял — плакала.

Нагнулся, легко подхватывая ее на руки. Прижал к груди.

— Идем домой, малыш.

— Что, любовница выгнала?

Он чуть не споткнулся.

— Ребенок, ну что за мысли? — открыть дверь, не выпуская ее из рук, было делом нелегким, но он справился. Аккуратно пронес ее сквозь дверной проем, стал неспешно спускаться по лестнице.

— А какие должны быть мысли? — она невесело хмыкнула. — Уходишь из дома на ночь глядя. Потом возвращаешься: рубаха расстегнута, не заправлена, волосы распущены, заколка потеряна явно. И это при том, что ты даже по собственной квартире с незаколотыми

волосами не ходишь.

— Анют, — остановил он ее детективные изыскания. — Даже если и была любовница — или даже любовницы — маленьким девочкам-то в это время спать положено. А никак не на крыше караулить.

— Я и не караулила.

— Да?

— Да. Воздухом дышала. Не спалось. Душно, — как ему объяснить, что ей было плохо. Без него плохо — без его вездесущих рук, бессовестных губ, без тепла его тела, без волн его ауры. Она так соскучилась за целый день, а он... Едва обнял, и тут же свалил. Побежал... старые связи упрочивать. Или новые заводить?.. Заявляется домой в таком виде... разве что не помадой с ног до головы измазанный, и ему даже не стыдно. Хотя... кто она ему? Ребенок, подкидыш, скорее обуза...

— Ну, тихо, малыш. Все уже хорошо. Я дома, больше никуда не уйду. Так плохо одной?

Она судорожно кивнула. Он вздохнул. Быстро. Слишком уж быстро.

— Я тоже соскучился. А если поодиночке плохо, то надо быть вдвоем, верно?

Аня не отвечает. Да он и не ждет ответа. Заносит девочку в ее комнату, укладывает на кровать. А затем, не отрывая от нее взгляда, начинает решительно расстегивать пуговицы на своих манжетах.

— Ар! — она тут же заволновалась. — Ты что... Зачем?

Его рубашка полетела на пол, а он уверенно взялся за ремень брюк.

— Перестань! — ее сердце отчаянно забилося. Хотела зажмуриться, отвернуться... но так и не смогла. Так и смотрела расширившимися от страха зрачками, как он расстегивает ремень... пуговицу... молнию. Как брюки скользят по его ногам (хоть трусы у него на сей раз имеются!). Как он присаживается на край ее кровати, чтоб окончательно избавиться от штанов, носков, ботинок. Затем вновь встает — но лишь затем, чтоб выключить свет.

— Ребенок, — улыбнувшись чуть печально, он откидывает одеяло и устраивается рядом. — Ты правда думаешь, что обижу?.. Спиной ко мне поворачивайся, маленькая. И будем спать. Просто спать.

Она немного мешкает, разрываясь между необходимостью выгнать его и желанием к нему прижаться. И все же делает так, как он просит. Его руки змеями оплетают ее тело, он тут же подтягивает ее к себе, прижимая спиной к своей груди. Зарывается носом в ее волосы, щекотно выдыхая ей прямо в шею. А она тихонько улыбается в темноте, глядя на звезды в ночном небе. Он с ней. Куда бы он ни бегал там, в ночи, сейчас он с ней, и это так невыразимо приятно.

И пусть мама бы осудила. Мама просто не знает, каково это — когда все тело ломит в его отсутствие, когда ты физически ощущаешь — его нет, дом пуст, когда ты просыпаешься от этой звенящей в ушах пустоты и уже не можешь обрести покоя...

Он тихонько поцеловал ее в шею, вызвав волну мурашек и пугающее ее самое желание, чтоб поцелуи на этом не кончались. И почему он все время целует в шею? А в губы — даже не попытался. Нет, она бы не позволила, конечно. Но ведь он и не пытался. Ни разу. А вдруг... вдруг бы ей это понравилось?

Нет, о чем она только думает? Он старше на четырнадцать лет, полжизни уже прожил, полгорода в любовницах переимел. Разве ей хочется стать очередной его бывшей? От которой он сбежит однажды вот так — даже не удосужившись в порядок себя привести — к очередной звезде своего изменчивого небосклона. Нет, нет уж — хотел опекать, так пусть

опекает, и даже не думает, потому что она никогда... И сама не замечала, что прижимается к нему все крепче, и даже тихонько целует его в руку, ту самую, что лежит у нее под головой вместо подушки.

День шестой

— Ну что, самостоятельная девочка, сегодня опять одна бродить будешь, или на завод со мной съездишь? Была когда-нибудь на крупном металлургическом предприятии? — и вновь она едва только глаза открыть успела, а он уже бодр, умыт, одет, причесан, и самозабвенно трудится над своим ободверьем. Ствол будущей «ивы» уже закончил, и теперь старательно прорезает в едином массиве дерева тонкие веточки и листочки.

— На завод? — недоумевает Аня. — Но... разве можно?

— Ну, конечно же, нет, ребенок, что за вопрос? — он с улыбкой оборачивается к ней, опуская инструменты. — Если одна пойдешь и в ворота постучишься. А вот со мной не просто можно, со мной тебя еще и с экскурсией по всему заводу проведут, все цеха покажут. Как металл выплавляют, как потом обрабатывают...

— А зачем тебе такая экскурсия? Ты разве раньше там не бывал?

— Так мне не экскурсия, малыш, мне инспекция. Оно мне и по должности положено, и для имиджа полезно — интерес к людям и заботу о них надо не только декларировать, но и демонстрировать. Да и люди чувствуют гордость, понимая, что результаты их труда вызывают интерес представителей древней цивилизации. Мой интерес к их работе повышает их самооценку, усиливает рвение, да и уберегает от излишнего разгильдяйства, не без того.

— Так, а я, в таком случае, что должна демонстрировать? — хмурится девочка на это бахвальство. Аршез — он взрослый, конечно. Так ведь для нее, школьницы. А на заводе матерые мужики работают — и старше, и опытней. И это визит молодого белоручки из НИИ им самооценку повысит?

— Ты будешь демонстрировать мою слабость, Анют, — он с улыбкой обнимает ее, позволяя себе вновь окунуться в ее запах. — Мою совсем не божественную, а вполне себе земную и понятную...

— Что-о? — она с негодованием выворачивается из его рук. — То есть я... ты меня в качестве своей любовницы туда потащишь?! Чтобы все смотрели на меня, как...

— Как на принцессу в тифельках из чистого золота, — он не позволил ей договорить. И так понятно, что в ее голове сейчас вся та гадость плещется, которую любящие родители туда годами закладывали, перепутав с помойной ямой, видимо. — На самом деле, Анют, эта поездка будет тебе весьма полезна не столько для получения новых знаний по металлургии, это, скорее, бонус. Главное, она поможет тебе лучше понять мой реальный статус в этой стране. В частной жизни я им не пользуюсь. Но «Артем», хоть и является частью меня, и, даже, наверное, самой лучшей и искренней частью, это все-таки образ. Маска, попытка казаться человеком. А вот «светлейший Аршезаридор»... да тоже, наверное, маска. Но вот где-то между ними — я. А ты со мной, и, пожалуй, тебе лучше все же представлять, с кем именно. Потому как это у Артемки могут быть любовницы. А так же подружки, возлюбленные и приятельницы. Спутница Великого всегда — Избранница. Та, что настолько лучше всех прочих людей, что удостоена высочайшей чести. Чести, о которой в этой стране мечтают все, неважно, мужчины они или женщины, молоды или нянчат внуков... А ты пытаешься этого стыдиться.

— Ну прости, меня воспитывали не так, — она несколько нервно обхватывает себя за плечи. Все эти его рассуждения о собственном Величии... И не поспоришь, и не поверишь...

— Так вот и везу тебя перевоспитывать. Проникаться реалиями местной культуры. Тебе

здесь жить, Анют. Тебе придется принять местные нормы. Без этого не просто никак, без этого мне тебя из дома выпустить страшно.

«Перевоспитываться» оказалось не просто сложно — жутко. Потому что ее Ара — того Ара, которого она... к которому она привыкла, к которому привязалась — там, на этом огромном заводе, не было. А в светлейшем Аршезаридоре, которого с почтительностью приветствовали директор, главный инженер и другие, весьма солидно выглядящие персоны, она с трудом находила привычные и уже ставшие почти родными черты.

Да, это его лицо, его фигура. Но разве способен этот надменный, холодно-отстраненный тип, словно плывущий по волнам собственного дутого величия, улыбаться так тепло и нежно, что сердце с ритма сбивается? Разве способен он обнимать, норовя каждый раз сорваться в откровенные ласки, целовать, забывая о приличиях и устных договоренностях, словно простые прикосновения (которые он вытребовал себе как непременный атрибут общения) не в силах его насытить? Этот полузамороженный тип с фальшивой полуулыбкой на иконописно-величавом лице, едва сподобившийся снизойти до рукопожатия и способный лишь имитировать жест, которым спутницу приобнимают за плечи, приглашая следовать за собой. Одетый безукоризненно строго, говорящий безукоризненно вежливо. И воспринимающий как естественный фон то густое облако обожания, почитания и преклонения, в которое его заключили. Господи, да они все едва не молились на его Светлейшее Величие. И это всеобщее благоговение действительно просто не предполагало, что этому... идолу лучших сортов от замороженной древесины может в принципе понадобится любовница.

О, нет, ученица, послушница в его храме, посредник между людьми и от замороженными... эм, в смысле, Великими. Но для плотских утех? Сия заиндевелая плоть и столь суетном не нуждается.

Хотелось плевать. Или выпить. Или треснуть его чем-нибудь тяжелым по башке, чтоб отмер, чтоб стал собой, чтоб перестал глядеть на все и на всех с этой чуть высокомерной снисходительностью. Чтоб вновь стал ее Аром — таким теплым, таким живым, таким настоящим! Но фантазмагория продолжалось. Его Отмороженное Величество желало, облекая повеления в форму просьбы, чтоб его деве показали то, объяснили это, провели туда-то. И ей с самым почтительным видом объясняли, показывали, рассказывали. Словно и на нее упал отсвет его величия, и ей где-то давали подержать Святой Грааль или живьем свозили в Рай на экскурсию.

Она, конечно, пыталась держаться, пыталась соответствовать. Но, словно стремясь подсознательно компенсировать его холодность и отстраненность, интересовалась всем излишне пристально, излишне живо, излишне восторженно. И, наверное, слишком напоминая при этом ребенка. Того самого, рядом с которым Его Светлейшеству и стоять-то зазорно. Но он стоял, встречая снисходительной полуулыбкой и ее вопросы, и их ответы.

Наконец, он отправил ее и все начальство в заводскую столовую — вот в этом Великий от Артема не отличался, о еде для своей подопечной не забывал — а сам отбыл вновь в экспериментальный цех, ознакомиться с результатами начатого под его руководством тестирования.

Без Аршеза стало чуть проще. Если, конечно, можно описать словом «проще» необходимость обедать в обществе директора огромного предприятия. Но этот солидный мужчина, вполне годящийся ей в дедушки, хотя бы перестал раболепствовать перед напыщенным мальчишкой. Он остался, конечно, безукоризненно вежлив с ней, но за рамки

разумного это уже не выходило.

— Где вы учитесь, Анна, горно-металлургический? — поинтересовался директор, степенно дегустируя первое.

— Да нет, если честно, — а вот о деталях ее биографии они с Аршезом не договаривались. Надо ли ей выдавать себя за студентку? Да нет, было б надо, он бы предупредил. Да и не похожа она на студентку.

— Ну конечно. Чернометский политехнический, я должен был догадаться.

— Почему? — недоуменно поднимает на него глаза девочка.

— Наши лучшие кадры выходят из стен нашего самого прославленного вуза, это естественно.

— Но... почему вы вообще уверены, что я лучшая? Я обычная...

— Позвольте вам не поверить, Анна. Будь вы обычной, вам бы никогда не удалось привлечь внимания куратора. Он бы просто не стал тратить на вас свое драгоценное время.

Наверное, в этом была правда. Обидная правда, она сама столько раз думала о том, что не будь она единственной девочкой в том автобусе, он выбрал бы не ее. Ни один из них ее не выбрал. Ни один, начиная с Рината. И будь у Аршеза возможность выбора, то и его внимания она бы не привлекла. И, наверное, от обиды, от горечи осознания этой истины она не смолчала.

— То есть вы полагаете, что ваш идол... ваш святейший... светлейший куратор — это такое холодное расчетливое создание, глядящее на людей исключительно с прагматическим интересом?

— Анна... — директор аж поперхнулся.

— Что? Разве это не ваши мысли я озвучила? Он заботится обо мне, потому что я лучшая. Потому что потом на что-то ему сгожусь. А была бы не лучшей, а бесполезной, так прошел бы мимо, да еще и ногой наподдал? Такого вы о нем мнения? Это ваш идеал?

— Анна, не стоит передергивать. Я и близко такого в виду не имел.

— Нет, я не учусь в политехе, — она продолжала с напором, будто не слыша. — Я вообще в школе еще учусь. И он не выбирал. Просто мне нужна была помощь, а больше некому было. Понимаете разницу? Не избрал расчетливо ради какой-то цели, а просто помог — потому что он живой, добрый, заботливый. Потому что просто не мог оставить человека в беде. Не самого лучшего. Не самого выдающегося. А того, который достался. Вот просто появился на его пути, нуждаясь в помощи. И он помог. Поддержал, согрел, утешил. Теперь вот... жизни пытается научить, — на последних словах она словно сдулась. Осознала, что не о том она... да и не с теми... и вокруг — та самая реальность, к которой Аршез так рвался ее приобщить. Идолопоклонство. Раболепие. Пресмыкание перед расой Высших. Или нет Великих. Что, впрочем, еще хуже. Ибо выглядит эта «высшая раса»... вернее, даже Аршез в роли представителя «высшей расы» выглядит омерзительно. А ведь про него она точно знает, что он хороший. Она-то знает. А вот они... поклоняются ему, но при этом представляют каким-то чудовищем.

Она сосредоточенно ела, не поднимая взгляда от тарелки. Директор тоже не спешил продолжить разговор.

— В чем-то вы, наверное, правы, Анна, — он все же нашел возможность согласиться с девой пару минут спустя. — Но что же делать, если человеческая вера в справедливость невольно искажает порой образ тех, в чьей доброте и бескорыстной заботе о людях у нас нет повода сомневаться?

— Но... вера в справедливость-то тут причем? — Аня запуталась.

— Видимо, в том, что, будучи лучшим в чем-то, человек невольно ожидает награды. Признания своих заслуг. Верит в то, что может быть особенно полезен благодаря своим достоинствам. Но — что может быть большей наградой, чем быть избранным одним из Великих? Какая самореализация может быть большей, чем быть полезным создателям нашим?.. Вот и появилась у людей убежденность, что Избранничество — это награда. Признание заслуг, которое ждет лишь достойных. И я не думаю, что в этом есть что-то крамольное. Или что подобные чаянья как-то задевают или, не дай светоч, оскорбляют Великих.

— Да. Конечно. Простите. Извините за эту глупую вспышку, Ар... Аршезаридор просил меня ни с кем не спорить, я и не хотела. Просто обидно стало. Он... вы даже представить себе не можете, насколько он замечательный. Сколько он сделал всего для меня, и вовсе не потому, что... Просто он не может по-другому, понимаете? Если он делает, то всей душой, всем сердцем. Он отзывчивый, внимательный, чуткий. А вовсе не это... что он вам тут изображает.

— Что значит «это»? — брови директора вновь поползли вверх.

— Ну, как бы вам объяснить?.. Вот, — она с облегчением кивнула на вошедшего в столовую Аршеза. бавдижб Идеально-совершенного, невозмутимо-величавого, с легкой полуулыбкой на устах.

— Всем приятного аппетита, — обронил с королевским достоинством сидящим за столиками людям. Которые, напротив, при его приближении теряли всякую невозмутимость, забывали, зачем они здесь, что делают. Замирали, не донеся ложку до рта, нелепо выпучив глаза, некрасиво разинув рот. Не все, не поголовно. Но таких было много. Слишком много.

А его светлейшество шествовал к ним. Ане казалось, у него даже походка другая стала. Нечеловечески плавная, скользящая, идеально-отточенная. И это... нервировало, раздражало, бесило. Ее Ар таким не был, он был простой, родной, обычный. Или... и не было его вовсе? Сам же сказал, Артем — это только маска. Что же тогда реальность, вот это?

— Вы позволите присоединиться? — вселенская вежливость коснулась длинными белыми пальцами спинки свободного стула. Ему что-то ответили, он присел. А Аня все никак не могла отвести взгляда от этих пальцев, теперь изящно накрывших столешницу. И почему она прежде не замечала, какая белая у него кожа?

— Все настолько плохо? — ей показалось, или в его голосе что-то оттаяло, когда он взглянул на нее. И даже сочувствие — искреннее, совсем не наигранное — померещилось. Или ей просто очень хотелось его услышать?

— Отвратительно. Гнусно. Мерзко. Ты хоть в зеркало на себя смотришь, когда?.. Неужели это нормально? Вот скажи, неужели для тебя это все абсолютно нормально? — она закрыла лицо руками, чувствуя, что скатывается в какую-то глупую детскую истерику. Пытаясь успокоиться и просто не справляясь с эмоциями.

— Это данность, Аня. Я могу влететь сюда на метле или въехать на детском самокате — в их отношении ко мне это ничего не изменит. Я уже говорил, это не почтение лично ко мне, это почтение к моему народу.

— Это не почтение, это идолопоклонство в чистом виде. И если бы ты въехал сюда на самокате...

— Я ввел бы в моду самокаты в заводских столовых. На этом все. Пользы никому никакой, а травматизм на производстве повысился бы в разы. Когда каждый твой жест имеет значение, приходится быть крайне избирательным в жестах. И очень существенно себя в них ограничивать.

— Но... но ты не такой. Ты корчишь из себя какого-то сноба, жлоба, морального уроды...

— Анют, — укоризненно. Не просто укоризненно, демонстративно-укоризненно. И это разозлило еще больше.

— Что «Анют»? А они таким тебя и представляют. Их идол — сноб и жлоб, который умирающему от жажды стакан воды не подаст, пока тот ему диплом с отличием не продемонстрирует.

— Вы крайне не объективны... — начинает было директор, весьма задетый тем, как девочка пытается представить ситуацию. Но замолкает, повинувшись резкому жесту своего гостя.

— Вот и вся твоя «избирательность жестов». Да лучше б самокаты, честное слово, — Аня и не замечает, что ее пытались прервать. Ей больно. Ей просто больно. Ее Аршез — он оказался вымыслом, его нет.

— Публичность диктует свои законы, ребенок. И искажения смыслов при этом возможны, но едва ли они столь критичны. Надо просто принять, что и такое отношение бывает. И относиться с улыбкой.

— С улыбкой? Когда я смотрю на тебя, мне кажется, что ты даже улыбаться тут разучился.

— Разве? — он хмурится чуть недоуменно. — Мне казалось, я только и делаю, что улыбаюсь.

— Фальшиво!

— Так, все, ребенок, не воюй. Лучше поешь. Ты посмотри, все уже заканчивают, и только ты сидишь с полной тарелкой, — и вот что ему теперь делать со светлейшим Николаем Оцепаловым, директором металлургического комбината, доктором технических наук и почетным членом каких-то там академий? Память стирать? Так не молод уже, этак можно и вовсе без памяти оставить, он ему и так уже запрет на употребление ряда слов имплантировал.

— Не хочу, — упрямо качает головой девочка. — Кусок в горло не лезет в такой обстановке. Все вокруг глазют, словно... Сам же ты прилюдно не ешь.

Директор закашлялся. Он вообще как-то не слишком хорошо выглядел. С каждой минутой все больше мрачнел, да и нижнее веко уже начало подергиваться.

— Ну почему, у нашего народа тоже существует традиция публичных трапез, — и лишь святой... ээ... светлейший Аршезаридор оставался ангельски невозмутимым. — Вот только люди едят прилюдно, а мы — среди своих соплеменников. А смешивать — увы, не принято. И — мне не хочется тебя заставлять, но — если ты ничего не съешь, повара уволят.

— Не смешно, — она не поверила.

— Согласен. Но ты — моя дева, и если дева Великого не смогла оценить ни одно блюдо, значит, повар не угодил, причем — лично мне. В нюансы твоей тонкой душевной организации вдаваться никто не станет.

Она поела. Давилась, но... кто их знает, этих убогих идиотов. С такими замашками веде и впрямь — уволят и не поморщатся.

А дальше — просто сбежала. Аршез говорил, что ему осталось совсем недолго, небольшое итоговое совещание, и он свободен, и готов отвезти ее... Она не хотела. Ей казалось, она не выдержит больше ни секунды, ее раздражало даже его общество. И она не представляла, как теперь она останется с ним наедине. Что говорить, о чем, как? Ей надо было успокоиться. Подумать, разобраться. Просто побыть одной.

Он отпустил. Лишь вздохнул, глядя, как она уходит прочь с человеком, командированным проводить ее до проходной. А ведь это еще только вершина айсберга. Только самая-самая вершина. Что же будет, когда она узнает суть?

— Я действительно выгляжу столь неестественно? — задумчиво перевел он взгляд на все еще сидящего напротив него человека.

— О чем вы, Великий? — во взгляде большого человеческого начальника светилось лишь праведное негодование. — Вам не стоит даже внимания обращать на подобные...

Он стер ему память. Не задумываясь и не сожалея. О последнем дне его жизни, а может, и еще что случайно прихватил. Спросит, не в пустыне ж он день провел. Расскажут вкратце. Ну а начинающийся склероз неплохой повод подумать о пенсии.

На совещании устроил разнос. Испытания прошли не так уж плохо, не без недочетов, конечно, но все же главное было достигнуто, и в иной ситуации он бы хвалил, выражая уверенность, что и недочеты будут в скорейшем времени доработаны. А сегодня ругал. За лень, косорукость, формализм, безынициативность. За неспособность довести до ума хорошее начинание, за прошлогодний снег... Нет, за снег, кажется, все же не ругал, сумел сдержаться. И даже дверью, их покидая, умудрился не хлопнуть.

Сел в машину и взвился бездумно в небо. Строго по прямой — вверх, вверх, вверх. Пока преобразователь, привычно твякнув, не взял очередной бессрочный отпуск, и забава «удержи в воздухе предмет, для полетов не предназначенный» не поглотила все его силы и внимание.

К тому моменту, как полет удалось выровнять, он уже успокоился. Вот только домой все равно не хотелось. И он решил осчастливить своим визитом Чернометский политехнический, тем более что Гизар давно звал.

Привычно припарковался на крыше, сбросил достававшую его всю дорогу удавку галстука, расстегнул несколько пуговиц сорочки, небрежным жестом перекинул через плечо рабочий пиджак. Добавил к образу темные очки и напускную безмятежность. И отправился разыскивать светлейшего Гизариадара, вычлняя след его нечеловечески мощной ауры из прочих энергетических напластований.

— Артем? — когда он практически дошел до цели, его окликнули. Присмотрелся — тот самый мальчик, в чьей компании они в мяч на пляже играли. Вениамин. А мир порой удивительно тесен. В те минуты, когда этого совершенно не требуется, преимущественно.

— Привет, Вень. Как экзамены, путем? — дружелюбие пришлось изображать. Старательно изображать, чтоб хоть мальчик в него поверил.

— Так... Представляешь, к нам куратор на экзамен пришел. Сидит, слушает.

— Некоторым везет.

— Везет, как же!.. Впрочем, если только тем, кто до его прихода ответить успел. А мне уже сейчас идти, и не похоже, чтоб он уходит собирать.

— Так чего теряешься, Венька? Куратор же не от скуки пришел. Он ищет талантливых ребят, выбирает самых способных. Сможешь произвести на него впечатление — тебе все дороги будут открыты. Практики в ведущих научных центрах, трудоустройство, карьерный рост.

— Ага-ага, слышали, как же. Это хорошо в теории и о других рассуждать. А вот войти туда — и облажаться, каково, не думал? После первого же курса на всю жизнь клеймо дебила. И ни практики тебе, ни трудоустройства, ни карьеры...

— Так если не учишь, то кто тебе доктор? — Аршез кривится. Да и симпатий к мальчику не прибавляется.

— А ты умный у нас такой? Ты всегда все билеты знаешь так, что можешь лекцию по любой теме прочесть? Блеснешь знаниями, о чем тебя не спроси? Там пятьдесят четыре билета, а выпадет только один. И если это будет тот единственный, что я не знаю, мне что потом, ползком за ним по коридору ползти и доказывать, что в остальных пятидесяти трех я гений? Мне поверят? Меня услышат? Даже у самого талантливого студента бывают неудачные ответы. Без всякой причины. А тут — сам куратор. Да в его присутствии дышать, и то боишься, мысли путаются, даже самые умные вещи вещей глупостью кажутся... Вот ты перед куратором когда-нибудь отвечал?

— Приходилось. Он часто на экзамены ходит.

— И как?

— Да хреново он отвечает, если честно, — светлейший Гизар все же изволил выйти из аудитории. И с ходу вступить в беседу, которую, понятно, прекрасно слышал с самого начала. — Все, что я услышал от него в последний раз, было «нет», «не знаю» и «никогда». Ужели на пересдачу, Тёмочка?

Веня белеет, нервно сглатывает, пытается пробормотать приветствие. Но на него не слишком обращают внимание.

— Я готов обсудить остальные пятьдесят три вопроса, светлейший куратор, — почтительно склоняет голову Аршез. — И вы, должно быть, запомнили, Великий. «Не знаю» я не использовал. А «нет» и «никогда» по-прежнему в силе.

— То есть пересдача отменяется? — понимающе хмыкает Гизар. — А чего нарядный такой? Здесь, знаешь ли, принято блистать знаниями, а не костюмом.

— Да так. Хотел на деву впечатление произвести.

— Впечатлилась?

— Да если бы. Обозвала жлобом и снобом и послала... по улице Вампирской Щедрости гулять. От переулка зомбаков до переулка трупаков и обратно.

— Интересные нынче девы пошли. Очки снять не пробовал?

— А я, пресветлый куратор, — в голосе «студента Тёмочки» явственно прорезалась совершенно неподобающая язвительность, — на металлургический в очках и не езжу. Там, знаете ли, моды не те.

— Та-ак, — пытается переварить новость пресветлый. — А знаете, Вениамин, — неожиданно оборачивается он ко все еще стоящему неподалеку парню. — Вам сказочно повезло: я не буду портить вам жизнь своим в ней присутствием. Можете мекать свои ответы преподавателю, ему хоть деньги за выслушивание ваших гениальных опусов платят. Только учтите: неуверенных в себе даже люди не слишком ценят. Идем, Артем, серьезный разговор к тебе есть, — и он решительно движется прочь от аудитории, предоставляя Аршезу возможность догонять себя со всем положенным студенту почтением.

— Нас что, Залира визитом осчастливила? — уже без всякого позерства поинтересовался Гизар, когда в коридоре они остались одни.

— Не слышал, — равнодушно пожимает плечами Аршез. — Я уж лет двадцать ничего про нее не слышал. А не видел, так и того дольше. С чего вдруг такой к ней интерес?

— Да просто в догадках теряюсь, кто еще тебя мог так обрадовать.

— Не суть, Гиз, не суть. Вот только сказала она мне примерно то же, что и твой мальчик: мы изображаем из себя какие-то всемогущие бессмертные статуи, довели почитание себя любимых до абсурда и в результате — только мешаем. Даже когда помочь хотим — лишь мешаем.

— Что-то ты на редкость мрачен сегодня.

— А с чего радоваться? Мне сегодня на заводе завалили эксперимент. А я теперь думаю — так может, из-за меня и завалили? Из-за того, что я там стоял, раздувая щеки и «отечески руководил»? А у них от этого руки дрожали и мысли путались, и опозориться они боялись, да и аура эта дракосова... ни одному человеку еще впрок не пошла.

— Так ты используй ауру-то. Успокаивай, внушай уверенность. А не хлещи негативом во все стороны, так что даже стены темнеют.

— Я закрылся.

— Я заметил. Чтоб тут было, если бы ты не закрылся? Институт бы перестраивали?

— От темы не уходи.

— Да могу и не уходить, что изменится? Не нами заведено и не на пустом месте придумано. Ты не изменишь людей, ты не изменишь себя... Может, стоит подумать о том, чтобы сменить деву? Или хотя бы перестать столь остро реагировать на приступы чьего-то максимализма? Арик, вот ты скажи, где ты их находишь?

— Кого «их»?

— Чванливых дур, которые тебе мозг выносят, а ты ведешься.

— Даже не представляю, о ком ты. И впредь — все-таки — выбирай выражения.

Гизар лишь презрительно фыркает и пожимает плечами. Не больно-то и хотелось, сам же начал. Впрочем, сколько он помнил Аршеза, того вечно терзало несовершенство мира. Причем терзать обычно начинало внезапно и на ровном месте. Так же внезапно и отпускало. Пройдет и нынче.

— Да переживут твои красавицы. Ар, я тебе миллион раз говорил: плюнь на них на всех, найди себе человечку. Лишь человеческая дева будет любить тебя бескорыстно. Такого, как есть, потому что ты — это ты. Только человеческая. А все твои Залиры с Иританами всегда будут видеть в тебе исключительно донора, носителя животворной спермы. Полагаешь, Залира одна такая? Да они все будут интересоваться тобой лишь до тех пор, пока будут верить, что ты можешь подарить им ребенка. И плевать в лицо, как только эту веру потеряют.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Но своей соплеменнице ты можешь подарить хотя бы ребенка. Если повезет, понятно. Что ты подаришь человечке?

— Возможность любить и быть любимой. Быть счастливой — сейчас и лично, а не потом и гипотетически, в детях и внуках.

— Не каждой человечке нужно столь сомнительное и краткое счастье.

— Так найди ту, которой нужно, проблема-то в чем?

«В том, что той, что я нашел, оно не нужно», — мысленно вздыхает Ар. Но вслух уже не произносит. Пусть Гиз и дальше думает, что вся проблема в соплеменнице. Не стоит ему знать, что бывают такие человечки. Тем более что по эту сторону гор их и впрямь не бывает. Это только ему вот так повезло...

— Смотри, Галченоч, кого я привел, — возвестил Гизар, открывая дверь в приемную

своего кабинета и пропуская друга вперед.

— Светлейший Аршезаридор, — секретарша куратора поднялась со своего места, расцветая улыбкой. — Добрый день, вы давно у нас не были.

— А ты скучала? — деве друга он улыбнулся совершенно искренне. Легко подхватил ее — тонкую, как тростиночку, и такую же невесомую — и посадил на ее собственный стол.

— Временами, — лукаво стрельнула глазами Галинка, кладя руки на плечи гостя.

— Он стал настолько негоден? — уточнил Аршез с неподдельным сочувствием, лаская податливое тело девы, заставляя ее млеть и выгибаться в его объятиях. — Стареет.

Получил от «стареющего» друга беззлобный подзатыльник и, не реагируя на подобную мелочь, припал губами к губам его секретарши. Галинка была теплой, мягкой, искренней. В своих привязанностях, в своем желании делиться своим теплом. Одно лишь ее присутствие создавало в кабинете Ишгера атмосферу уюта и умиротворения, а в ее искренних поцелуях было столько нежности, что хотелось тонуть и тонуть.

— Давай сбежим с тобой от него, а, Галинка? — прошептал, отрываясь от ее мягких, податливых губ. — Ты слишком хороша для этого стареющего любителя высшего образования. А я еще молод, хорош собой, полон сил, — он легко перемежал слова поцелуями, в то время как его пальцы с невероятной ловкостью расстегивали мелкие пуговички ее блузки, подставляя ласке его губ ее шею, ключицы, ложбинку между грудей...

— И надолго сбежим? — томно выдохнула млеющая дева, принимая его слова и ласки как комплимент своей красоте и не слишком вникая в смысл его слов. Прекрасно понимая, что и для него это не более чем приветствие.

— Что за вопрос? Навсегда, разумеется.

— Навсегда никак, — она притворно вздохнула, — мне завтра с утра на работу.

— И где берут таких несговорчивых девочек? — он поцеловал ее напоследок в нос, и отстранился. — Работай, малышка. Рад видеть, как ты все хорошеешь.

— Да заведи ты себе уже деву, Арик, что ты мучаешься? — невозмутимо заметил Гизар, проходя в кабинет и интересуясь больше содержимым собственного ежедневника, чем играми друга с секретаршей.

— Я не мучаюсь, я наслаждаюсь, — плохое настроение, терзавшее его с момента размолвки с Аней, действительно отступало. Он зашел в кабинет следом за Гизаром, уютно развалился в кресле, вытянув ноги и снимая порядком надоевшие очки. Чуть поморгал, привыкая к тому, как мир вновь обретает объем и краски. Неужели все, чего ему так не хватало все эти дни — это простое искреннее тепло млеющей от удовольствия человеческой девы? То, чего у его маленького эгоистичного ребенка никогда для него нет. — А знаешь, что-то давно мы не устраивали пикники с твоими студентами. Помнишь, как ты организовывал раньше, «по итогам экзаменов»?

— Помнить-то помню, — ворчит Гизар, — вопрос у меня только. Почему это всегда мои студенты, моя секретарша? Что там с той девой, которую тебе сам Владыка пожаловал?

— Гиз, я же сказал, тот вопрос закрыт. Произошел несчастный случай, она погибла, — он вспомнил свой сон. Позволил Гизару впитать отголоски пережитых им той ночью эмоций. И закрылся. Демонстративно, резко.

— Прости, — а друг поверил. — Я просто даже мысли не мог допустить, что ты... Ты просто не мог сделать это намеренно. Был уверен, она жива... Еще раз прости... И в самом деле, давай устроим уже, наконец, вечеринку. Вот прямо сегодня и устроим. Позовем Индэра и забудем обо всем плохом. Хоть на пару часов, верно?

Ар кивнул. Обманывать друга было бесчестно. Но надо. Надо. Нет, вовсе не потому, что Гиз или тот же Индэр не в состоянии потерпеть пару лет, прежде чем поближе познакомиться с «подарком Владыки». Да им скажи только, что деве шестнадцать, они и сами его дом по дуге обходить будут. Проблема в том, что обеспечить своей деве полноценную жизнь в этой стране он сможет, лишь выдавая ее за местную уроженку. И до тех пор, пока никому из вышестоящих не донесут, что его якобы Избранница — всего лишь бесправный «подарок Владыки». И потому, чем меньше народа это знает, тем в большей безопасности его девочка. Друзья не подставят его намеренно — в этом он был уверен. Но проболтаться — к слову, по случаю — с кем не бывает? И потому — умерла. Выбросилась в окно прежде, чем он к ней и прикоснуться-то успел.

— Вот только понять не могу, что не так с твоей аурой, — Гизар все рассматривал его, задумчиво и излишне пристально. Зацепился взглядом за что-то, когда Ар хлестнул в него потоком своих переживаний, и теперь все никак не мог понять, что же его так смутило? Что-то было неправильно, но что?

— А что с ней не так? — мгновенно оцетинился Аршез. — Гиз, я, конечно, ценю твое внимание к своей персоне, но я не к спектрографу на прием пришел, мне карту сущности составлять не требуется.

— Не факт. Отсветы у тебя... чужеродные. Ты когда закрываешься, их не видно совсем, а как открылся, чтоб воспоминания разделить... Никак не могу сообразить, где я такое видел... Структура словно чужой нитью прошита... Или я это где-то читал... Нет, не помню.

— Ну и сделай уже одолжение — не лезь, куда не просили. Без твоих изысканий тошно.

— Все, ладно, прости, забыли, — Гизар прикрыл на секунду глаза, отключаясь от непонятной картинки на тонком плане. И решительно сменил тему, — Так что Арик, какую деву нынче в спутницы хочешь? Умную или красивую?

Аршез бездумно улыбнулся дежурной шутке, но мысль невольно запала.

— А знаешь, — отозвался он неожиданно для самого себя, — Скромную хочу. Невинную. Чтоб робела...

— А к доктору нет, не хочешь, извращенец малолетний? — Гизар запроса не оценил. — Может, мне тебе еще изнасилование организовать? Найти ту, что предпочтет смерть твоим прикосновениям?

— Да нет, спасибо, это я и сам... адресок знаю, — Аршез невесело усмехнулся. — Разумеется, меня интересует дева, которая в курсе, зачем ее позвали, и хочет этого не меньше, чем я или ты. Просто немного стесняется, а не начинает раздеваться еще прежде, чем меня увидит. Это что, такой криминал?

— Немного они все стесняются, — пожимает плечами Гизар. — Кто мы и кто они? Эту разницу с наскока не перепрыгнуть. Но без святой невинности давай мы все-таки обойдемся. Я, знаешь ли, хочу развлекаться, а не вытирать чьи-то сопли. Заставлять человека делать то, к чему он не готов и чего он не хочет как-то не кажется мне забавным.

— Ладно, ладно, уговорил. Согласен на опытных, страстных и смешливых, — Аршез скидывает руки, демонстрируя капитуляцию. — А то как-то давно я не слышал, чтоб смеялись просто от удовольствия.

— Вот это уже разговор, — полистав какой-то талмуд, светлейший Гизариадар решительно потянулся к телефонной трубке.

На природу в рабочем костюме не полетел. Все же зашел домой переодеться. Дом был пуст. И эта пустота, вместо того, чтобы одарить покоем родного дома, своего собственного дома, где ты можешь расслабиться и быть собой, просто потому, что нет тех, перед кем следует притворяться... Неожиданно, эта пустота показалась гнетущей. Нет тех, кому ты дорог таким, как есть. Нет тех, кому ты нужен таким, как есть...

Взгляд упал на незаконченное ободверье, на разложенные инструменты. А может, ну его, этот пикник, просто остаться и продолжить работу? Он взялся за крупную, сложную композицию, ее наскоками не закончить, она требует времени и сосредоточенности.

Да только кому оно надо, его ободверье? Его работа, в которую он вкладывал душу? Кому нужна его душа? Он хотел, чтоб его дом стал домом для человеческой девы, хотел подарить ей место, где гостью из чуждых земель окружал бы покой и уют... Не сумел. То он слишком навязчив и его слишком много, то он слишком фальшив, неестественен, отвратителен. Сноб и жлоб. Ну и...

Нож вошел в деревянный массив по самую рукоять. Недоделанную «крону ивы» рассекла уродливая трещина, часть мелких деталей обломилась, ударившись об пол с сухим обвиняющим стуком. Он развернулся и вышел вон.

На их излюбленном месте на берегу Серебрянки его уже ждали. Три прекрасные человеческие девы и два добрых друга, в чьем обществе было так приятно расслабиться и, окунувшись в пиршество плоти, забыть обо всем. И остаток неудачного дня растворился в пьянящих ароматах всеобщего удовольствия. Страсть текла через их тела, энергии сплетались, наслаждение застило разум. А насыщение столь необходимыми живительными силами приносило покой душе.

Не бывает неразрешимых проблем. Он справится, он со всем разберется. И все обязательно будет хорошо. И у него, и у его маленькой девочки. И чего, в самом деле, он так заиклился на ее словах? Малышка просто растерялась в непривычной обстановке, почувствовала дискомфорт, вот и наговорила лишнего с перепугу. Сейчас, наверное, уже успокоилась.

Домой он вернулся в сумерках. Почувствовал запах новых продуктов в холодильнике, заметил пару новых книг в гостиной. Ани не было.

Ар тихо выругался. Поздновато уже для прогулок. Куда она ушла? Сосредоточился на ощущениях, вчитываясь в оставленные девой следы. Продукты она принесла, но ужин себе не готовила, даже не задержалась на кухне. А вот в кресле сидела долго — расстроенная, подавленная... Расстроенная куда больше, чем в тот миг, когда она входила в квартиру.

Он взглянул на купленные девочкой книги. «Города человечества» и «Сто самых ярких достопримечательностей родного края». В обоих текста гораздо меньше, чем картинок, это скорее сувенирные альбомы, чем справочники по особенностям местной жизни. Но что-то же она там вычитала. Расстроилась. Ушла... Куда?

Попытался прислушаться к ощущениям. Если уж ее отсветы прошили ему ауру, то должен быть с этого какой-то прок. Должен он ее чувствовать. Вышел на крышу, чтоб не отвлекали энергетические напластования квартиры, сосредоточился. И сумел уловить направление. Машину брать не стал, взлетел так, надеясь, что в сгущающихся сумерках его не заметят. Фонари уже зажгли, и они надежно светили в глаза всякому, кто вздумал бы

поднять лицо к небу.

Свою девочку нашел в парке — опустевшем и темном, совсем одну. Сидела, сгорбившись, на скамейке, что-то крепко сжимая в кулаке. Чуть вздрогнула, почувствовав его приближение, но сбежать уже не успела, он не дал. А может, и не собиралась она никуда бежать, вот только выяснять это желания не было. Стремительно опустился за ее спиной, положил руки на ее плечи:

— Поймал, — очень мягко шепнул ей в волосы.

Она прерывисто вздохнула, но отстраняться не стала. Да и страха он в ней не почувствовал. Только тоску.

— Можно я присяду?

Она кивнула. Он обошел скамейку и сел рядом.

— Уже поздно, а ты так и не ужинала.

Вновь вздохнула. Устало, обреченно, раздраженно.

— Это все, что тебя волнует? Что бы ни случилось, ты переживаешь только о еде?

Он осторожно протянул руку и обнял ее за талию. Потянул на себя, вынуждая прижаться. Она чуть вздрогнула, соприкасаясь с ним так плотно, попыталась бороться с собой, но не выдержала, опустила голову ему на плечо. Закрыла глаза, почувствовав, что холод, сковавший сердце, чуть отступает.

— Через несколько лет после моего рождения, — негромко начал он, — по нашей стране прокатилась страшная эпидемия. Она была чудовищна сама по себе, смерть забирала, казалось, все живое. А одним из ее последствий стал голод. Он продолжался не один год, мы питались случайным образом, раз в несколько дней, если повезет. Но самым ужасным было не то, что тебя тошнит желчью, пустой желудок скручивают спазмы, и голова разрывается от боли. Это физиология, к ней привыкаешь. Самым жутким было чувствовать страх моей матери... Мы открыты эмоциям друг друга, я вроде рассказывал... И день за днем, год за годом в своем очень раннем детстве я чувствовал ее страх. Страх, что она не сможет найти мне еду, страх, что я не выживу на таких скудных порциях, что она не вытянет меня, что я умру от голода у нее на руках. Она не боялась за себя, только за меня, за ребенка... Этот страх очень трудно забыть. И где-то в глубине меня он все еще живет — этот панический страх за голодное дитя. Что я не сумею тебя накормить, а значит, не сумею и защитить. Потому что еда — это защита. Хорошая, полноценная еда — это защита.

— От чего? — очень тихо и подавленно спросила девочка.

— Для людей — от последствий общения с нами, для нас — от солнца.

— От солнца?

— Да. К моему народу оно неласково. Пойдем домой, Анют. Уже совсем темно, а нам неблизко.

Она кивнула, и тут вспомнила о том, что сжимала в руке.

— Ар, ты... ты сможешь меня простить? Пожалуйста, Аршез, я... я столько тебе наговорила, я не должна была... Я... я просто испугалась, что тебя теряю, что того Аршеза, которого я знаю, больше нет... и не было, наверное, а тот, какой ты... каким ты... как они тебя видят... Прости, мне так стыдно. Ты всегда был так добр ко мне, а я... сама же все и разрушила... Ты меня теперь, наверное, только о еде и будешь спрашивать?

— Ну, с чего ты взяла, маленькая, что ты? — он нежно провел рукой по ее волосам, радуясь, что более серьезного повода для ее отчаянья не нашлось, погладил щечку, по которой уже скользили слезинки.

— Ты сломал его. Уничтожил. Не хочешь больше его для меня делать.

— Что сломал, ребенок?

Она разжала кулачок, показывая ему свое сокровище — искусно вырезанный из дерева листик ивы, длинный и тонкий, вот только обломанный почти посередине.

— Просто брак, маленькая, — легко соврал он. — Неудачно сделал надрез, пошла трещина... Такое случается, досадно, но не более того. Я заменю этот фрагмент, это не сложно, там и следа не останется.

— Правда?

— Ну конечно. Выбрось, не стоит хранить обломок.

— Нет, — она вновь сжимает кусочек в руке. Не поверила. Молчит, пытаюсь собраться с силами. — Я не подхожу тебе, да? Не гожусь в избранницы для куратора? Не умею... сиять в твоём отраженном блеске, изображать достойную из достойнейших... Выгляжу, как ребенок, веду себя еще хуже, опозорила тебя сегодня...

— Перестань. Я рад, что ты понимаешь, что действительно не слишком правильно себя повела. И мне, в самом деле, было очень обидно услышать от тебя некоторые слова, которых, как мне казалось, я не заслуживаю. Но это не значит, что ты мне не подходишь. Это значит всего лишь, что над твоим публичным образом нам надо еще поработать...

— Да, — горько вздыхает она, — конечно. Что тебе еще остается, тебе меня подсунули принудительно, теперь приходится работать с тем, что есть... Сам бы ты меня никогда не выбрал.

— Я тебя уже выбрал.

— Не надо. Там не из кого было выбирать, всех разобрали уже... Меня никто и никогда не выбирает, ни в чем. Я вечно чуть хуже, чем требуется. На любом конкурсе мое место всегда четвертое. А знаешь, почему? Медали дают за первые три. Победителями объявляют первых трех. А я... вечно следующая... Вон ведь даже этот ваш... Ринат. Он ведь очень многих взял, и совсем не по алфавиту. Значит, выбирал. Но для меня у него в автобусе не нашлось места. Зато первой, кого посадили в следующий, была я. И потом... они все выбирали. Но меня не выбрал никто. И если бы ты выбирал, ты бы тоже меня не выбрал.

— Это мой самый страшный кошмар, ребенок, — очень тихо признался он.

— Какой? — не сразу понимает она.

— Что я не выбрал тебя. Что ошибся и навсегда потерял. Или что тебя выбрал кто-то другой. И мне привезли чужую девочку. Не тебя, — он сгреб ее в охапку, пересадил к себе на колени, обнял. Она не сопротивлялась. — Да слава Светочу, что никто из них на тебя не позарился. Да слава Светочу, что мне перед этим страшным выбором стоять не пришлось. Ты моя дева, Анют. Я сейчас тебя выбираю. И никогда от своего выбора не откажусь, что бы ты ни натворила, как бы и где себя ни повела. Просто будем стараться исправить. Хорошо?

Она несмело кивает. А он прижимается губами к ее виску, зарывается пальцами в ее волосы. Как же все-таки она умопомрачительно пахнет. Ни одна из тех, с кем он был сегодня, не пахла так — непередаваемо, восхитительно, волшебным. И никто не нужен, когда есть она — так близко, такая нежная, покорная, податливая...

— Ар, — она почти всхлипнула. Испуганная даже не его действиями, а своей на них реакцией.

— Да? — он все же оторвался от ее ямочки между ключицами, до которой и сам не помнил, как добрался губами. Взглянул на нее, отмечая и затуманившийся взор, и приоткрытые в истоме губы, и участившееся дыхание. — А давай я тебя, ребенок,

целоваться, что ль, научу...

Она лишь нервно сглотнула, не сумев решиться ни на «да», ни на «нет». И его губы очень нежно, почти невесомо, коснулись ее. И реальность потерялась, растворилась в волшебных касаниях этих губ. Она отвечала сначала несмело, потом... Потом она просто горела в пламени неведомой прежде страсти, пила его губы и все никак не могла напиться, уже не осознавая, где она и где он, что можно, а что нельзя, что правильно, а что преждевременно. Она наслаждалась. Таяла. Тонула. Сгорала. Растворялась в его нежности и его дыхании...

И вдруг все кончилось. Она резко отброшена на жесткое сиденье скамейки, и только ветер холодит ее горящие щеки. Аня недоуменно оглядывается. Аршез стоит метрах в пяти от нее, упираясь лбом в дерево и тяжело дыша.

— Ар? — испуганно зовет его девочка.

Он не оборачивается, лишь поднимает руку в упреждающем жесте. Не подходи. Не зови. Я сейчас.

— У тебя все в порядке? — все же уточняет тихо и неуверенно.

И вновь в ответ лишь жест. Да, все хорошо. Жди.

Она ждет, все сильнее ощущая неловкость, все больше смущаясь — и их поцелуя, и его странной на него реакцией. Наконец он отмер, отцепился от дерева, подошел.

— Все, малыш, отпустило, — он протягивает ей руки, помогая встать. А затем целует ее кисти — одной и другой руки. — Я тебя не обидел?

Она лишь пожимает плечами, не в силах решить, как ей относиться к подобному поведению. Что это было вообще? Сам же начал...

— Прости, что так резко отстранился. Но мы ведь договаривались только на поцелуй, верно? А выполнять договор так не хотелось... Я совсем теряю от тебя голову, моя маленькая нежная девочка, — он с улыбкой вздохнул, сведя ее руки вместе и целуя уже ее пальчики. — Давай донесу до дома, Анют. Пешком далеко.

— А ты?

— А я... — он загадочно улыбнулся и подхватил ее на руки. — Ты ведь хотела узнать, как высоко я могу взлететь. Держись крепче, ребенок, и ничего не бойся. Ты мне веришь?

Она кивнула, радуясь возможности вновь прижаться к нему. И он взлетел. Так легко, будто и не держал ее на руках. Бережно пронес над темным парком, над засыпающим городом. И опустил на родную крышу.

— Не испугалась? — спросил скорее из вежливости. И сам ведь чувствовал — страх в ее душе не мелькнул ни на миг, там было лишь бесконечное умиротворение. Словно лететь над вечерним городом у него на руках — это самое правильное, что только могло с ней случиться.

— Нет, я же с тобой, — в ее глазах все еще светились звезды.

Он вновь коснулся губами ее губ. На этот раз совсем легко, и тут же отстранился, опасаясь вновь раздуть пожар страсти, с которым в прошлый раз едва совладал.

— Идем в дом, ты совсем продрогла.

А потом она готовила ужин, а он сидел и смотрел на нее. Как уверенно движется она по своей маленькой кухне. Как быстро и ловко нарезает что-то, держа пальчики так опасно близко к мелькающему лезвию. И сам не заметил, как мысль «только б не порезалась» трансформировалась в «пусть порежется». Не сильно, маленькая ранка, это ведь не должно быть больно. А он бы зализал... Представил, как слизывает капельку крови, выступившую на

ее пораненном пальце, как она вздрагивает от удовольствия, волной прокатывающегося по ее телу...

Встал и молча отобрал у нее нож. Чмокнул в щечку, пытаясь сгладить категоричность своих действий, пододвинул себе доску и начал сосредоточенно шинковать недорезанную Аней морковку. Принцип он понял.

Она застыла на миг от подобной бесцеремонности.

— Ар! Да прекрати ты уже делать все за меня!

— Ййй-а не все, — сложно было только начать, дальше с речью он справился. — У тебя там шипит что-то, — он кивнул на кастрюлю (или сковородку?), — плиту заливает. Ты отвлекаться не будешь, а мне попробовать интересно.

— И не заливает вовсе, три капли капнуло. Иногда ты бываешь невыносим, ты в курсе?

— Ага, — легко согласился он, — просто дай, что еще порезать нужно.

Вздыхнула, покачала головой, улыбнулась... А потом учила его резать овощи. Картошку так, огурцы этак, помидоры иначе... Можно еще капусту в салат добавить, а ее вот так надо... Вышло даже весело. А еще очень тепло, потому что рядом и дружно.

А когда с ее ужином было покончено, он устроился в кресле в гостиной, усадил ее на колени и предложил вместе купленные ею книжки рассматривать.

— Ты не сердись на меня, что я их купила? — спросила Анюта, доверчиво к нему прижимаясь.

— Почему я должен сердиться? Ты совершенно права, надо уже спокойно и обстоятельно со своей новой родиной знакомиться.

И будет лучше, если знакомиться она под его непосредственным руководством станет. А то вычитает еще невесть что в этих книжках, перепугается... Да нет, как раз прекрасно известно, что она в этих книжках вычитает. И пора ему уже прекратить малодушничать, и рассказать самому. Вот с помощью книжек и рассказать. И держать в процессе покрепче, чтоб не сбежала, не дослушав.

— Они все-таки дорогие, — виновато вздохнула девочка. Ее совсем другие проблемы мучили. — А ты ведь мне на еду деньги оставлял... Я хотела что-то попроще, но с картинками представить легче, да и сложно мне пока ваши тексты читать — и буквы разняться, и слов чужих много...

— Анют, ты чего? Я не только на еду, я на все необходимое оставлял. Книги в список необходимого входят. И не настолько уж они дороги, чтоб переживать из-за их покупки. Нам на книги пока хватает, — с улыбкой успокоил он девочку. — Ты, главное, записывать не забывай все, что тратишь, чтоб нам к концу месяца как-то представлять, сколько на твои нужды уходит и на будущее планировать.

— Я записываю, — она послушно кивает. Вот не может он без инструкций. Даже если все уже сказано, и он в сотый раз повторяется.

— Ладно, давай начнем. Какую первую изучать будем? «Города» или «Достопримечательности»?

— Ну, наверное, «Города», чтоб сначала как-то структуру понять, потом достопримечательности проще с конкретными местами соотносить будет.

— Давай так, — согласился с девочкой Аршез. — А потом можно будет маршрут составить, на какие места вживую посмотреть хочется. А в выходные попутешествуем. Хорошо?

Кивает.

— А мы за один день много облететь сможем?

— Насколько сил хватит, с дальностью перелетов проблемы нет. Если где-то задержимся, можем на ночь в гостинице остановиться.

— Здорово. А эту вашу... Бездну, ее можно как-то увидеть?

— Можно и Бездну... — его прервала мелодичная трель. — А это мне, похоже, из дома звонят. Погоди, я сейчас.

Звонила мама. Расстроенная, взвинченная.

— Арик, ты можешь прилететь?

— Сейчас? — это было последнее, чего бы ему хотелось.

— Пожалуйста, Ар, — его реакцию женщина почувствовала. — Я не справлюсь сама, ты же знаешь. Я пыталась, но он не стал меня даже слушать. Улетел в «Эритэру», а ты же знаешь, он там опять сорвется, и мы опять будем годами оплачивать последствия, а еще клиника... И врачи сказали, что держать его больше не могут, не видят смысла, надо искать другое место, но я даже не знаю... — она расплакалась. Искренне, безнадежно. Она не справлялась, он знал. Надо было ему. Его отец еще слушал. Временами, но это тоже было больше, чем ничего.

— Хорошо, вылетаю.

Отключил связь и вернулся в гостиную. Молча сгреб своего ребенка в охапку, сел на ее место, усадил на колени. Так же без слов отнял книжку и отбросил на столик. Зарылся носом в Анины волосы и замер, бессильно закрыв глаза. Даже целовать не хотелось.

Вот как он ее сейчас оставит? С кем? За одну ночь ему точно не управиться. Если отца уже даже из клиники выкинули, не выдержав вывертов его больной психики...

— Ар? — недоуменно дернулась девочка.

— Шшш, — лишь сжал чуть крепче, да коснулся губами виска. — С книжками придется повременить. Мне надо слетать домой, ребенок.

— На выходные? — не поняла она. — И наша экскурсия откладывается?

— Нет, маленький, прямо сейчас. К выходным я, надеюсь, вернусь... Как тебя здесь одну оставить, не представляю.

— Ну, хочешь, я съезжу с тобой.

— Нельзя, малыш. Через эту границу тебе ни в коем случае нельзя...

Что же делать? Ведь ей же даже позвонить некому, случись что. Не может он ее одну оставить, совсем не может.

— Ладно, малыш, давай так. Я оставлю тебе телефон моего друга. Он куратор в политехническом институте, с молодежью общаться привык, тебя ни при каких обстоятельствах не обидит. Если возникнут любые проблемы с представителями власти — людьми, нелюдьми — неважно, да хоть штраф тебе за переход дороги в неполюженном месте начнут выписывать — немедленно звонишь ему. Сразу говоришь, что телефон тебе дал я, ты моя Избранница (постесняешься — скажи подопечная, он поймет), меня нет в стране, а у тебя проблемы. И объясняешь суть, он придет и разберется. Договорились?

Она неуверенно кивнула. Перспектива внезапно остаться совсем одной не порадовала.

— Номер его телефона в сумку положишь, чтоб всегда при тебе был. Дальше. Если проблемы будут попроще — ключи потерялись, ванна засорилась, одной в квартире страшно — идешь к тете Люсе. Сейчас я переоденусь, сходим, покажу, где она живет, еще раз вас познакомлю. Ты ее не смущайся, женщина она душевная, добрая — не обидит... Да, штанишки свои короткие смени, старые люди немного консервативны.

Через пять минут, старательно наряженный милым шалопаем, в очках и с малиновой прядкой в волосах он уже звонил в дверь соседки, крепко придерживая за локоток свою отчаянно смущающуюся деву. Рассыпался перед тетей Люсей в извинениях за их последнюю встречу, напросился на чай, невзирая на позднее время. Но не дождался даже момента, когда вскипит чайник. Ему в самом деле надо было спешить. Изложил тете Люсе суть просьбы, тоже дал телефон Гизара (ей он представил его уже как своего куратора), попросив звонить, если у его девы возникнут хоть малейшие неприятности, и клятвенно заверив, что куратор скорее обидится, если в случае проблемы ему не позвонят.

И ушел, крепко обняв на прощанье свою деву, вдохнув аромат ее непередаваемо прекрасных волос. И поцеловав лишь в щеку — во избежание... А Аню оставил у тети Люси — пить чай и налаживать знакомство. Иначе ведь точно постесняется за помощью обратиться.

День седьмой

Аршеза не было два дня, и все два дня Аня не находила себе места. Решила изучить пока книги, чтоб подготовиться к выходным — и не стала. Стоило только вспомнить, как она сидела у него на коленях, он обнимал ее и собирался читать с ней вместе, и буквы вообще всякий смысл теряли. Так хотелось, чтобы он обнял... А как он ее целовал там, в парке! Таким пустом и темном, пока его не было. Но он пришел, обнял, сказал, что она его дева, что он выбирает ее — сейчас и на веки вечные. И поцеловал!

И она глупо сидела, обнимая книжку, часами разглядывая противоположную стену с блуждающей улыбкой. Потом вскакивала, одергивая себя, что нельзя же так бесцельно сидеть, надо что-то делать. Устроить генеральную уборку, к примеру, приготовить обед... Потом вновь накатывала апатия. Ара нет. Даже если она и не поест, он не узнает. А без него пусто... холодно...

И если первую ночь она еще спала у себя, да и уснула тогда быстро, переполненная впечатлениями, то за сутки его отсутствия извела себя так, что уснуть ну совсем не выходило. И она отправилась спать к нему. И не важно, что сказала бы мама, мамы тут нет. И Ара тоже нет, он прилетит еще не скоро, и ничего не узнает. А ей так нужен сейчас его запах. И она всю ночь отчаянно обнимала его подушку, втягивая носом сладкий аромат экзотического сандала с дымной горчинкой на конце. Представляла, что лежит у него на груди, а он гладит ее по волосам. А когда уснула, ей даже приснилось что-то похожее.

Но утром она проснулась одна. В пустой постели, в пустой квартире. И от этого хотелось выть. И ведь прошло всего-то... Да всего неделя прошла. Она попала к нему в пятницу — испуганная, дрожащая, готовая отдать все на свете, лишь бы не пришлось входить в его дом. А теперь снова пятница, и она сходит с ума от отчаянья, что еще один день ей придется как-то прожить без него.

Завтракать не хотелось. Одна мысль о еде едва ли не тошноту вызывала. Да даже из постели вылезать... За окном зарядил дождь, в квартире стало зябко и сумрачно. А тут еще и месячные начались. Обычно они ее не доставали, ну пошли и пошли. Такого, чтоб за живот хвататься да физкультуру прогуливать, за ней отродясь не водилось. Так что плохо ей было явно не из-за них.

Просто сердце щемило, словно там внутри образовался вакуум, и каждый нерв, казалось, дрожал, словно натянутая струна, еще миг — и порвется.

Она предприняла еще одну попытку развлечь себя чтением. Правда, покинуть его спальню, где так явственно чувствовался его запах, для нее оказалось просто невыносимым. Поэтому книги, а заодно и одеяло, которого у Ара почему-то не нашлось, она приволокла прямо к нему в кровать. Свила себе там «гнездо»... И не важно, как это выглядит, его нет, а потом она все уберет, и он не узнает... Как же плохо, когда его нет. Прежде, казалось, даже стены хранили частички его тепла, а с каждой минутой его отсутствия эти частички выветриваются, выветриваются...

Читать не смогла. Начиналось все какой-то высокопарной дурью. «В день, когда Великие Учителя человечества...», «Как повелели Мудрейшие Создатели и Защитники наши...» Сразу вспоминался до смерти фальшивый Аршез, благодетельствовавший своим визитом металлургический комбинат, его отороженно-вежливые улыбки... Сначала хотела вообще забросить, но потом рассудила, что надо посмотреть хоть картинки, стала листать.

Столица тут именовалась Новоградом. Сначала показалось, что Новгородом, даже улыбнулась такому совпадению. Потом вчиталась. Почти, да не совсем. Как и все здесь, наверное. Почти похоже. Но неуловимо иначе.

Главная площадь, очень зеленая и с фонтаном. Президентский дворец, музей Человечества, Драматический театр. Широкие зеленые улицы. Забавные старинные дома, оказывающиеся то институтами, то магазинами. Какой-то парк... Вчиталась, не поверив своим глазам. «Вампирские сады». Эээ... Это как? На месте старого кладбища, что ль, разбили? Или там растения из посетителей все соки вытягивают?

Странные тут все же топонимы. То улица у них Вампирской Щедрости, то сады. Надо б «Достопримечательности» полистать, наверняка и памятник графу Дракуле где-нибудь, да найдется.

Но листать не стала. Наоборот, отодвинула прочь все книжки, обхватила руками его подушку и даже глаза зажмурила. Нет, не будет она об этом думать, этак невесть до чего вообще додуматься можно. Вот Аршез прилетит, с ним вместе и почитаем... Аршез... Ну когда же уже?..

Он чувствовал ее тоску. За сотни километров — чувствовал. Старался разобраться с делами как можно быстрее. Сорвался и наорал на отца, когда тот разразился очередной прочувствованной тирадой на тему «никто не понимает его мятущуюся творческую душу,

злая родня печется исключительно о деньгах». Обычно он старался все же мягче, папа не в себе, он давно уже не понимает некоторых реалий. Но злобная отповедь, как ни странно, подействовала, отец стушевался и покорно позволил отвезти себя в клинику.

А с врачами мама могла уже и сама. Ар торопливо чмокнул ее в щеку и умчался, сославшись на срочные дела на работе. Но на работу, конечно, не полетел. Поспешил к ней — к деде, которую перед расставанием назвал своей. Не согласно контракту, не по букве закона, а именно своей девой — той, что одна живет в его сердце.

Сбежал по ступенькам в дом и чуть не споткнулся от ударившего в нос аромата крови. Ее крови. Нервно сглотнул, пытаюсь справиться с нахлынувшими мгновенно эмоциями. Но все эмоции тут же смысл страх: она ранена. Ранена и... в его спальне? Рванул на себя дверь, напуганный этим обстоятельством еще больше, чем запахом крови. Его Аня в жизни бы сюда не пришла, не случись чего-то...

Она спала, обвившись вокруг его подушки, ее дорогие книги, за которые она так переживала, слетели на пол и даже помяли страницы. Поднимать не стал. Осторожно присел на краешек кровати, положил руку ей на плечо. Она улыбнулась во сне: «Ар...»

— Что случилось, Анют? — негромко спросил он, тщательно маскируя тревогу.

Она вздрогнула и распахнула глаза.

— Аршез! Ты вернулся! — радостно потянулась было к нему, но тут осознала, где именно он ее застукал, смутилась, вновь откидываясь назад и съездиваясь под одеялом. — Ты прости, я все уберу... Я не думала, что ты так рано...

— Что здесь произошло?

— Н-ничего, — она недоуменно смотрела в его сосредоточенное лицо. Ни следа радости от встречи. Он даже не скучал.

— Анют. Тут весь воздух пропитан твоей кровью. Я дышу с трудом. Как ты поранилась, где?

— Я не поранилась, — она жутко покраснела. Это ж надо так чувствовать запахи. И как ей жить-то теперь рядом с ним?

— Кровь, — не поверил он. Или просто не удовлетворился ответом.

— Это... просто... ну... просто «дела». У женщин, знаешь, бывают.

— Месячные? — нахмурился он, не размениваясь на ее эвфемизмы. — Нет, там обычно другой запах, глуше. А у тебя явно наружу все выливается, причем...

Сообразил. И даже спина чуть согнулась от облегчения, а то сидел, натянутый, как струна. Вздохнул, качая головой над ее неразумностью... Совсем забыв на миг, что дышать нельзя. А дальше уже плохо понимал, что именно делает. Рука сама метнулась под одеяло — проверить, действительно ли она, в нарушение всех мыслимых правил, не воспользовалась тампонами, он же ей купил. Она попыталась дернуться, но второй рукой он придержал ее за плечи, чтоб не мешала. Его пальцы почти беспрепятственно проникли к ней в трусики. Так и есть, прокладки. И чем она только...

Сначала в него ударили ее эмоции. Хлестко, наотмашь. Шок, стыд, возмущение, омерзение, едва ли не тошнота. А потом сумел различить в застилавшем все мареве ее глаза. Огромные и всеми этими эмоциями переполненные. Понял, что облизывает свои окровавленные пальцы, неотрывно глядя в ее лицо. И, если бы не ее омерзение, он бы этого даже и не заметил. И уж точно на этом бы не остановился.

Вскочил и вылетел вон, чудом попав в дверной проем. Перед глазами все плыло, зубы болели от невыносимой жажды. Разум пытался выключиться вообще, соображать выходило

урывками.

Она так и сидела на его кровати, поджав колени и обхватив их руками поверх одеяла. Шокированная настолько, что просто не способная двинуться с места, возмутиться, закричать, сделать хоть что-то. Как он мог, билось в мозгу, как он мог?..

Послышался грохот. Кажется, в ванной. Что-то большое и тяжелое сорвалось и разбилось. Или разбило все вокруг? Звуки падения все дублировались, дублировались... Затем она поняла, что он уже в ее комнате, ломает ящики тумбочки, грубо перегребая лежащие там вещи.

Шаги. И вот он возникает на пороге — хмурый, злой. Швыряет в нее, едва не попав в лицо, упаковку тампонов, а когда она ловит, освобождает дверной проем и недвусмысленно указывает на выход. Перепуганная, оскорбленная, она вылетает прочь, едва не споткнувшись об упавшую книжку. Ей вслед летит ее одеяло, все его постельное белье, подушка, слышится грохот открываемого нервно окна.

Она прячется в ванной, едва не запнувшись о попавший под ногу пузырек. И в ужасе оглядывает следы разгрома. Он сорвал с петель шкафчик с банными принадлежностями, тот, падая, разбил зеркало, полочку под ним, все содержимое рассыпано по полу, среди осколков. Что-то пролилось, что-то тоже разбилось. Аня бессильно опускается на пол, сотрясаясь в уже несдерживаемых рыданиях. Что это? За что? Что вообще происходит?

Еще очень нескоро она поняла: его нет. Квартира пуста, он давно ушел. Она вновь одна. В квартире, которую он разгромил, озверев от того, что нашел ее в собственной кровати. И даже постель содрал. Аня проверила — нет, крови на простыне нет, ни капли. Видно, запах. Провоняла. Ему противен даже ее запах.

Конечно, все эти мерзкие выделения, вся эта кровь. Если ее так чувствовать... Кровь! Единственное, что его интересовало. И когда он... когда он... Ему не было мерзко, ничуть! Аж глаза в истоме закатывал, нелюдь!

Нелюдь. Не человек. Не человек, а кто? У вида должно быть название. Если два вида живут так тесно, то это должно отражаться в культуре, должно... А книжки тут про вампиров. И улицы. И сады. И про какую-либо другую нелюдь она за эту неделю нигде ничего не слышала...

Нет! Нет, это немыслимо, невозможно... Но кровь... Он же полквартиры разнес...

На подгибающихся от ужаса ногах она все же добралась до его спальни. Книжки так и валялись на полу, она схватила ближайшую, дрожащими руками открыла предисловие, вчиталась. И, едва не завыв, откинула прочь. «Вампиры...», «Благодаря вампирам...», «Под мудрым руководством вампиров, благородных создателей наших...»

Мир пошатнулся и рухнул, безжалостно задавив ее осколками. Она не заметила. Просто перестала быть.

Пришла в себя уже в сумерках. Дом все так же был разгромлен и пуст, подтверждая, что ей ничего не приснилось. Но это был уже совсем другой дом. Еще утром казавшийся самым родным на свете, сейчас он был чужим и враждебным, открыв свое истинное лицо.

Вампиры. Он — вампир. Ее Аршез, ее Артемка, ее сказочно-прекрасный волшебный друг, целовавший ее, носивший ее на руках среди звездного неба, словно герой самых романтических фильмов... Утешавший ее, обещавший помочь в любой беде, обнимавший ночами, прогоняя кошмары... И — вампир... Приручавший ее, просто приручавший, день за днем... А, собственно, для чего?

Она растерянно оглянулась. Где? Где могут быть бумаги, которые она подписала? Он

много чего ей про них говорил, но никогда не показывал...

Аня методично обыскивала ящики его письменного стола. Документов здесь было много, в основном — связанные с работой, какие-то проекты, изыскания, разработки... Нашлась папка с бумагами на совершенно незнакомом языке, видимо — родном... Наконец, обнаружилось и искомое. Несколько листов, аккуратно сложенных в отдельную папочку, и уже на первом она прочла свое имя.

Достала. От волнения руки тряслись, и листы разлетелись. Пока собирала, поняла, что лишь половина из них написана по-русски... ну, на местном его эквиваленте, а вторую ей не прочесть ни за что... Ладно, хотя бы половина.

«Я, Бочарова Анна, 7493-го года рождения, не имеющая гражданства,
рег.№ Ао-4 ЗС-2 00016

добровольно и без принуждения, по воле сердца и в согласии с доводами разума
передаю свою жизнь и право распоряжаться ею во всех без исключения случаях
вампиру Аршезаридору Шеринадиру ир го тэ Андаррэ,
рег. № 587632/72-008

С этой минуты и до конца моих дней он вправе оборвать течение моей жизни в любой удобный для него момент, ибо таковы моя воля и мое желание. До тех же пор, пока мое сердце бьется, и мой разум служит мне, я обязуюсь посвятить дарованные мне дни собственной жизни служению вампиру, Избравшему меня, ибо к этому призывают меня священный Долг Крови, моя совесть и мое сердце.

Я выражаю свое полное и безусловное согласие на сексуальные отношения с Избравшим меня вампиром, признавая его право использовать мое тело в любое время, в любом месте и любым образом, каким он посчитает для себя возможным (в том числе привлекая к использованию третьих лиц или передавая свое право на использование третьим лицам).

Я признаю свою кровь полностью и безусловно принадлежащей Избравшему меня вампиру и выражаю свое абсолютное согласие на ее использование им лично или с привлечением третьих лиц в любых количествах и с любой периодичностью.

Я осознаю, что все подробности настоящего контракта, а также все, что относится к частной жизни вампиров или их взаимоотношениям с людьми, является государственной тайной и не подлежит разглашению.

Я признаю, что являясь носителем государственной тайны, не вправе пользоваться всеми благами существующего в моей стране гражданского общества, и потому добровольно отказываюсь от права на защиту в суде, права избирать и быть избранной в органы государственной власти, а также от свободы перемещения, свободы смены семейного положения, свободы выбора места проживания, работы или учебы, а также права на совершение крупных финансовых сделок, и передаю право решения этих вопросов Избравшему меня вампиру. (См. приложение 1).

Я уведомила и согласна, что контроль за выполнением всех положений данного контракта полностью лежит на Избравшем меня вампире. Он же будет нести полную юридическую ответственность в случае неисполнения мною взятых на себя обязательств, а также любого нарушения мною законов Страны Людей, вольного или невольного.

Подписывая данный документ, я осознаю, что он не подлежит расторжению ни одной из сторон ни при каких обстоятельствах».

Далее число — «15 июня», день, который ей никогда не забыть. День, когда ее отдали в рабство. Нет, она себе льстит. День, когда ее сделали просто едой. «Ты мне не жена и не

рабыня», — сказал он тогда. И ведь не солгал... Не солгал.

Еда. Вещь для использования. «Там», «тогда» и «с участием третьих лиц», как прописывает документ, который он вслед за ней подписал. И это она, находясь почти в обмороке, не разглядела ни слова. А он прочел. Очень внимательно прочел.

И подписал!!!

Нет, он не мог, не мог. Это же ее Арик, ее Артемка! Он добрый, отзывчивый, чуткий. Его заставили подписать это, он был вынужден, иначе ему бы просто ее не отдали! А использовать так он ее не собирался, никогда, он же...

Не собирался? А кто соблазнял ее все эти дни? Кто требовал бесконечных прикосновений, объятий? Кто прижимал ее к себе по ночам? Кто целовал?..

При воспоминании о том поцелуе она все-таки сорвалась, разрыдалась. Да, он добрый, он не хотел насиловать, хотел, чтоб она добровольно... Согласно букве контракта и «с участием третьих лиц», благо кровать для того и куплена... «Добровольно». Ее скрутило от воспоминания об этом слове, повторенном в бумажонке на каждой строчке. Как можно на это пойти добровольно?! Да где они идиотов таких найдут, чтоб собственноручно себе смертный приговор подписывали?!!

Найдут. Вспомнился завод. Бесконечное обожание. И чванливый Ар... шезаридор, кивающий своей потенциальной еде свысока. А ведь они знали, что он вампир. Знали и... мечтали о взаимной «любви», как та девочка с пляжа? Страна, воспитанная быть едой... Такая красивая... такая жуткая...

Она долго сидела на полу в гостиной, поджав под себя ноги и бездумно раскачиваясь вперед-назад. Ар не мог, твердило ей сердце. Он добрый, он не мог желать для нее такой судьбы. А что целовал — н, у могла же она ему просто понравиться?

«Да, и поэтому целовать он предпочитал в шею?» — возражал разум. — «Туда, где вены? Приноравливался, мечтая впиться зубами?»

Нет, он берег ее, он берег. Витамины купил. Следил, чтоб всегда хорошо питалась, кухню сделал.

Ну, еще бы, без еды ей при подобном использовании и вовсе долго не протянуть. А витамины взамен ее крови не слишком широкий жест.

Стоп. Он покупал две коробки. Было еще одно лекарство. Для нее, он не скрывал.

Аня вновь рванула на себя ящик его стола. Если прежде ее интересовали бумаги, то теперь она искала коробочку. Небольшую такую. С лекарствами. Вот!

Даже вскрывать не пришлось. «Кроветворное» — значилось сразу под названием.

Вопросов больше не осталось. Сомнений тоже.

Деньги она забрала все. Всю ту сумму, что он отложил ей на месяц. Взяла бы больше, но не нашла, видно, в доме не было. Зато нашла небольшую спортивную сумку, куда упихала пару платьев, белье, немного продуктов. Надела удобные брюки, родные кроссовки, решительно застегнула ветровку. Как добраться до вокзала, она представляла. Видела неподалеку автобус, у которого там конечная.

Нет, Границу пересечь она не надеялась. По крайней мере, не так, не сразу. Для начала она поедет в столицу. В этот их Новоград. Город крупный. Самый крупный здесь. Так что есть шанс затеряться в толпе. А потом... потом она посмотрит. Успокоится, осмотрится и решит. И спрячется так, что он никогда ее не найдет. Ну а дальше... может, и выберется. Это ОН говорит, что вернуться домой невозможно. Но он враг, ему незачем говорить ей правду.

Дверь прикрыла за собой очень тихо. И, не дожидаясь лифта, пошла пешком.

Сиреневый бульвар был в цвету. Засаженный сиренью трех разных видов, каждый из которых зацвел на две недели позже предыдущего, бульвар стоял в цвету до середины лета. А в годы, когда весна бывала поздней, и еще дольше. Но стремительно шагающий по бульвару вампир едва ли был способен сейчас насладиться красотой и ароматом сиреневых соцветий. На бульвар он пришел специально. Но — не за этим.

Здесь было многолюдно. Всегда. Официально бульвар именовали «излюбленным местом отдыха Чернометской молодежи». И если Аня успела долистать в своем буклете до картинка с бульваром, то именно эту фразу она там и вычитала. Да и картинка, запечатлевшая заполнившие бульвар стайки молодых дев или компании парней, была весьма правдива. Именно так бульвар обычно и выглядел. Множество дев. И ничуть не меньше парней. Но — отдельно. И почти никогда — парами. За парой приходили сюда.

Из уст в уста, из поколения в поколение передавалось среди молодежи предание, будто именно здесь, на этом самом бульваре, можно встретить вампира, желающего познакомиться. И получить от него предложение провести с ним самую незабываемую ночь в твоей жизни. Разумеется, у удовольствия была цена. Но заплатить своей кровью за несколько мгновений неземного блаженства никому из проходящих сюда не казалось чрезмерно дорого.

Идущего по бульвару вампира заметили все, благо, сущность свою он сейчас не скрывал. И взгляды — от любопытно-восторженных до откровенно призывных — пронизывали его насквозь, питая столь необходимыми для него сейчас эманациями желанности и приязни. А взгляд сам зацепился за фигурку той, что сидела, углубившись в книгу, и его приближения, казалось, даже не замечала. Нет, действительно не замечала, притворства в ней не было. Зачиталась. И едва не пропустила встречу с мечтой.

Впрочем, нет, пропустить у нее не будет ни шанса. Чем больше он прислушивался к деве, тем отчетливее понимал: он хочет ее. Только ее.

— Интересная книга? — он опустил перед книгочкой на корточки, чтобы снизу вверх взглянуть ей в глаза. Улыбнулся — доброжелательно и чуть лукаво.

— Ой... — она оторвала взгляд от книги, чтоб тут же утонуть в нечеловеческих его глазах. И только тут осознать, что за переворачивающее душу чувство охватило все ее существо пару мгновений назад, отчего так тихо... так торжественно тихо стало вдруг на шумном прежде бульваре. И что все глаза устремлены сейчас на них. А она... Чуть приоткрыв рот в изумлении и восторге, она смотрела на представителя древней расы, присевшего у ее ног. Она еще ни разу в жизни не видела вампира. Не просто так близко — вообще никогда.

— Хочешь пойти со мной? — мягко спросил он у девы, стараясь не выдать ни своего нетерпения, ни сжигавшего его сейчас изнутри желания.

Потому как желал. И жаждал. Аромат Аниной крови, такой недоступной и такой физически необходимой, сведший его с ума в тесном лабиринте собственной квартиры, все еще туманил его разум. Ему срочно нужна была кровь. Кровь и дева, жаждущая его поцелуев. Без разговоров, флирта, прелюдий. Только кровь и мягкое, податливое тело, сминаемое его мощью. И потому он пришел сюда. Где не надо врать о любви, тратя время на бессмысленные экивоки. Можно просто взять. Потому, что все они за этим сюда и пришли.

Отдаться испепеляющей страсти. С любым заглянувшим на бульвар вампиром. Вот и ему сейчас подойдет любая. К примеру, эта.

— С вами? — удивление, неуверенность, гордость. И готовность: — Ко... конечно.

Она захлопнула книгу и встала. Он молча взял ее за руку и повел. Сквозь пелену завистливых взглядов, через марево чужих желаний. В мареве своего. Прочь с бульвара в знакомый переулок. На крыльце нотариальной конторы остановился, достал из кармана визитку, ручку. Черкнул пару слов на обороте, протянул своей спутнице.

— Тебе надо оформить свое согласие. Это быстро. Просто дашь им визитку, они все сделают. Я с тобой пойти не могу, это считается «оказанием давления», даже решение зайти туда должно быть только твоим.

Она взглянула на него немного растерянно, но визитку взяла.

— Я буду ждать тебя напротив, — продолжил он. — Вон, видишь подъезд? Зайдешь, подойдешь к окошку регистратуры, предъявишь оформленный здесь контракт, и тебя тут же ко мне проводят. Договорились?

Она кивнула.

— Я тебя жду, — он легко коснулся губами ее щеки и перешел через дорогу, скрываясь в здании клиники.

Научно-Исследовательский Центр Проблем Крови занимал целый квартал. Одно из лучших медицинских учреждений не только Чернометска, но и всей страны, широко известное благодаря работающим тут специалистам самого высокого уровня, спасшим не одну жизнь, хранило в своих недрах немало секретов.

Его главный вход, предназначенный для пациентов с заболеваниями крови, возникшими по независящим от вампиров причинам, находился на параллельной улице, был отмечен информационной табличкой и крупной вывеской над дверью. Там принимали больных, пришедших по направлению районного врача, или обратившихся в центр самостоятельно при возникновении соответствующих профилю проблем со здоровьем.

Здесь же, в небольшом тихом переулке, находился вход во второе, закрытое отделение Центра, где обслуживали только Избранников Великих. Именно сюда увозила Скорая тех из них, у кого проблемы уже возникли. Сюда же раз в полгода они приходили сами для прохождения медосмотров, профилактической терапии и реабилитационных курсов. И именно здесь, под крышей этого известного, а главное — невероятно хорошо оснащенного центра, находился «дом вампирских свиданий» — оборудованные всем необходимым номера для однократных встреч с «избранниками на час».

В этом месте Аршез бывал часто. Все же далеко не каждую человеческую деву хотелось вести к себе в дом. Да и лишняя это для многих информация — домашний адрес вампира. Самым главным, однако, было не это. Здесь, в отличие от его квартиры, были врачи. И лучшее реанимационное и диагностическое оборудование. В случае малейшего сбоя помощь придет мгновенно.

А в нотариальной конторе, однако, не спешили. Поднявшись в знакомый номер, он принял душ, переоделся в мягкий махровый халат и ждал, нетерпеливо постукивая пальцами по подоконнику. А дева все не шла.

Наконец, появилась. Бледная, с красными пятнами на щеках. Бросила взгляд на весьма откровенную обстановку комнаты, на вампира, ждущего ее в одном лишь халате, и побелела (и одновременно покраснела) еще больше. Но все же подошла, молча протянула оформленный контракт. Рука не дрожала, но внутри у нее все было натянуто, словно струны.

Кажется, тронешь — и зазвенит. Или порвется.

Он недоуменно принял у девы документ, сделал над собой усилие — пробежал по тексту глазами. Да, все правильно, как он и просил. Сроком на сутки, с обязательством сохранения жизни и здоровья. Лишь «плоть и кровь», та самая «клубничка», что так жаждут все, пришедшие на бульвар.

— Что не так? — непонимающе поднял он глаза на деву.

— Вы... Мы... — она побелела еще больше, смутилась, смешалась. Но потом все же собралась с силами, и вновь подняла на него глаза. — Вы в самом деле считаете, что с нами можно вот так? — спросила чуть подрагивающим не то от смущения, не то от возмущения голосом.

— Как именно? — чуть нахмурился он, пытаясь оставаться вежливым. Хотелось крови. Крови, а не разговоров. Уже начинало ломить виски.

— Я понимаю, Долг Крови — священен, и отдать свою кровь вампиру — это честь. И для меня это тоже честь и священный долг, — торопливо уточнила она. — Но неужели... Неужели нельзя было просто попросить... сказать... А не вот так... как бессловесную тварь... словно проститутку на улице... Неужели вы презираете нас настолько? — последние слова она почти прошептала, и слеза потекла по щеке — одинокая, беспомощная.

— О чем ты? — он по-прежнему не понимал. — Я же тебя спросил. Затем в конторе тебя спросили еще раз.

— Вы спросили? О чем? Вы предложили пойти с вами. Разве я могла отказаться? А потом — вы просто велели оформить и принести. Разве вы объяснили, что? Разве вы попросили?

— А сама ты не знала? — он пытался быть вежливым, но скепсис просачивался. Представление начинало утомлять. Чего она ждет от него, признаний в вечной любви, цветов, романтики? Так на Сиреневый бульвар за этим не ходят.

— Откуда же я могла?.. — дева выглядела искренней.

— Иди-ка сюда, — он поманил ее к окну. — Покажу, как это выглядит сверху. Вот здесь — гостиница, — он обвел рукой пространство их комнаты. — Для вампиров и их гостей, подписавших вот такой документ. А внизу под окнами — что же это? Девы, девы, девы — целый бульвар... Ах, нет, только та его часть, что непосредственно под окнами. А вон справа, смотри, уже никого. И слева почему-то пусто. Странное совпадение, верно?

Она послушно смотрела в окно. И все больше краснела по мере того, как понимала, на что он ей намекает. Под конец белого в ее лице не осталось. Оно просто горело.

— То есть, вы хотите сказать... что они все пришли сюда... что они все знают, что здесь... Но я не знала! Я не знала, простите! Простите мои слова, я только третий день в Чернометске, я не знала... В нашем городе вампиров нет, и таких заведений...

— То есть, ты просто случайно присела почитать книжку, — вздохнул Аршез, признавая свою ошибку. Теперь, когда он удосужился наконец прислушаться к деве, сомнений у него не было — она не лукавит. Он даже в том, почему выбрал именно ее, уже не сомневался: как и Аня, эта дева его не хотела. И если уж он не мог взять Аню, то подсознательно тянулся к чему-то подобному. Выбирал схожие импульсы. — Прости меня... — он все же глянул на ее имя в контракте. — Прости, Милана. Я действительно был крайне невежлив, и то, что я был уверен, что ты знаешь, зачем я тебя зову, мою невежливость не оправдывает. Еще раз меня прости, — он еще раз вздохнул. Боль в висках никуда не ушла. И жажда не притупилась. Ему все так же нужна была кровь. А деву придется выбирать заново. Может, свиснуть им из

окна? Кто первая прибежит... И опять обвинит его в невежливости. — Только один вопрос, Милана. Когда в конторе тебе объяснили, что я хочу от тебя... Тебе ведь объяснили, верно? — она кивает. — Зачем же ты подписала?

— Но... вы же просили. Как я могла отказать? Это мой долг.

— Милана, ну там же в каждой строчке слово «добровольно». А тебе этого совсем не хотелось. Разве это «добрая воля»? Переступая через себя?

Только молчит, потупившись. Аршез чуть приобнимает ее за плечи, целует в лоб.

— Иди домой, моя хорошая. Ты славная девочка, и все у тебя еще будет. А через силу не надо. Даже с вампиром.

— Но... — она недоуменно поднимает на него глаза. — Но как же контракт? Я же уже подписала.

— И что? Заключение контракта позволяет мне выполнить определенные действия. Но отнюдь не обязывает меня их выполнять. А к утру он и вовсе станет просто бумажкой. Памятным сувениром о нашей встрече. Не слишком удачной, конечно. Но что делать, и такие бывают. Вампиры — не боги, просто еще один вид разумных существ. И, как и люди, мы тоже порой ошибаемся. Еще раз прости меня. И прощай.

— Прощайте, — склонив голову, она медленно движется к двери. Ему хочется поторопить ее, хочется, чтобы она уже ушла. Его ошибка его жажды не отменила. Он хотел деву. Он по-прежнему хотел. А ее по-прежнему не было.

— Простите, — уже дойдя до двери и взявшись за ручку, Милана обернулась. — А вы... все еще хотите мою кровь?

Он сказал бы «нет». В любой другой ситуации он сказал бы «нет». Но сейчас... одна мысль о том, что надо вновь возвращаться на бульвар, выбирать деву, ждать нотариуса, заставляла его мысленно выть от нетерпения и жажды. И он сказал «да»:

— Да. Хочу.

И Милана вернулась.

— Понимаете, — пыталась объяснить она. — Я просто была настолько шокирована... Я даже не успела толком подумать... Но теперь... Теперь я подумала и поняла, что никогда не прощу себе, если сейчас просто уйду. И оставлю нашу встречу вот такой — неудачной и нелепой... Они все так мечтают об этом, а я... Мне выпал такой уникальный шанс... И, знаете, я действительно хочу этого. Хочу отдать вам свою кровь. Не потому, что должна. Просто хочу узнать, каково это? Что чувствуешь, когда...

— Не только кровь, Лана, — он уже обнимал ее, предвкушающе гладил по нежной щечке.

— Да, я знаю.

— У тебя ведь еще не было мужчин, — это был не вопрос, это он просто чувствовал.

— И такой опыт интересен, — его прикосновения деву завораживали, аура словно окутывала, омывала, ласкала.

— И будешь потом всю жизнь всех сравнивать со мной, — нет, он уже не отговаривал, скорее, просто убалтывал, зачаровывал голосом, интонациями, снимал напряжение, смущение, неловкость. Раз уж она решилась — он возьмет. И сделает все, чтоб она не пожалела.

— Я все равно бы всех с вами сравнивала, даже будь вы десятым или сотым. Только... вы ведь знаете... чувствуете... — она немного смутилась, вспомнив.

— Что у тебя месячные? Да, Лана, знаю. И эта кровь тоже моя согласно контракту.

Она смутилась. Он поцеловал. И он целовал, целовал, целовал... Потом отправил в душ а сам подсел к монитору, вводя в базу данные своей девы и лишней раз проверяя наличие противопоказаний, хотя последнее должны были проверить еще у нотариуса. Милана была здорова. Хронических заболеваний не имела. Ни сердце, ни почки, ни сосуды повода для волнений не давали. Проблемы с давлением не возникали. Сопrotивляемость к вампирскому воздействию — 84 %. Последнее заставило улыбнуться. Он точно становится извращенцем, при всем богатстве выбора умудряясь выискивать редчайшие экземпляры, для которых жизнь без вампиров точно была бы милее.

Вышла Лана, нерешительно поглядывая в сторону кровати. Он тут же поднялся ей на встречу, вновь зачаровывая ласками и поцелуями.

— Нет, солнышко, не кровать, кресло, — он кивнул на конструкцию, более уместную для гинекологического кабинета. — Ты ведь обещала мне свою нижнюю кровь, помнишь?

Она смущенно кивает, а он вновь целует, все ниже, все увлеченнее. До тех пор, пока у нее не подкашиваются ноги, и он не подхватывает ее на руки, чтоб усадить в такой нескромной, но такой желанной для него сейчас позе.

— Я чуть-чуть тебя привяжу, — предупреждает деву. — Ты ведь не будешь бояться?

— Зачем? — судя по легкой дрожи в голосе, именно бояться она и начинает.

— Только одну руку, солнышко. Я подключу к ней датчики, чтоб шел непрерывный контроль твоего самочувствия. И введу катетер от капельницы. Как только начну забирать твою кровь, приоткрою вентиль, и тебе в вену пойдет физраствор, чтоб организм не почувствовал нехватку жидкости, не началось слипание сосудов или еще какие неприятности. Хорошо? Так наше свидание пройдет для тебя максимально безопасно.

Она кивнула. Он легко проделал привычные процедуры и приступил наконец к наслаждению ее плотью. Он ласкал ее тело — мягкое, нежное, юное. Пытался отрешиться от ее запаха и представить, что с ним сейчас та, другая... Никогда прежде с ним такого не случалось, он всегда наслаждался теми, с кем был сейчас, но Анна... он так хотел ее... И пил сочащуюся кровь Миланы, иступленно лаская ее промежность... Он даже девственности ее лишил пальцами, чтобы еще и эту кровь добавить к букету. Дева стонала и кричала, теряя связь с реальностью, открывая для себя все новые и новые грани наслаждения. А он упорно представлял, что это Аня, его маленькая Аня, ставшая наконец взрослой. И ему было уже мало просто пить, лаская себя самому, хотелось обладать, обладать во всей полноте, и он поднялся с колен, чтобы войти в нее двумя решительными рывками — как мужчина и как вампир. И, делая первый глоток из вены, привычно приоткрыл вентиль, впуская вместо изымаемой жидкости суррогат, который ей поможет, тем не менее, первое время, а потом... потом... он забылся, отдаваясь ритму глотков и движений, спеша достичь вершины блаженства...

И едва не захлебнулся, когда оглушительно взвыла сирена.

Дальше он помнил плохо, но бригада действительно появилась почти мгновенно, он едва успел отстраниться. Переложили на каталку, бегом увезли в реанимацию. Он вышел следом, едва накинув халат. В палату входить не стал, ждал возле. Был уверен — ее откачают. Что бы ни случилось, ее откачают. Здесь лучшие врачи, лучшее оборудование, они не промедлили ни минуты, у его Миланы все шансы...

Тем страшнее оказалось услышать:

— Простите, Великий. Дева мертва.

— Причина? — хрипло выдавил он, не в силах поверить.

— Необходимо дождаться результатов вскрытия.

— Хорошо. Я подожду.

— В этом нет необходимости, Великий. Результаты вскрытия, как и решение экспертной комиссии, будут высланы вам по почте.

— Я подожду.

— Ваше право, Великий.

Врач откланялся и ушел. Аршез вернулся в свой номер. Долго смотрел на кресло невидящим взглядом. Потом опустился на колени, собирая пальцами капли пролившейся на пол крови. Зачем-то слизнул. Кровь уже свернулась, не вынеся встречи с кислородом.

А Милана мертва, не вынеся встречи с ним. Мертва... Это слово оглушало, сбивало с ног, мешало дышать. Как же так, как? Он же все сделал правильно, все проверил, все подключил... И он много не брал, сколько он сделал? Три полных глотка? Четыре?.. Нет, наверное даже меньше, он цедил по капле... А она все равно умерла... Умерла...

Он долго стоял под душем, смывая с себя следы своей страсти, словно улики чудовищного преступления. И понимая, что уже не смыть. Никогда...

Ему никогда уже не сказать, с легкой небрежностью рисуясь перед потенциальными подругами: «все мои девы живы, здоровы и прекрасно себя чувствуют». Никогда. Потому что Милана мертва, а он знает о ней всего две вещи: ее имя и то, что она не хотела его.

Не хотела. Ничего этого ей было не нужно. И то, что он утопил ее в своей страсти и заставил, и, кажется, даже не раз, познать наслаждение, ничего не меняет. Против эмоций вампира человеку не устоять, но пока она могла думать и чувствовать, она не хотела...

У нее была своя жизнь, свои планы на будущее, своя судьба... Он все оборвал, уничтожил — грубо, бессмысленно... Откуда она приехала в Чернометск? Зачем? Учиться, работать, в гости, на экскурсию? Одна, с родителями, с друзьями? Сколько ей было лет, чем она занималась, что любила? Он слишком сильно хотел ее крови и ее плоти, чтобы интересоваться еще и ей самой. А ведь она была...

Когда он вышел из душа, следы на полу уже подтерли, все вещи Миланы забрали. Будто и не было ничего, будто он все еще ждет, а она так к нему и не пришла. Ну, зачем ей надменный вампир, не снизошедший даже до разговора? Она давно влюблена в соседа...

Если бы. Если бы, если бы, если бы...

Но Милана мертва.

Он долго ждал результатов вскрытия. Не в номере, там не выдержал. Спустился вниз, в подвал. И здесь, возле двери с надписью «морг», в коридоре, освещенном не слишком ярко, все пытался понять: как же так? Как такое могло случиться?

Результаты вскрытия ввергли в ступор. Милану убил физраствор. Аллергия. Анафилактический шок.

— Редчайшее явление, — пытался объяснить ему человек в белом халате. — Встречается у одной тысячной доли процента. То есть, почти никогда...

Он уже не слушал. Милану убил он сам. Сам, своими руками ввел своей деве яд. Забрал кровь. И влил яд. Обещал жизнь, а подарил смерть...

— Результаты вскрытия будут переданы экспертной комиссии уже завтра, но вы можете быть уверены, вас полностью оправдают, — продолжал объяснять ему врач. — Превышения с вашей стороны не было, это доказано и сомнений не вызывает. Мы подняли всю доступную документацию. Об аллергии на физраствор нигде ни слова, она даже не была выявлена, что, впрочем, неудивительно, учитывая невероятную редкость данного

заболевания. Подобные тесты даже не проводят...

— Я могу на нее взглянуть?

— Да, конечно.

А Милана была блондинкой. Только сейчас, когда от девы пахло одной лишь смертью, Аршез разглядел ее. Очень светлые волосы, немного вьющиеся, длинные, заплетенные в косы. Лицо такое гладкое, такое белое... Острый вздернутый носик, небольшой аккуратный рот, заострившийся подбородок... А глаза ей уже закрыли. И у него просто не хватит духу поднять ей веки и взглянуть в ее глаза в последний раз.

Он склонился и поцеловал ее в лоб. Прости сказать не смог, даже мысленно. Он просто не знал, как можно простить за такое...

А ведь он был уверен — с ним этого не случится. Да, у других бывает, есть даже те, что убивают просто из удовольствия. Но ведь он не такой, он приехал сюда лишь любить их, помогать, радовать. Он берет только то, что они и сами готовы отдать, он никому не причиняет вреда, он дарит им наслаждение, возможность прикоснуться к мечте...

Вот только мечты Миланы — они разве были об этом?..

Да в ее мечтах он не фигурировал вообще! Она просто не могла сказать ему «нет», они все не могут сказать ему «нет», послушно путая его мечты со своими, они так воспитаны — с детства, с младенчества!.. И воспитаны лишь потому, что представители некой «древней и высокоразвитой» расы просто не приучены контролировать собственные сексуальные желания. «Отсталые и дикие» люди это могут как-то. А высокоразвитые вампиры — нет! Вот и берут, не глядя, ломая, калеча, убивая. И веря, что миг наслаждения все искупит. И можно было бы оправдать себя, что ведь для еды. Но это ложь, еды им хватает и без того. Просто распущенность. И целая страна в заложниках их страстей...

Чудовища... Они все — просто чудовища. И он — такой же, как все...

Домой добрался уже где-то к утру, не слишком-то четко помня, где провел эту ночь. Где-то бродил, чураясь и людей и вампиров. Желания он уж точно ни к кому более не испытывал. Видеть Аню — извиняться, объясняться, оправдываться — тоже совершенно не хотелось. Вернее — у него просто не было на это сил. Ему казалось, он выгорел. Весь. От него остался лишь остов, неспособный более что-либо чувствовать. Хотелось еще и не быть, пропасть и никуда никогда не возвращаться. Но у него была дева, за которую он взял на себя ответственность. А он даже не помнил, как именно они расстались. Он, кажется, что-то разбил...

Дом был пуст. Посреди гостиной валялось его постельное белье, пропитанное запахом Аниного пота и крови. Возле стола разбросаны какие-то бумаги, рядом валяется упаковка лекарств. Он нагнулся. Контракт. Она все же нашла его. Лист бумаги сочился болью. Болью, ужасом, неверием, горечью. Еще было отчаянье. Упрямство. Надежда. И снова боль.

Он открыл верхний ящик, проверяя, на месте ли деньги. Там было пусто. Значит, в самом деле, ушла. Сбежала от того чудовища, с каким столкнула ее жизнь. Ну и правильно сделала, что ушла.

Аршез тяжело опустился на пол, привалился боком к письменному столу и закрыл глаза.

День девятый

— Александр, ты решительно невыносим, — жгучая брюнетка в белой шляпке с огромными полями капризно поджала ярко покрашенные губки. — Мы вырвались к морю всего на два дня! И даже эти жалких два дня ты не можешь посвятить мне полностью! Куда ты собрался по самому солнцепеку? Неужели нельзя просто посидеть со мной и подождать, пока я пообедаю? Густая тень, легкий ветер, шикарный вид... Чего еще тебе не хватает?

— М-м-м... — молодой мужчина в яркой гавайской рубаше и пляжных шортах, вольготно развалившийся в плетеном кресле, картинно задумался и неторопливо отпил воды из бокала. — Солдатиков? — предположил преувеличенно наивно.

— Саня, ну ты как ребенок, честное слово, — вздыхает его спутница. — В твоём возрасте уже машины в гараже пора коллекционировать, а ты солдатиков... Тащиться ради них по жаре через полгорода в какой-то занюханый магазин, где, может и нет-то ничего стоящего...

— Во-от, — кивает мужчина. — Я и говорю: ты точно со мной туда идти не захочешь. А пока ты обедаешь, я как раз успею там все посмотреть и вернуться. А после обеда... — мечтательно протянул он, многообещающе заглядывая в глаза своей даме.

— Иди, — со вздохом позволяет она. — Но учти, если меня украдут... — красотка игриво стреляет глазками.

— То я не завидую укравшим, — чуть усмехается он и тянется к ней с поцелуем.

— Саня, — она упреждающе кладет пальчик на его губы. — У меня макияж.

Он послушно целует пальчик и неспешно покидает ресторан.

Нужную улицу находит легко. Магазинов здесь, правда, не было, исключительно частные домовладения. Вот в калитку одного из частных домов и постучал.

— Добрый день! Есть кто дома? — еще и крикнул, прекрасно чувствуя, что здесь не слишком-то рвутся реагировать на его стук.

— Не сдаем! — раздался недовольный женский голос из глубины участка.

— Так и я не снимаю, — мужчина, напротив, буквально излучал обаяние и дружелюбие. — Мне вам посылку просили передать.

— Что за посылка? От кого? — женщина все же подошла. Хотя калитку так и не открыла, изучающе смотрела сквозь. Доверия парень не внушал. Опасения, впрочем, тоже. Обычный отдыхающий, заблудившийся по дороге с пляжа. — Мы, вроде, ни от кого не ждем.

— Так, может, и я ошибся, — он обескураживающе улыбнулся. — Мне нужна Бочарова Татьяна Валентиновна.

— Это я, — кивнула ему женщина, ожидая продолжения.

— Один мой знакомый отдыхал у вас пару лет назад с женой и дочкой.

— Мы жильё не сдаем, — повторила женщина.

— Так я не сказал «в вашем доме», я имел в виду — «в городе», — совершенно не смутился гость. — Они, вроде, вообще в гостинице жили. Не суть. Так вот, его дочка, Катя, очень подружилась с вашей... Простите, забыл ее имя...

— Аня... — еле слышно отозвалась женщина севшим голосом.

— Ну да, Аня, — гость продолжал болтать, не замечая изменившегося настроения хозяйки. — И они тогда очень много фотографий нащелкали, на которых ваша дочка есть, обещали прислать по почте, да руки не дошли... Сами знаете, как бывает. Короче, мой

приятель как узнал, что я сюда в отпуск еду, очень просил к вам зайти, отдать, а то дочка на него уже обижается...

— Что-то не помню я никакую Катю, — на его болтовню женщина только хмурилась. — Дайте взгляну, быть может, вы все же ошиблись, — и протянула руку над невысокой калиткой.

Он пожал плечами и достал из заднего кармана своих пляжных штанов конверт. Пробежался пальцами по его содержимому, будто бы выбирая. И протянул женщине фотографию. Одну.

Она приняла снимок, бросила на него недоверчивый взгляд. И тут же вздрогнула всем телом, хватаясь свободной рукой за забор. Голова пошла кругом, показалось, что ноги ее не удержат.

— У моей дочери никогда не было такого платья, — чуть слышно прошептала женщина, не отрывая глаз от бледного лица своего ребенка. Изможденный вид, синяки под глазами, затравленный взгляд. — Она вообще платьев не носит.

— Девчонки вечно меняются одеждой, — легкомысленно пожал плечами молодой человек и буквально взмолился: — Сегодня так жарко, Татьяна Валентиновна. Пока до вас дошел, думал, помру. Вы мне водички не нальете? — и взглянул трогательно-трогательно. — А если еще и в тенечке позволите пару минут посидеть, так я вам и остальные фотки отдам, — улыбнулся проказливо.

— Идем, — она все же открыла калитку, впуская его во двор. И пошла вперед, показывая дорогу. — Тебя как зовут?

— Можно Саня, можно Саша, — беспечно отозвался ее гость. — На Шурика тоже откликаюсь, — войдя за женщиной в дом, он плотно прикрыл за собой дверь. — Но если хотите говорить серьезно, тогда — Александр, — неожиданно продолжил уже совсем другим тоном. — И я предпочитаю на «вы».

Прошел в комнату, не дожидаясь приглашений, отодвинул стул, удобно устроился за столом.

— Вы присаживайтесь, Татьяна, — пригласил он хозяйку дома так, будто это она здесь в гостях. — Чай я не буду. И даже без воды пока обойдусь. Что-то кроме моего имени вас заинтересовало?

— Кто вы такой? — женщина впервые взглянула на него внимательно. Не мальчишка, совсем. Особенно сейчас, когда бросил паясничать, строя умильные рожицы, и очень жестко взирал на нее холодными, как льдинки, голубыми глазами. Его спокойная и уверенная поза, поворот головы, даже жест, которым он положил перед собой столь желанный для женщины конверт — все выдавало в нем сейчас человека, привыкшего диктовать условия. Такие не работают на посылках.

— Я? — он вновь улыбнулся, но теперь уже холодно, одними губами. — Как и сказал — всего лишь приятель приятеля, вызвавшийся оказать услугу.

— Перестаньте, — она тяжело опустилась на стул напротив своего гостя. — Я прекрасно знаю всех подруг моей дочери, даже из тех, кто приезжает к нам только на лето. Не было никакой Кати.

— Значит, ее звали Лена. Или Света. Или на фото не ваша дочь.

Женщина вновь опустила глаза на фотографию. Ее бедная погибшая девочка выглядела такой несчастной.

— Вы полагаете, что я не узнаю своего ребенка? Или спутаю фотографию, сделанную

пару лет назад со снимком... — горло перехватило. — Да она эту стрижку за день до отлета сделала, специально к олимпиаде, мы вместе в парикмахерскую ходили! Про какие Кати-Лены-Маши вы мне тут втираете?!

Гость, назвавшийся Александром, молчал, хладнокровно пережидая бурю. И женщина постаралась взять себя в руки.

— Я могу взглянуть на остальные фото?

— У меня есть только это.

— Но вы только что говорили, что их целая пачка.

— Я говорил, что приятель нащелкал их целую пачку. А вот отдать — не отдал, мы с Анютой и эту у него с трудом вырывали.

— Вы... с кем?

— С вашей дочерью. Да, совсем забыл — она просила вам передать, — и он пододвинул конверт к женщине.

— И когда вы видели мою дочь? — она накрыла конверт ладонью, не спеша, а, может, и не решаясь, знакомиться с содержимым.

— В прошлые выходные. В воскресенье, кажется.

— И опять врете! До прошлых выходных моя дочь не дожила, она погибла в пятницу!..

— Разве погибла? Вы невнимательно смотрите телевизор. Самолет вернулся с частью пассажиров, которые, несмотря на то, что побывали в аномальной зоне, до сих пор живы и даже вполне здоровы. Так зачем же вы заживо хороните тех, кто воспользовался приглашением в этой зоне остаться?

Она молча смотрела на него какое-то время. Потом все же взяла себя в руки и открыла конверт.

«Мама, я жива!..» Строчки расплылись перед глазами, а она так ничего и не успела разобрать, кроме трех этих слов, написанных таким знакомым, таким родным почерком. Отложила письмо, вытерла глаза, помассировала виски. Неужели правда? Может ли это быть правдой?

Так ничего для себя и не решив, женщина снова взялась за письмо.

«Мама, я жива!»

Прости, что заставила тебя волноваться, но я не могла написать тебе раньше. Я здорова, здесь чистый воздух и очень красивые фонтаны. Я нашла друзей, которые помогают мне освоиться на новом месте. Это будет не сложно, ко мне относятся с большой симпатией. И даже говорят, что никогда меня не отпустят. Я им верю, они уже сделали для меня столько хорошего. И я бы с радостью осталась здесь навсегда, если бы не терзалась, что вы переживаете за меня. Не надо, пожалуйста! У меня все хорошо. А фотографию эту в самый первый вечер сделали, поэтому я на ней такая испуганная. Теперь я уже не такая, правда. Завтра на озеро пойдём, а сегодня ремонт на кухне делали.

Ты мне пришли ваши фотографии — твою и папы. А еще Юльки с Машей, ту, где мы втроем на диване у меня сидим. И еще кулончик бабушкин, он в верхнем ящике стола в коробке с карандашами спрятан. И пусть он облезлый, все равно самый лучший!

Очень вас люблю.

Простите, что не смогу вас обнять.

Всегда ваша, Аня».

Очень долго в кухне было оглушительно тихо.

Потом женщина что-то кричала, возмущалась, требовала. Порывалась немедленно куда-

то идти, кому-то сообщать. Утверждала, что ни о какой Сибири в письме речи и близко нет, дочь просто не села в тот самолет, ей не дали, ее похитили, а теперь держат где-то насильно, пытаются, мучают.

Мужчина отвечал ей спокойно. Ровно, жестко, не сводя немигающего взгляда. Что-то рассказывал. Долго, подробно, но тоже спокойно. Бросая каждое слово весомо, как камень.

И каждый камень убивал надежду на то, что Аню можно спасти, обнять, увидеть... Она жива, да. Жива, но не для нее.

Потом женщина рыдала, а он молча ждал, когда она успокоится.

— У вас есть сердце? — сквозь слезы спрашивала его женщина.

— Есть, — спокойно склонял он голову. — Я же все-таки здесь.

— Вы мне можете пообещать, что с ней все будет в порядке? — пыталась добиться она хоть каких-то гарантий.

— Разве могли бы пообещать это вы всего месяц тому назад? И чего стоили бы ваши обещания в свете последних событий? — не снисходит до утешений мужчина. — Это жизнь, и над нею никто не властен. Но я могу вам поклясться, что неделю назад, когда я видел ее, она была счастлива. Она нашла дом и семью на столь пугающей вас чужбине. Была окружена поддержкой и заботой. Многие ли имеют большее на старте новой жизни? — он невозмутимо пожал плечами и поднялся, его уже ждали. — А уж чего она сможет добиться, имея все это — от меня не зависит, так же, как и от вас... Вы не угостите меня своей вишней? — попросил, взглянув на дерево за окном. — Хочу сделать приятное своей подруге, она любит сочные фрукты.

* * *

Она сидела за длинным пустым столом в кабинете какого-то местного милицейского начальника и ждала. Очередного допроса, видимо. Но начальник задерживался, а ей принесли чай и бутерброды. Последнее, чего она ожидала от этого места, так это то, что тут будут кормить. По крайней мере до того, как установят ее личность и отправят... Куда? Знать бы еще, что ей по здешним законам положено. Или что будет, если ее личность так и не смогут установить.

Второе по всему выходило лучше. Ведь так за ней только мелкое (она надеялась, что мелкое) хулиганство. А вот если установят... И на ней сразу кража крупной суммы денег, побег от практически обожествленного при жизни владельца. А хулиганство — это так, досадная мелочь на закуску, о нем и не вспомнят, должно быть, учитывая предыдущее.

Интересно, что здесь полагается за бегство рабов? Вернее, горько усмехнулась она, что здесь полагается за бегство еды? Рабов — она из истории знала — за побег плетью секли. А вот про еду история умалчивала. Но на то она и еда, чтобы в любом случае быть съеденной.

Быть съеденной — или, вернее, выпитой — желания у девочки не было ни малейшего. И потому она решила молчать. До последнего. А вдруг повезет?

Хотя про везение говорить не приходилось. Все с самого начала пошло не так. До вокзала она добралась без проблем. И даже поезд на Новоград в расписании нашелся. И билеты на него были, и денег хватало. Да только не продавали тут билеты без паспорта! А у нее так и вовсе разрешение родителей потребовали, сразу вычислив ее отсутствующие восемнадцать.

Она отчаянно покрутилась на перроне, понадеявшись, что в вечерней тьме удастся пробраться в вагон без билета, как-то спрятаться, затесавшись в толпу провожающих, договориться с проводником. Не вышло. Не умела она с незнакомыми людьми дружеские контакты завязывать, с рождения не дано было.

Поезд ушел. И она тоже ушла — куда-то через пути, прочь. Что толку было на вокзал возвращаться? Мимо нее прогромыхал вагонами товарный состав, чуть притормозил на светофоре, пропуская встречный поезд. Аня заметила недалеко от себя приоткрытую дверь, терять ей было нечего, и она решилась.

Воровато оглянувшись, забросила в вагон сумку и забралась сама. Внутри обнаружилось огромное количество каких-то мешков с мукой или чем-то очень на нее похожим. И немного свободного места для одной маленькой, насмерть перепуганной девочки. Людей здесь не было, собак тоже. Красный свет сменился зеленым, и Чернометский вокзал, а вскоре и весь город, остались позади.

Под стук колес она уснула. Проснулась от того, что солнце светило сквозь щель прямо в лицо, а поезд стоял. Аня осторожно выглянула наружу и не поверила глазам. «Новоград» — сообщали большие красные буквы над зданием вокзала. Порадовавшись такой удаче, она бодро выпрыгнула из вагона.

И на этом удача закончилась. Потому как ее практически сразу взяли за шиворот работники местной милиции (или как она у них тут называлась) и отвели в отделение.

Сначала Аня перепугалась жутко. Потому как решила, что это Аршез ее нашел (не лично, понятно, приказ своим людям отдал). А это могло означать только смерть — в самом буквальном смысле. Аня чувствовала себя женой Синея Бороды, открывшей запретную комнату. Тот тоже притворялся добрым. Но лишь до тех пор, пока жена не узнала правду.

Но оказалось, ни про какого Аршеза здесь никто ничего не слышал. Здесь требовали адрес и телефон родителей, безнадзорный ребенок которых (то есть, она) был задержан во время хулиганских действий на железной дороге.

Ее, конечно, ругали, но как непутевую девчонку, малолетку, ищущую острых ощущений ввиду отсутствия цели в жизни и мозгов в голове. Аня молчала. На малолетку она была согласна. Вспомнила, как ОН — тогда еще притворявшийся хорошим — не раз упоминал, что несовершеннолетние Великим не положены, ее подарили ему в нарушение местных законов. И потому даже пробормотала что-то, что папа напился, маму опять побил и ее собирался, и потому домой она не пойдет, и где этот дом — не расскажет. Пусть ее, в самом деле, в детский приют отдадут до выяснения. Туда вампиры и близко подходить не должны, раз у них тут законы такие.

В детский дом отдавать не торопились. Взяли анализ крови (да что у них тут за болезни такие, что они так инфекций боятся?), да банально заперли в «обезьяннике». Хорошо хоть одну, а не как в кино — со всякими бомжами и маньяками.

Но в клетке она просидела недолго. Пришел какой-то толстый важный дядька, отпер дверь, извинился за плохое обращение, пригласил пройти к нему в кабинет, обращаясь исключительно на «вы» при этом. В этот самый кабинет провел и там оставил, предложив располагаться, где удобно и пообещав принести что-нибудь из еды, «ведь вы же, наверно, еще не завтракали».

Где ей было завтракать, в вагоне? Отказываться не стала. Невольно вспомнился Аршез с его вечным стремлением ее накормить... Нет, нет никакого Аршеза, все обман. Есть коварный и жестокий вампир, сам получивший ее на завтрак, обед и ужин. Подлая тварь, ему

мало было просто ее сожрать, надо было вползти в душу, заставить поверить, полюбить, привязаться! Зачем?! За что?! Ему что, так вкуснее?!

Не выдержала, разрыдалась. Она ведь верила ему! Влюбилась, как дура, в свой идеал, в своего героя, мечтала о нем по ночам, а он... Тоже мечтал, кто ж спорит! О том, как высосет всю ее кровь, до капли!

Время шло. Слезы она вытерла, а бутерброды все равно не лезли. К ней никто не заходил, неизвестность выматывала, хотелось, чтоб случилось уже хоть что-то... «Нет, не хотелось!» — запаниковала она, услышав шаги по коридору. Несколько человек стремительно приближались к кабинету, слышались невнятные звуки их голосов.

Дверь распахнулась. Она взвизгнула и вскочила, выставляя между собой и входящими собственное кресло. В проеме двери стоял Ринат.

* * *

Это утро началось для Верховного куратора рано, излишне рано. Он еще спал, когда телефонный звонок беспощадно разорвал тишину его просторного городского дома. Светлейший Риниеритин ир го тэ Тиирэ недовольно поморщился и, не открывая глаз, потянулся к телефонной трубке.

— Я прошу прощения, светлейший куратор. Служба Контроля Крови. Дежурный оператор ир го тэ Сэтэм, — бодро представился звонивший. — Нами зафиксировано нарушение Основного Устава, пункт 12.6. Лицо, не подлежащее объективизации, задержано Силами Правопорядка Новограда за совершение административных правонарушений.

— И давно я должен разбираться с подобным лично? — недовольно вздыхает светлейший. Суббота. В кои-то веки свободное утро. Он собирался банально выспаться, наконец. — Есть же отдел контроля. Или они поголовно ушли в отставку?

— Дело в том, что это лицо из Закрытого Списка, а вы сами ограничили доступ и вмешательство посторонних...

Куратор снова вздохнул и решительно сел на кровати. И вот когда? Вчера вечером, можно сказать, персонально всех спать укладывал. Что ж так не спится-то кому-то?

— Ну а можно было не тянуть и сразу сказать, что это кто-то из моих подопечных? Какое отделение задержало? Сейчас слетаю, заберу, вопрос можете отметить, как решенный.

— Сто седьмое. Это центральный железнодорожный вокзал. Силы Обеспечения Безопасности Транспортных Перевозок. Но, я еще раз прошу прощения, куратор, это не ваш подопечный... вернее, подопечная.

— В каком смысле «не мой?» — хмурится Верховный. — Все лица Закрытого Списка исключительно на моей ответственности.

— Это второй список, светлейший куратор, Зэ Эс — 2, но, поскольку они принадлежат к одной серии и имеют единую нумерацию, я решил...

— Стоп. Что еще за второй список? И почему я слышу о нем впервые?

— Я... не могу знать, светлейший куратор, — растерялся дежурный. — Я был уверен, что он тоже на вашем личном контроле, иначе не стал бы тревожить вас... Простите...

— Раз уж потревожил, давай разбираться, — накидывая на плечи легкий халат, куратор направляется в кабинет. Уснуть уже все равно не удастся. — Пришли мне все данные по Закрытому Списку. И первому, и второму, и третьему — сколько их там у вас есть, столько и

высылай. Жду.

— Да, куратор, одну минуту. Списков этой серии всего два. Один полностью состоит из лиц, принадлежащих вам, во втором — лица, принадлежащие разным владельцам, но у них тот же гриф секретности — АО-4, он всегда присваивался только лицам, перемещенным из-за внешней границы, соответственно...

— Да, я понял, — прервал его Риниеритин, вглядываясь в проступившие на экране буквы. Список первый и, как он наивно считал, единственный. Хотя бы здесь сюрпризов не было. Его свежеприобретенные дети во всей их красе и многообразии. Со всем многообразием их проблем... И список второй... Он замер перед монитором, вчитываясь в имена. Знакомые имена, все до единого. Те самые, что он вымарывал из своего предварительного списка, сжимая зубы. Те самые, что идеально ему подходили... всего лишь чуть менее идеально, чем те, кого он себе сохранил. Те, кто мог бы жить в этой стране, на радость себе и к пользе окружающих. Но просто не вошли в установленное Владыкой число пятнадцать... Семь человек, вычеркнутых им из жизни.

Четверо из них были уже мертвы.

Как свидетельствовали скупые строчки документа, они были вышиты в первую же ночь. Умерщвлены, чтобы не тратить деньги на их содержание и нервы на их воспитание. Подарок Владыки, даром не нужный ошастливленному владельцу... А ведь они могли бы жить! Он же предлагал Владыке, он мог бы взять их всех!

Дракос!.. Дракос, дракос, дракос! Вот что ему стоило проследить? Проконтролировать, что все дети отправлены за Бездну, и пути назад нет? Он мог бы выкупить всех, кто остался здесь. Мог бы...

Но что теперь сожалеть о несделанном? Трое детей все еще живы, и ему следует поспешить, чтоб так это и осталось.

— Кого именно задержали Силы Правопорядка? — спросил у все еще остающегося на связи дежурного.

— Номер «АО четыре, Зэ Эс два, три ноля шестнадцать» — Бочарова Анна принадлежит Аршезаридору Шеринадиру ир го тэ Андаррэ, место постоянного проживания — Чернометск, регистрационный номер...

— Да, я нашел, достаточно. Ему уже сообщили, где обретается его пропажа?

— Мы ответили на запрос отделения, остальное — это уже их дело.

— Как давно они получили ответ?

— Непосредственно перед звонком вам, пресветлый.

— Понятно. Спасибо за информацию, дальше я разберусь.

Он прервал связь и откинулся в кресле. Прикрыл глаза, вспоминая. Бочарова Аня. Испуганный взгляд, голые ноги в коротких штанишках. Излишне открытая одежда в сочетании с нервным напряжением создавали впечатление, что девочка мерзнет и не может согреться. Стояла, затравленно прижимаясь к стене, ни с кем не общалась... Недостаточно контактная. Да, именно так он оправдывал себя, вычеркивая ее имя. Замкнутая, недоверчивая, необщительная... Но как-то же он должен был выбирать!

Ладно, что там с ее горе-владельцем? Имя было ему незнакомо, фамилия тоже. Какой-то молодой прощельга из поколения кровавых деток. Удивительно, что она вообще прожила с ним так долго. Да еще нашла силы сбежать.

Вывел данные на этого Андаррэ. О, ну, можно сразу заканчивать. Ожидает решения экспертной комиссии. Причина: убийство без лицензии. Предварительное заключение:

невиновен. Ну, разумеется. Все они невиновны, как один. Юные прожигатели жизни: жестокие, пустоголовые, бесчувственные!..

Так, ладно. Этот однозначно допрыгался. Дарственную на Анну подпишет, не пикнув, альтернативу обрисует. Вот только девочку надо забрать сразу, пока он до нее не добрался. А то ведь не убьет, так покалечит в отместку за ее побег.

С остальными собственниками выживших детей связался уже из машины. Мальчика ему готовы были отдать бесплатно. Если выживет, он уже пятый день не выходил из комы. А еще одну девочку — «может быть и за большие деньги». Впрочем, ее хозяина Риниеритин знал — гнида была еще та, хоть и из Древних. Тут придется еще поискать, что посулить и на что надавить.

Но это — чуть позже. Сначала Анна.

* * *

Зеленая машина стремительно опустилась прямо перед крыльцом сто седьмого отделения Сил Правопорядка. Столь же стремительно из нее вышел вампир, направляясь в здание. Ему навстречу уже бежали.

— Светлейший Аршезаридор? — почтительно склонил голову местный начальник.

«Успел», — подумал Великий, сбавляя скорость.

— Пока нет, но он тоже скоро прибедет, — чуть качнул головой. И представился, — Риниеритин ир го тэ Тиирэ, отдел внутренних расследований Управления Межрасового Сотрудничества. Можно сказать, ваш коллега.

— Очень приятно, — склонил голову глава отделения, внутренне напрягаясь.

— Инспекция работы человеческих организаций в мои обязанности не входит, — успокоил вампир доблестного служителя правопорядка. — Только проблемы человеческо-вампирических взаимоотношений. Хотел бы побеседовать с девой, если вы не против.

— Да-да, конечно, пройдемте, — начальник, а с ним и еще несколько человек, поспешили показать ему дорогу. Великий кивнул и, надев очки с непроницаемыми черными стеклами, последовал за сопровождающими.

— С девой все в полном порядке, она отдыхает, — торопливо рассказывали по пути высокому гостю. — Как только мы выяснили ее статус, ей сразу же были предоставлены максимально комфортные условия, предложен завтрак... Прошу, — перед ним распахнули дверь кабинета.

— Благодарю. Оставьте нас, — Риниеритин отослал людей и замер в дверном проеме, пораженно глядя на деву.

Ошибки не было, это была она — Аня. Та самая девочка, от которой он, после долгих раздумий, отказался. Вот разве что одежду сменила по местной моде. А больше не изменилась ничуть. словно и не было этой недели, прожитой в чужой стране, в чужом доме, с чужим — даже не человеком — вампиром. Риньер ожидал найти ее любой — избитой, искалеченной, со следами пыток, с поврежденной безвозвратно психикой... А нашел нетронутой. Единственное, к чему он оказался не готов.

И потому глупо стоял, замерев в дверях, и смотрел на перепуганного ребенка. Ее даже девственности никто не лишил. Как?! Безмозглый невоздержанный сопляк за неделю совместной жизни не тронул принадлежащую ему человечку и пальцем?! Да они вообще

встречались?! Любой мальчишка распил бы эту малышку с друзьями в первый же вечер, «кровавые детки» в принципе не приучены себя ограничивать!

А метка на ауре была. Да и Служба Крови контракт зафиксировала...

Он все же нашел в себе силы отмереть и улыбнуться девочке.

— Привет. Ты меня разве забыла? Я Ринат, мы общались на приграничной базе, сразу после вашей посадки.

— Я помню, — вышло ужасно тихо, голос не слушался. Она все так же стояла, прикрываясь от него креслом, будто щитом.

— И я тебя помню. На тебе была синяя футболка и короткие джинсовые шорты. И вот эти самые кроссовки. Неужели в наших магазинах не нашлось обуви интереснее?

— Не знаю, я не искала, — она напряженно следила за ним взглядом. Что ему нужно? Аршез предполагал, что Ринат большой начальник и весьма немолод... Аршез ей все врал!!! А до этого ей врал Ринат! И сейчас пришел... Зачем? Опять наврать? Обмануть, успокоить, а потом? Куда он отправит ее потом?

— А еще ты стояла, хотя в том зале было множество стульев. Так и не присела тогда ни разу... И сегодня опять стоишь. Может, сменим традицию?

— Что?

— Давай мы с тобой присядем.

— Не подходите!

— Не буду. Просто обойду этот стол и сяду вот тут, напротив, — стараясь не делать резких движений, он устроился в кресле, откинулся на спинку. Выжидающе взглянул на деву.

Она помялась, но тоже села.

— Что вам от меня нужно? — Аня не выдержала первой.

— Да сущую ерунду, — Ринат улыбнулся, демонстрируя дружелюбие. Она не поверила. Она всем им теперь не верила. — Ты немного набедокурила, а меня вытащили из постели, чтобы я разбирался в причинах произошедшего.

— Причина в том, что у меня нет документов, а без паспорта билет мне никто не продал.

— Так тебя задержали за безбилетный проезд?

— А то вы не знаете, — не слишком вежливо фыркнула девочка.

— Нет, — невозмутимо отозвался Ринат. — Мне не сказали, а я не спрашивал. Меня, если честно, больше другое интересует. Ты Аршезаридора когда последний раз видела? И видела ли ты его вообще?.. — добавил чуть тише и в глубоких раздумьях. Метка у нее, конечно, есть. Но ведь следов воздействия ни малейших!

— Как я могла его не видеть? Вы сами меня в его лапы отправили!

— Ну, до дверей же не проводил, — легкомысленно пожал он плечами. — Может, ты по дороге сбежала. А документы вас заранее подписать заставили, в одностороннем порядке... Опиши-ка мне, как он выглядит.

— Как?.. Обычно... как все вы.

Брови Рината иронично выгнулись, приподнимаясь над стеклами очков.

— Высокий, стройный, длинные волосы. Довольно светлые... ну, темней чем у вас, ближе к пепельному... нет, кофе с молоком, наверное... не знаю, как правильно цвет называется. Когда человеком притворяется, малиновую прядь себе крепит. Вот здесь, у виска. Смотрится очень... — она горько улыбнулась, горло перехватило. Артемка...

Выдуманнный персонаж, что толку теперь вспоминать. — Глаза бирюзовые, очень красивые, густые ресницы. Кожа светлая, лицо овальное, подбородок чуть заострен... Что еще? Одевается... Если на работу, то очень строго... Элегантно, но... безжизненно как-то. Костюм, галстук... Мне кажется, ему не идет. А если гулять куда или по магазинам — то ярко так, броско, наверное, даже с вызовом...

— Любопытно... И часто вы ходили гулять?

— Ну... я не знаю, когда время было. В выходные мы все больше по магазинам, одежду надо было купить, мебель... Потом ремонт делали. А в будни ведь он работал, так что — во второй половине дня только. Да и то не всегда выходило, иногда я одна гуляла.

— И что делала?

— Город смотрела, на аттракционах каталась. В Чернометске большой парк аттракционов, у нас меньше.

— И как город, понравился?

— Да, — кивнула она. И тут же сбилась. — Наверно. Не знаю. Мне тогда казалось...

— Что?

— Не важно, — девочка закрылась. Словно захлопнула перед его носом дверь, выпустив напоследок едкое облако горечи.

— Ну ладно, тогда расскажи про ремонт.

— А что про ремонт? Сделали.

— Ремонтировали-то что?

— А, кухню. У него не было, он лишнее помещение как кладовку использовал, старье хранил всякое. Потом выкинул, мы там побелили потолки, поклеили обои, обставили все. Теперь... — она вновь болезненно скривилась, вспомнив, что никакого «теперь» у нее больше нет. — А дверной проем он хотел резьбой украсить, — зачем-то поделилась она с Ринатом. — Вырезать иву, как будто она над дверью склоняется, и ветви до самого пола. Даже начал, и так получалось красиво, а он... Теперь уж и не закончит, — замолчала, отчаянно кусая губы. Вновь захотелось завывать. Все было так красиво, так волшебно... И все оказалось ложью!

— Так что же произошло? — решил перейти к сути Ринат. В принципе, картину он себе уже составил. И она была крайне далека от всех его изначальных предположений. Мальчик поразил. — Что случилось, когда у тебя начались месячные? Вчера, верно?

Аня белеет и в мгновение ока оказывается возле самой дальней от Рината стены. Как она могла забыть?! Он — такой же! Такое же кровожадное чудовище! И он чувствует!!!

— Выходит, угадал, — невозмутимо кивает вампир. — Да ты присядь, Анют, меня не стоит бояться. Я почти полвека институтским куратором проработал. И дев у нас среди студентов было — больше половины. А месячные у них — как ты, наверное, догадываешься — каждый месяц. И тянутся каждый раз по неделе. И недель в месяце всего четыре, — он чуть усмехнулся. — Так что не было на моей памяти ни одного дня, чтобы кровь текла одновременно меньше, чем у сотни дев, сосредоточенных в пространстве одного не слишком просторного здания. Я на запах текущей крови давным-давно перестал реагировать.

— Совсем? — она все так же стоит у стены. Уже не белая, а пунцовая от смущения.

— Ну, так уж списывать-то меня не надо, — лукаво улыбается он. — Оценит красоту аромата я все еще в состоянии.

Аня разве что руками не прикрывает горящие щеки. Да, тема не для нее. Малышка с подобном вслух, да еще с мужчиной, говорить не приучена. В этом, видно, и вся проблема.

— Есть вещи, от которых бессмысленно бегать, моя хорошая. Потому что они все равно побегут с тобой. Надо взглянуть им в лицо, признать их существование, и разбираться, что делать дальше. Садись. Ты ведь не хочешь, чтобы я повышал голос, и все отделение было в курсе нашей беседы?

Чуть помедлила, но все-таки села.

— Он тебя напугал, верно? Не смог спокойно отреагировать на твою кровь?

Кивнула. Скованно, напряженно, смущенно.

— А когда он говорил тебе, что он вампир, ты просто не подумала об этой крови? Думала, все будет более чисто, возвышенно, романтично?..

— Он не говорил мне, что он вампир! — она снова вскакивает и кричит в полный голос, не в силах справиться с эмоциями. — Он никогда мне такого не говорил!! Всегда врал, что он просто мой опекун, что я ничего ему не должна, а там написано... там... — Аня падает обратно в кресло, заходясь в рыданиях. Арик, ее Арик... Просто коварное кровожадное чудовище, жаждущее ее смерти! Романтично. Что может быть романтичного в том, что у тебя выпьют всю кровь?! И да, она, разумеется, и подумать бы не смогла, что кто-то может хотеть всю эту ежемесячную грязь, что вытекает черт знает с чем вместе! А он вылизывал... свои тонкие белые пальцы, перемазанные всей этой дрянью, и глаза у него были... да как бельма, практически, там зрачок вообще потерялся! Безумец. Кровожадный безумец, вот кого она увидела в тот момент! Вот его лицо — истинное, без прикрас...

— Так ты что, прожила всю эту неделю, думая, что он человек? — удивился куратор. Такого он не ожидал. Неужели мальчишка давил ребенка ментально?

— Он сказал, что он не человек, — взглянула исподлобья девочка. — Да и как бы... если меня от каждого его прикосновения словно током било... потом он сделал что-то, стало лучше, но... Да там видно, что не человек, что другой, совсем... Об этом просто забываешь вечно, он так притворяется идеально... что он хороший, добрый, заботливый. Как я могла подумать, что он вампир, как?!

— Но ведь ты свободно гуляла по городу, общалась с людьми. Мне казалось, наши люди только и говорят, что про вампиров.

— Так и у нас про вампиров говорят. Но это вымышленные книжные персонажи! Как я могла поверить, что здесь они реальны?!

— При условии, что ты жила с одним из них? — он с улыбкой покачал головой. — Действительно, с чего бы?

— Считаете меня душой, да? — взвыла она, обхватывая голову руками. Идиотка. Наивная малолетняя идиотка! Все было слишком хорошо, чтобы быть правдой! Слишком уж хорошо! Надо было читать, смотреть, интересоваться. А не думать исключительно об Аршезе!

— Я считаю, что тебе просто сказочно повезло, малышка. И ты даже представить не можешь, как.

— Да? — хмуро посмотрела она на мужчину. — И в чем счастье?

— Счастье твое подойдет с минуты на минуту, — решение он принял. — Но я его дожидаться не буду, у меня еще пара встреч назначена, не хотелось бы опоздать. Давай мы договоримся так. Ты сейчас сидишь, ждешь своего Аршезаридора. И спокойно с ним беседуешь. Задаешь вопросы, выясняешь подробно обо всем, что тебя пугает. А вечером я вас обоих жду в гости. У меня к мальчику тоже вопросы накопились, пусть готовится, — потянулся, взял с начальственного стола лист бумаги, достал из кармана ручку, бегло

набросал текст приглашения. — Отдашь, когда он придет. И не дрожи ты так. Он наверняка уже успокоился, сообразил, что сам напортачил. Так что едва ли станет сильно тебя ругать. В любом случае я написал, что желаю видеть тебя в гостях живой, здоровой и невредимой. Ослушаться он не посмеет. А вечером будем решать, как нам с тобой дальше действовать. Не прощаюсь, малыш.

Кивнул, одарив легкой улыбкой. И ушел, еще стремительней, чем появился. В мальчике он ошибся. Мальчик, похоже, не так уж плох, как он привык думать о представителях его поколения. Может, не такие уж они и испорченные. Или хотя бы — не все... Ладно, надо будет ближе к их визиту подробнее посмотреть его дело. Что там у него с тем убийством, да и вообще... И попробовать договориться по-хорошему.

От своих планов на Анну Верховный не отказался. Просто, раз уж непосредственной физической угрозы тут нет, ей лучше побыть еще немного со своим вампиренком. Потому что он просто не сможет сейчас уделить малышке время, необходимое для ее нормальной адаптации на новом месте, ему надо спешить на встречу со следующей девочкой. Не прикасаться к ней и пальцем до визита Верховного куратора ее владелец не обещал, совсем не обещал. А, неплохо зная Экрэтуса не с самой лучшей стороны, Риньер не сомневался: этот вытянет все, что можно. И из девочки, и из ситуации. И потому следовало поторопиться.

* * *

Дверь закрылась, и Аня снова осталась одна. Таинственный Ринат очередной раз появился и исчез, а она очередной раз не сумела понять: а что он хотел-то? Начал с того, что его подняли с постели, чтоб он разобрался. В чем? В причинах ее задержания? Или в причинах ее побега? В одно и вникать не стал, на тему другого поведал какую-то пошлую байку. Закончил словами «разбирайтесь сами». И уехал! Впрочем, она никогда не была для него достаточно интересна.

Господи, да о чем она? Он же вампир! Вампир, вампир, вампир, а она опять переживает, что не глянулась!

Не помещается в голове. Просто не помещается. Они же такие... такие люди! В гробах не спят, солнца не боятся, черного не носят... Они живые, они дышат, ходят в туалет, в конце концов, спят ночами... Чушь, о чем она вообще? Вампир — это тот, кто пьет кровь, а ее кровь, вместе с плотью, отдана вампиру Аршезаридору в вечное владение и использование. И от того, дышит он или не дышит в процессе дегустации своей собственности, для собственности ничего не меняется!

Ну, как же так, мысленно стонала она, ведь этот же Арик, ее Арик. Ее Аршез, ее Артемка. Ну, как он может желать ей смерти?.. Жена Синеи Бороды, наверное, думала так же, стоя на коленях посреди комнаты, полной отрубленных голов. Плакала и думала, что ее муж не мог, только не он, он — не такой. А если даже и такой, то с другими, не с ней, с ней он так никогда не сможет... А он приехал и смог. Вот и Арик приедет и ее убьет. Чего ему дальше скрывать свою сущность? Поиграл, и хватит...

И как они так быстро сумели вычислить, кто она? Аршез ее фото разослал по всем отделениям? И при чем здесь тогда Ринат?

Взгляд упал на окно, не забранное решеткой. Нельзя просто сидеть и ждать Аршеза,

надо попробовать выбраться. Надо пытаться спастись, никогда не стоит сдаваться! Здесь всего лишь второй этаж. Если окно на безлюдную улицу...

Нет, окно выходило во двор отделения, полный милиции (как они тут называются?), машин и... Поздно. Народ во дворе был не просто так. Они готовились встречать очередного вампира, чья белая машина уже спускалась с небес на землю, расчерчивая небо, словно падающая звезда.

Застыв на подоконнике, она с ужасом смотрела, как машина приземлилась, открылась дверца, вышел ОН... Аршез, ее Аршез! Такой родной, такой привычный... Только серый какой-то весь, замученный...

Он сделал шаг в сторону крыльца и тут же остановился, мгновенно найдя ее взглядом. И сразу взлетел — напрямую к ее окну, не обращая ни малейшего внимания на людей, столпившихся во дворе.

Она дернулась было назад — бежать, прочь, скорее... Но не смогла оторвать от него глаз. Так и стояла коленками на подоконнике, глядя на его неминуемое приближение. Он подлетел. И тоже опустил на колени. На подоконник. С внешней стороны от окна, которое Аня так и не успела открыть. Коснулся руками стекла напротив тех мест, где за стекло держалась она. И замер, не сводя с нее взгляда. Так и стояли, молча глядя глаза в глаза, и лишь оконное стекло тихонько вибрировало между ними.

Его глаза были тусклыми, словно выцветшими. Цвета больной бирюзы. В уголках рта залегли горькие складки. И веяло от него такой тоской. Скорбной, беспросветной. А где... радость победителя? Азарт охотника, загнавшего наконец свою добычу?

Нет, не загнал. Всего лишь испугался, что она выпадет из окна, пока он будет подниматься по лестнице. Она чувствовала это. Она по-прежнему его чувствовала. И в нем по-прежнему не было ничего... ни рогов, ни клыков, ни жажды смерти, ни агрессии. Это все еще был Ар. Ее Ар.

Проклиная себя за самую большую и непоправимую глупость в жизни, она протянула дрожащую руку и открыла окно. Затем спустилась с подоконника и отступила назад, позволяя ему войти.

Он подошел. Очень медленно, будто боясь спугнуть. Затем поднял руки и притянул ее к себе. Обнял. И замер, прижавшись щекой к виску, одной рукой обнимая ее за спину, пальцами другой — зарывшись в волосы на затылке.

— Прости меня, маленькая. Пожалуйста меня прости! Я не хотел... Столько раз собирался тебе все объяснить... Так и не собрался... Прости...

А она только всхлипнула жалобно, вновь ощутив тепло его рук, и потонула, захлебнувшись в густом мареве его ауры, вдруг заполнившем ее легкие, ее сердце, ее разум. Аня чувствовала, как его сила струится внутри нее, протекает сквозь, словно растворяя и контуры ее тела, и даже границы собственного «я». И это ощущалась таким правильным, таким нужным ей сейчас, бесконечно, жизненно необходимым. Она уже не понимала, как она вообще продержалась так долго в этом безвоздушном пространстве — в пространстве, что не было заполнено воздухом его природной силы.

— Так это и бывает, да? — слабым голосом спросила девочка, и сама прижимаясь к нему всем телом, обхватывая руками. — Вы нас убиваете, а мы тонем в вашей ауре, не имея сил даже отстраниться, и мечтая лишь о том, чтоб никогда больше не покидать ваших объятий? Так это и действует — притяжение вампира, да?

— Да, — так же тихо и горько ответил Ар, — так это и действует... Ты потерпи, —

встрепенулся он, — сейчас станет полегче. Это из-за разлуки. Энергетическое истощение. К ауре моей ты привыкла, и вот результат. Сейчас пройдет, ты не бойся.

— Теперь ты меня убьешь? — она не очень поняла его объяснения. А, может, и не услышала.

— Да ты чего, ребенок?! Как ты подумать только такое могла?! — у него даже руки разжались от возмущения.

— Я читала. Там все написано. Имеешь право. В любой момент! По закону!!! — воспоминание о контракте заставили ее избавиться от наваждения почти мгновенно.

— Ну, тихо, ребенок, тихо, — он поймал кулачки, которыми она отчаянно колотила ему в грудь, — перестань. Я ведь тоже это читал, верно? Что я тебе сказал? Я — твой опекун. Твоя жизнь мне дана, чтоб беречь ее и хранить. Как самое большое сокровище.

— Ложь! Ты таблетки купил — первым делом, сразу! Кровь мне восстанавливать. Это после чего, после усиленного хранения?!

— Для усиленного хранения, маленькая, — качнул он головой. — Тогда я еще не мог знать, как быстро и насколько близко мы с тобою сойдемся. Вот и перестраховался. Это не лекарство, это витамины. Их пьют заранее, курсами. После их пить бесполезно.

— Что значит «насколько близко сойдемся»?

— Это значит, что мужчина и женщина, живущие в одном доме, порой способны испытывать друг к другу очень сильное сексуальное влечение. И не видеть причин его сдерживать, — чуть улыбнулся, глядя на ее покрасневшие щеки. — Но вместо женщины мне подсунули ребенка, поэтому таблетки я отложил.

— Ты это специально, да? Надеешься меня смутить и уйти от темы?! Я не спрашивала тебя про секс, хотя, конечно, впечатлена, что я обязана служить тебе наложницей. Я говорила о твоих намерениях питаться моей кровью!

— Кровью разумных не питаются, Анют, она слишком уж драгоценна, — Аршез обхватывает ее руками за талию и сажает на стол. — Ей наслаждаются, — он осторожно раздвигает ей колени и встает между ними. — Цедя по капельке, по глоточку, — его руки, скользнув по бедрам, крепко обняли ее за спину. — И только во время секса, — негромко закончил он фразу возле самого ее уха.

Она дернулась. Он не пустил.

— Именно поэтому эти два пункта всегда стоят вместе, в любом контракте, неважно, пожизненный он, или заключен лишь на одну ночь. Одно без другого не бывает. Жажда крови для нас неотделима от жажды плоти. И если ты соглашаешься на одно, то должна понимать, что при этом соглашаешься и на другое.

— Я не соглашалась на подобное! Пусти! Да как вообще на такое можно согласиться?!

— Есть такое слово, ребенок, «страсть». Людям оно тоже ведомо. Сторяя от нее, можно согласиться очень на многое ... Будучи взрослым, конечно. А ты пока дитя. И, разумеется, ни на что подобное не соглашалась. Поэтому я тебя и не трогаю. И даже не собираюсь.

— Да? А сейчас ты, по-твоему, что делаешь? Да мне вздохнуть тяжело...

Он чуть ослабил хватку.

— Прости. Сейчас я просто не даю тебе сбежать.

— Конечно! А кто смотрит на меня порой так, что от одного взгляда одежда плавиться начинает?! А кто к шее моей по пять раз на дню примеривался, как бы зубы точнее в вену вонзить?! Это так ты «не собирался»?!

— Желать и реализовывать свои желания — разные вещи, малыш, — он мягко коснулся

рукой ее щеки, взгляделся в лицо. — Да, ты желанна. И я наслаждаюсь тобой: и когда смотрю, и когда прикасаюсь, и когда целую... И я не собираюсь вонзать в тебя зубы, мне просто нравится запах — твоих волос, твоей кожи, твоей крови. Вот здесь, — он нежно провел пальцем по ее шее, — идет очень мощный поток крови и очень близко к поверхности. А кожа такая тонкая, такая нежная. Когда прижимаешься губами, возникает ощущение, что она просто растворяется, а кровь струится между зубов...

— Ты сумасшедший! — снова дернулась она. — Маньяк!.. Господи, да просто вампир, мечтающий о том, чтоб моя кровь текла по его зубам! Как мне жить с этим, ты мне скажи, как?! Быть так близко от тебя и не ждать, что моя жизнь оборвется уже в следующую секунду? С такими твоими фантазиями... желаниями... — ее начинало трясти.

— Так боишься меня теперь? — горько вздохнул он в ответ. Опять он говорит ей не о том. — Прости, я лишь пытался сказать, что ты прекрасна. И я наслаждаюсь просто находясь рядом с тобой, без всякой крови... А сексом с детьми я не занимаюсь, тебе не стоит этого опасаться.

— А вчера?

— И вчера не занимался, — он помрачнел, словно запнувшись о невидимую преграду. Потом все же нашел в себе силы, и продолжил о том, что волновало сейчас его деву. — Я действительно сорвался вчера, Анют, ты права. Слишком резко и неожиданно окунулся в запах. Все же открытая кровь... особенно, если она течет по бедрам бесконечно желанной девы...

Она покраснела, и вновь попыталась вырваться.

— Прости, — он снова не отпустил. — Моя вина, я был должен предупредить... Надеялся, что успею. Что это случится когда-нибудь потом, а к тому времени ты уже перестанешь меня так стесняться... Прости. У нас прокладки носят только дома, на улицу с ними уже не выходят, это считается неприличным. А тебя мне придется просить и дома их не использовать. И не бегать в таком состоянии в мою постель.

Она отчаянно прятала лицо у него на груди. К разговору о подобном она была по-прежнему не готова. Даже в свете его вампиризма. Можно желать кровь, но не эту же.

— И все у нас будет хорошо, — он осторожно погладил ее — маленькую, смущенную, сжавшуюся — по спутанным волосам, пропахшим нагретым железом, гарью, смазкой. — Ты же видишь: сегодня обнимаю тебя — и ничего. А кровь все так же идет...

Сегодня от запаха крови его подташнивало. Он не только сейчас ничего не хотел, ему казалось, он вообще уже никогда никакую кровь захотеть не сможет, ему даже питаться с ножа придется. В ушах все еще стоял вой сирены. И два коротких слова: «дева мертва»... Но это была только его ноша, такое не разделить...

— Очень сильно тебя вчера напугал?

— Шокировал... Испугалась я уже потом.

— Когда прочитала контракт и решила, что это смерть?

— А что я должно была решить?

— Не знаю. Быть может, вспомнить все то время, что мы провели с тобой вместе? Попытаюсь оценить мои действия, раз уж все мои слова тебе показались ложью, — он позволил ей чуть отстраниться и взглянул в глаза. — Анют, ну, подумай сама. Если бы я хотел тебя убить — выпить твою кровь или другим каким способом избавиться — разве я стал бы делать ремонт в квартире, покупать новую мебель, технику, столько вещей для тебя? Даже если предположить, что я был очень-очень сыт и решил подождать недельку, пока

оголодаю, то эту неделю ты бы прекрасно в своих штанишках по дому побегала, питаешься чаем да бутербродами, денег мне на тебя зачем было столько тратить? Они у меня совсем не лишние, для другого были отложены.

Она смутилась.

— Я не просила...

— Аня, да я не о том, что мне жалко. Я о том, что ни твое убийство, ни использование тебя в качестве еды в мои планы как не входило, так и не входит.

— Зачем же тогда ты меня взял? Зачем подписал этот чертов контракт?

— А что б с тобой стало, если б не взял? Думаешь, тебе бы свободу дали? Просто отдали бы кому-то еще... И я бы остался, весь такой в белом: ничью жизнь против воли себе не брал, если с кем из людей встречаюсь, то лишь с их согласия... А тебя бы убил этот самый «кто-то еще». Может, чтобы друзей ублажить, может, чтобы денег не тратить...

Она вздрогнула в его руках. Он погладил по волосам, прижал к себе крепче.

— Прости, что говорю об этом. Бывает все. Такое — тоже. Все вампиры разные. Как и люди, наверное. Вот только у нас — абсолютная власть. И распоряжаются ей... кто как может. Да, Анют, я подписал. И я рад, что я подписал. Я даже рад, что на тебя повесили этот контракт, а не дали полную свободу... Потому что теперь ни один вампир не имеет права коснуться тебя даже пальцем. Ни один. До конца твоих дней.

— А как же «с участием третьих лиц»?

— С моего согласия, ребенок. Которого я не дам. Никогда. Даже не думай об этом.

— Ты мне клянешься?

— Что тебя не тронет ни один вампир? Я клянусь, родная.

— Нет. Это я и так... верю. Еще не забыла, как ты меня от своего друга оттаскивал.

— А ты забудь. Не было никакого друга, в глаза ты его не видела.

— Ты поклянись, что ты сам, — не дает она сбить себя с мысли. — Что ты сам меня не убьешь, что не станешь меня использовать... как в том контракте написано. Самым дорогим, что у тебя есть, поклянись.

— Я клянусь, Анют. Беречь тебя, опекать, защищать. Помочь тебе найти свое место в этом мире. Хранить твою жизнь как величайшую ценность. Сделать все, что в моих силах, чтоб она была счастливой и долгой. Всем самым дорогим на свете клянусь!.. А знаешь, — добавил он задумчиво. — У меня ведь дороже тебя и нет сейчас ничего.

— Что, «кровь разумных» столь дорого ценится на рынке? — мрачно усмехнулась девочка.

— Не знаю, — отмахивается он от ее предположения. — Не в этом суть. Просто понимаешь, Анют, если я не смогу сохранить твою жизнь, если я погублю тебя — я разрушусь сам. Перестану существовать как личность. Того Аршеза, что я создавал много лет и которого привык уважать — его больше не будет. Я превращусь в одного из тех, кого сам столько лет презирал... Я уже почти превратился, и даже не заметил... И тогда появилась ты...

Она не нашла, что ответить, и просто позволяла ему себя обнимать. Верила ли? Она знала, что он сам — верит. Просто чувствовала это, ощущала каждой клеточкой своего тела, как давно уже ощущала его эмоции. Но... если она ощущала их, если всю эту неделю она чувствовала его — истинного, такого, какой он есть... Может ли вампир быть хорошим? Не злодеем, не убийцей, не кровожадным чудовищем?.. Но ведь Ар — был. Добрым, внимательным, заботливым. Они ни единого разу не ощутила идущей от него агрессии — не

то, что в действиях, даже в мыслях. Страсть — да, прорывалась, обжигая порой ее сознание темными и совершенно порочными желаниями. Но он действительно не позволял... Даже вчера — он ушел. Сам признает, что сорвался, но все же ушел. Не тронул. Вот только...

— Ар, — позвала, решившись спросить.

— Да, малышка.

— А что такое «кровь неразумных»?

— Что?

— Ну, ты сказал, что кровью разумных вы не питаетесь, она слишком большая ценность.

А питаетесь вы тогда чем? Если не ради секса-удовольствия, а просто? Что тебе по вечерам привозят? Или... кого?

— Кого... — он вздохнул. — Не уверен, что тебе стоит об этом знать...

— Пожалуйста, Ар! Лучше ты. Я ведь все равно однажды узнаю...

— Нет уж, будем надеяться, что все-таки никогда, — покачал он головой. Но, поймав ее настороженный взгляд, решил продолжить. В самом деле, лучше уж он. — Здесь об этом не принято говорить. И уж тем более никто из людей никогда их не видел... Они действительно неразумны. Люди, лишённые разума. Особый вид, выведенный давным-давно. И уже не способный вернуть себе человеческий облик, даже если отпустить их на волю.

— Они... живут в неволе? — почти прошептала.

— В стадах.

— Но... — про стада он что-то уже говорил. Давно... Еще в первый день, когда она кладовку исследовала. — Погоди, ты тогда сказал «животные». Ваши особые животные, которых нельзя видеть людям...

— Да, официально это называется так. И в любом учебнике ты прочтешь именно это определение...

— На цепях! Вы держите людей... на цепях!

— Неразумных, Аня. Они уже не люди. Да, это было несправедливо и жестоко, но это было сделано, и только благодаря этому мы с тобой сейчас разговариваем, вся эта страна — существует, а весь мир за пределами наших границ даже не догадывается о нашем существовании. Не будь их — и весь мир давно превратился бы в наши охотничьи угодья, а мы — в одичавших хищников, ведомых одними инстинктами... Мы просто тоже хотим жить. Желательно — не безумцами.

— Вы их убиваете? Когда пьете — вы каждый раз выпиваете кого-то... до конца? — у нее начали дрожать руки.

— Ань, задачку реши. В одном городе было десять тысяч человек. И всего десять вампиров. Вопрос: на сколько лет вампирам хватит еды, если каждый из них ежедневно будет убивать по человеку? — помолчал, давая ей время сообразить. — А еще в человеке в среднем пять литров крови. Тебе не кажется, что я лопну, если выпью столько за раз?.. — он покачал головой, отмечая подобные нелепые суждения. — Еда в нашем мире стоит очень дорого, к ней относятся крайне бережливо. Если я во время еды кого-то убью, мне придется выплачивать продовольственной фирме огромный штраф.

— «Продовольственной фирме»?

— Да, они занимаются разведением, содержанием, доставкой, последующей реабилитацией — полный цикл... Есть, конечно, еще частные стада, но это исключительно у элиты. Там настолько другой уровень дохода нужен, что я, если честно, даже не очень представляю, какие у них нормы и правила... Наверное, смертность там выше, хотя...

Просто не знаю, Ань, правда.

Она помолчала, пытаясь хоть как-то осознать эту дикую реальность. Он по-прежнему крепко держал ее, не позволяя не то, что слезть со стола, даже отстраниться. Но сейчас она была ему за это даже благодарна, потому что сама отчаянно цеплялась за его плечи, пытаясь найти опору среди этого кошмара. Хотя бы в нем.

— погоди. Но как же... За убийство «неразумного» тебе будет штраф, а меня ты можешь убить просто так, хотя «кровь разумных» якобы очень ценна?

— Действительно ценна. Поэтому само право на заключение такого контракта получить очень сложно. Он заключается только по производственной необходимости и только с разрешения начальства. Я должен подать запрос, обосновать его, иметь при этом солидную выслугу лет, достаточно значимую должность. Определенную финансовую состоятельность, поскольку по Избраннице судят о вампире.

— Избранница — по производственной необходимости? — она совсем запуталась. — Но я думала, это...

— Возлюбленная? Нет, Анют. Вернее, она может, конечно, стать и возлюбленной, но, прежде всего, это человек, по роду своей деятельности вовлеченный в мир вампиров слишком уж глубоко. Личный сотрудник, работающий непосредственно на вампира. В первую очередь контракт Избранницы преследует цель сохранить гостайну.

— А как же кровь и...

— Бонус, ребенок. Что добру пропадать? Хочешь — пользуйся, хочешь — нет, — отмахнулся он слишком уж поспешно, чтоб она до конца ему поверила. Но не рассказывать же ей об абсолютной невоздержанности собственного народа, неспособного и нежелающего побороть притяжение к человеческой плоти так же, как и к человеческой крови. И решающего проблемы своей невоздержанности за счет Избранниц, чтоб выходить потом к людям холодными и недоступными. Ей эти знания не пригодятся, он уже поклялся!

— Что же до права на убийство, — продолжил Аршез о вещах, куда более важных для понимания, — то его реализация потом тоже именно в рамках сохранения гостайны будет рассматриваться. Было ли целесообразным или нет. Если нет — никаких наказаний не предусмотрено, конечно. Вот только следующий запрос на такой контракт тебе уже никто не подпишет... Хорошим тоном считается не просто сохранить своей Избраннице жизнь и здоровье, но, расставаясь с ней по прошествии установленного срока, одарить ее значительными материальными ценностями. Это может быть квартира, машина, бриллианты. Разумеется, престижная новая работа, которую она получает взамен утраченной...

— погоди, но контракт же пожизненный.

— Контракт — то есть, тотальный контроль — пожизненный, поскольку вампирские тайны срока давности не имеют. А вот совместная работа, как и совместное проживание, имеют свой срок. Я же тебе уже говорил, Анют: после определенного времени мы с тобой исключительно по почте будем общаться, у тебя будет собственная жизнь, от меня не зависящая. Это действительно не рабство, ребенок. Это просто форма контроля.

Она кивнула. Известие о том, что однажды он просто исчезнет из ее жизни, почему-то не обрадовало. А рассказывал, что она желанна... Ну, да, он вампир, ему все желанны, это, оказывается, физиология просто. Желание как жажда. Потребность пить кровь, ничего больше. А она...

— Анюта, ну, ты чего? Все у нас с тобой хорошо будет. Закончишь школу, поступишь в

институт, купим тебе квартиру...

— Угу, — да что это с ней? Она только что от него на край света бежать собиралась. Он же вампир. Вампир! — А другие контракты бывают?

— Конечно. Самый распространенный — для тех, кто просто хочет вступить с человеком в интимные отношения. Поскольку, как я уже сказал, секс с вампиром предполагает кровопитие, а это может причинить вред здоровью, то требуется нотариально заверенное согласие человека на подобные взаимоотношения. Там ровно два пункта — кровь и плоть, право на жизнь не передается, ограничений в правах тоже ни малейших. Срок действия любой: хоть на сутки, хоть на год с возможностью продления. Их можно заключать бесчисленно, да их порой и не заключают, хотя... если вдруг что случится — неприятностей потом будет в разы больше, чем при оформленном по всем правилам контракте.

— Какой-то узаконенный блуд, — фыркает девочка.

— Анют, узаконенный блуд это, по человеческим понятиям, брак. Потому как все ваши свадьбы исключительно этот аспект отношений узаконивают. Кстати, именно поэтому, если контракт Избранницы именуют еще «кабальным», то этот часто называют «брачным».

— Смешно, — печально произнесла Аня, не имея ни малейшего желания веселиться. — Избранница — звучит так красиво, и действительно кажется, что это означает «возлюбленная». А это всего лишь служебные обязанности и полное ограничение в правах. И «браком» вы считаете совсем иное.

— Все так и не так, ребенок. Понимаешь, в местном обществе все время идет тонкая игра на понятиях «разумный» — «неразумный». Именно потому, что про «кровь неразумных» тут все знают. Идет противопоставление: «мы — люди, и именно разум отличает нас от тех, кто служит просто едой». Соответственно, все проявления разума престижны. Если Великий избирает тебя для выполнения какой-то работы, значит, он оценил в тебе самое главное, что есть в человеке, — твой разум. А если просто для развлечения — тоже очень почетно, конечно, но, выходит, особой разумностью блеснуть не смогла. Именно поэтому престиж Избранницы в обществе так высок, а образ романтизирован. Быть Избранной — значит быть оцененной именно как Человек Разумный. Что же до «брака», то это — всего лишь узаконивание того, без чего и кошки обойтись не могут.

— Звучит красиво, конечно, но... Я все же предпочла бы демонстрировать свою «разумность» иным способом. Без угрозы лишения жизни без суда и следствия, без поражения в правах.

— Избранница вампира — это принцесса в золотых туфельках, Анют, я, вроде, говорил, — печально улыбается на это Аршез. — Смотрятся эти туфельки на ножке просто сказочно красиво. И зависть вызывают жгучую. Вот только ходить в туфлях из чистого золота не слишком удобно. И больно, и тяжело, и ноги в кровь стираются. А надо еще все время улыбаться, ведь ты — Принцесса, — он нежно притягивает ее к себе и целует в висок. Потом трется об него щекой. — Придется всю жизнь носить тебя на руках. Я не хочу, чтоб моя девочка сбивала ноги из-за неподходящей ей обуви.

— А снять их никак не получится? — почти шепчет она. Жалобно, с такой отчаянной надеждой.

— Нет, малыш. В самом деле никак... Да даже если б можно было, я был бы против, ребенок. Пожизненный контракт Избранницы — это не просто кабала, это еще и защита.

— От чего?

— От кого. От любого другого вампира. Который уже никогда не сможет подписать с тобой никакой контракт. Даже после того, как мы расстанемся. Это своего рода благодарность: за отданные мне лучшие годы я храню твою жизнь и забочусь о ней до конца твоих дней.

— Но... Зачем? Ты ж мне сам рассказываешь: быть Избранницей престижно, сожительствовать с вампиром — законно и почетно, хранить мою жизнь и здоровье вам экономически и политически выгодно. Если мои отношения с тобой закончены — почему я не могу уйти к другому вампиру? Заключать разовые контракты в свое удовольствие, раз это так здесь приветствуется?

— Потому, что вампиры — разные, и контракты тоже бывают разные. Тот же контракт Избранницы трудно получить, но за деньги их можно купить хоть двадцать одновременно, и никто в этом случае не поинтересуется, что стало с твоими предыдущими. А можно купить и просто контракт на смерть. Цена у него баснословная, но богатых отморожков, приезжающих сюда не работать, а развлекаться изощренными убийствами, к сожалению, хватает... Есть, в конце концов, просто вероятность несчастного случая, которая все возрастает по мере истощения организма от постоянных контактов, есть привычка к нашей ауре, заставляющая тянуться к любому вампиру, забывая о собственной безопасности... Есть очень много плохого, Анют, с чем человеку почти невозможно справиться. И слава светочу, что хоть от части этого я имею законную возможность тебя оградить!

Она молчит, затихнув в его руках. Жутко. Как же все это жутко...

— Ар, — зовет наконец. — Как они здесь вообще живут? Если можно просто купить... разрешение на убийство любого... вообще любого...

— Воспитание, пропаганда... Красивые легенды. Людей не убивают, их «забирают за Бездну». В сказочный город, похожий на сад, в страну вечного счастья. И не всех, а самых-самых достойных.

— Можно я никогда не стану этого достойной?

— Нужно, малыш. Я ведь уже поклялся. Твоя жизнь — мое самое большое сокровище.

— Потому, что больше не выдадут?

— Потому, что больше мне никто уже и не нужен. В глазки твои хочу смотреть. Запахом твоим наслаждаться. Твою улыбку сердцем чувствовать... Пойдешь со мной, ребенок? Попробуешь мне поверить?

Она кивнула, обнимая его крепко-крепко. В этой безумной стране чудовищных норм и законов у нее есть только он. Вампир, да. Но ведь прежде всего — Аршез. Тот Аршез, которого она за эту неделю узнала, к которому привязалась, которого полюбила... Ну... как брата... как друга... а, неважно, как это называется! Ее Ар — он настоящий! И он не предаст, он не обидит... Вампир... Ну, что же делать? Она привыкнет. Тут вся страна с этим как-то живет, и ничего.

— Полетели домой? — он снова поцеловал ее в висок и чуть отстранился, подавая руку, чтобы помочь спрыгнуть на пол.

И уверенно направился к двери, держа свою деву за руку... Чтобы у двери и остановиться. — Н-да, — покачал головой, безуспешно попытавшись открыть. — А отпереть-то нас забыли. Ничего, малыш, сейчас кого-нибудь позовем.

Он постучал — скорее для вида — посылая при этом ментальный приказ местному начальству. Надо, все-таки, формальности улаживать. Услышал шевеление на крыльце, кто-то торопливо вошел в здание. Ждали, что он и вылетать через окно будет, что ли? Нет уж,

хорошенького понемножку.

— В итоге арестовали обоих, — вздохнул преувеличенно печально. — А нам домой надо. Там такой разгром... Убираться и убираться... Что, кстати, у нас с ванной случилось? — уже всерьез поинтересовался у своей девы.

— А ты не помнишь? — удивилась Аня.

— Помню твои глаза. Как ты эмоции в меня кинула. Попытался уйти, вокруг все плыло, чуть косяк лбом не вынес... Дальше помню только бульвар, на воздухе отпустило... Про ванну не помню, — признал очевидное.

— Ты мне тампоны там искал.

— Нашел?

— Нашел, — уточнять, где, не стала. — Швырнул в лицо.

— Я не хотел, Анют, правда, — она почувствовала, что он расстроился. — У меня нет привычки швырять в лицо, даже в сильном гневе, видно, руки совсем не слушались, не рассчитал...

— Да верю, верю. Раз уж у тебя мебель летела... Вставлять не стал — и то спасибо.

— Это бы мы с тобой... довыставлялись, — он улыбнулся чуть виновато, но все же проказливо. Она несмело улыбнулась в ответ, опуская глаза.

Послышался поворот ключа, их выпустили, рассыпавшись в извинениях за недоразумение.

— Оставьте, это несущественно, — отмахнулся Аршез. — Причины задержания моей девы?

— Хулиганские действия на транспорте, Великий.

— Хулиганские? — он широко улыбнулся. — Это ж какие?

— Несанкционированное проникновение и езда в товарном вагоне.

— Правда? — он обернулся к Ане. — А я все думаю, чем же от тебя пахнет?

— Сильно? — она смутилась.

— Для меня любой твой запах — сильный. И приятный, — он приобнял ее за талию, нежно коснулся губами щеки. — Никогда в жизни не ездил на поездах, — признался, ведя свою деву по коридору. — Надо будет однажды попробовать... Ладно, — распорядился, вспомнив об идущих рядом людях, — все записи о ее задержании уничтожить, наши лица и имена забыть, изъятые у моей девы вещи и ценности принести к машине. Исполнять.

— Да, Великий, — их снова оставили одних.

— Это что сейчас было? — она изумленно воззрилась на него, сбиваясь с шага.

— Это перестраховка, Анют. Нельзя нам с тобой светиться в таких местах. Не переживай, я не вторгаюсь в структуру памяти, просто чуть затуманиваю детали. Это безвредно.

— Ты... что?! Я думала, ты просто пожелание высказал. Ты действительно можешь... вот так загипнотизировать, заставить забыть... или вспомнить... или что-то сделать?

— Это может любой вампир, малыш. Врожденная способность.

Сглотнула.

— А... меня ты... мне ты...

— Нет. На тебя не воздействовал. Ты маленькая у меня еще, на тебя нельзя.

— А если бы было можно?

— Помог бы тебе чуть меньше нервничать.

— А давай я лучше буду нервничать. Даже когда большой стану.

— Нет, — улыбается он, — давай ты сама постарайся поменьше переживать из-за чего бы то ни было. И у меня даже не будет соблазна.

— А ты обещал не поддаваться соблазнам!

— Еще и таким? Ты немилосердна, — он вновь улыбнулся и опять притянул к себе, целуя в щеку. — Ладно, ребенок. Хорошо, что все кончилось. Молодец, что сразу назвала мое имя, а то...

— Но я не называла им никаких имен. Даже своего.

— Откуда ж они тогда узнали? — он хмурится. — У тебя что, кровь на анализ брали?

— Да у вас тут все время ее берут... погоди, вы что, по крови... можете личность установить?.. Ар! — позвала, не дождавшись ответа. — Аршез, ты чего?

— А вот это уже очень плохо, ребенок, что тебя через вампирские базы пробивали. Очень-очень плохо... Ладно, как-нибудь справимся.

Они вышли на улицу, им вынесли Анину сумку, пожелали удачной дороги.

— Ой, — вспомнила вдруг девочка. — погоди, нас же в гости позвали. Я сейчас, — и под изумленным взглядом Аршеза ринулась назад в здание.

Забывший листок бумаги нашелся на полу, за ножкой одного из кресел. Слетел, должно быть, когда они окно открывали. Ну, хоть совсем не потерялся.

— Вот, — протянула, вернувшись, Аршезу. — Тебе Ринат велел передать.

— Какой еще Ринат? — подозрительно покосился на нее Ар, принимая записку.

— Который нас встречал на границе. Ну, помнишь, я рассказывала. Ты еще сказал, что у вас миграционной службы нет, поэтому он не может в ней работать.

— А он здесь откуда взялся?

— Сказал, его вызвали со мной разбираться, — пожала плечами Аня. — Только он разбираться ни в чем не стал, письмо тебе оставил и по другим делам ушел...

— Хорошо, — отозвался Аршез совершенно бесцветным голосом. — Сядь, пожалуйста, в машину, Анют, я двери закрою.

Она кивнула, несколько настороженно глядя на летающую конструкцию. Значительно меньше той, на которой ее в свое время везли, заднего отделения вообще нет, два передних кресла и очень небольшой багажник, куда разве что пара чемоданов уместится. В багажник была брошена сумка, Аню Аршез бережно и излишне старательно усадил на пассажирском сиденье. Сел сам, опустил дверцы. Закрыл на миг глаза, собираясь с силами. И лишь после этого развернул записку.

Застонал, вновь прикрывая глаза, но уже рукой, и бессильно откинулся на спинку кресла. Напрасно он клялся. Все — напрасно. Он все-таки погубил свою деву. Уже погубил.

— Что-то не так? — испугалась Аня. Было чувство, что он получил приглашение не в гости, а прямо на эшафот.

— Он тебя о чем-нибудь спрашивал? — после очень долгой паузы поинтересовался Аршез.

— Да ерунду какую-то. Тебя просил описать, где мне в Чернометске гулять нравится, что-то про ремонт...

— Он к тебе прикасался? Чем-нибудь оскорбил, обидел?

— Да нет, даже близко не подходил. Был в очках этих ваших черных, я его и не чувствовала. А оскорбить... я даже и не представляю, как бы он мог. Он, по-моему, очень вежливый. Развлек беседой, ушел... Да что там не так с его письмом? Это что, не приглашение?

Он молча вернул девочке листок.

«Аршезаридору Шеринадиру ир го тэ Андаррэ.

Жду вас сегодня в 19.00 в моем доме в Новограде по адресу Лиственничная, 17 вместе с принадлежащей вам Бочаровой Анной, рег.№ Ао-4 ЗС-2 00016.

Учитывая сложившуюся ситуацию, в ваших интересах представить деву здоровой и невредимой. При вынесении решений по дисциплинарным вопросам это может сыграть решающую роль.

Верховный куратор

Риниеритин Элисианар ир го тэ Тиирэ».

— Ри-ни-е-ри-тин, — по слогам повторила она сложное имя. Вот, значит, как его зовут.

Неудивительно, что в памяти не осталось.

Фраза «вместе с принадлежащей вам» и указанный в записке регистрационный номер больно резанули по глазам. А говорил так красиво: «приглашаю вас с ним»... А пригласил только его. Вместе с вещью за номером...

— А мы можем туда не ходить? — она уже жалела, что вспомнила об этой бумажке.

— Нет, малыш, — он вздохнул. — К сожалению, это невозможно. Ты же видишь, это не приглашение, это приказ.

Он все же сделал над собой усилие и взлетел.

— Ар, — не выдержав, позвала его Аня, когда машина пошла на четвертый круг над Новоградом. Вначале это было интересно, особенно, когда стенки стали прозрачными. Она даже попыталась внизу какие-нибудь достопримечательности угадать из тех, что в книжке были. Но Аршез помогать ей явно не стремился и вообще, похоже, не город демонстрировал, а бездумно летал по кругу. — Мы что-то ищем?

— Выход, — мрачно сообщил он, глядя прямо перед собой.

— И как?

— Никак. Глухо. Через Границу мне тебя не вывезти, здесь тоже нигде не спрятать...

— З-зачем... прятать? — она даже заикаться стала от неожиданности.

— Затем, что эта старая мразь положила на тебя глаз и просто так уже не отстанет! А учитывая, что о моих дисциплинарных нарушениях ты ему рассказала страницы на четыре мелким почерком, за отказ потакать его старческим капризам он просто сотрет меня в порошок...

— Какая мразь, ты о чем?

— О приглашении в гости, ребенок, всего лишь о приглашении в гости, — выдавил сквозь зубы, неотрывно глядя перед собой.

— Ринат?? — вот уж кто у нее никак не ассоциировался со «старой мразью» или «старческими капризами». И выглядит он, кстати, ничуть не старше Ара... — С чего ты решил, что он на меня глаз положил? Вот уж кому я точно не интересна. И я не рассказывала ему ни о каких нарушениях, да он и не спрашивал.

— Конечно. А то, что «принадлежащая мне Анна», имеющая серию АО-4, о чем он не забыл упомянуть в своем пламенном послании, свободно разгуливала все эти дни по городу, причем даже и без меня?

— А... причем здесь серия?.. Вернее... я что, гулять по городу не могу?.. Ар! — практически крикнула, не дождавшись ответа.

— Прости, не хотел, чтобы ты знала такие подробности, — о том, что, уйдя в свои мысли, он наговорил девочке лишнего, понял только сейчас. — Там... не все в порядке с

твоим контрактом. Думал со временем это исправить, потому и...

— Что исправить, Аршез? Да объясни ты уже! Ты мне только что в красках расписывал, как здорово, что я — твоя Избранница, а тут выясняется, что я не просто билет на поезд купить не могу, я еще и...

— У Избранниц серия АА, — признался. Смысла скрывать уже не было. — И паспорт бы я тебе с этой серией сделал, его человеческие инстанции оформляют, он через Службу Крови не проходит, им контракта достаточно...

— То есть?.. Я не Избранница, да? — переспросила уже значительно тише. Голос опять не слушался. — Ну, конечно, а я все понять не могла, что не сходится... А ведь ты же сам мне сказал: Избранница — это та, кого взяли на работу, чьи интеллектуальные способности востребованы... Директор завода потому и смотрел на меня так тогда... Полагал, я — твоя сотрудница — ассистент, видимо, или секретарь... А я ему столько глупостей наговорила...

— Про завод ему тоже рассказала?

— Кому? — она уже и забыла, с чего они начали.

— Р-ринату своему обожаемому.

— Он не мой и... Он и не спрашивал. Да и при чем здесь Ринат? Вопрос был к тебе, — она вздохнула, бессильно опуская плечи. — Я поверила. Я очередной раз поверила, а ты опять, похоже, меня обманул...

— Аня, я не обманывал, я... Анята, погоди, не надо, — он взял ее за руку, почувствовав, что она опять отгораживается от него, заворачивается в свой спасительный кокон отчуждения. — Просто хотел избавить от лишних переживаний, потому что все равно собирался сделать тебя Избранницей. Всегда относился к тебе... даже не как к Избраннице, как к моей самой дорогой гостье. Разве нет, ребенок? Ну, сама посуди... А документы... да исправил бы я все, и никто бы не узнал. И ты бы не узнала и не плакала лишний раз. Думаешь, мне нравится, когда ты плачешь? Или замерзаешь вот так, леденя от страха и недоверия?

— Что не так с моим контрактом, Аршез? Если я не Избранница, то кто?

Он прижал ее ладонь к своей щеке, чуть подержал, наслаждаясь нежностью ее кожи, пару раз коснулся губами. И признался:

— Никто, Анята. Подарок, игрушка, забава... Они не дали тебе гражданства. Это равнозначно тому, что тебя не признали человеком. Разумным человеком. А неразумных по эту сторону Бездны нет... Тебя нет, малыш. Так же как нет тех, кого привозят сюда для еды. Ни один человек Страны Людей подобных существ видеть не должен. А это значит... та кладовка, цепь — и кухня не твоя, а моя... Смерть неразумных, находящихся в частной собственности, не интересна никому, кроме собственника. Ведь если тебя нет — закону без разницы, жива ты или мертва...

Она тоже не знала — жива она или мертва. Сидела, бездумно разглядывая свои колени. Пока не почувствовала, что ее просто сейчас стошнит.

— Мы можем остановиться? Пожалуйста... Приземлиться... Мне плохо...

— Сейчас.

Он опустил ее на ближайшую крышу. Она выбралась наружу, упав на четвереньки и пытаясь отдышаться. Аршез присел рядом, тихонько глядя ее по спине.

— Не все так ужасно, Анята, поверь мне. Главное: ты — моя, и ни за какие правонарушения отобрать у меня тебя нельзя. Нет такого закона, ребенок, что бы я ни сделал.

— А какой закон есть? К чему у них претензии? Ты слишком хорошо со мной общался?

— Не совсем. Давай обниму, малышка, будет полегче.

Она кивнула, позволив ему притянуть ее к себе, укутать собственной аурой, будто одеялом. Стало действительно легче. Но лишь самую малость. Потому что мир вокруг продолжал рушиться и рассыпаться в пыль. Просто ей удалось уцепиться за опору. Похоже, единственную, что существует в этом безумном мире.

— Как я с тобой общаюсь — мое дело. Плохо ли, хорошо — имею право. Я обязан лишь не допускать твоего контакта с местным населением. Они не должны тебя видеть, не должны с тобой общаться... Но ведь до тех пор, пока они видят перед собой не тебя, а некую местную деву — мы даже не нарушаем... И, собственно, этим я бы отговорился. На любой дисциплинарной комиссии... Но ему же плевать на дисциплину, комиссии. На законы — как на букву, так и на дух. Ему просто нужен повод. Повод для грязного шантажа!

Лишь по тому, какой злобой полыхнуло от Ара, Аня догадалась, что речь опять о Ринате.

— Ты с ним уже сталкивался? — осторожно уточнила девочка.

— Нет. Прежде у меня не было ничего, что показалось бы ему достаточно привлекательным, — ответ Ар едва ли не выплюнул.

— Да с чего ты вообще взял, что я ему нужна? — недоумевала девочка. — Он просто чиновник. Из этой самой комиссии, видимо. Ему поручили разобраться — вот он и разбирается. Да и то, на вечер все отложил, поскольку у него и поважнее, и поинтереснее дела есть.

— А-ня, — с тоской протянул Аршез. — Ну, какой чиновник? Я ж показал тебе эту писульку. Ты на должность его вообще смотрела, или исключительно имя по буквам перебирала?

— Какой-то куратор.

— Какой-то... Он Верховный куратор, ребенок, Верховный! Наместник Владыки в Стране Людей, первое лицо этого государства, даже местный президент — всего лишь его подчиненный. Кто и что может ему поручить, ты сама подумай?.. Я уж не говорю про то, что проблемы твоего побега или неправильного содержания — это мелкая рутина совершенно не его уровня, он о подобных вещах только в качестве цифр в годовом отчете узнавать должен! А тут примчался сам в несусветную рань, позвал — уже даже в тексте письма шантажируя — не в Управление, а к себе домой... Так что вопросов у него ко мне ровно два, Анют: за сколько я готов уступить ему тебя по-хорошему и понимаю ли, что будет при выборе варианта «по-плохому».

— Нет...

— Да не отдам, не думай даже. Наслышан, что такие уроды с человеческими девами делают. Тебя это зло не коснется. Самое плохое, что он способен мне сделать — запретить нахождение в Стране Людей. Ну и... пусть запрещает, уедем к маме. Не зря же я вас знакомил. Поверь, жить в доме моей матери значительно лучше, чем мечтать о смерти в подвале этого извращенца!

— Но... погоди, перестань. Ты сам ведь сказал, вы незнакомы с ним даже. Так зачем ты себя накручиваешь? Может, он просто ответственность чувствует. Он, все-таки, сам нас принимал, распределял. Списки составлял: кого — куда. Вот и хочет сам разобраться... И никакой он не извращенец, я с ним общалась дважды. Нормальный, интеллигентный... И я

ему без надобности, уж за что не волнуйся... Всех, кто был ему интересен, он в собственную машину посадил. Мне в ней места не нашлось.

— Теперь зато места освободились, — злобно бросает Аршез. Столь явная Анина симпатия к Древнему спокойствия ему не добавляла. — Ладно, — он попытался взять себя в руки. До чего он докатился? Вместо того, чтобы успокаивать свою деву, вывалил на нее все свои самые страшные кошмары. И в итоге она его вынуждена успокаивать. А она сама еще от шока толком не отошла. — Домой нам лететь бессмысленно, тебе отдохнуть надо, а лишняя дорога только вымотает. Сейчас снимем номер в местной гостинице, ты пообедаешь, выспишься.

— Но... ты же сам сказал: мне нельзя... в гостиницу. У тебя и так уже проблемы...

— Я не это сказал, ребенок. Я сказал, что все катятся в Бездну, а мы — ты и я — идем в гостиницу. А там — в ресторан. Когда отдохнешь, пойдем по городу гулять. Книжку ведь так и не успела, небось, прочесть? Вот будем вживую все изучать. До вечера времени много. А Верховный... Ну, посмотрим и на Верховного. Будем считать, что это тоже местная достопримечательность. Столица, все же.

* * *

В гостиницу он входил с самым надменным выражением лица, на которое только был способен. Вернее — с тем единственным, на которое сейчас вообще был способен. Изобразить даже слабое подобие дружелюбия не выходило. Аня явно смущалась, но он крепко держал ее за руку, не позволяя отстать. Гостиницу выбрал шикарнейшую в городе — на центральной площади, с видом на президентский дворец. В конце-концов, раз в жизни... Да, горько вздохнул он мысленно, самый последний раз в такой короткой жизни его маленькой девочки... И ничего уже не исправить. Уже к утру ему будет велено убраться за Бездну, а там... Там он будет вынужден просто смотреть, как она угасает. И выть от собственного бессилия.

Выть, впрочем, хотелось уже сейчас.

— Мне и моей деве нужен номер на сутки, — небрежно бросил он на стойке регистрации. — Надеюсь, у вас есть что-то... достойное моего внимания.

— Да, конечно, Великий, — угодливо залепетали ему в ответ. — Президентский люкс. Вам, надеюсь, понравится.

— И зачем президенту тут люкс, если у него дворец через дорогу? — чуть выгнул он бровь. — Впрочем, давайте взглянем.

— Позвольте ваши вещи, Великий, — у него предупредительно забрали Анину сумку. — Идемте, прошу вас.

Номер был не просто великолепным, он был каким-то запредельно роскошным. Аня потрясенно рассматривала огромную гостиную с малахитовыми пилястрами, чуть тяжеловесной мебелью, так же отделанной натуральными самоцветами, тяжелыми атласными портьерами в тон, многочисленной позолотой. Дверь направо вела в не менее богато убранную спальню, налево располагалась столовая.

— Ну, что ж, даже лучше, чем я рассчитывал, — благосклонно кивнул Аршез, одобряя номер. — Благодарю, мы остаемся. В гостинице есть ресторан?

— Да, конечно. Второй этаж...

— А мы можем заказать обед сюда? — тут же поинтересовалась девочка, указав на специально предназначенную для трапез комнату. Идти в ресторан совершенно не хотелось, а Аршез ведь точно потащит ее туда, лишь бы только доказать, что не намерен прятать в четырех стенах.

— Да, разумеется, — ей тут же протянули снятую с какого-то комода объемную папку. — Вот, взгляните на наше меню.

— Да, спасибо, чуть позже, — меню она приняла, но рассматривать при посторонних не стала. — Или нет, — она вспомнила, как Аршез заказывал ей еду в первый вечер. — Могу я попросить обед на выбор шеф-повара? Он ведь лучше знает, какие блюда сегодня вышли особенно удачно.

— Да, конечно, я передам ваши пожелания. В какое время подать?

— Как только будет готово, — отзывается Аршез, видя, что Аня замешкалась. — Я позвоню, если у нас возникнут еще вопросы, — привычным жестом достает из кармана визитку, передает администратору. — Этого достаточно для регистрации?

— Да, конечно, располагайтесь.

Дверь закрывается, они вновь остаются одни.

— Ну, и зачем? — В Анином взоре мешается восторг и укоризна. — Это ж, наверное, очень дорого.

— Наверное, — он чуть пожимает плечами, устало приваливаясь к ближайшей стене. Маска надменности слетает с него почти мгновенно. Остается лишь усталость и горькая полуулыбка. — Я забыл уточнить, сколько именно это стоит. Да и... неважно это, Анют, правда. Тебе ведь здесь нравится? Вот и отдыхай, наслаждайся. Считай это... моей попыткой извинения... за прошлую ночь, проведенную в товарном вагоне, за это нелепое задержание, за то, что вынудил тебя сбежать из дома... Если уж путешествовать, то с комфортом, верно?

— Ар... — она даже не знает, что на это сказать. Он невозможный! Самый невозможный из всех! У него из-за нее теперь неприятности будут, а он деньгами... Мысленно запнулась. Покраснела. Побледнела. И решительно склонилась над собственной сумкой. — Аршез, ты прости, я... — не поднимая глаз, протянула ему сверток. — Я деньги твои взяла. Когда убегала... Прости. Я не успела ничего потратить, тут все.

— Ну, вот значит сегодня и потратим, — он легко взял у нее из руки деньги и бросил на ближайший столик. — Гулять — так гулять, верно? Тем более, нам еще платье тебе покупать нарядное, официальный все же визит предстоит...

— Ты правда не сердись? — она робко вглядывается в его глаза.

— Иди сюда, — он притягивает девочку к себе, обнимает, целует в висок. — Я б рассердился, если бы ты их не взяла. Я ведь сказал: эти деньги — для тебя, на твои нужды. И если нужда заставляет тебя искать себе убежище в ином месте — тем более они твои, ведь они тебе еще нужнее.

— Ар, — она почти плачет, растроганная его словами.

— Ну что ты, ребенок, не надо. Пошли лучше поищем, где в этих апартаментах ванна. Ополоснешься с дороги, пока тебе обед готовят, а я пока...

— Пойдешь покупать мне платье? — всхлипнула она с робкой улыбкой. — Совсем как в первый день, помнишь? Мне тоже было нужно платье, и ужин, и ванна...

— Ну, теперь все же немного проще: ужин, вернее, ранний обед, нам принесут, одежда, чтоб дойти до магазина и выбрать платье самой, у тебя тоже имеется, — улыбнулся он ей в

ответ. — Вот только меня ты... — он чуть замаялся. Хотел сказать «боишься по-прежнему», но понял, что это не так. Лично его она все-таки не боялась. Уже не боялась. А вот окружающий мир, к которому неделю назад Аня относилась вполне нейтрально, считая его идентичным родине, теперь до дрожи ее пугал.

— А с тобой мне, похоже, придется знакомиться заново, — вновь робко улыбнулась его девочка. — Как и с твоей страной... Погоди, одежда, — захваченная новой мыслью, она отстраняется, и вновь склоняется над сумкой. — Я же брала что-то, кажется. Может, и не надо ничего покупать, — покопавшись, она вытягивает из сумки пару платьев. Те, что схватила вчера не глядя, почти в беспамятстве. И пораженно замирает. Одно из них — то самое, зеленое в мелкий белый цветочек, что он купил ей в первый день для похода в ресторан. То, что он собственноручно гладил для нее, пока она судорожно домывалась, смущенная его внезапным появлением. — Словно еще один наш шанс, правда? — тихо шепчет она, поднимая на него глаза. — Еще раз начать все сначала. Только теперь ты ведь уже не будешь от меня ничего скрывать? И мне не придется больше от тебя убегать, да?

Аршез молча кивает, помогая девочке подняться. И вновь прижимает к своей груди. Начало и конец, горько думает он. Все действительно повторяется, даже платье. Вот только неделю назад он был полон надежд и планов, он столько сделать хотел для совсем чужой еще девочки... А теперь она — своя, родная, и даже верит ему, не смотря ни на что, а он...

— А туфли-то я не взяла! — прерывает его раздумья Аня. — Одежду кинула, продукты. А про обувь и не подумала даже...

— Купим, ребенок, — успокаивает он. Отсутствие туфель — самая мелкая из их проблем на сегодня. — А хочешь — иди в кроссовках, как в прошлый раз. Чтоб уж совсем «как тогда».

— Нет, что ты! Он мне и так-то намекнул, что обувь у меня неподходящая к местному климату, а если еще и с платьем... Лучше все же купить, — лишнего повода для недовольства Большому Начальнику давать не хотелось. Тем более, там и так все не просто, если судить по тому, как Аршез реагирует.

— Значит, купим, — кивает Ар и, откинув платья на ближайшее кресло, ведет свою девочку через роскошную спальню в не менее роскошную ванную.

— Ух ты! — пораженно выдыхает Аня. — Да это не ванна, а целый бассейн!

— Да уж, — соглашается Аршез, осматривая помещение. — Практически дардэнхэ Древних. Даже жаль, что мы с тобой попали сюда сейчас, а не года три спустя.

— Зачем... года три спустя? — не понимает девочка. — И что такое «дардэнхэ»?

— Ну, года через три был бы шанс, что ты позволишь мне к тебе присоединиться, — чуть улыбнулся он. — А дардэнхэ — это, собственно, место, где присоединяются... Для совместных купаний, Аня, — поправился он, почувствовав ее смущение. — Все, ребенок, ушел, мойся спокойно. Ты же знаешь, я не потревожу.

Он вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Присел на кровать, задумчиво оглядывая спальню. Излишне помпезно, чуток вульгарно, но, без сомнения, дорого — кричал буквально каждый уголок интерьера.

А и пусть, думал он, устало откидываясь на кровати. Что ему теперь деньги? Вся жизнь в Бездну катится. И Аня... Он так ничего для нее и не смог... Всегда считал себя таким хорошим. Заботливым. Чутким. А не смог стать опорой одной-единственной человеческой деве. Не смог сохранить ту единственную, ответственность за которую он на себя принял...

Да в Бездну! Он резко поднялся. Ничего еще не решено. Ничего не закончилось. Аня ему

верит, надеется. Если Верховный и впрямь окажется мстительным мерзавцем и сошлет их за Бездну, он не станет просто сидеть и ждать. Пойдет к отцу Ксана. И не постесняется напомнить, что тот ему немного должен. За жизнь единственного сына — что было, то было. Так что пусть составляет протекцию и устраивает его в Службу Внешней Разведки. Соответственное обучение он пройти готов, время есть. С Аней они поселятся за городом, чтоб лишние вампиры на нее своими аурами не воздействовали. А потом... когда он получит возможность пересекать Границу, разберется в нюансах... он найдет способ вытащить Аню из страны. Обязательно.

Вызвал горничную, чтоб погладили Анины платья. Зеленое — на вечер, самый раз для визита к Древнему. Более простенькое бежевое — для прогулки. Вспомнил, как однажды гладил ей сам. Улыбнулся. Кто ж ему даст здесь уют? Не тот статус.

Расслабиться так и не смог. Даже когда Аня уснула после сытного обеда, провалившись в глубокий сон сразу, едва коснувшись подушки. Все метался по роскошной гостиной, отчаянно пытаюсь придумать, что еще он мог бы сделать, к кому обратиться. Кто смог бы вступить за него перед Верховным? Убедить того оставить его и девочку в покое? Увы, столь значимых знакомых у него не было. Что ж, значит, потом.

Прогуляться по городу они все же успели. Хотя едва ли Аня запомнила слишком много из той прогулки. Волновалась, чувствуя волнение своего спутника. Все пыталась переосмыслить ситуацию, в которой она оказалась. Свое место в этом мире, свое отношение к Аршезу. Как ей реагировать на то, что он — вампир? На что в их будущей жизни это повлияет?

Туфельки она заметила случайно. Те просто стояли в одной из витрин, мимо которых они проходили, и солнечные лучи играли на их поверхности. На их золотой поверхности! Обычные лодочки на шпильке, без единого украшения, без единой декоративной детали. Но цвета чистого золота.

— Ар... — Аня замерла перед витриной. Он называл Избранницу принцессой в золотых туфельках. Ее так называл. А она вдруг поняла, что согласна быть его принцессой, его Избранницей. Что хочет ей быть. Даже если это будет непросто. — Я помню, мы на обратном пути собирались обувь на вечер купить, чтоб не ходить с коробкой, но... Вдруг рядом с гостиницей уже не будет... таких... Если они, конечно, не слишком дорого стоят, — спохватилась девочка.

— Сегодня просто нет вещей, которые были бы для нас слишком дороги, — заверил Аню ее спутник. — Вот только, — он с сомнением посмотрел на шпильки, — ты ходить-то на таких каблуках сможешь?

— А ты обещал носить меня на руках, — с лукавой улыбкой обернулась к нему девочка.

— Значит, буду носить, — согласился он. И поймал ее лицо в ладони. — Ребенок... — горло неожиданно перехватило. Самые обычные туфли, отличающиеся от своих соседей по витрине лишь цветом, вдруг стали символом чего-то очень важного, значимого. Она выбирала сейчас не просто туфли, он прекрасно понял это. Она выбирала свое отношение к миру и своему месту в нем. И принимала. Свою судьбу, местные законы, правила. Принимала его. И готова была это продемонстрировать. — Ты действительно хочешь... — «быть со мной», собирался сказать. Но все же не решился, побоялся спугнуть, — именно эти туфли?

— Я с тобой, Ар, — она поняла его вопрос. Даже не произнесенный. Чуть смутилась, но глаз не отвела. — Не потому, что это кто-то решил. Не потому, что это нельзя изменить. Я

действительно хочу... быть с тобой, даже если не очень пока понимаю, что значит жить с вампиром... Но я знаю, что значит жить с тобой, и... Как думаешь, если я надену их вечером с зеленым платьем, это будет не слишком вызывающе? — все же не выдержала она собственной откровенности и поспешила сменить тему.

— Нет, — он склонился и легко коснулся губами ее губ. — В самый раз.

* * *

Свою машину он припарковал на крыше дома Верховного куратора ровно в 19.00. На парковке тут же возник молодой человек (по виду — именно человек) и, уточнив, кто именно прибыл, повел гостей в дом.

— Куратор, к сожалению, задерживается. Он приносит вам извинения за свое вынужденное опоздание и просит непременно его дожждаться. Его сад, а так же гостевые залы первого этажа в вашем полном распоряжении.

Юноша вывел их в один из залов и с легким поклоном удалился. Сквозь многочисленные арки огромного помещения открывался вид на зеленые лужайки, а сам зал казался естественным продолжением сада. Его высокий свод украшал живописный плафон с изображением летящих по небу птиц. Настенные панно запечатлели буйную растительность каких-то влажных южных лесов. Между расставленных вдоль стен уютных диванчиков разместились кадки с цветущей магнолией и гибискусом. В центре зала журчал фонтан, в его чаше чуть колыхались белые головки водяных лилий. В воздухе стоял сладковатый аромат цветов, в окна светило солнце.

— Да, не так я представляла себе дом вампира, — протянула Аня, удивленно оглядываясь.

— Почему? Типичный дом Древнего. Лютики-цветочки в парадных залах и подвалы, полные крови, прямо под ними, — равнодушно пожимает плечами Аршез.

Аня вздрогнула.

— Надеюсь, ты не в прямом смысле. Про подвалы.

Он неопределенно машет рукой, не желая вдаваться в подробности.

— Давай посмотрим сад, — предлагает вместо этого. — Я их, на самом деле, не так уж много видел. Настоящих.

— Настоящих садов? — не понимает девочка.

— Садов, выращенных Древними с использованием природной магии. Ей уже очень не многие из них владеют.

Они вышли сквозь арку и пошли по одной из тропинок. Сад был не так уж велик, он занимал внутренний двор старинного особняка. Хотя — особняк был весьма внушительный, и двор у него — немаленький. А расположенные по периметру залы открывались в сад увитыми плющом арками, словно позволяя растениям вползать внутрь, делая и дом продолжением этого цветущего сада.

— А Древние — они кто? — попыталась разобраться Аня. — Очень старые вампиры?

— Можно сказать и так. Но если бы дело было только в их возрасте, это было бы полбеда.

— А в чем беда?

— Беда в том, Анют, что они родились не просто очень давно, но еще и в совсем другом

мире. Там для питания не требовалась кровь. Вот и растили они там свои цветочки, пили цветочный нектар, порхали с ветки на ветку... Пока им не стало скучно, и они не развязали войну. И не погубили свой мир. Горстке выживших чудом удалось открыть портал между мирами и перебраться сюда. А здесь, чтобы не погибнуть, им пришлось начать пить кровь. Человеческую, другая не спасала. И подобной трансформации психика большинства просто не выдержала. Они ненавидят. Самих себя — такими, какими они здесь стали. Этот мир, за то, что он изменил их. Людей, за то, что не в силах не жаждать их крови и плоти. Собственных детей, поскольку мы родились уже в этом мире, и не способны оценить их фальшивых рыданий об утерянном рае. Они его не теряли, они его уничтожили. Сами. И при этом пытаются диктовать, как нам жить...

— Ты их не любишь, верно? Но хочешь взглянуть на сад. На настоящий сад Древних.

— Разве в музей ты идешь оттого, что любишь представителей всех прошедших эпох? Скорее, тебе просто любопытно представить, как они жили. Вот и мне... любопытно. К примеру, такое дерево некоторые Древние могут вырастить из семечка дня за четыре, — он погладил ближайший ствол. Дерево было незнакомым, яркую зелень листвы оттеняли белые кисти соцветий. — А я даже не представляю, как? Какой энергией оперировать, за что цеплять, как тянуть, чем подпитывать? У меня не то, что способностей таких нет, я даже вообразить их в действии не в состоянии. Как можно разделить эмоции с деревом? Как можно разделить с ним свою душу?

— Ну... я не знаю, конечно, — неуверенно произнесла Аня. — Но когда я смотрела, как ты вырезал ту иву... или на те работы, что стоят в доме твоей мамы... мне кажется, именно про такое и говорят «вкладывать душу», «вдыхать жизнь».

— Нет, малыш, это фигурально, это совсем не то. Я работаю с мертвым деревом, режу фигурки из старых засохших коряг... Перенял механические приемы у отца, он был профессиональным резчиком в той, прошлой жизни. Но даже он работал лишь с мертвым деревом, преобразовать живое у него не было сил никогда. Не аристократ, чернорабочий. А здесь... Наш дорогой хозяин явно из очень знатного рода, из тех, в ком природные силы текли рекой... Впрочем, неудивительно, с его-то должностью.

— Как ты это определил? — идти на шпильках по мягкой земле было не слишком удобно. Каблуки чуть проваливались, и Аня опасалась, что позолота на них сотрется, или тонкая кожа попросту поцарапается. Но сад словно манил, и осмотреть его действительно хотелось.

— Чувствую силу. Ауру вампира, вплетенную в ауру деревьев. Он их растил, отдавая свою энергию. Я не представляю, как это сделать технически, но выглядит невероятно красиво. Завораживает...

— Ой, смотри! — Аня потянула его в сторону от основной тропинки. Там, словно спрятанные за пышными кустами, росли несколько деревьев с очень светлыми и гладкими стволами и бледно-голубыми листьями. — Никогда в жизни такие не видела. Это как называется?

— Не знаю. Я их тоже вижу впервые. Полагаю, в природе такие и не растут. Хотя... Помню, в детстве мне рассказывали сказку про дерево с голубыми листьями. Его называли Древом Души, и делились с ним своими горестями и радостями. А оно хранило мудрость целого народа, и способно было шепнуть совет тому, кто готов был слушать.

— Так, может, это оно и есть?

— Ну, что ты, Анют. Наши сказки принадлежат старому миру. От которого давно уже

не осталось ничего. Ни единой пылинки. А дерево, видно, просто создано с помощью природной магии. В память о старой сказке.

— Красивое... — Аня задумчиво погладила прохладный ствол. Гладкий, как шелк и чуть пружинящий под пальцами. Нет, не пружинящий! Анина рука замерла на одном месте. Ствол пульсировал, мягко толкаясь в ее ладонь. — Ар, смотри... Нет, в смысле — потрогай. У него словно сердце бьется.

— Тебе тоже рассказывали в детстве сказки про деревья с бьющимися сердцами? — чуть улыбнулся он, не поверив. Но руку послушно приложил. — Нет, ребенок, не чувствую. Ты фантазируешь.

— Да нет же! — она ощущала пульсацию слишком явно, какие уж тут фантазии. — Вот здесь прикоснись, где я!

— И даже вместе с тобой, — он накрыл ее прижатую к дереву ладошку своей. Ее пульс — единственный, который ему хотелось сейчас ощущать. Вторая рука сама легла на девичью талию, он прижал ее спиной к своей груди и шепнул на ушко: — Вот теперь — чувствую. Тебя. Твое сердце бьется в моей груди, твоя кровь бежит по моим венам. И ничего другого уже не надо.

— Ой, — пораженно выдохнула она, ощущая, как ее ладонь мягко погружается в ствол, ставший вдруг податливым, словно глина. Голова закружилась, цветочный аромат показался излишне приторными, стало душно. Она прикрыла глаза, стараясь сосредоточиться лишь на биении пульса, она уже не могла бы сказать, чьего — дерева, своего, Ара. Ей казалось, что он один, общий.

И тут в нее словно ударила волна силы. Вампирской силы, схожей той, что исходила обычно от Ара, но иной, куда более мощной.

Обернулись они с Аршезом синхронно, отдергивая руки от дерева. В десятке шагов от них стоял Ринаг. Вернее, Древний вампир и Верховный куратор. Впервые на Аниной памяти — без очков. Он держал их в руке, замершей у лица, и одна из дужек упиралась ему в щеку. Но он, похоже, не замечал. И смотрел не на них, мимо. На дерево.

— Что вы сделали с ним? — поинтересовался вместо приветствия.

Они недоуменно пожали плечами и оглянулись. На стволе остался отчетливый отпечаток ладоней. Очень глубокий — Аниной, и едва заметный — Аршеза.

— Простите, — смутилась девочка. — Мы случайно. Мы не хотели. Это ведь разглядится?

— Вряд ли. Идите в дом, я вас догоню, — он надел очки, вновь пряча свои невероятные зеленые глаза, словно вобравшие в себя всю зелень этого сада.

— Простите, — еще раз прошептала девочка, проходя мимо.

Он не ответил, лишь чуть отступил назад, уступая дорогу. Затем подошел к поврежденному дереву вплотную. Вновь снял очки, пристально разглядывая оставленные на стволе отпечатки.

Аршез лишь скривился мысленно, да поспешил вывести свою деву из зоны действия кураторской ауры. Древний, что с него взять? Тот, кто ценит человеческую жизнь дешевле срезанного цветка. Удивляться ли, что какое-то дерево ему важнее тех, кого он вызвал к себе на ковер? Явиться вовремя не соизволил, приветствие опустил, теперь будет с деревом демонстративно обниматься, чтоб подчеркнуть, как сильно они его испортили.

Аня оглянулась. Ринаг поднял руку, словно хотел потрогать след их ладоней, оставшийся на стволе. Но так и не решился, замер. И только рука дрожала.

Они наконец ушли. А он все так же стоял, не в силах осознать, поверить, справиться с нахлынувшими внезапно эмоциями. Стоял и плакал, впервые за сотни лет. Слезы катились из глаз, а он уже просто не помнил, что нужно сделать, чтоб это остановить.

Он все-таки дожил до этого дня. Давно уже не верил, но... все-таки дожил. А значит, все было не зря, все эти годы, свившиеся в мрачный клубок столетий, были не напрасны. Он сумел воссоздать Древо. Не образ, не подобие, как он думал долгие годы. Настоящее, живое Древо. Просто спящее. До поры. До этой самой минуты.

Он стоял и слушал, как бьется сердце дерева, разбуженного человеческой девой. Сумевшей стать проводником. Сумевшей соединить душу этого мальчика, рожденного без корней, и средоточие души этого мира.

К чему это приведет? Чем это обернется — для мальчика, для девочки, для мира? Он не знал. Но чувствовал, что теперь у его народа появился хотя бы мизерный шанс выжить.

* * *

Он вышел к своим гостям минут через пятнадцать. Спокойный, уверенный, невозмутимый. В черных очках, защищающих юную человеческую деву от воздействия его ауры.

Они стояли возле окна, разглядывая что-то на улице. Мальчик чуть приобнимал девочку за плечи и о чем-то говорил, словно пытаясь успокоить. На самом деле — пытался успокоиться сам. Он очень нервничал, хоть и пытался это экранировать. И не испытывал к хозяину дома ни проблеска положительных эмоций.

Кровавый ребенок, что еще от него можно ждать? Они умеют лишь ненавидеть. Свою древнюю прародину, за то, что никогда ее не видели. Своих предков, за то, что те сумели подарить своим детям лишь кровь и смерть. Их обычаи, ставшие бессмысленными в новом мире... Вот только девочку мальчик любил очень искренне. Девочку, которая должна была стать ему просто игрушкой, просто едой. А он любил. Как равную, как пару. Иначе Древо не услышало бы их, не отозвалось на биение их сердец. Не дало бы ответ.

Которого никто из этих детей просто не понял...

— Я прошу прощения за задержку, — объявил Риниеритин о своем присутствии. Они обернулись. — Давайте поднимемся наверх, там будет удобнее, — он указал на лестницу, приглашая следовать за собой.

— Ваше дерево... оно ведь не сильно пострадало? — неуверенно спросила у него Аня, поднимаясь по ступенькам.

— Сильно. Вы пробили ему энергетический контур. Оно теперь не сможет полноценно развиваться без специальной подпитки.

— Простите, — расстроилась девочка.

— Попробую.

Мальчик молчал. Но по идущим от него эмоциям было в принципе понятно, что все сады Древних вместе со всеми принадлежащими им деревьями он с удовольствием закатал бы в асфальт. А, возможно, и Древних поместил бы туда же.

— Анна, я подготовил для тебя книги, — произнес хозяин дома, открывая дверь в небольшую гостиную. — Хочу, чтобы ты просмотрела их, пока мы с Аршезаридором будем беседовать. Потом у меня будут вопросы уже к тебе.

Аня послушно вошла, направляясь к столу, где лежало несколько книжных стопок.

— Я хотел бы взглянуть, — Аршез дернулся следом.

— Так нравится быть надсмотрщиком? — Риниеритин удержал его за локоть. — Можно быстро войти во вкус. И вот она уже книгу с полки без твоего ободрения взять не имеет права... Это твой идеал взаимоотношений?

Аня обернулась, внимательно глядя на Ара и ожидая его ответа. Ему осталось лишь отступить.

— Я скоро вернусь. Не скучай, — улыбнулся он своей деве и позволил Верховному увести себя в кабинет.

— Присаживайся, — устроившись в любимом кресле и сняв ненужные пока очки, Риньер кивнул на соседнее. Чуть помолчал, собираясь с мыслями. Увиденное в саду заставляло значительно корректировать предстоящую беседу. И ставить немного иные акценты, нежели он изначально планировал. Раньше его интересовала лишь дева. Теперь ему, прежде всего, хотелось понять этого мальчика. Впервые с тех пор, как их народ поделился на Древних и Новых, ему захотелось понять кого-то из тех, кого он всегда относил к потерянному поколению. Быть может, он ошибался, и потеряли они не всех? Или не навсегда?

— В контракте, который ты подписал с этой девочкой, есть фраза: «передаю свою жизнь и право распоряжаться ею Избравшему меня вампиру», — негромко начал он, не сводя глаз со своего гостя. — Объясни мне, пожалуйста, что она для тебя значит.

— Что я в ответе за жизнь моей девы, — Аршез прямо взглянул в глаза Верховного. — «И хрен я тебе что передам», — добавил мысленно, стараясь не слишком фонить негативом.

— Поясни, — не удовлетворился его словами Древний. — Это общая фраза. Что именно ты имеешь в виду?

— Что я обязан беречь и заботиться. Должен сделать ее жизнь...

— Беречь и заботиться, — не дослушал куратор. — Любопытно. Тогда объясни мне, почему ты убил вчера ту деву, Милану Ситникову?

— Я не убивал, — он старается говорить ровно. — Это был несчастный случай. Редкая форма аллергии.

— Да, я прочел отчет. Кстати, экспертная комиссия тебя оправдала, решение тебе должны были уже прислать.

Удивил. Аршез ожидал, что с решением этого вопроса будут тянуть до последнего, то есть, пока Верховный не получит желаемое, а тут...

— Вопрос был несколько об ином, — продолжил меж тем хозяин кабинета. — Мне бы очень хотелось узнать, почему в тот момент, когда девочка, о которой ты обещал заботиться, бежала куда-то в ночь, не помня себя от ужаса и готовая не то, что в вагон на ходу запрыгнуть — под поезд броситься, ты был занят тем, что убивал кого-то еще?

Аршез побелел. Леденя, цепеня... Хотел ответить и не смог. Попытался снова. Слова не шли, он так и сидел, беспомощно открывая и закрывая рот, словно рыба, выброшенная на берег. Не было оправданий. Тому, что он сделал, оправданий не было.

— И все же? — Древнему мерзавцу было мало всадить нож в его сердце, хотелось еще и повращать. Хотя — еще кто из них тут мерзавец, если уж разобраться? — Или ты настолько не контролируешь свои действия, что сам не можешь понять, что и зачем ты сделал?

— Контролирую, — все же выдавил Ар. — Я был возбужден. Излишне возбужден, Анина кровь... открытая кровь вызвала прилив желания, которое девочка... в силу своего

юного возраста просто не в состоянии со мной разделить. Я ушел из дома, чтобы ее обезопасить. От собственных желаний, мне надо было успокоиться. В том состоянии я просто не мог... помочь своему ребенку. Я бы лишь навредил ей еще больше, если бы остался... Я хотел ее обезопасить, — отчаянно повторил он. — Тем единственным способом, какой был в тот момент доступен.

— Убивая другую?

— Этого не должно было произойти, вы знаете!

— Но это произошло. Разве беречь свою деву означает губить других? Калечить чужие жизни, оберегая ту, что принадлежит тебе, — это разве нормально? Достойно? Красиво?

Аршез молчал. Раздавленный, уничтоженный. До последнего слова согласный со всем, что было озвучено.

— Дальше. Девочка в одиночестве бродила по улицам.

— Это не было нарушением Устава, поскольку... — вновь собрался он с силами, почувствовав прямую угрозу Аниному благополучию.

— Мы не обсуждаем сейчас Устав! — резко оборвал его Верховный. — Она бродит у тебя по улицам, не имея ни малейшего представления, что это за мир, кто такие вампиры, какова их роль в обществе, какое к ним отношение местного населения. Да, она необщительна. Я в курсе. Но что будет, если общение все-таки состоится? Что ты будешь делать с теми, кому находящаяся на твоей ответственности дева расскажет свою версию событий? Будешь вторгаться в структуру их памяти, правя им воспоминания направо и налево? И у скольких из них внезапно и совершенно случайно окажется повышенная восприимчивость к ментальному воздействию? Скольких ты невольно сведешь с ума, исправляя огрехи своего ребенка, дабы быть белым и пушистым перед очередной комиссией? Рапортовать им, что «Устав не нарушен, поскольку...» — он скривился, передразнивая мальчишку. — Какой ценой?! Сколькими покалеченными жизнями ты вновь будешь выкупать неприкосновенность той, что принадлежит тебе?!

— Я просто хотел ее спасти, — очень тихо и очень подавленно ответил Аршез. Верховный прав. В этом тоже. Память людей он ради Ани правил. И мысли их контролировал, не позволяя произносить запретное «вампир». Это было несильное воздействие, однократное. Безвредное... Как физраствор, — пришла предательская мысль. Безвредное, как физраствор... И скольких он покалечил?

— Спасти, — кивнул Риниеритин, успокаиваясь. Все же мальчик не безнадежен. Отклик на свои слова куратор чувствовал. И переживал мальчишка, похоже, искренне. Было странно это признать, но жизнь людей — не только своей собственности, но и незнакомых людей — действительно имела для него ценность. — А расскажи-ка ты мне... Аршез, — он впервые обратился к своему гостю по имени, — как именно ты собирался ее спасти? И от чего? В чем, ты полагаешь, ее спасение?.. Только честно расскажи, без поминания Устава и прочих красивых и бессмысленных фраз. Мы все же не на комиссии.

— Да я не так уж много хотел, — отозвался тот, слишком деморализованный сейчас, чтобы пытаться что-то скрывать. — Всего лишь дать ей то, что в ее прошлой жизни было самым естественным на свете: учиться в школе, общаться с друзьями... Просто жить. Быть человеком. Не едой, не зверушкой, не чьей-то собственностью... Хотел, чтоб ей было уютно в моем доме. Чтобы она ощущала меня своим другом, к которому всегда можно обратиться за помощью. Другом, не больше. Мне не нужна собственность. Я никогда не стремился никем владеть.

— Ну, что ж, значит, этот вопрос мы решим к обоюдному согласию.

— То есть? — он чуть встрепенулся.

— Я тоже не вижу причин, по которым девочка не должна посещать школу или общаться с друзьями. Кроме тех, разумеется, что мы с тобой уже обсуждали: Аня не готова влиться в местное общество. Ей не хватает знаний местных реалий, не хватает мотивации, чтобы принять наши нормы и правила. Ей надо чистить речь, заново учить читать и писать.

— Я понимаю.

— Понимать мало, надо делать. И вот что я могу тебе — и ей, соответственно — предложить. Есть группа детей, отобранная из пассажиров того самого, принесенного грозой самолета, для участия в программе социальной адаптации. Мы поставили цель воспитать из этих ребят достойных граждан нашей страны. Школьная программа для них будет подстроена под их базовые знания и дополнена специальными курсами. После успешной сдачи экзаменов все выпускники получают гражданство и возможность продолжить образование или найти работу по собственному выбору. Я готов взять Аню в эту школу. Тем более, что изначально она должна была попасть именно сюда. Но... Владыка установил лимит на количество участников, от части ребят пришлось отказаться... — он прикрыл глаза, словно этим можно было отгородиться от произошедшего. Он так рьяно отчитывал Аршеза за небрежность, а сам... Просто вычеркнул и забыл. И четверо из семерых уже мертвы. И мальчик едва ли выживет, и девочка едва ли вернет ясность рассудка. Осталась только Аня. Из всех, кого он не спас, осталась только Аня. Не благодаря ему. Вопреки.

— Гражданство, — вклинился в его мысли голос Аршеза, — эти дети получают без ограничений?

— Нет, конечно, серии АА. По документам они будут проходить как Избранники.

— Ваши?

— Да, разумеется. Это мой проект, на моей личной ответственности и под моим личным контролем.

— А сейчас они юридически...

— Имеют те же ограничения, что и твоя Анна. Разве что я чуть серьезнее подхожу к этому вопросу, — он чуть усмехнулся. — Дети проживают на закрытой территории в пригороде Новограда. Свободное перемещение по стране для них пока недоступно, только в рамках ознакомительной экскурсионной программы. На территорию школы из вампиров доступ имеют только я, из людей — только те, кто принят туда на работу. Разумеется, они специальным образом проинструктированы и взяли на себя все необходимые обязательства.

— И на каких условиях вы готовы взять Аню в эту школу?

— На взаимовыгодных, я полагаю. Ты передаешь мне право собственности на девочку, владеть которой, по твоим же словам, не стремишься. При этом ты избавляешься от необходимости нести финансовые затраты и вступать в бесконечный конфликт с законом. Ей же обеспечиваешь именно ту жизнь, о которой мечтал: она продолжает образование, имеет при этом широкий круг общения, в перспективе — становится полноправным членом местного общества. Я уже не говорю о том, что жизнь в одной квартире с тобой для нее чревата не только возможностью столкнуться с проявлениями твоей несдержанности, от которых ты и сам пытаешься ее уберечь (и мы оба знаем, какой ценой). Живя с тобой, она постоянно находится в поле действия твоей ауры, а последствия такого воздействия на юный организм весьма печальны, я надеюсь, ты в курсе. Я в школе, как ты сам понимаешь, не живу, лишь прилетаю с инспекцией, ауру при этом всегда закрываю, личные контакты с кем-

либо из этих детей мне не интересны... В моей школе Анюте будет лучше, Аршез. Она там будет среди своих.

— Нет.

— Что именно «нет»? — Риньер чуть поднимает бровь. Он, конечно, не ожидал, что все будет просто, но, вроде, разумный же мальчик.

— Условия неприемлемы. Я вынужден отказаться.

— И что конкретно кажется тебе неприемлемым?

— Я никогда не отдам своего ребенка во власть Древнего. Все, что вы говорите, звучит красиво и благородно, и вы в это, безусловно, верите, но... Не секрет, что Древние живут в двух мирах, привычно совмещая реальность бытия с реальностью своих фантазий. Одной рукой даря жизнь цветочкам, другой — отнимая ее у людей. Сейчас вы хотите школу и отсутствие личных контактов. А что помешает вам завтра передумать, разочароваться в школе и пустить всех своих детей на удобрение для собственного сада?

— А знаешь, милый ребенок, так открыто меня в безумии еще не обвиняли. Я ведь и обидеться могу, не боюсься?

— Не сомневаюсь, что вы обидитесь в любом случае. Дарственную я не подпишу. Ни на каких условиях.

— Вот как? И что же ты будешь делать? Нарушать Устав и дальше, ставя под угрозу жизнь случайных людей? Займешься подлогом документов, допрыгаешься до очередной экспертной комиссии и запрета на жизнь и деятельность в Стране Людей, вынужден будешь перевезти свою деву за Бездну... И что там? Долго ли она у тебя проживет в Стране Вампиров? Счастлива ли? А будешь ли счастлив ты, день за днем глядя, как она угасает в мощных потоках вампирских аур? Малыш, да ты хоть отдаленно представляешь, что это — день за днем, год за годом наблюдать, как самое дорогое тебе существо умирает на твоих руках, а ты ничего не можешь с этим поделать? Более того, ты еще и прекрасно знаешь, что это ты — причина ее смерти. Ты ее убиваешь. Никто другой.

— Будет чем-то лучше, если ее убьете вы? — угрюмо взглянул на него Аршез. — Сколько видов пыток для возбуждения аппетита вам известно, пресветлый?

— Я не практикую подобное.

— Но у вас наверняка есть друзья, которые практикуют, а вы обязаны проявлять гостеприимство. Или ваши вкусы изменятся через год. Или через два... Я никогда не отдам мою деву Древнему, каким бы благородным он ни казался, какими бы идеями о человеческом благе ни прикрывал свое желание владеть ей.

— Что ж... — Риньер откинулся в кресле. Мальчишка! Дурно воспитанный мальчишка, даже не скрывающий своего презрения к старшим. «Либо вы безумны, либо сойдете с ума через месяц». Прелестный ребенок. Очаровашка. — Я могу, конечно, попытаться понять... Твое дело я изучил, о ситуации с твоим отцом знаю. Но, согласись, это еще не повод считать каждого Древнего потенциальным клиентом специализированной клиники. В конце концов, именно Древние создали Страну Людей, и все блага, которыми пользуются здесь наши бывшие рабы, дарованы нами. Именно мы сумели увидеть в человеке личность, начать диалог, построить сотрудничество... А твое поколение, уж прости, только Дикой Охотой пока прославилось. И ненавистью к собственным родителям. Других заслуг нет... Так что я жду извинений. И пока еще готов их принять.

— Я прошу прощения, куратор, — Аршез покорно опускает голову. — Мне действительно не следовало говорить такое. Но... вы ведь хотели честно. И все равно

спросили бы о причинах. Я, разумеется, не прав. Я вас не знаю, и у меня нет повода думать о вас подобное... Но деву я не отдам. Даже под угрозой отправки за Бездну. В моей жизни действительно есть крайне негативный опыт, когда разумный, добрый, ответственный вампир вдруг превратился в собственную противоположность, хотя казалось бы...

— А я ведь мог бы помочь тебе с отцом, Аршез. Разумеется, не в моих силах вернуть ему утраченный душевный контроль, но оградить вашу семью от необходимости вечно оплачивать его выходки мне по силам. Разделение финансовой ответственности не только вас освободит от вековой кабалы, но и ему помешает дальше погрязать в своих проблемах. Кто даст ему в долг, зная, что отдавать ему нечем? Глядишь, и его желание вылечиться станет чуть более искренним.

— В обмен на деву? Нет. Свои семейные проблемы я решу сам.

— Сколько ты их решаешь, лет сто? Сколько раз вы уже подавали на разделение, но не только отец, но и его кредиторы, не желающие лишиться такой кормушки, тут же делали процесс невозможным, затягивая рассмотрение и навешивая на вас новые долги? Сам ты не справишься, тут нужны связи посильнее, чем у твоего отца, а у тебя их нет.

— Найду. Но Аня за это платить собой не будет.

— Работу в Новограде, полагаю, тоже не предлагать? — чуть улыбается Верховный куратор. — Министерство тяжелой промышленности, к примеру. Не заинтересует?

— А вы сомневаетесь?

— Мне не трудно спросить. Значит, все-таки «нет»? Подумай. Завтра мы могли бы съездить к моим детям, ты сам все посмотришь, пообщаешься. Тогда и решишь окончательно. Не лишай свою деву шанса.

— Вы только что говорили, что другим вампирам туда доступа нет. А меня зовете. А раз завтра можно мне, послезавтра станет можно и другим, причина найдется. Вы дали мне лишний повод отказаться. Мой ответ «нет».

— Ну хорошо, допустим. Быть против — это так красиво, так модно. Любимая забава оппозиции: критиковать и отказываться от любых предложений. Ну а твое-то предложение какое? Так, как есть, мы оставить не можем. Мой вариант тебя не устраивает. Предложи свой.

— Вы говорили об экзаменах, — осторожно начал Аршез. — Утверждали, что ваши дети получают гражданство, сдав необходимые экзамены.

Верховный кивнул.

— Вы могли бы познакомить меня с вашими требованиями. Назначить сроки. Я уверен, я смогу подготовить свою деву к такому экзамену... Я не ставлю цель заменить ей школу, но привести ее знания в соответствие с требованиями школьной программы так, чтобы она могла посещать обычную школу, не испытывая особых сложностей и не вызывая особых вопросов, я, как мне кажется, вполне смогу... Разумеется, я бы не отказался от консультации кого-то из приглашенных вами специалистов, знакомства с разработанной ими программой, возможно, даже оплатил бы им ряд частных уроков... Да, это не отменит проблему нашего с ней совместного проживания. Но я намерен себя контролировать и впредь не допускать... решения своих проблем за счет посторонних людей. К тому же, как только она станет Избранницей — моей Избранницей — я смогу обеспечить ей возможность жить отдельно.

— Одной? Она несовершеннолетняя девочка.

— Нет, конечно, у меня есть знакомая... Соседка. Она одинока, ей не помешает помощница по хозяйству... да и просто близкий человек, о котором она могла бы

заботиться. Ну а я всегда смогу прийти в гости. Проконтролировать, помочь... Вы ведь позволите моей деве сдать экзамен, при условии, что она останется моей девой?

— Куда ж я денусь? — улыбается на это Риньер. — Правила должны быть едины для всех.

— И в случае, если Аня сдаст его успешно, она получит гражданство? Официально станет моей Избранницей? По всем документам?

— Ну, тут тебе придется поспешить, сам знаешь, Древние нестабильны. Сойду через месяц с ума, и некому станет выполнять мои обещания, — не удержался от ехидства Верховный. — Непонятно только, как я страной-то в таком предбезумном состоянии руковожу, поминутно кочуя из реальности в реальность? Кстати, в какой из них я что-то тебе пообещал?

— Я еще раз прошу прощения, — покорно склоняет голову Аршез. — Так моя дева получит гражданство? — упрямо повторяет он вопрос, вновь поднимая глаза на Верховного куратора. — Станет Избранницей?

— Да, Аршез, станет. Разумеется, я передам тебе подробный список всех моих требований, список необходимых для изучения вопросов. Ты можешь консультироваться с моими преподавателями, брать уроки... Могу даже предложить тебе еще один вариант. Анна остается твоей, но пять дней в неделю живет вместе со своими ребятами в моей школе, посещает все занятия. На выходные ты ее забираешь. В случае если тебя или ее в какой-то момент перестает что-то устраивать, мы вновь возвращаемся к варианту с заочным обучением. Более того, я даже не буду возражать, если ты станешь забирать ее каждый вечер по окончании занятий. И даже готов рассмотреть вопрос о переводе тебя, в этом случае, в Новоград.

— В министерство тяжелой промышленности? — чуть усмехается Аршез.

— Это чем же ты заслужил такой подарок? — возвращает усмешку Верховный. — Ты для меня пока ничего не сделал, чтоб я должностями разбрасывался. Да и вампиром, который там работает, я весьма доволен. Нет уж, вопрос о твоём трудоустройстве будем решать отдельно, исходя из твоих знаний, умений и опыта предыдущей работы. Пока давай закончим с девой. Так какой вариант ты выбираешь?

Ар задумался. Ему, разумеется, больше нравился его собственный. Чем дальше от Верховного, тем лучше. Кто его знает, что там на самом деле у него на уме? Выглядит он, конечно, достойно, и все, что он говорит, может вызвать лишь уважение. Но на то он и Древний, чтоб уметь казаться любимым. Слова, как известно, стоят недорого.

Но вопрос ведь еще и в Ане. Что предпочтет она? Нужна ли ей жизнь в его доме с существом чужим и чуждым самой ее природе? Думающим лишь о том, как бы навязать ребенку свои взрослые желания и потребности? Ограниченный круг общения? Люди, которым нельзя сказать правду, и которых она попросту не понимает? А с другой стороны — ровесники, сограждане, люди, воспитанные так же, как она, с тем же комплексом знаний и представлений о мире...

— Я бы, прежде всего, хотел увидеть вашу школу. Находящихся под вашей опекой детей. Хотел бы, чтоб Аня получила возможность с ними пообщаться. А затем мы с ней вместе примем решение. Если в школе... я не увижу ничего, что вызовет мою настороженность, я поддержу любой из выбранных Аней вариантов. Это ее жизнь, ей и решать. Мое условие только одно: опека над девочкой остается за мной.

— Ну, что ж, — мальчик очередной раз удивил. — Тогда давай вернемся к Ане, пока

она совсем не заскучала. Я бы хотел послушать, какой видит свою будущую жизнь она.

Аршез послушно поднялся, направляясь к выходу из кабинета, и тут заметил портрет на стене, прямо напротив стола Верховного. Он, должно быть, смотрел на него всякий раз, когда поднимал глаза от бегущих по монитору строчек текущих документов. Рыжеволосая женщина с сияющими небесной голубизной глазами была словно соткана из гибких и тонких ветвей деревьев, игры света и тени в листве. Ее аура — чистая и мощная, без единой кровавой нотки — была словно частью ауры окружающего ее леса, неотделима от ауры деревьев, хотя непонятно, как у деревьев может быть столь яркая, столь эмоционально окрашенная аура. Ветви с голубыми листьями, столь знакомые Ару по посещению сада, стремились укутать фигуру женщины, словно плащом. И ей даже приходилось отводить одну из них от лица тонкой, почти прозрачной рукой. Ветвь, на которой горели, словно маленькие солнышки, три ярко-желтых цветка. А за плечом у женщины виднелся очень светлый ствол с явственным отпечатком двух ладоней.

И от этого отпечатка Аршез все никак не мог отвести глаз, замерев перед портретом.

— Скажите, куратор... — наконец решился он на вопрос.

— Риниеритин, — поправил тот.

— Риниеритин. Скажите, этот след на стволе, он что-то значит?

— Сам по себе? Конечно же, нет. Это всего лишь свидетельство того, что души тех, чьи ладони соприкоснулись с деревом, находились в этот миг в определенной гармонии, из-за чего их ауры сплелись и создали тем самым мощный импульс, сумевший войти в резонанс с аурой дерева и пробить его энергетический контур. В мое время было принято видеть в этом некий знак... Но, понимаешь, Аршез... Этот знак не принимает за тебя решения, не меняет твою судьбу, не делает неизбежным... что бы то ни было. Бытовало поверье, что Древо способно скрепить ауры двух, пришедших к нему, навеки. Это не так. Древо лишь отражает. То, что есть на данный момент. Результат уже проделанной душевной работы. Оно не делает эту работу за тебя. Ни сейчас, ни в будущем. Я знал немало пар, Аршез, чьи ладони вот так же отпечатывались на одном из стволов в Священной роще, а они умудрялись разрушить все, что меж ними было, за несчастный десяток лет. А отпечаток... так и оставался тем, чем он и является — всего лишь отпечатком. Идем, твоя дева ждет.

* * *

Аня разбирала книги. Волновалась, конечно, ведь дикое волнение Аршеза, которое он безуспешно пытался скрыть, она ощущала непрестанно с того момента, как вручила ему эту злосчастную записку. Он расслабился, кажется, только в саду. А до этого у него даже руки сводило от напряжения, а он все пытался делать вид, что ничего особенного с ним не происходит.

Так боялся Рината, оказавшегося не просто каким-то большим начальником, а самым большим из тех, что и быть-то могут. Слишком большим... Но в человека, в таком случае, он играл еще лучше Ара, поскольку при общении гигантская дистанция между ним — Великим Господином и ей, оказавшейся по местным законам просто вещью, не ощущалась вовсе. Ну не чувствовала Аня в нем угрозы, вот совсем не чувствовала!

Впрочем, она, как известно, тот еще специалист по распознаванию истины! Неделю прожить с вампиром в стране, которой правят вампиры, и не понять... А как она должна

была понять, ну вот как?!

Да элементарно, вздыхала девочка, глядя на разложенные перед ней книги. В ближайший книжный зайти. В раздел «Учебники». У них же даже в «Букваре» на букву «В» вампир значится! И нарисован такой... красивый, просто сказочно... И зрачок вертикальный прорисован, и словно облако вокруг — их аура.

Но больше всего из предложенных ей хозяином дома книг ее впечатлил не букварь, а... учебник «Вампирологии»! Да-да, у них был такой учебник! И такой предмет в школе — вот прямо с первого класса! Никаких тайн и секретов, вся информация в одном месте — бери да изучай!

Углубиться в чтение не удалось — распахнулась дверь, и в комнату буквально ворвался Аршез. В мгновение ока преодолел разделяющее их расстояние, подхватил на руки и закружил, обдавая волной какого-то запредельного, вселенского счастья. Ее туфли слетели, не выдержав такого напора, но ни он, ни она этого даже не заметили.

— Ар? Ар, ты чего? — спрашивала, уже смеясь: его эмоции пьянили, завораживали, захлестывали. Бесконечное облегчение и безграничная радость. Его, да, она понимала. Но им навстречу поднимались ее облегчение и ее радость, ведь если он так рад, значит, все его страхи не сбылись, и Ринат — хороший, и все у них теперь хорошо будет.

— Все хорошо, Анечка, все хорошо, — практически дословно вторил он ее мыслям. — Ты будешь жить! Ты будешь жить, родная, будешь учиться, получишь гражданство! Все, что я тебе обещал, и даже больше! Все будет, ребенок, слышишь? Будем жить — долго-долго-долго... — Опустил наконец на пол, взял лицо в ладони, долго всматривался в глаза. Потом не удержался, поцеловал — в лоб, в глаза, в щеки. Нежно коснулся губами губ. Тут же отстранился, побоявшись смутить или спугнуть. Ни того, ни другого сейчас совершенно не хотелось, он только-только сумел вернуть ее доверие, да и то непонятно, до конца ли. Просто прижал ее к себе, щекой к груди, и все гладил кончиками пальцев ее короткие, мягкие волосы.

Она молчала, просто прижимаясь к нему, обнимая его обеими руками. Просто впитывая его облегчение, и бесконечно выдыхая вместе с ним. Все хорошо. Но как же он, оказывается, волновался! Она и половины не сумела почувствовать.

Риньер остался в дверях, желая еще раз взглянуть на эту пару со стороны. Разглядеть повнимательнее, что за энергетическая взаимосвязь образовалась между ними, разобрать подробнее рисунок переплетений. То, что плетение нелинейно, он заметил еще в саду, но там вмешивались потоки, идущие от Древа, а сейчас... Он напрягал глаза, пытаясь разглядеть сквозь ограничивающие зрение очки. Тончайшие, словно паутинки, нити... Надо же, а он и не думал, что у мальчика этот блок вообще сформирован, полагал, у Новых он отмер, как атавизм. Да и в кабинете, сколько ни рассматривал он Аршеза, ничего необычного в его ауре заметить не удалось. А рядом с девочкой, значит... Очки мешали. Хотелось снять, и не напрягать глаза, пробиваясь сквозь защиту стекол. Рассмотреть детали. Аура девочки реагировала на взаимодействие очень странно. Она не истончалась, развеиваясь под гнетом более сильной вампирской. Соприкасаясь с аурой мальчика она вплеталась в нее, чуть меняя при этом свою структуру, усиливая, преображая... Да, вот здесь идет внешняя подпитка, но она свежая, а диффузия пошла давно...

— Давайте, все же, присядем, — он решительно вошел в гостиную, подавив в себе исследовательскую жилку. Сначала дело.

Опустился в кресло, с неудовольствием глядя, как мальчишка садится в свое и

устраивает девочку на коленях.

— Здесь хватает мебели, Аршез, — неодобрительно покачал головой.

Аня смутилась и попыталась вырваться. Мальчишка полыхнул неудовольствием, но девочку отпустил. Она подобрала свои упавшие туфельки, надела, сразу становясь выше на добрый десяток сантиметров. И даже... солиднее как-то. Уже не перепуганная девочка-подросток, но взрослая дева, готовая к серьезному разговору. Или это присутствие мальчика действует на нее столь умиротворяюще? Аня села в свободное кресло. Несколько нервно расправила складки своего платья, опустила руки на подлокотники... Не выдержала, все же сцепила ладони на коленях.

— Анна, ты просмотрела мои книги?

— Да, — кивнула девочка.

А Аршез тут же бросил хищный взгляд на столик. Недоуменно нахмурился, разглядев учебники, поднял глаза на хозяина кабинета. Тот с самого начала планировал говорить с Аней... о школе?

Риньер позволил себе усмехнуться краешком губ. Что мальчишка рассчитывал здесь найти? Книгу о вкусном и здоровом сексе?

— И что думаешь по поводу увиденного? — продолжил куратор беседу с девочкой.

Аня чуть пожала плечами, смущаясь.

— Мне жаль, что я не познакомилась с этими книгами раньше... По крайней мере, с частью из них. Тогда я, наверное, наделала бы чуть меньше ошибок.

— Или чуть больше, — не согласился Аршез. — Ты просто представь, что я вывалил эти книги перед тобой в первый же вечер. Вспомни свои чувства в тот день, свои мысли. Страх перед неизвестностью, ужас от того, что осталась совсем одна, паника от непонимания происходящего...

— Нет, в первый... — Аня зябко передернула плечами, — в первый, наверно, не стоило, тут ты прав, — удивительно, как легко она забыла свое состояние в тот день. Впрочем, еще сегодня утром ей было не лучше. А уж в тот миг, когда она узнала, что кругом вампиры... Нет, в тот миг, когда она узнала, что Аршез — вампир, когда испугалась, что навсегда потеряла его, вернее — что его настоящего она и не знала никогда, вот что было для нее самым страшным!

— Я понимаю, что книги о вампирах заинтересовали тебя в первую очередь, — спокойно продолжил Верховный. — И я рад, что ты осознаешь, что прочесть их надо.

Аня кивает, соглашаясь. Она прочтет, это не проблема. Она и сама хотела бы узнать о них как можно больше.

— Но что по поводу других книг?

— С другими проще. Тут я, просто, больше готова к тому, что вижу, — поспешила пояснить, чувствуя недоумение хозяина. — Я, все же, уже сталкивалась с необходимостью читать, знаю, что язык отличается, и что формулы вы совсем иначе пишете. Но, если начать с букваря, то, я думаю, я быстро освоюсь. Тем более, что я вашу речь каждый день слышу, какие-то характерные слова, фразы я уже выучила. Дальше будет легче. Особенно, если не интуитивно, а используя учебники. Я смогу не выделяться, правда!

— А ты этого хочешь — не выделяться?

— Но... Аршез мне объяснил, что только при этом условии я могу... я могла бы... — она чуть смущается, подбирая правильные слова. А потом решается, и идет напролом: — Я хочу жить. Не в клетке, не запертая в четырех стенах. И, если для того, чтоб выйти на улицу,

тут надо надевать длинное платье — я надену платье. Уже надела, вы же видите. Если надо говорить с акцентом, используя устаревшие слова и просторечия — я научусь. Это внешнее, это не принципиально. Я этим никого не предаю, не убиваю, просто проявляю уважение к вашей стране и вашим обычаям. Если мне тут теперь жить, то это, практически, мой долг. Я выучу все ваши нормы и правила, я готова им следовать. Просто неделя — это слишком маленький срок, я не многое успела еще...

— Ну, хорошо, допустим. Допустим, я дам тебе время и возможность изучить язык и обычаи, официально позволю пользоваться всеми правами, какие есть у наших людей. Что дальше? Какой ты видишь свою дальнейшую жизнь?

— Ну... как... закончу школу, потом институт, пойду работать...

— А зачем, если не секрет? — чуть недоуменно поинтересовался Ринат.

— Что зачем?

— Школу заканчивать, на институт время тратить, работать? Согласно нашим законам, Аршез тебя до конца жизни обязан обеспечивать всем необходимым, он разве не сказал?

Аня бросила взгляд на Ара. Но тот сидел полуприкрыв глаза и, кажется, не слишком вникал в беседу. Похоже, безумное напряжение, а потом безумная же радость привели к эмоциональному опустошению. Аня с беспокойством отметила, что он ощущает сейчас слабость, легкое головокружение, даже тошноту. Может быть, это голод? Вчера переживал из-за нее, не поел, наверное, толком, сегодня опять весь день переживал. Аня чуть нахмурилась, расстроившись, и поспешила вернуться к беседе с куратором, чтобы Ару не пришлось напрягаться и поддерживать разговор за нее. Пусть отдохнет.

— Так вот мне и необходимо... — попыталась правильно сформулировать свой ответ девочка, — сначала получить определенные знания и умения, потом иметь возможность использовать их, реализуя собственный потенциал. В этом смысле я не против, пусть обеспечивает. Возможностями. А деньги я хочу зарабатывать сама, я не инвалид, чтоб сидеть на иждивении, — Аня решительно взглянула в лицо Рината. Она помнила объяснения Аршеза, что людей они делят на разумных и пищу. Помнила, что ей не дали гражданства, а значит, к разумным не причислили. А сейчас Ринат Ару что-то наобещал. Только о каком гражданстве для нее может идти речь, если она добровольно откажется пользоваться возможностями собственного разума и согласится на роль домашней еды? Да и в любом случае, она действительно всегда представляла свою будущую жизнь именно так: школа — институт — работа. Быть просто чьей-то женой или подругой не привлекало ее никогда.

— Что ж, — удовлетворенно улыбнулся Верховный куратор. — Тогда варианты у меня такие...

Экзамен Аню не испугал. Напротив. Это была определенность, это была цель, это была возможность официально доказать им... свое право считаться в этой безумной стране человеком. Пусть так, пусть этим Великим и Древним... этим вампирам, захватившим власть над людьми, надо еще доказывать, что ты человек, а не еда. Она не гордая, она докажет. Или, напротив, гордая. И потому с еще большим рвением докажет им, что имеет право на то, чтоб в гости ее звали по имени, а не по номеру.

А вот известие о том, что у тех ребят, которых он себе отобрал, с самого начала была возможность учиться, возможность получить гражданство, а у нее... Чем она так хуже их всех, что о перспективах для нее Ринат заговорил только сейчас? Через неделю жизни в полной неопределенности. После пережитого ею смертельного страха за свою жизнь, отданную на корм вампиру. После всех тех кошмаров, что пережил ее Аршез, понимающий,

что ему не выгрести одному против течения в маленькой утлой лодчонке. Она помнила, как он страшно кричал тогда ночью. Она видела, как он изводился от страха за нее весь сегодняшний день. Не сказали. Даже ему — своему — не сказали. Что все, оказывается, так просто, что решение есть...

Конечно она согласилась взглянуть на его школу. Ей действительно было любопытно, какой стала бы ее жизнь, окажись она в тот, первый день чуть ближе к представителю власти. Действительно хотелось понять кто, по мнению Рината, обладал безусловным правом на человеческую жизнь и продолжение образования. Хотелось бы ей учиться там? Она не была уверена. Со своими, конечно, легче. Но ведь эти «свои» для нее такие же чужие, как и те, что живут на соседней улице. Говорят, чужбина сближает. Но надо ли держаться за осколки прошлого? А сможет ли она не держаться?

Решить предстояло завтра. А пока любезный хозяин предложил им отужинать в его доме. Аршез тут же напрягся, но Ринат лишь улыбнулся обезоруживающе:

— Я принимаю сегодня в гостях юную человеческую деву, почти ребенка. И, разумеется, я готов оказать лишь человеческое гостеприимство.

Смысл витиеватой фразы от Ани ускользнул. Но Аршеза слова Рината успокоили, и этого ей было достаточно. Хозяин дома проводил их в соседнюю комнату, где уже ждал накрытый стол.

— Надеюсь, ты не обидишься, если мы оставим тебя ужинать в одиночестве? — вежливо улыбнулся Ане Верховный куратор. — Или, хочешь, попрошу кого-нибудь из своих мальчиков составить тебе компанию и развлечь беседой, пока я буду угощать твоего спутника.

— Нет, спасибо, не стоит, мне было бы приятнее одной, — тут же смутилась и отказалась девочка. Она уже обедала в этой стране с посторонним человеком. До сих пор стыдно. — А вы идите, конечно, вам же тоже надо...

— Тогда — приятного аппетита. Если закончишь раньше, чем мы вернемся, мой дом в твоём распоряжении, не смущайся, — с улыбкой кивнув девочке, Риньер вышел, уводя с собою Аршеза.

— Предпочитаете мальчиков? — поинтересовался тот, идя по коридору следом за Древним.

— В качестве слуг? Да, несомненно. В своём доме хочется расслабиться, а мужской аромат действует на меня не столь призывно. Да и кровавых дней у мужчин не бывает, — спокойно отозвался Верховный. — Женщин я зову в этот дом исключительно для удовольствия, — едва заметно усмехнулся он, сворачивая на лестницу. Ожидание подвоха, так и сквозившее в каждом взгляде его молодого гостя, забавляло. — Сегодня, правда, не звал, так что на десерт не рассчитывай.

Аршез лишь устало кивнул. Он, понятно, и на ужин в этом доме не рассчитывал, планировал к вечеру быть уже в Чернометске, собираться на родину, поджидая машину продовольственной фирмы. А тут такое радушие. Не по чину и, главное, совершенно не сообразно обстоятельствам. Так что мысли уже начинали бродить всякие. Может, и не Аней дедуля интересуется.

Вот только резко ухудшающееся самочувствие не позволяло воспринимать окружающую действительность излишне эмоционально. Мир стремительно сужался до пределов собственного тела. Он все сильнее ощущал тошноту, в голове шумело, ноги казались ватными. Спуск со второго этажа до подвала по его ощущениям длился вечность.

Наконец Древний приложил ладонь к сенсорной панели, отпирая неприметную дверь, ведущую в запретные для людей помещения подземного уровня. Пропустил своего гостя вперед и, плотно прикрыв за собой дверь, начал спускаться сам.

То, что мальчику стало хуже Риниеритин, конечно, заметил. Но с выводами о том, что могло стать причиной, пока не спешил. Просто шел за Аршезом, отмечая рост мутных гнилостных оттенков в его недавно столь яркой и сочной ауре. И то, как отчаянно хватается его гость за стенку, стремясь сохранить равновесие. И был готов подхватить. К счастью, пока не требовалось.

На ужин предложили мужчин. Откормленных, здоровых, не молодых. Стандартная пища. Подчеркнуто обычная, без изысков. Женщин использовали для еды значительно реже и то исключительно вышедших из детородного возраста. Потому и стоили они обычно дороже, и заказывать их было надо предварительно. Аршез себе такой роскоши не позволял. Мужская кровь ничуть не менее питательна. И, безусловно, совершенно для него привычна.

Вот только сейчас он эту кровь... не чувствовал. Не то, что не хотел, просто не чувствовал. Стоял, держа первого из предложенных ему за плечи (или держась за его плечи), смотрел в его пустые глаза, ощущал равнодушие и апатию своей жертвы... И свое равнодушие и апатию. Больше ничего. Даже зубы не трансформировались.

Ар постоял какое-то время, пошатываясь и пытаясь собраться с силами. Потом отпустил человекообразного и сел, прислонившись спиной к стене. Голова кружилась все сильнее, на висках выступил холодный пот.

— И часто с тобой такое? — над ним озабоченно склоняется Верховный.

— Нет. В первый раз. Должно быть, нервы. Была сложная неделя.

— Нервы, — с едва заметным скепсисом кивает начальство. — Ты голод вообще ощущаешь сейчас? Есть хочешь?

Ар попытался прислушаться к себе. Есть... вроде, хотелось. Тем более, что вчера он ведь так полноценно и не поел. Та кровь, что он взял у Миланы... При мысли о мертвой девочке замутило еще сильнее.

— Если я прокушу, попробуешь попить? — ответа Риньер не дождался, но среди не самых приятных ощущений мальчика голод почувствовал.

Аршез кивает. Но тут вспоминает, что тот, кто склонился сейчас над ним, ему не друг и не родственник, и возиться с ним уж совсем никак не обязан.

— Не надо, что вы. Я просто, наверно, сыт, — становится стыдно. Его пригласил на ужин сам Верховный куратор, а он не в состоянии достойно принять пищу.

— Давай мы все же попробуем. Как я тебя к детям потом голодного повезу? Да и к своей девочке ты не боишься выйти таким неадекватным?

— Я в порядке.

— Вижу, — Риньер протягивает руку и заставляет ближайшего из кормовых опуститься на колени. Подносит к носу его запястье, глубоко вдыхая запах крови и вызывая тем самым собственную жажду. Прокусывает мгновенно удлинившимися и заострившимися передними зубами и протягивает руку мальчику.

Тот больше не спорит, прижимает окрасившееся кровью запястье к губам, делает глоток, другой. Медленно, словно пытаясь распробовать кровь на вкус. Затем начинает быстро и судорожно пить, стремясь утолить разгоревшийся со страшной силой голод.

И тут же скручивается на полу от сильнейших спазмов, опустошающих его желудок. Кровь толчками выходит обратно, пачкая пол, одежду, волосы. Рука Древнего ложится ему

на лоб, становится чуть легче. Второй рукой Риниеритин отводит от его лица соскользнувшие с плеча волосы. Затем достает и протягивает Аршезу платок.

Ждет, когда мальчик немного придет в себя и сможет стереть с подбородка кровь. Невольно вспоминает те дни, когда его самого выворачивало вот так при попытках утолить голод. Только не кровью, а любой другой пищей. Может ли быть... Нет, слишком рано. Да и слишком невероятно.

— Идем, помогу добраться до душа. Станет полегче. Давай-давай, тут не далеко, — он тянет Аршеза за подмышки, помогая встать, и так и ведет, придерживая, из рук уже не выпуская.

— Вы так и не поели сами, — бормочет тот, чувствуя себя вдвойне нехорошо. Мало того, что ему стало плохо, так еще и на глазах у Верховного.

— Ничего, моя столовая работает круглосуточно, — отмахивается тот. — Сначала тебя надо в порядок привести. А то напугаешь же девочку.

Душ у светлейшего Риниеритина расположен тут же, в подвале. И смен одежды — на случай непредвиденных ситуаций — здесь тоже достаточно. Ведь и хозяин, и любые его гости должны иметь возможность подняться из подвала безукоризненно чистыми и свежими.

Взамен загубленного костюма Аршез получает футболку и мягкие домашние штаны. После душа стало чуть легче, его больше не мутит, хотя слабость все еще ощущается.

— Это оставь, — Риньер забирает у него испачканные вещи, небрежно бросает в бак для белья. — К утру слуги почистят.

— Да, но...

— Вы ночуете у меня, это даже не обсуждается. Куда я тебя сейчас отпущу в таком состоянии, да еще с ребенком?

— Мне уже лучше, спасибо.

— В этом доме достаточно комнат, Аршез. Идем, тебе надо прилечь. А мне подумать над тем, чем тебя отпаивать вместо крови.

Спальня, предоставленная Верховным куратором своему гостю, была небольшая, значительно уступающая размерами, да и убранством помпезной опочивальне гостиничного номера. Но здесь было уютно. Мягкие, приглушенные тона, большое окно, выходящее в сад. Ложиться Аршез не стал, предпочел опуститься в кресло.

— Аня... — с тревогой взглянул он на Древнего.

— Не переживай. Я скажу, чтоб она зашла. Пока попробуй расслабиться и ни о чем не думать.

Не думать не выходило. Жизнь, не успев наладиться, вновь летела куда-то в бездну. Его недомогание... Действительно нервное? Или его все же догнала одна из тех болезней, которых всю жизнь так боялась мама? И жить ему осталось пару лет, питаясь с ножа и постепенно угасая? Материнские страхи, впитанные с детства, порой так трудно отделить от собственных. Особенно, когда в голове все плывет, мешая сосредоточиться... Если он заболит, что будет с Аней? Он потеряет работу, будет вынужден уехать домой... Но если она успеет к тому моменту сдать экзамен и получить гражданство, то он не обязан будет брать ее собой, она останется и будет жить... Ему бы продержаться... Вот только Верховный... как неудачно, что он теперь в курсе его проблем... Учитывая его заинтересованность в девочке...

В то, что Риниеритин может помочь, Аршез не верил. Тот был Древним, богатым,

знатным. Такие умеют только брать.

Аню Риньер отыскал в саду. Она стояла возле дерева, которое ей удалось разбудить от вечного сна, и внимательно рассматривала оставленный на его стволе отпечаток. Руки при этом держала сцепленными за спиной, словно опасаясь неосторожно коснуться и опять что-нибудь повредить.

— А вот теперь уже поздно бояться, — негромко сообщил вампир о своем присутствии. Аня вздрогнула и обернулась, чувствуя себя преступником, вернувшимся на место преступления и там застигнутым.

— Простите, — вновь смущенно пробормотала она.

— Не за что пока, — улыбнулся он девочке. — Меня ты ничем не обидела. А вот дерево растревожила сильно, что есть, то есть. Поэтому теперь ручки не прячь, а клади обратно на ствол, успокаивай его, гладь. Можешь даже обнять его, если вдруг захочется.

— А ствол, — Аня опасливо коснулась коры кончиками пальцев, — он больше не продавится?

— Нет, моя хорошая, — успокоил Ринат, — больше нет.

Очень осторожно Аня прислонила к стволу ладошку. Кора была тонкая, словно кожа, и немного подрагивала под ее рукой, будто дерево и впрямь встревожено. И Аня действительно погладила, как погладила бы кошку, собаку или ребенка — того, кто слабее и беззащитнее, и кто нуждается в ласке, как в знаке одобрения и приязни.

— Почему оно такое? — спросила она Рината, осторожно проводя по стволу и второй рукой.

— Какое именно? — не спешил с ответом тот, любуясь девочкой. Дерево подпитывало ее ауру, делая ее ярче, мощнее, цветистее. Не меняя ее, но лишь насыщая, усиливая, укрепляя. А от рук девочки едва видные сквозь очки силовые линии уходили обратно в ствол, питая Дерево человеческими эмоциями и ощущениями.

— Живое. Чувствующее... Я знаю, конечно, что все деревья живые, но это... оно как будто... — Аня не находила слов. Ей казалось, что дерево ластится к ней, как котенок. И хотелось гладить и обнимать его в ответ, прижиматься щекой к гладкому, как шелк, стволу и слушать, как бьется пульс. Ее... или дерева... не определить.

— Энергетический симбионт, — кивнул на ее слова хозяин дома. — Когда-то очень давно, когда мой народ еще не нуждался в крови для продолжения жизни, подобные деревья питали нас напрямую энергией земли, энергией самой планеты. Но... — Риньер вздохнул. — Не знаю, рассказывал ли тебе Аршез, в ходе войн и бесконечных конфликтов мы потеряли и те деревья, и ту планету. Потеряли себя, став из благородных эльвинов, живущих в гармонии с миром, тем, кем мы стали... Вампирами.

Аня слушала, изумленно распахнув глаза. Благородные эльвины? Эльфы???... «Настоящие сады Древних», деревья-симбионты, питающие энергией... И Арик. Слишком благородный, чтобы быть вампиром, слишком хороший. Вампиры — они ведь зло, а он — нет... Но он ведь...

— А Аршез, он... Он ведь никогда раньше не видел таких деревьев. И садов, он сказал...

— Аршез еще очень молоденький мальчик. Ему всего триста лет, он уже родился вампиром...

— Триста... — почему-то ее сломало именно это. Вампиры, эльфы, другие миры и живые деревья — все это было почти что сказкой, в которую можно почти не верить, просто принять, как условия игры, как необходимость носить длинные платья или хранить в тайне

свое происхождение. Но триста лет!.. Три столетия. Три века, которые он уже прожил... «Ты не просто младше, ребенок, ты младше настолько, что я не знаю, как и жить-то теперь с этим». Вот и она — не знала. Она не заплакала, нет. Просто отвернулась от Рината, прижалась лицом к гладкому стволу, обхватив дерево руками.

Эльфийское дерево тихонько пульсировало в такт с биением ее сердца. Эльфийское. А она...

— А почему ваше дерево... почему я его чувствую? Аршез не чувствует, а я?.. — глухо спросила, не поворачивая головы.

— Видимо, потому, что оно не наше, — спокойно пояснил Ринат. — Как и этот мир — не наш. Структуру Древа я воссоздавал по памяти, используя за основу образцы местной флоры. То есть просто придал земному дереву некоторые иномирные свойства. Но корнями оно держится за эту землю, ее силу и энергию пьет, ее силой и энергией делится. С тобой, как еще одним созданием этой земли.

— Но почему со мной? Или... оно готово поделиться этим с любым человеком, просто я первая до него дотронулась?

— Это Древо растет здесь уже очень много лет. Да и не одно оно, ты же видишь — маленькая роща. И за эти годы до него — да и до других подобных деревьев — дотрагивалось огромное множество людей. А услышало оно только тебя. Да и то — лишь в тот миг, когда Аршез стоял рядом, когда ваши энергии соединились.

— Да! — вспомнила девочка. — Когда я просто коснулась — я его почувствовала, но ствол был твердый, я не могла продавить его. А когда Ар положил свою руку поверх моей...

— У вас очень тонкое сплетение аур, — признался Ринат. — Я даже не представляю, как он это сделал, интуитивно, должно быть, уметь этого он не мог, мы давно разучились... да и смысл потеряли. Вот с тех самых пор, как деревья погибли... Ладно, не важно. Если коротко, то в твоей ауре, как и в ауре Древа, теперь смешано земное и иномирное, человеческое и вампирское. И потому ты послужила ключом... Проводником энергии между Древом и вампиром. Одним-единственным — тем, на которого ты настроена. И через тебя этот мальчик, лишенный корней, возможно, вновь сможет получать энергию земли... этой земли. Как мы все когда-то питались энергией своей родины. Но ведь для него родина здесь.

— И что?.. И тогда?.. То есть, он... — Аня морщилась, пытаясь понять, чем подобное может обернуться. — Он перестанет быть вампиром? Ему будет уже не нужно?

Риньер улыбнулся.

— Это было бы слишком хорошо. Но слишком уж невероятно... Пока ему просто очень плохо от этой новой для него энергии, — признался он девочке. — Она, видимо, совершенно несовместима с кровью, которую вампиры используют в пищу.

— Ему плохо? — она всполошилась, резко оборачиваясь и требовательно глядя в лицо Рината. — Так зачем же мы тут стоим?

— Напитываем тебя энергией Древа. Ведь он, судя по всему, усваивает ее только через тебя. А значит, только ты можешь помочь ему ее усвоить.

— Как помочь? — про все эти энергии Аня поняла не очень. Но если она может помочь — она поможет... Только он ведь вампир, а, судя по книгам, вампирам помочь может только кровь. Ее кровь? Она сглотнула немного нервно. А, ну и что. Даже людям бывает нужна чужая кровь. И в донорстве нет ничего ужасного. Тем более что это она его потащила к дереву, заставила трогать. А ему плохо теперь от этого!

— Сорви три-четыре листочка, — попросил ее меж тем Ринат. — Только выбери

помоложе и посвежее.

— С этого дерева? — это казалось почти святотатством.

— Ты попроси, оно позволит. Объясни, что тебе очень-очень надо.

Аня взглянула на вампира с подозрением. Вроде, не шутит.

— Как попросить? — при мысли о том, что он ее сейчас с деревьями разговаривать заставит, фразы там какие-нибудь ритуальные произносить, стало ужасно неловко.

— Мысленно, конечно. Древо ощущает эмоции, слов оно не услышит.

Сорвала. И отправилась вслед за Ринатом на кухню. Там он выдал ей терку, предложив перетереть сорванные листочки в кашу. Аня послушно принялась за работу. Вот только тереть тонкие листья было не слишком удобно. В результате порезалась. И с испугом смотрела, как крупная капля ее крови стекает вниз по терке и смешивается с растертыми листьями.

— Видно, судьба, — спокойно отреагировал на это Ринат. — Без крови пока никак. Откидывай на марлю, выжимай в стакан и заливай холодной водой, а я пока найду тебе пластырь.

Сока от четырех листочков получилось совсем немного, несколько капель. И их голубой цвет растворился в воде, став практически незаметным.

— Это что? — вопросительно взглянул на нее Аршез, когда Аня протянула ему стакан.

— Лекарство. Ринат сказал, тебе станет легче.

Ар перевел взгляд на Древнего, вошедшего в комнату следом за девочкой. Тот кивнул, подтверждая Анины слова.

Взяв у своего ребенка стакан, Аршез послушно сделал глоток. Чуть поморщился, вкус у напитка был едва терпимым. Сделал еще глоток, пытаясь привыкнуть... И с гневом уставился на Верховного:

— Кто вам позволил брать ее кровь?!

Попытался встать, но ноги не слушались, да и Аня тут же испуганно уперлась руками в его грудь, вынуждая остаться на месте:

— Ар, что ты, сиди, он не брал! Я порезалась просто, случайно, когда листья терла, а она капнула... Там не разделить уже было просто. Она не планировалась, правда.

— Откуда ты знаешь, что там планировалось? — хмуро поинтересовался Аршез, не слишком поверив. Отставил стакан на тумбочку. — Порез покажи.

Желания он не почувствовал, жажды тоже. Только тревогу, что его ребенка используют как источник крови. Пусть и для него же.

— Вот, — Аня неуверенно протянула ему ладошку. — Только я заклеила уже все.

— Ты ведь не будешь возражать, если я отклею? — осторожно взяв ее руку в свои, он нежно погладил пальцем ее ладонь. Потом подцепил край пластыря и аккуратно снял защиту с ее среднего пальца.

Аня вздохнула немного нервно. Риньер сделал шаг вперед, ожидая от мальчика любой реакции, вплоть до потери контроля, и готовый молниеносно вмешаться... Но пока не требовалось.

Аршез внимательно разглядывал ранку. Не укус, даже не прокол. Да и на ровный след, оставляемый острым лезвием, не похоже. Капелька крови, выступившая на ранке, мешала, и он, не задумываясь, слизнул ее языком. Аня вздрогнула, почувствовав, как щеки мгновенно опалает жаром, сердце замирает на миг, и тут же начинает бешено колотиться, ноги становятся ватными... И даже не заметила, как оказалась у Аршеза на коленях, крепко, но

бережно прижатая к его груди. Испугаться не успела. Или не смогла, невероятно остро реагируя на то, как он целует ее пальчик, проходится языком по ранке, чуть посасывает и вновь целует. Застонала, бессильно утыкаясь носом в его шею. Не выдержала, коснулась его кожи губами, обнимая его свободной рукой, прижимаясь к нему сильнее.

Его пальцы скользнули ей в волосы, круговым движением, будто массируя, он огладил ее затылок. Неожиданно резко дернул за волосы, заставляя поднять лицо. И жадно приник к губам, едва сдерживая клокочущую внутри страсть. Он хотел ее! Вождеделел! Жаждал!

А она не сопротивлялась. Ураган его эмоций стал ее ураганом, она отчаянно целовала его в ответ, и не могла насытиться поцелуями, задыхалась от желания чего-то большего, тонула, плавилась, растворялась. Его ладони обжигали даже сквозь одежду, но тем ненужнее эта одежда ощущалась сейчас, кожа зудела, соприкасаясь с тканью...

Острые, как иглы, зубы пронзили ее нижнюю губу внезапно. Она вздрогнула, не сдержав крика боли, от неожиданности на глазах выступили слезы. Попыталась дернуться, запаниковав, но его руки, еще секунду назад обнимавшие нежно, внезапно превратились в стальные канаты. Убрав зубы из раны, он засосал ее губу себе в рот, жадно глотая текущую из ранки кровь, самую вкусную из тех, что ему когда-либо доводилось пробовать. И ощущая, как ее боль вновь сменяется наслаждением, как она вновь расслабляется в его руках и тихо постанывает, деля с ним его удовольствие. Его губы скользнули по нежной девичьей щеке и спустились к шее, где так трепетно билась тонкая жилка, а запах крови...

— Хватит, Аршез, — мужской голос прозвучал спокойно, но очень холодно, и его руки плетью упали вниз, а сам он замер, не в силах пошевелиться.

На то, чтоб осознать произошедшее, Ане понадобилось еще несколько секунд. Затем она медленно отстранилась, с недоумением глядя на замершего Аршеза. Вспомнила, что они не одни, повернула голову... И, вспыхнув от смущения, отскочила к окну.

— Простите, — несколько нервно одернув платье, она обхватила себя руками крест-накрест и в панике смотрела на Рината. И как она могла забыть о нем? Как могла позволить себе в его присутствии?.. Да как она вообще могла?..

— Все хорошо, Анечка, не переживай, — ободряюще улыбнулся ей Верховный куратор.

— Я смог бы остановиться и сам! — получивший возможность двигаться, Аршез выпрямился в кресле, яростно буравя глазами Древнего.

— Не факт. А проверять не хотелось, — спокойно отозвался тот. — Идем лучше ужинать. Проблемы, насколько я вижу, больше нет?

— Есть, — Ар встал из кресла и, бросив Верховному предупреждающее: «я себя контролирую!», подошел к Ане. — Прости меня, — попросил негромко, осторожно обнимая за хрупкие, чуть дрожащие плечи и касаясь виском виска.

Она покивала — часто и немного нервно — и склонила голову, пряча лицо у него на груди. Он осторожно провел рукой по ее волосам. Почувствовал, что даже от этого простого жеста, от ее доверчивой близости, от ее запаха, такого сильного сейчас, когда она растревожена, от умопомрачительного вкуса ее крови, в нем опять поднимается желание, дикое, почти не контролируемое уже.

— Мне действительно лучше выйти. Проссти, — стремительно оторвавшись от нее, он вылетает прочь.

Риньер переводит взгляд с девочки на забытый Аршезом стакан с соком Древа. Увы, чуда не произошло. А как сладко было надеяться... Он взял стакан, чуть поболтал, любуясь, как голубоватые ниточки силы переливаются в хрустальном обрамлении воды. И вылил в

распахнутое в сад окно.

— Зачем? — ахнула на это девочка. — Вы же говорили... лекарство.

— После крови? Уже нет, моя хорошая, это вещи несовместимые, — он вздохнул. — Да и не нужно теперь ему, ты сама на него, как лекарство подействовала. Идем, покажу тебе твою спальню.

— Спальню? — чуть нервно хмурится Аня.

— Не переживай, она сразу за стенкой. Ты будешь чувствовать Аршеза, так же, как и он тебя.

— Да нет, я... Просто не думала, что мы тут останемся на ночь.

— Завтра с утра я везу вас в школу, ты не забыла? Так зачем вам сейчас куда-то уходить, а потом возвращаться? Располагайся, — он открыл перед девочкой дверь ее комнаты, пропуская вперед. — И ты все же подумай, Ань. О том, чтоб остаться в школе. Аршез хороший мальчик, я с этим не спорю. Но надо ли тебе так спешить? Страсть будет только усиливаться. Будь он человеком, в этом не было бы ничего плохого. Но он вампир, Аня. С ним ты рискуешь здоровьем.

Она кивнула, слишком смущенная, чтобы ответить, и Риньер наконец оставил ее одну. Надо было еще проверить, как там мальчик. Да и сам он ведь так и не поужинал. Впрочем, в том, что на этот раз с едой у Аршеза проблем не будет, он практически не сомневался.

Но как же все-таки жаль... Он почти поверил...

* * *

Аршез пришел, когда Аня уже легла. Сначала она хотела его дождаться, но усталость взяла свое, день был, все же, излишне насыщенный. К появлению в доме «гостей» Ринат был готов даже лучше, чем Ар: в комнате Аню ждали не только халат и тапочки, но и ночнушка, длинная и не слишком открытая, вот только тоненькая настолько, что почти прозрачная на просвет. Но ведь гулять по дому Аня в ней и не собиралась. Приняла душ и легла, и почти задремала, когда он осторожно вошел в ее комнату и присел на кровать.

— Как ты, маленькая моя?

— Ничего, — она взглянула на него огромными, немного растерянными глазами. — Тебе уже лучше?

— Да, малыш, все хорошо, — он осторожно протянул руку и поправил ей прядь волос, упавшую на лицо.

— Ринат сказал, это все из-за дерева...

— Ринат сказал... — он вздохнул, устало улыбаясь. — И что там с деревом? Я потревожил его, и за это оно наслало на меня страшные кары? Все же Древние — неисправимые сказочники...

— А ты совсем ему не веришь? — огорчилась Аня.

— Ну почему... верю, — был вынужден признать Аршез. — Не в древесные байки, конечно. Но в то, что он желает тебе добра, после случившегося верю точно.

— А я — нет! — Аня вновь вспомнила это «случившееся». Рината, который, вместо того, чтобы отвернуться, нависает над ними в самый интимный момент. То, как он обездвижил Ара, велел прекратить, словно они — младенцы неразумные. Свой стыд, страх, горечь неудовлетворенных желаний.

— Он страховал тебя, ребенок. Видел, что со мною не все в порядке, и страховал. Ему было не все равно, понимаешь? Я ведь не отдал тебя ему, наговорил... нахамил, практически. Он мог бы просто в стороне постоять, посмотреть, чем дело кончится, а потом сказать с умным видом: «ну видишь, я ж говорил». А он страховал. Чужую девочку. В нарушение всех гласных и негласных законов, в открытую превышая свои полномочия...

— Что?.. — нахмурилась Аня. И продолжила значительно тише: — Спасибо, что ты мне напомнил, кто я в глазах закона. То есть, по правилам, ты мог убивать меня, а он все равно не должен был вмешиваться?

— Да, — со вздохом признал он. — Но ему было наплевать на правила, понимаешь? Ты для него не вещь, не собственность... А я, если честно, впервые вижу Древнего, который бы так относился к людям. Они эти правила сами выдумали, они им следуют.

— И много ты знаешь Древних?

— Достаточно.

Они помолчали. Он впервые подумал о том, что, возможно, Верховный прав, и его закрытая школа — лучший для нее выход. Жить с неуравновешенным вампиром, который то жаждет до потери рассудка, то тошнит от вкуса еды, слишком опасно. Тем более, он так и не понял, что это было, и нет никаких гарантий, что приступ не повторится.

А Аня опять споткнулась о возраст.

— Ар, — позвала неуверенно.

— Да, малыш.

— А тебе правда... триста лет? — не думать об этом не получалось. И каждое его «малыш», «маленькая», «ребенок» теперь больно резало слух, отталкивая ее от него, казалось, на другую сторону пропасти.

— Риниеритин сказал?

— Да... Так это правда?

— Правда, ребенок. Не пугайся, это не много. Мы просто живем гораздо дольше, чем люди. Очень медленно взрослеем, у нас даже совершеннолетие только в двести лет наступает...

— И все равно, ты после своего совершеннолетия уже целых сто лет прожил, — расстроено перебила его девочка. — И все у тебя в жизни уже было. А я...

— А тебя в моей жизни еще не было, — уверенно перебил ее Аршез. — Триста лет ждать пришлось, когда ты придешь. Только обрадовался, что дождался, а теперь опять... уходишь. И опять мне тебя ждать...

— Куда это я уйду? — она аж села на кровати от таких заявлений. — Ты только утром говорил, что я твоя. Что ты не отдашь.

— Не отдам. Но позволю уйти, если ты выберешь его школу. Мне очень не хочется признавать это, но это был бы правильный выбор, — он склонился к ней, приобняв за плечи осторожно поцеловал ее в лоб. — Спи, Анют. Завтра будет насыщенный день.

И ушел. А она еще долго сидела, обхватив коленки, и прислушивалась к его эмоциям, улавливать которые тонкая межкомнатная стенка совсем не мешала. Он был расстроен, ему тоже совсем не спалось. И она бы, наверное, наплевала на все приличия и пришла к нему, чтоб сказать, что она любит его и никогда его не оставит.

Но у нее все еще текла кровь. А он очень просил не бегать к нему в спальню в таком состоянии.

День десятый

Утро встретило солнцем, бьющим прямо в глаза, щебетом птиц. И ощущением, что Аршеза за стенкой нет. Опять он проснулся раньше. Но далеко не ушел, она это знала.

Выглянула в окно, и сразу нашла его взглядом. И тут же нахмурилась, наблюдая за странной картиной. Ар был в саду не один, с Ринатом. Босой, без майки, с распущенными волосами, он стоял на коленях на земле, склоняясь над чем-то, Ане не видимым. За его спиной, чуть сместившись вправо, стоял Ринат — правда, уже полностью одетый и со строгой прической. Но тоже на коленях. Мало того, он еще и крепко прижимался к Аршезу, обхватив его одной рукой за пояс и поместив свою раскрытую ладонь куда-то в район солнечного сплетения молодого вампира. Ладонь правой руки Древнего лежала поверх ладони Ара, опущенной к самой земле и чуть дрожащей от напряжения. Оба не двигались и смотрели на свои соединенные руки. Или на то, что ладонь Аршеза накрывала, словно маленьким куполом.

Недоуменно полюбовавшись на них какое-то время, Аня отвернулась от окна. И тут же наткнулась взглядом на свое бежевое платье, аккуратно развешенное на стуле, и стоящие рядом скромные босоножки на низком, устойчивом каблучке, которые они купили вчера вместе с золотыми туфельками. Этот наряд, конечно, куда больше подходил для поездки в школу, чем тот, в котором она прилетела вчера в дом Верховного куратора. Да и золотые туфли оказались вполне под стать своему сказочному прототипу: ходить на шпильках, да еще и таких высоких, для девочки было непривычно, и ноги теперь болели. Но вечером, когда Аня засыпала, эти вещи все еще лежали в сумке, оставшейся в машине, а теперь...

С улыбкой покачав головой — нет, он совершенно невозможен: сам раздетый по саду бродит, а об ее одежде уже успел позаботиться — она отправилась умываться, а затем и на кухню. Путь был неблизкий, кухня в этом огромном особняке располагалась в соседнем крыле, но дорогу девочка накануне запомнила.

На кухне обнаружился молодой человек, назвавшийся Степой и выразивший желание накормить Аню завтраком. Девочка чуть смутилась: все же ситуация, когда завтрак ей готовят незнакомые молодые люди, была для нее несколько странной (мужчины, готовящие еду, для нее вообще выглядели странно), но, раз уж тут такие порядки, возражать не стала. Правда, от предложения сварить ей на завтрак кашу все-таки отказалась. «Яичница с сосисками» звучало предпочтительней. Но том и порешили.

— А ты правда мог бы сварить кашу? Сам? — удивления все-таки скрыть не сумела.

— Девчонки такие смешные, — он, к счастью, совсем не обиделся, — почему-то считают, что приготовление еды — это такая запредельная сложность, нам, простым смертным, и не доступная.

— Да нет. Просто... зачем тебе? Сам же ты ее не ешь, хозяин дома — вампир.

— Зато его гости — вполне даже люди. А когда девочки с утра даже голову поднять от подушки не могут от слабости, только диетической пищей и выходит откармливать — жиденькой, с ложечки... Так что я здесь — и повар, и медбрат. Если что — обращайся, — он лихо ей подмигнул, ставя на стол тарелки. — Вернее, если что — даже не сомневайся, я сам тебя найду, напою, накормлю, со всем помогу, — продолжил уже совершенно серьезно.

— Да нет, я... — Аня отчаянно покраснела, осознав, о чем именно он рассказывает, — здесь в другом смысле «в гостях»... просто в гостях.

— Судя по тому, что ты пришла ко мне, а не я к тебе — я догадался, — легко улыбнулся Степа.

Аня кивнула, сосредотачиваясь на еде. Но совсем отмахнуться от слов Степана не получалось.

— Скажи, а слабость... Ар сказал... Мне сказали, что крови они берут немного...

— Еще совсем не было такого опыта? — он взял стул и присел рядом. — Да ты не смущайся. Крови, конечно, берут немного, но... У организма ведь нет лишней крови, верно? Вся, что есть, вся нужна. А если кровь ты теряешь быстро... Словом, чем быстрее ты ее теряешь, тем сложнее организму перестроиться и компенсировать потерю. И тем острее ощущается нехватка. К тому же, ты ведь не только кровь теряешь.

— А что? — Аня взглянула недоуменно.

— Энергию, силы. Сильнейшее возбуждение провоцирует мощнейший же выброс. А потом ты опустошен. Вплоть до потери сознания. В себя приходишь тяжело и не скоро... Но ты не переживай, откачивают всех. Если надо — еще и реанимацию подключают, тут такое оборудование в доме — с того света достанут.

— Еще и реанимация... — Аня зябко поежилась.

— Да ты не переживай, оно того стоит. После всех эмоций, что ты получаешь в процессе, все последствия такой ерундой кажутся.

— А ты когда-нибудь сам?.. — недоверчиво взглянула на него девочка.

— А то! Бывал и на моей улице праздник, — Степан просто излучал самодовольство. — Тут в гости не только человеческие девы заглядывают. А какие вампирши красивые, ты бы знала! — он мечтательно закатил глаза. — Нет, мужчины у них, конечно, тоже весьма ничего, но женщины...

— Степа, я, конечно, рад, что вхожу в категорию «весьма ничего», но ты Аню своей болтовней от еды отвлекаешь, а нам бы уже ехать надо, — хозяин дома возник на пороге кухни несколько неожиданно. — Как всегда спокойный, с легкой улыбкой и в непроницаемо черных очках. — Идем, поможешь мне.

Аня осталась одна. После Степиных слов на душе было слишком тревожно, аппетит пропал. Но поесть было надо, она понимала. Да и Ар волноваться станет, что она голодная.

Аршез нашел ее, когда Аня уже допивала чай. Полностью одетый, со строгой прической.

— Что случилось, ребенок? — то, что она расстроена, почувствовал сразу.

— Да нет, ничего, это я так... Волнуюсь немного перед поездкой, — обсуждать с Аром последствия вампирских укусов не хотелось. Что толку? Он все равно не сможет изменить эту часть реальности. Только расстроится сам оттого, что она боится. А она... боится, да. Вот Степан не боится, для него это нормально, желанно даже, а она... — А что вы такое странное с Ринатом в саду делали? — решила перевести тему. — А то просыпаюсь, а вы там... полуголые... да еще и обнимаетесь...

Он смеется.

— Ну и фантазии у тебя, ребенок. Он всего лишь показывал мне, как вырастить дерево.

— А обниматься зачем?

— Чтоб я энергию мог почувствовать, токи силы. Понимаешь, он их через меня пропустил, это чувствуешь, словно... Возникает ощущение, будто сила — моя, я ей управляю... — он стал задумчив.

— И каково это?

— Словами передать сложно, — Ар отодвинул ближайший стул и присел. — Понимаешь, я никогда раньше не соприкасался... с такой силой. Теоретически знал, конечно, что прежде мой народ ею обладал, а единицы и после перехода в новый мир сохранили... Но чувствовать это самому, так, словно это мое... Впервые в жизни мне жаль, что я не родился лет на пятьсот пораньше. Совсем в другом мире. С совсем другими способностями и возможностями... Понимаешь, не вырезать из дерева подобие дерева, а просто вырастить его — таким, каким захочешь...

— А вы вырастили сейчас? Большое?

— Нет, не большое, росток. Тоненький прутик, который ты из маленького зернышка вытягиваешь сам — кормишь его своей силой, уговариваешь изгибаться так, как это нужно тебе, выпускать новые веточки там, где ты это задумал... — Аршез смотрел на нее широко распахнутыми глазами, но казалось — не видит. Он все еще в саду, все еще тянет из земли свой «тоненький прутик». Да уж, вампир... аккурат из эльфийского леса. Даже ей представить такое смещение было сложно. Каково же ему?

Обойдя стол, Аня прижалась к нему со спины, обнимая. Какой же он, все-таки... Если бы еще не вся эта кровь...

* * *

В школу Ринат повез их на своей машине. Человеческой машине по человеческим дорогам. Сказал, его школа временно базируется на территории пустыющего летом детского садика, и вампирские машины, зачистившие в это заведение, смотрелись бы слишком уж невероятно.

— Проект специального здания уже закончен, — рассказывал Ринат по дороге, — место тоже уже выбрали. На берегу реки, в окружении леса, вдали от населенных пунктов, чтоб любопытные вокруг не бродили. Будет большая зеленая территория — и для прогулок места хватит, и для занятий спортом. Очень хотелось бы закончить строительство до сентября. Правда, мне осторожно намекают, что от осознания того, что я — вампир, бетон быстрее не затвердеет, и технологические паузы придется выдерживать, если я не хочу, чтоб все строение разъехало, как карточный домик...

Светлейший Риниеритин непринужденно болтал, делился планами, обращал Анинс внимание на те или иные достопримечательности, мимо которых они проезжали. И Аня послушно вертела головой, рассматривая сквозь стекло то одно, то другое здание, временами задавала уточняющие вопросы, чтоб поддержать разговор и продемонстрировать Ринату, что его экскурсия интересна и познавательна. Беря пример с Аршеза, она пару раз попыталась назвать его полным именем, но, видимо, неудачно, потому что он это пресек, и с улыбкой попросил и дальше звать его исключительно Ринатом, и ни на кого не обращать внимания.

Аршез в беседе участия не принимал. Просто сидел, крепко обнимая одной рукой свою девочку, и размышлял о чем-то. Не слишком веселом, судя по ощущаемым Аней эмоциям.

Двухэтажное здание детского садика располагалось внутри квартала, среди жилых домов, окружавших его со всех сторон. Двухметровый забор, ограждавший его территорию, сплошь состоял из тонких кованых прутьев, и скрыть что-либо от посторонних взглядов был попросту не способен. В настоящий момент двор был пуст, песочницы на детских площадках закрыты темно-синими чехлами, застывшие в безмолвии качели невольно притягивали взор

ярко-красным пластиком сидений, на дорожке одиноко лежал забытый мяч.

Ворота открывались автоматически, и потому гостеприимно распахнулись, стоило им подъехать, и закрылись вновь, едва их машина оказалась на территории. Которая, как внезапно выяснилось, вовсе не была безлюдной.

Мяч не валялся на дорожке, в него играли трое ребят. Качели не пустовали, на них сидела девушка, беседуя с двумя стоящими возле нее подругами. Вот разве что песочницы своего вида не изменили совсем — все те же чехлы — но, видно, лишь потому, что старшекласников игры в песочке не заинтересовали.

— Школа изолирована полностью, — пояснил Ринат в ответ на недоуменный взгляд девочки. — Накрыта куполом, выдающим на внешнюю сторону картинку пустующей территории. Ну а изнутри он просто прозрачен, видно все, как есть.

— А как же наша машина? — нахмурилась девочка. — Она что, въехала и пропала?

— Первое время видна. Но смотреть на купол дольше пары секунд не выходит, тянет отвернуться.

— Я смотрела дольше, когда мы подъезжали.

— Так у тебя мотивированный интерес. Но исчезновение машины ты бы все равно пропустила. Обернулась — а ее нет уже. Уехала.

— А потрогать этот купол можно? — любопытствовала Аня, имея в виду скорее, ощутим ли этот невидимый купол на ощупь.

— Можно, — улыбнулся Ринат. — Его тут уже и трогали, и пробить пытались, и ножом разрезать. И просто пройти насквозь.

— Не удалось? — улыбнулась девочка, уже зная ответ.

— Нет, — согласился Ринат, выходя из машины, — не удалось.

К ним уже подошли. И те ребята, что в мяч играли. И из здания несколько человек выскочило. А вот девочки от качелей не отошли. Хихикнули (видимо, вместо приветствия) и остались на месте.

— Здравствуйте, — просиял навстречу Ринату темноволосый мальчишка. — А вы не говорили, что сегодня придете.

— Не говорил. Но планы немного поменялись. Вы разве против? — Ринат непринужденно улыбался ребятам.

Аршез выходить не торопился, внимательно всматриваясь в школьников сквозь стекла машины.

— Что? — обернулась к нему Аня, тоже не спешащая на выход.

— Он их не трогал. Ни одного из тех, кто к нам подошел. Тех девочек отсюда не чувствую. Но страха или обреченности в них тоже нет. Они рады, что он приехал, немного влюблены, немного стесняются...

— Немного влюблены? — легкость, с которой он прочел и озвучил чувства этих девочек, слегка покорила. Про нее он тоже говорит друзьям: «немного влюблена, немного стесняется»? Или не немного уже?

— Очеловечусь я с тобой, ребенок, — горько вздохнул Аршез — не то в шутку, не то не совсем, — и начну ревновать к Верховному.

— П-почему? — да уж, ощущать чужие эмоции — это совсем не то, что читать мысли. Вот где у этого вампира логика?

— Потому что тебе не безразлично, что чувствуют к нему эти девочки, видимо. Идем, Ринеритин нас ждет.

Аршеза Ринат представлять своим детям не стал, бросил коротко: «мой сотрудник». А вот про Аню рассказал куда подробнее. И что она их землячка, и что прилетела к ним в страну на одном с ними самолете. В их группу, правда, изначально не попала, но теперь у него есть шанс восстановить справедливость, предоставив Анечке и, возможно, еще нескольким ребятам, которых удалось отыскать...

Слушать подобное было не слишком приятно. Думалось, что если б она не сбежала от Аршеза, Ринат бы ее и не «отыскал». И так бы и жили они с Аром — без перспектив и без будущего, вне закона, только на Аровой природной доброте и щедрости... А что там искать-то было? Он же сам составлял все списки, сам всех распределял. Просто забыл ее и всех прочих, уединившись со своими счастливицами, а теперь распинается...

Наконец Ринат пригласил их внутрь. Дверь возле самого входа украшала табличка «Медкабинет».

— Кабинет здесь пока что мой, — вампир распахнул дверь, позволяя гостям заглянуть внутрь. — Пришлось переехать на время сюда, оставив Управление, слишком уж много проблем по первости возникало, мои сотрудники не справлялись. Своего врача пока у нас нет, но уже подумываю о том, чтобы обзавестись. Так, на всякий случай.

Провел чуть дальше по узкому коридору. Для маленьких детей он, наверное, вполне просторен, у Ани же возникало ощущение, что тесновато.

— Тут у нас комнаты мальчиков, — Ринат распахнул следующую дверь. Пахло далеким детством. Ряды шкафчиков с умильными картинками на дверцах и низенькие скамейки в тесной прихожей, дальше открытая дверь в общую комнату. — Там гостиная, — кивнул Ринат. — Вроде как мальчиков, но, поскольку девочки там уже присутствуют, зайдём и мы. — Утро доброе! — поприветствовал он ребят, заходя. — Еще гостей примете?

И вновь его появление вызвало лишь положительные эмоции у всех присутствующих.

— А они знают, кто вы? — не выдержала Аня.

— Я им рассказывал, — кивнул Ринат. — Но не показывал, и потому они воспринимают это несколько абстрактно, почти как сказку. Угрозы для себя они, как видишь, не ощущают.

Аня кивнула. Ну да, они здесь, в этом «детском садике», изолированы от всего, Ринат приходит, как на работу, изображает «своего парня», потом возвращается к себе в особняк, зовет в гости девушек из местных... А там уже и реанимация, и добрый Степа с жиденькой кашкой. Все условия...

— Мебель, как вы видите, всю поменяли, купили новую, чтоб ребятам было удобно...

Ребятам было удобно. Одна девушка сидела на коленях у расположившегося в кресле парня, другая — на широком подлокотнике соседнего кресла, в котором с комфортом развалился еще один.

— Там, дальше — спальня. Общая, тут помещения другой планировки не предполагают. Но в новом здании у нас будут комнаты на двух человек, чтоб и не тесно, и не скучно...

Он провел их в столовую, и в комнату для занятий...

— Классных комнат, конечно, надо бы две, у нас два класса получилось — десятый и одиннадцатый, но в этом крыле с помещениями не густо, а остальную часть детского садика мы опечатали, дабы не было недоразумений и ненужной порчи имущества. Все же ребята здесь не совсем добровольно, а потому вполне естественны всякие... проявления недовольства, — продолжал свою экскурсию Ринат. — Так что пока используем для занятий еще и столовую, а дальше...

Да, дальше все будет замечательно, это Аня уже поняла. Да в общем, и так неплохо. Разработанная специально программа обучения, экскурсии — за эту неделю они были уже на трех. Спортивные занятия каждый день — «чтоб было, куда энергию расходовать». Даже бассейн — очень маленький и мелкий, конечно, но он тоже здесь имелся, и к посещению был обязателен. Все для здорового образа жизни и гармоничного развития личности.

Аня вздохнула и взглянула на Ара. Тот прятал глаза за черными очками, а свои не слишком радостные эмоции — за непроницаемым выражением лица. Вопросов он Ринату не задавал, просто кивал, принимая к сведению его рассказ.

Который тут же подтверждали «любимые ученики», часть которых ходила за ними хвостом из помещения в помещение. Радостно дополняя «а еще у нас было то, а еще мы видели это».

Аня видела меньше. Она просто жила. Ходила по магазинам, отдыхала на озере, развлекалась в парке... А здесь по магазинам не выпускали. Одежду они заказывали себе по каталогу, всем остальным их обеспечивали. Эдакий летний учебно-оздоровительный лагерь. И действительно, совсем не страшно, даже весело. И можно жить с иллюзией, что это не навсегда, что смена скоро кончится, и тебя отвезут домой, к маме с папой... Не отвезут. Просто выпустят в этот мир, на который пока позволяют смотреть лишь сквозь прозрачную стенку купола.

Ринат сказал, после окончания школы — успешного окончания, с безукоризненно сданной «социализацией» — можно поступать в любой вуз страны, в любом городе, они все имеют общежития. Можно, конечно, не поступать, но... Верховный куратор ненавязчиво намекал, что таким талантливым детям, да при возможности получения бесплатного образования, да зарывать свой талант в землю... Словом, к поступлению в вуз он их тут будет готовить целенаправленно, учитывая требования данных заведений.

И это был несомненный плюс, Аня понимала, самой ей будет куда сложнее. Но что-то, все-таки, коробило. Неясное, неосознанное. И, рассматривая помещения этого «кукольного домика», Аня не ощущала желания здесь остаться. Не воспринимала учеников этой школы «своими». Да, они летели в одном самолете. А до этого жили в одной стране. Ну... и что?

Пока они радостно делили тут кровати и тряпки, Аня и другие ребята из тех, кто Ринату чем-то не глянулся, умирали от ужаса, глядя, как их раздают по одному неизвестным лицам в неизвестных местах и с неясной целью. Пока эти счастливики не просто верили в «гостиницу», но и получили ее в лучшем виде, Аня, Никита и другие не только узнавали, что все это ложь, но оставались наедине с теми, для кого они — просто еда, просто собственность, на содержание которой не выделено столь богатое финансирование, как на обустройство этого милого места. А все ли были так щедры, как Аршез?

— Ринат, простите, — нет, она не перебивала. Просто дождалась, когда он сделает паузу. — А другие ребята, которые не попали в первую группу? Ну, хотя бы те, что со мной в автобусе вместе... летели: Никита, Гаянэ, Даша, другие школьники — что стало с ними? Их вы позвали в свою школу? Они согласились?

Ребята вокруг взглянули несколько странно. Не то с недоумением, не то с жалостью, не то с неодобрением.

— А ты с ними знакома? — а вот Ринат взглянул откровенно заинтересованно.

— Ну... так. Познакомились, пока летели... «в гостиницу», — не удержалась. Он ведь даже не солгал про гостиницу. Просто не уточнил, что возьмут не всех. А гостиницу создал. Всю такую образцово-показательную... Аж тошно.

— Да? Это очень хорошо, Анечка, мне тогда твоя помощь понадобится в одном вопросе. Мы чуть позже это обсудим. А пока давайте, наверно, поднимемся на второй этаж, там у нас комнаты девочек...

Поднялись, посмотрели и эти комнаты. Потом Ринат увел Ара про учебные планы рассказывать, с методистом знакомить. А Ане предложил остаться и «с коллективом пообщаться». Аня несколько растерянно оглянулась на покидающего помещение Аршеза. Но осталась. Общаться.

— Ну, давай, рассказывай, как ты? Как тебе удалось выжить? — налетел на нее вихрь девчачьих вопросов. Ее тут же приобняли, утащили в спальню, посадили на кровать, обступили тесно.

— Да я... не знала, что выживаю, — несколько растерялась от такого напора Аня. — Просто жила.

— Где жила? Как? Ринат сказал, никого не осталось. Что всех остальных... убили, — девчонка, что спрашивала ее, нервно вздрогнула на этом слове. Да и остальные смотрели совсем не весело. Та радость, что они излучали при виде Рината, словно испарилась с его уходом.

— Убили? — переспросила Аня севшим голосом. — Он сказал, что нас всех... убили? В тот день он отправил нас всех умирать? То есть, он даже не сомневался, что?..

— Так что, не всех? Вы не умерли, да? — а девчонкам отчаянно хотелось верить, что мир за забором — чуть лучше, чем им рассказали.

— Я ничего не знаю про всех, — очень тихо выдавила Аня. — Я даже про вас ничего не знала. До вчерашнего дня. Нас... раздали... по одному... в частные руки... Я вышла из автобуса... где сказали... и больше никогда и никого не видела.

— В частные? В смысле? То есть? Вампирам? — они галдели наперебой.

— А кому еще? Не людям же... В полную собственность. Как вещь, как еду. Как живую игрушку, — она вздохнула, представив, что могло бы быть, попади она не к Ару, а к кому-то другому. — Но мне повезло, — поспешила она добавить. — Мне просто сказочно повезло, он никогда меня не трогал... не обижал. Я даже не знала, что он вампир. Просто жила. И, если бы не стечение обстоятельств, может, и до сих пор бы ничего не узнала.

— Погоди, ты жила с вампиром? Ну, с мужиком? Вдвоем? Или у него большая семья? А другие люди у него были? Может, из местных кто? Ринат говорил, они иногда соглашаются. Сами, добровольно.

— Соглашаются, — кивнула Аня. О себе и Аршезе решила не уточнять. — И даже не иногда, насколько я поняла. Для них это честь, вампиров они обожают.

— Да, Ринат тоже так говорит, но верится как-то...

— Мне говорил не Ринат. А те люди, с которыми я общалась. И, кстати, они почти агрессивны становятся, если это обожание не поддерживать.

— Ты общалась? То есть ты ходила по улицам, разговаривала с местными?..

Аня кивнула. И дальше рассказывала она. Обо всем, что успела увидеть и почувствовать, прожив эту неделю «в естественной среде». Им было ей рассказывать не о чем. Самое главное они ей уже сообщили: Ринат осознанно отправил всех, кроме этих счастливиц, на смерть. И просто вычеркнул из памяти, как из своего элитного списка.

Хотя нет, еще одну важную вещь они ей сказали. Объяснение, почему они избраны для жизни, в то время как всем остальным досталась лишь смерть.

— Мы — элита разума, — выдали ей откровение «от Рината». — Будущие ученые и

исследователи с огромным творческим потенциалом. Мы способны в будущем внести значимый вклад в науку этой страны. И потому наш разум куда ценнее, чем кровь.

«Разумный-неразумный», как и объяснял ей Аршез, вечная игра на человеческой гордыне. А ведь действует. Даже на неподготовленных.

— А как же то, что в том самолете все были — элита? Мы все там были лучшие. Все — победители и призеры, все — значительно выше среднего уровня. Ваш Ринат, он как — по крови определил, что ваш будущий вклад в науку будет существеннее, чем у всех остальных?

— Может, и по крови, — ответили ей уже куда с меньшей приязнью. — Они эту кровь ты знаешь, как чувствуют?

— Я — знаю. Вы — вряд ли.

Поднялась и отправилась искать Аршеза. И не страшно, что он в очках. Она его чувствовала. Все равно.

Да и вариантов тут было немного. Вампиры расположились в том самом «Медкабинете». Строгая пожилая женщина с внушительным пучком седеющих волос, чуть приспустив на нос очки, с самым серьезным видом вещала что-то Аршезу, стуча пальцем по раскрытой перед ним книге. Ринат стоял возле стола, за которым расположились эти двое, и, как показалось девочке, смотрел на них чуть снисходительно

Прерывать не хотелось, но на душе было слишком горько и так не хватало его тепла, его поддержки, даже безмолвной. Аня подошла к Аршезу сзади и обняла за плечи. Отчаянно прижалась, словно ребенок, ищущий у взрослого защиты от всех страхов мира.

— Ну, что ты, Анют? — разумеется, он прервался. — Иди сюда, — усадил к себе на колени и обнял. Успокаивающе погладил по волосам, по спине, пытаясь унять ее дрожь. — Что случилось, малыш?

— Пожалуйста, Ар! — отчаянно зашептала ему девочка. — Пожалуйста, не оставляй меня здесь! Пожалуйста!

— Анечка, что ты? Разумеется, тебе не обязательно здесь жить. Хочешь, буду каждое утро тебя привозить и забирать сразу после уроков?

— Нет! Нет, пожалуйста, я не хочу здесь учиться! Я не могу, я сойду здесь с ума!.. Я все выучу... буду учиться дома... сдам все экзамены... Только не здесь, Ар, пожалуйста!.. В любой чернометской школе... в любой школе, только не в этой!

— Да что случилось, ребенок? Что здесь не так? Вполне милые дети. Улыбающиеся, всем довольные, сытые. Их тут точно никто не обижает...

— Сытые! Нет, ты точно не исправим! — она даже рассмеялась. Вот только слезы из глаз все равно покатались. — Сытые!.. А знаешь, о чем думают эти сытые дети, глядя на меня? Почему я жива. Почему я жива и нахожусь среди них. Ведь они — элита разума, им так объяснили. А все остальные разумом не вышли и потому сгодились только на кровь. Так что же делаю я, человек второго сорта, годный только на кровь, среди них, элиты? Ах, да, меня не удалось убить, пришлось приютить из жалости...

— Анна, ты немного утрируешь, — подал голос Ринат. — Уверен, все не так пло...

— Утрирую? — она резко развернулась к нему, вставая на ноги. — А знаете, что думаю я, глядя на этих «сытых детей»? О чем буду думать постоянно, на всех уроках и на всех переменах? «Чем они лучше?» Эти дети первого сорта, эта элита из элит — чем они лучше? Меня, любого другого школьника из нашего злополучного самолета? Почему им — гарантированное место в вашем человеческом обществе, все условия для образования и личностного роста, а нам — смерть? Что с нами не так? Что не так со мной, что вы не сочли

меня достойной жизни? И сначала приговорили, а потом и похоронили заочно?

— София, вы не оставите нас? — Риниеритин взглянул на свою сотрудницу. — Нам надо поговорить.

Она кивнула и вышла. Они остались. И тишина, казалось, звенела, пока дверь за женщиной не закрылась. И Аня не выдержала этой тишины, села вновь. Только уже не на колени к Аршезу, а рядом, на свободный стул. Тяжело опустилась, придавленная этой тишиной, как безысходностью. Что толку в громких словах?

— А нет причины, Анют, — Риниеритин отодвинул стул и тоже сел. — Вернее, она ровно одна. Когда ваш титаник пошел ко дну, мне выдали только пятнадцать спасательных жилетов. И не было времени выбирать достойных. Можно было смотреть, как гибнут все, или попытаться спасти хоть кого-то... Они не лучше и не хуже, Аня. Они те, до кого я успел дотянуться. А потом... Ты думаешь, выжившие не спрашивают: «почему я?» Не ищут причину, почему они выжили, когда другие погибли? И я придумал им эту причину. А они за нее ухватились. Им тоже страшно, Ань. Они тоже боятся сойти с ума...

— Вот и... позвольте мне учиться там, где не боятся. Как я смогу научиться любить Великих и безгрешных вампиров, постоянно находясь среди тех, кто помнит, что вы — убийцы?

— Единственным способом, наверное. Через любовь и уважение к тем из нашего народа, кто заслужил это в твоих глазах своими делами. Вне зависимости от их видовой принадлежности.

— Вы меня простите, Ринат, но для меня есть только один человек... вампир, попадающий в описанную вами категорию. Не вы. Вы для меня навсегда останетесь тем, кто оставил меня умирать в ледяной воде. И, уплывая на своей спасательной шлюпке, даже не оглянувшись посмотреть, а вдруг я еще жива? Вдруг удержалась за какую-то льдину?.. Все эти ребята верят вам, вы их спасли, вы их герой. Но меня... спасли не вы. Вам я уже никогда не смогу поверить.

— Что ж... — он чуть помолчал, признавая правоту ее слов. — Значит, будем обсуждать учебные планы и мои требования к экзамену. Если ты хочешь с сентября идти в чернометскую школу, то до конца августа должна освоить свободное чтение и письмо, выучить историю и вампирологию, знать правила поведения в обществе, уметь поддержать беседу на местном наречии на заданную тему без упоминания объектов и субъектов, не имеющих отношения к нашей стране... И так далее, полный список я дам.

— Хорошо.

— Хорошо, — эхом повторил он за ней. — Еще одна просьба у меня к тебе, Анна. Ты спрашивала про ребят, вместе с которыми летела в машине. Двое из них сейчас в больнице. Я спрашивал у своих детей, никто не был с ними знаком. А им очень нужна сейчас поддержка. Кого-то своего. Знакомого, близкого. Кого-то, кому можно верить. А я, как ты сама сказала, в эту категорию не вхожу.

— А кто именно в больнице? Я тоже не со всеми успела...

— Никита Загорский и Гаянэ Джаниева, ты их упоминала...

— Да, я их помню. И того уро... вампира, что Гаянэ выбрал, помню тоже. От одного его взгляда вымыться хотелось, неудивительно, что она в больнице, — Аня нервно закусил губу. — Что с ней? Она сильно от него пострадала? И что будет с ней дальше? Ее подлечат, и она вернется к нему опять, чтоб он продолжил над ней издеваться?

— Нет, уже не вернется. Тот вампир ее продал. За очень большие деньги.

— Кому? — она отчаянно старалась остаться спокойной, хотя внутри все дрожало. «Продал». Они все — товар, их можно продать.

— Мне, — Ринат был по-прежнему невозмутим. — Физически она поправится. Останутся шрамы, ожоги. Но повреждений внутренних органов врачи не выявили.

Аня вздрогнула, представив действия, от которых могли остаться шрамы и ожоги. Аршез чуть сжал ее ладонь в своей, пытаясь успокоить.

— Но психологически ей будет восстановиться очень сложно, — продолжил меж тем Верховный куратор. — Ее сломали. Она больше не ожидает от мира ничего, кроме боли и мучений. Разумеется, уже не верит и никогда не поверит никому из вампиров. Сможет ли поверить людям — я не знаю.

— И что вы хотите от меня?

— Попробуй поговорить с ней. Расскажи о себе, о том, как ты жила здесь, как относился к тебе Аршез. Расскажи обо мне... то, что считаешь нужным. Полагаю, у тебя была возможность составить представление о том, как я отношусь к своим людям, — он чуть качнул головой, указывая на помещение, в котором они сейчас находятся.

— Разве эти ребята ваши? — недоуменно нахмурилась Аня.

— Да, разумеется, а чьи же еще? Они принадлежат мне в той же мере, в какой ты принадлежишь Аршезу. На условиях точно такого же контракта.

— Но, я думала, они принадлежат... находятся под покровительством государства. Что это государственный проект...

— Нет, Анют, частный. Государство они в качестве разумных людей не заинтересовали. К сожалению. Так ты поговоришь с Гаянэ?

— Да, попробую. Но что ей сказать? Что вы возьмете ее в свою школу?

Вампир покачал головой.

— Я думал об этом. Но если даже тебе после недели жизни в практически идеальных условиях здесь психологически некомфортно, то каково же будет ей?.. Пока заберу к себе домой, а там буду смотреть по обстоятельствам.

— Понятно. А что с Никитой? Его тоже мучили? Издевались, уродовали? Что?

— Нет, ему повезло. Ликинара очень спокойная, доброжелательная женщина, и их отношения были вполне добровольными... Но у мальчика не выдержало сердце. Он в коме, Аня. Уже несколько дней, и врачи не решаются делать прогнозы.

— Тогда мне обязательно нужно его увидеть! — загорелась девочка. — Я не знаю, смогу ли я помочь Гаянэ, мы просто летели вместе, я не знаю о ней ничего, кроме имени. Но Никита... Понимаете, мы загадали... да, глупо, я знаю, но мы остались вдвоем, и очень страшно было. И мы загадали, что если еще увидимся, то все хорошо у нас будет. Может, если он увидит меня... ну, если почувствует... Говорят ведь, что люди, будучи в коме, как-то чувствуют, слышат... Может, тогда он поверит, что не все так плохо, найдет силы бороться... Ведь так же бывает, правда? — она взглянула на Рината с отчаянной надеждой.

— Вот мы и попробуем, — он ушел от ответа.

— А все остальные? Даша и... другие, я не знаю по именам. Они не в больнице, значит, у них все в порядке, да? Им тоже повезло с... вампирами и... Вы ведь их разыскали, правда? Вы им тоже дадите гражданство?

— Остальные мертвы, Аня. Даша, Стас, Вера и Сергей. Я слишком поздно начал искать. Возможно, отыщи я их владельцев в первый же день и сообщи о своем интересе... Но я опоздал...

— Нет... нет, может просто... Про меня вы ведь тоже думали, что я мертва, вы про всех про нас говорили, а мы ведь... Может, и они...

— Служба Крови зафиксировала их смерть. Были утилизированы трупы. Это точно. Анна. Прости. Я пойду, попрошу, чтоб тебе заварили крепкого чаю, — Риньер вышел. Слишком хорошо понимал, что он не тот, кто сможет сейчас ее утешить.

Утешал Аршез. Молча, усадив ее к себе на колени, прижав к себе и укачивая, словно ребенка. Она даже не плакала. Не кричала, вообще не находила слов. Ее просто колотило крупной дрожью так, что даже зубы стучали. Умерли. Все умерли или при смерти. Или искалечены так, что не восстановиться. «Да слава светочу, что ты никому из них не глянулась!» Он знал. Он знал, да. Догадывался. Представлял, кто они, его соплеменники-вампиры. И носил ее на руках, сдувая пылинки, в то время, как других убивали. Насиловали... или соблазняли... и убивали. Одного за другим. Всех. Всех...

— Ар, — позвала на выдохе дрожащим шепотом. — Почему, Ар?.. — хотела спросить, почему он не убил ее. Но не стала, зачем его так обижать? — Почему ты такой? — спросила иначе.

— Я нормальный, — ответил он тоже тихо. Озвученные Верховным цифры выбили из колеи и его.

— Нормальных должно быть больше. Они не могут быть в меньшинстве.

— Я раньше не знал, что я в меньшинстве.

— Но ты предполагал. Ты намекал, что кого-то могли убить.

— Кого-то. Одного... двоих... Но не всех же, — Он обнял ее еще крепче, почувствовав, что у него тоже начинают дрожать руки, при мысли о том, что ее мог выбрать кто-то другой. До него. И тогда она была бы уже мертва...

Риниеритин действительно принес чай. Горячий, крепкий. И Аня долго пила его маленькими глоточками, все так же сидя на коленях у Аршеза. А он осторожно придерживал ее за талию, ощущая, как она понемногу успокаивается, и вдыхая аромат ее напитка вместе с запахом ее естества.

— Дашь мне попробовать? — попросил внезапно.

— Чай? — изумилась она.

— Ага. Интересный запах.

Она поставила чашку, позволяя ему взять ее. Он осторожно сделал глоток. Прислушался к ощущениям. Потом медленно сделал еще один. Поставил, несколько задумчиво разглядывая оставшуюся в чашке жидкость.

— А это с сахаром или без? — решил уточнить.

— С сахаром. Причем, его даже много. Очень сладкий. А что?

— Так, — он пожал плечами. — Просто пробовал как-то. И не то, что не понравилось, вообще пить не смог. А это... вполне. Значит, сахар...

— Если хочешь, допивай.

— Нет, спасибо. Нам, конечно, все равно в больницу, но это еще не повод становиться пациентом.

* * *

В больницу их тоже отвез Ринат. Покидая его школу, Аня не испытала ничего, кроме

облегчения, и прощаться ни с кем не пошла, хоть он и предложил. Не с кем ей там было прощаться, она ощущала себя рядом с ними человеком из соседней вселенной. Когда выехали из-под невидимого купола, показалось, что даже дышать стало легче.

Хотя больница — это тоже не повод для радости. Сначала пошла к Никите. Очень спешила, ей все казалось, она не успеет, он не дождетя, а ей очень нужно ему сказать...

Пришла. Ее оставили с ним одну, вампиры в палату заходить не стали. Никита показался таким маленьким, исхудавшим. Она едва узнала его. Не так уж четко, если честно, запомнилось ей его лицо, страх, который она испытывала в момент знакомства, слишком сильно туманил разум. Но она запомнила его сильным. Испуганным, но сильным, призывавшим ее держаться, придумавшим для них этот маячок надежды — следующую встречу. И вот они встретились. Но его глаза закрыты, он под капельницей, под аппаратом искусственной вентиляции... Не просто слабый — беспомощный, раздавленный этой страной и ее порядками...

— Привет, — сказала нерешительно, беря стул и присаживаясь возле его кровати. — Я Аня, помнишь? Мы остались самыми последними в том автобусе, и ты сказал, что если мужчина, то за мной... А еще мы договорились встретиться, помнишь? Что если мы встретимся, то все у нас хорошо будет, и мы домой вернемся. И смотри, мы ведь встретились, видишь? Я пришла... — говорить с тем, кто не отвечает и, возможно, вообще не слышит, было сложно лишь поначалу. Первые фразы дались с трудом, а дальше, наоборот, стало легче. — Я пришла, и теперь мы обязательно вернемся домой, правда! Только тебе надо поправиться! Никита, ты, пожалуйста, поправляйся! Тут много ребят выжило, ты не думай. Не только мы с тобой. Еще Гаянэ, ты помнишь? Ее такой жуткий тип забрал, а она жива... И еще пятнадцать человек. Всех собрали сейчас в одном месте, организуют школу, мы будем учиться. Нам гражданство дадут, все права. И мы выучимся, разберемся, как оно тут все устроено, и найдем выход. Мы теперь не по одному, мы вместе будем все, слышишь? А вместе мы ведь обязательно что-нибудь придумаем. Ты только поправляйся...

Она говорила что-то еще, уговаривала, звала, обещала. Он все так же лежал. Бледный, неподвижный, безучастный...

Когда она вышла из палаты, Ар пил воду из пластикового стаканчика, отвернувшись к окну. Ринат стоял рядом, положив руку ему на плечо и о чем-то тихо рассказывая.

— Что-то случилось? — тут же встревожилась девочка, почувствовав, что Аршез расстроен, причем сильно.

— Нет, что ты, — он обернулся и тут же обнял ее. Поцеловал в лоб. — Все хорошо. Насколько это возможно в такой ситуации, — глубоко вздохнул, прижал ее к себе еще крепче. — Я просто не могу не представлять тебя на месте этого мальчика... или девочки... или тех детей, от которых остались одни имена...

Она кивнула, обнимая его в ответ.

— Никита поправится. Он обязательно поправится, я знаю! Он сильный, он должен.

— Будем ждать. Ты пойдешь к девочке?

— Да, конечно же. Если ей это хоть немного поможет...

Гаянэ была в сознании. Лежала, устремив взгляд в потолок. Испуганно дернулась, когда Аня вошла, в глазах промелькнул ужас... И вновь безразлично уставилась в потолок. Аня не была тем, кого она боялась, а значит, вообще не была интересна.

— Привет, — ужасно смущаясь, начала девочка. Вот не умеет она легко и естественно в друзья навязываться. А надо. Ей повезло, у нее есть Аршез. А у Гаянэ никого, только ее

кошмары. — Я Аня, мы вместе в самолете летели. А потом в автобусе. Нас развозили, помнишь?

— Не помню, — безразлично отозвалась Гаянэ.

— Самолет?

— Тебя.

— Ну да, мы не успели познакомиться, не до того было. Просто сидели рядом.

Гаянэ промолчала.

— А больше никого нет, — отчаянно произнесла Аня. Не слишком уверенная, что стоит говорить об этом. — Из того автобуса выжили только мы. Ну, еще один мальчик, но ему совсем плохо, он в коме...

— Повезло.

— Нам? Да, что бы ни случилось, мы все же...

— Тем, кто умер. Я тоже просила, умоляла ЕГО, но ОН... сказал, смерть — это награда ее надо заслужить, через пять лет...

— Он больше не тронет тебя! Он больше никогда не тронет тебя, слышишь? Он отказался от всех прав на тебя, передал Ринату. А Ринат хороший, он никого не обидел, у него живут и другие ребята из самолета, я с ними разговаривала, они сказали...

— Он тоже вампир. Ему тоже нужно есть.

— Им не нужна наша кровь, у них есть...

— Дурочка ты, — эмоций в этих словах не было, только усталость. — Все еще веришь, что им нужна кровь? Это не те вампиры. Не из книжек. Они эмоциями питаются. Страх, ужас, отчаянье, боль. Чем сильнее, тем лучше. Вкуснее. Насыщенней. Быстрее наедаются. Вот, смотри, — она достала из-под одеяла руку. Три пальца, начиная с мизинца, были загипсованы. — Он мне ломал каждый день по фаланге. Чтоб я точно знала, сколько дней прошло... Как сломает все — значит, кончился месяц. И начнет ломать заново. Представляешь, сколько раз он сломает их за пять лет?.. Все еще полагаешь, мне повезло, что я не умерла? Мне повезло?

— Но все закончилось! — Аня в ужасе смотрит на загипсованные пальцы, не в силах отвести взгляд. — Он больше не будет! Никто не будет!

— Думаешь, только пальцы? Это было бы слишком просто, верно? Слишком мало боли, ему не хватало. И потому — еще вот, — она откинула одеяло полностью. — И вот тут, и вот, и там... Каждый день! Ему надо было есть каждый день!

Аня молчала, слишком шокированная, чтобы найти слова.

— А ты, глупая, думаешь: кровь. Может, и кровь. Так, на закуску, для удовольствия. Когда насиловал, устав издеваться.

Гаянэ прорвало. Она рассказывала, рассказывала и рассказывала. А Аня слушала, обмирая от ужаса. И понимая, что она не может прервать этот жуткий рассказ и сбежать. Гаянэ больше не с кем делиться. Ринат — вампир, он вызывает у девочки только ужас, медперсонал, воспитанный на любви к Великим либо решит, что пациентка повредила себя в уме, выдумывая кощунственные небылицы, либо, что еще хуже, примут как должное, и заявят: «раз ему нужна твоя боль — подари ему ее, и не жалуйся».

Вот только как же тогда? Если они этим питаются, то, выходит, боль и страх нужны и Ринату, и Аршезу?.. Но ведь им не нужны, они не пользуются! Попыталась объяснить это Гаянэ, но та просто не стала слушать. Сказала, что если ее еще не пытали — так просто очередь не дошла. Но дойдет. Они вампиры, они не могут иначе.

Аня просидела с девочкой несколько часов. Время от времени в палату заглядывала медсестра. То воды принесет, то температуру попросит померить, то давление... Ане показалось, что ее просто посылают проверять, все ли в порядке. В порядке не было, но оставить Гаянэ оно не могла.

Наконец принесли обед и настойчиво попросили Аню дать больной отдохнуть. Она вышла, шатаясь, и долго стояла в коридоре, отчаянно цепляясь за идущий вдоль стены поручень и прижимаясь лбом к холодной стене. Она не могла больше. Просто не могла. Воспринимать это все, принимать, соглашаться жить здесь. Отчаянно делать вид, что все хорошо, обманывая саму себя.

— Я не могу, — прошептала, почувствовав, что руки Аршеза сомкнулись на ее животе. — Я не выживу здесь... Я не хочу здесь выживать... Бороться... доказывать, что я человек, что я имею права... Кому доказывать, вам? Вот таким вот уродам, ломающим косточки по одной, чтоб подольше хватило?

Он поднял ее на руки и куда-то понес. В какое-то помещение для персонала, где ее вновь отпаивали приторно сладким чаем.

— Эмоции... ты не говорил про эмоции. Сказал, что ощущаешь, но не говорил, что они еда. Что они тоже еда... — Аня грела руки о чашку с чаем и бормотала, глядя куда-то мимо Аршеза. Не могла сфокусироваться на его лице. Не получалось.

— Вампиры не отнимают эмоции, Аня. Не высасывают их из людей. Берут только то, что человек излучает в пространство. В этом нет вреда.

— Нет вреда? Ты Гаянэ расскажи про «нет вреда»... Ты потом тоже будешь меня бить? Ты пока сдерживаешься, не пьешь кровь, не пользуешься моим телом. Но потом... потом... Ты ведь планируешь... собираешься...

— Аня! Аня, посмотри на меня! А-ня! Я хоть раз сделал что-то, что заставило бы тебя подозревать, что я мечтаю тебя ударить? Хоть раз?

— Об остальном я тоже раньше не подозревала.

— Разве? Ты не знаешь, что твое тело желанно? Ты не знаешь, что я хотел бы ласкать его? Целовать? И не только те места, что не скрыты одеждой. Ты не знаешь этого? Не ощущаешь?

Она все-таки покраснела. Все-таки смутилась, он сумел пробить ее, вывести из этой убийственной апатии.

— Так знаешь или нет, Аня? Или мои слова для тебя сейчас — откровение?

— Знаю, — отрицать было бы не просто глупо — нелепо. Он никогда не скрывал. Сдерживался, не позволяя себе, но ведь не скрывал.

— Я хочу твою кровь?

Она все же взглянула ему в лицо.

— Тебе виднее.

— Я спросил, что видно тебе. Не лукавь, ребенок. Ты чувствуешь, что я хочу ее?

— Да, разумеется, чувствую. Не ежесекундно, понятно, но... Ты сам знаешь, бывали моменты.

— Бывали, — спокойно кивнул он на это. — А что насчет моего желания избить тебя? Хоть один момент? Намек?

Она молчала.

— Хорошо, не бить. Обругать. Накричать, обидеть, унижить. Было?

Отрицательно машет головой.

— А ведь это не кровь, ребенок. Это эмоции. Ты бы даже не поняла, из-за чего я кричу на тебя, что беру при этом. Люди тоже кричат, ты бы даже не удивилась. Так зачем же мне было скрывать эту свою потребность? Да так тщательно, что и близко ничего не мелькнуло?

— Что ты хочешь от меня? Я не знаю. Я не знаю, не знаю! Но если вы этим питаетесь, если вы это едите...

— Люди рыбой питаются?

— Да, — чуть растерялась от смены темы.

— А ты?

— Что я?

— Ты рыбу ешь? Я ни разу не видел.

— Я не люблю.

— Не любишь. И не ешь. А если накормить тебя через силу — ты будешь плевать. И почувствуешь лишь отвратительный вкус. Хотя она съедобная. Она полезная. И каким-то другим людям кажется вкусной. Ведь так?

— Так.

— Вот и со мной так. Я это не ем. Для меня все отрицательные эмоции — как для тебя та рыба. Съедобно. Но не вкусно. Совсем.

— Но тогда... тогда ты всегда голодный.

— Почему?

— Потому, что насыщают сильные эмоции. Максимальные.

— Страсть — очень сильная эмоция, Анют. А еще бывает очень большая радость. Сильным бывает не только негатив. Да и не нужны они часто, сильные. Вот смотри. Ты когда-нибудь слушала музыку? Ту, что исполняют в консерватории? Симфонию, скажем? Можешь представить, что это?

— Ну, конечно же.

— А теперь представь, сколько эмоций и оттенков получит, прослушивая ее, человек с абсолютным слухом? Сколько красоты и полноты впечатлений от тончайших переливов, переходов тона, еле слышного шепота, отголоска, напева... Да, там обязательно будет крещендо, но в конце, когда душа и без того переполнена эмоциями и впечатлениями.

— Хочешь сказать, у тебя абсолютный слух?

— На эмоции? Может, и не абсолютный. Но близок к тому. Эмоциональный голод мне не знаком. Мне не надо никого стимулировать.

— А тот вампир, что мучил ее, он, по-твоему, не имеет хорошего слуха?

— Он глухой. Это не просто отсутствие слуха, это болезнь, уродство. Он просто не слышит, понимаешь? Симфония играет. Многоголосая, богатая, насыщенная... а он не слышит. И делает громче, громче... И все богатство тончайших оттенков, все переливы — он просто не может их воспринять, не ощущает, не впитывает. Ему не музыка нужна для насыщения, а только треск барабанного боя, он инвалид.

— Пока инвалидами он делает людей! Ар, ну скажи, неужели ему ничего не будет? За все эти пытки, за все?!

— Закон он не нарушал, — глухо ответил Аршез. — Законы писали Древние. Эмоциональная глухота — это их болезнь, среди них таких... Риниеритин обещал, его уберут из Страны Людей. Запретят въезд. Это все, что он может сделать... Это вообще все, что в данном случае возможно.

— Ты про Рината тоже тогда подумал? Что он такой, да?

Отнекиваться не стал.

— Да. Это он для тебя Ринат, а вообще... Это вампир из ближайшего окружения Владыки. Нынешнего, но свою должность получил еще при прежнем. А тот был... самым «глухим» из всех Древних, наверное. И фавориты у него были соответственные, и должности они получали, и привилегии, и тронуть их было нельзя... Это сейчас их хоть как-то теснят, клубы их закрыли, с должностей снимают за подобное, из Страны Людей выгоняют... Но они же тоже не дураки, тут же объявили, что этим больше не занимаются, излечились, принуждаемы были... А законодательство такое, что поди проверь. И клубы у них по-прежнему есть, подпольные только, и деньги там крутятся такие, что... Что еще я мог думать о Верховном кураторе, вышедшем из этой среды?.. Нам с тобой просто каким-то чудом повезло...

«Нам с тобой». Эти слова неожиданно согрели сильнее самого горячего чая. И растопили последние осколки отчаянья в ее душе. «Нам с тобой». У нее есть Аршез, их двое, и даже если весь мир вокруг безумен, они выдержат. Аня повернулась и обняла его. Прижалась. К такому теплому, такому родному.

— Мы ведь справимся, да?

— Да, родная, мы обязательно справимся, — он усадил ее к себе на колени, обнял, зарылся пальцами в ее волосы, вдохнул запах. — И какие, к дракосу, взрывы эмоций? Вот сейчас хорошо.

И она была в общем-то согласна. Но один вопрос ее все-таки мучил.

— А как же кровь?

— Кровь?

— Моя кровь. Ты ведь ее хочешь, ты сам признал.

— Хочу... Я думал, ребенок. Сидел тут и думал, пока ты навещала ребят. Советовался с Ринатом...

— Где он, кстати?

— Ушел по делам... Сбежал, чтоб тебя не смущать. Сказал, ждет нас вечером у себя. Все равно машину мы оставили там, возвращение неизбежно... Так вот про кровь, Анют. Вопрос, на самом деле, серьезный. И ты, я думаю, уже поняла, насколько.

Она кивает. Скорее нервно, чем уверенно.

— Можно быть аккуратным. Можно очень стараться не навредить, но... Потом это классифицируют как «несчастный случай». А такой результат меня не устроит. Никогда. Мое желание видеть тебя живой и здоровой значительно сильнее моей жажды. Выводов отсюда два, — вздохнул, собираясь с мыслями. Она молчала, ожидая продолжения. — Первое: по прилету в Чернометск я кладу тебя в клинику. На обследование, не пугайся. Всего лишь проводить полное обследование организма, на наличие явных и скрытых патологий, вероятных проблем и возможных осложнений. Это Клиника Крови, они специализируются именно на проблемах, возникающих в связи с кровопитием, и будут смотреть с этой точки зрения: чем конкретно тебе угрожает кровопотеря. Проверят на аллергию на лекарства, в первую очередь, на те препараты, которые используются при восстановительной терапии... Я должен знать. Представлять, насколько для тебя это вообще возможно, даже если я не собираюсь сейчас...

— А ты не перестраховываешься?

— Перестраховываюсь, — кивнул спокойно. — Но в соседней палате с Никитой я тебя видеть не хочу.

— Ревнуешь? — попыталась она пошутить.

— Смешно, — кивнул он, оставаясь предельно серьезным. — Второе, Анют. До тех пор, пока тебе не исполнится восемнадцать — никакого секса и никаких связанных с ним укусов. Ты к подобному пока не готова. Но даже если в будущем ситуация изменится, и ты начнешь умолять меня передумать — все равно: до восемнадцати мы потерпим, а там... будем смотреть. Потому что я сам уже не готов. После всего... после всех этих трупов, несчастных случаев, убитых детей... Просто боюсь за тебя, ребенок. Просто боюсь... И лучше уж мучиться от неудовлетворенности, чем выть над твоим бездыханным телом.

— Спасибо, — тихо и благодарно прошептала Аня. Только сейчас осознавая, что на самом деле — она боялась. Даже выбирая жизнь с Аршезом, даже осознавая, что наверно... когда-нибудь... ей все же придется — она боялась этого. Она действительно была не готова.

— А месячные... — продолжил он, и Аня вновь смутилась от одного упоминания об этом процессе. Ар мысленно вздохнул: эта кровь была для него такой желанной, а главное, ее потеря была для девочки настолько естественной и безвредной, что у него просто не выходило не думать о том дне, когда он сможет пригубить ее. Вот только день этот, похоже, настанет не скоро. Его ребенку еще взрослеть до него и взрослеть. — Ты просто предупреждай меня заранее, и я буду уезжать на это время, чтоб не пугать тебя излишне бурной реакцией. В конце концов, должен же я родственников навещать, с друзьями, оставшимися на родине, встречаться. Так почему бы не в эти дни?

Она тихонько вздохнула, потянулась и поцеловала его в шею. У него там тоже билась жилка. И замерла, закрыв глаза и вдыхая его запах. Ар. Аршез. Самое невозможное и самое прекрасное, что только могло с ней случиться.

— Что вы решили? — спросил их Риниеритин вечером.

— Мы летим домой. Вместе.

— Что ж... — он был в этом почти уверен. Слишком сильна их связь. Слишком необычна. Это плетение аур... Но свое совместное будущее они могли создать только сами. — Тогда вопрос остается только один. Мое дерево. Еще не забыли? Между прочим, редчайший экземпляр, а вы разомкнули ему контур, и теперь оно гибнет.

— И что вы хотите? — чуть враждебно смотрит Аршез. При всем уважении к Верховному, которое он почувствовал за эти сутки, квохтанье Древних над деревьями по-прежнему вызывало у него лишь раздражение.

— Хочу, чтобы вы теперь кормили его, — уж чего-чего, а быть непробиваемо невозмутимым Риниеритин умел. — Раз в неделю, пока оно не окрепнет. В воскресенье, во второй половине дня меня устроит. Будете прилетать и проводить возле него не менее двух часов. Как именно проводить — мне без разницы. Хотите — целуйтесь, хотите — книжки читайте, хотите — разговоры разговаривайте. Я распоряжусь, вас будут пускать даже в мое отсутствие.

— И долго нам так летать?

— Не знаю. Понадобится — так и всю жизнь будете. Раньше было думать надо, — ворчливо усмехнулся Верховный. И пусть сколько угодно считают его капризным Древним, помешанным на цветочках. Для объяснений было еще слишком рано. Он и сам не знал, к чему приведет их связь с деревом. Так зачем давать ложные надежды, или, напротив, пугать? Но и пускать все на самотек он не собирался.

Лично проводил их на крышу и даже махнул рукой вслед отлетающей машине.

И тут же недобро помянул дракоса, видя, как машина теряет управление и чуть

проседает в воздухе. Выравнивается, продолжает подъем... и опять у нее полностью отрубает связь с пилотом. Да на каком металлоломе этот мальчишка вообще летает? Риньер недовольно хмурился, глядя, как машина с трудом выравнивает полет и уходит наконец в облака. Аршез — куратор в Стране Людей, здесь совсем не маленькие зарплаты. На хорошую машину хватает точно.

Решено, он завтра же вызовет своего адвоката и поручит ему подготовить документы на разделение собственности семьи Андэррэ, а так же признание Андэррэ-старшего недееспособным членом семьи, находящимся под опекой сына. Ну а сменит тот гордое «ир го тэ» на скромное «ир ра», глядишь и желание излечиться от дурных пристрастий станет куда более искренним. И пусть мальчишка только попробует отказаться подписать составленные от его имени документы! В конце концов, Аршез и Аня — это надежда всего их народа на новую, и куда более достойную жизнь, и просто немыслимо, чтоб их судьба зависела от прихотей эгоистичного безумца!

Надежда всего народа? Не слишком ли громко сказано? Но если у народа рождаются такие мальчишки, он действительно не безнадежен. А будут ли иметь место мутации и далеко ли они пойдут... подождем. Но мальчик уже сейчас...

Риньер никогда не хотел заводить ребенка-вампира. Сама мысль о том, чтобы плодить подобное, вызывала отвращение. Но сегодня впервые думал о том, что будь у него сын вампир, хоть немного похожий на Аршеза, он бы мог им гордиться.

Эпилог

Два месяца спустя

— Что ж, поздравляю! — удовлетворенно откинувшись в кресле, Риниеритин улыбнулся. — И за знание этого предмета я могу поставить тебе только высший бал. А это значит, что все твои экзамены объявляются сданными, причем на отлично!

— Спасибо, — несмотря на ободряющие слова Верховного куратора, Аня по-прежнему сидела, натянутая как струна. — И когда я получу гражданство?

— Прямо сейчас, разумеется, — Риньер потянул на себя верхний ящик стола, достал оттуда паспорт и передал девочке. — И с получением нашего гражданства я тоже тебя поздравляю.

— Спасибо! — повторила она, но с куда большей радостью в голосе. И только сейчас, кажется, выдохнула. И даже позволила себе расслабиться и чуть ссутулиться, листая полученный документ. — Вы оформили его заранее? А если бы я не сдала?

— Значит, он полежал бы у меня в столе еще какое-то время. Ты была так решительно настроена на сдачу, что рано или поздно все равно пригодился бы.

Она кивнула, сосредоточенно изучая свой паспорт. То, что она гражданка Страны Людей, было написано на самой первой странице. Имя и фамилию ей не поменяли, дату рождения — тоже, просто перевели в принятое здесь исчисление. Местом рождения был записан город Калинов.

— Прямо как Калинов мост, знаете такой? — Аня с любопытством взглянула на вампира. — Он в сказках был между миром живых и миром мертвых.

— Читал, — улыбнулся Риньер. — Но сказал бы мягче: между тем и этим миром, между миром людей и миром не-людей. Это только с той стороны кажется, что жизни здесь нет. Но если хватит смелости перейти...

— Никита был смелый, — тут же насупилась девочка. — Чем ему это помогло?

— Увы, — вздохнул Верховный куратор. — Еще бывает очень нужна удача.

Никите ее не хватило. Мальчик так и не вышел из комы и умер через два дня после Аниного визита. Аня горько рыдала тогда — действительно верила, что Никита справится, что ее визит поможет... Не сбылось.

— А где указано, что я Избранница? — пролистав весь паспорт, Аня так и не нашла соответствующей записи. А практически ожидала увидеть штамп: «Является собственностью вампира...» или чего-то подобного.

— Словами — нигде, — охотно пояснил Верховный. — Такой записи мы не делаем. О твоём статусе Избранницы говорит только серия паспорта — «АА», следующий за ним цифровой код — регистрационный номер Аршеза по внутреннему реестру Страны Людей. Но информацией об этом владеют в Службе Правопорядка, работники нотариальных контор, отделов кадров и подобных им специфических мест. Основная масса жителей Страны Людей никогда не интересовалась, за что присваивается та или иная серия, и им твой паспорт ни о чем не скажет. И ты совсем не обязана ставить кого-либо из своих знакомых в известность о заключенном контракте. А вот любому представителю Службы Правопорядка можешь смело демонстрировать свой паспорт, особенно если вновь решишь прокатиться в товарном вагоне. Теперь в подобной ситуации они будут обязаны тебя немедленно отпустить, только зафиксировать серию и номер. И все претензии к тебе потом отправлять в

письменном виде на имя Аршеза.

— Еще немного — и я поверю, что быть Избранницей действительно гораздо лучше, чем просто свободным человеком.

— Ты мне только что в красках рассказывала, что это в самом деле так. Мне что, снижать оценку с «отлично» на «хорошо»? — шутливо нахмурился Риньер.

— Только паспорт не отбирайте, — Аня прижала заветную книжечку к груди. Тоже шутливо. Почти.

— Неужели быть Избранницей Аршеза настолько плохо?

— Нет, что вы! — вот тут она была абсолютно искренна. — Быть его Избранницей — замечательно!

— Так беги уже, порадуй своего замечательного. Весь извелся ведь.

Она действительно побежала. И буквально бросилась в объятия ожидавшего в соседнем помещении вампира. Сквозь оставшуюся распахнутой дверь Риньер видел, как мальчик подхватил свою деву на руки, закружил. А потом опустил на пол и долго целовал — нежно, самозабвенно. Сдерживая страсть, растворяясь в своей деве, ее эмоциях, ее желаниях. А она целовала его в ответ, прижимаясь к нему всем телом, зарывшись пальцами в его волосы, закрыв глаза и полностью отдаваясь ощущениям. Их ауры сияли так ярко — бронзовая одна другую, переливаясь одна в другой. Такие разные — у каждого своя, но так гармонично сочетающиеся друг с другом. Такие красивые...

Он дождался, когда эмоции чуть поутихнут, и вышел к детям. Устроившись вместе в уютной гостиной, они обсуждали выбор будущей Аниной школы, и кто именно будет ее в эту школу записывать и официально считаться Аниным опекуном, поскольку Аршезу в данном учебном заведении появляться определенно не стоило. Разумеется, школу они присмотрели заранее, с углубленным изучением естественно-научных предметов и высоким уровнем преподавания, и так просто туда было не поступить. Но, если проинструктировать министра образования, чтоб он сообщил директору выбранной школы, что девочку надо принять и не слишком придирайтесь к ней первые месяцы, чтоб была у нее возможность освоиться, то проблем у Ани возникнуть не должно. С дирекцией. А учиться за нее никто не будет, конечно.

Хотя... Зная Аршеза — будет ведь. Не за нее, но вместе с ней — точно. Ведь сколько времени он провел с ней за учебниками за эти два месяца — объясняя, уточняя, дополняя, проверяя результат. Без него бы она за этот срок так много и так быстро ни за что не освоила. А сколько еще оставалось!

— А как Гаянэ? — спросила Аня Верховного. — Не надумала продолжить учиться?

— Нет, — тот лишь печально покачал головой. — Интерес к внешнему миру у нее по-прежнему отсутствует, к сожалению. Ни книги, ни телевизор — ничего. Отторгает. Любую внешнюю информацию. Степка пытался ее уговорить хоть на улицу выйти — отказалась категорически. Из своей комнаты она все так же выходит только в сад, и только крепко держа его за руку.

— С вами по-прежнему не общается?

— Нет. Начинает паниковать, едва я подхожу близко, и не слышит ни слова. Так и остается одна надежда на Степку. Он добрый, она это чувствует. Вот и тянется к нему невольно. Невозможно ж совсем одной. Да и он к ней уже привязался. Я его не прошу, сам с ней сидит все свободное время.

— Я к ней загляну?

— Да, конечно, сходи.

Забрав из больницы, Ринат поселил Гаянэ в самом дальнем конце своего особняка, где почти не бывал сам, и куда никогда не заходили его гости. Ее уютная комната, расположенная на первом этаже, имела выход непосредственно в сад, но прошло две недели, прежде чем Гаянэ решилась им воспользоваться. Она согласна была говорить с Аней, она впустила в свой круг Степу, и на этом все. Вампиров — всех без исключения, включая хозяина дома, — она ненавидела и боялась. Порой часами могла рассказывать, как именно она хотела бы убить их, временами рыдала, трясаясь от страха, что сейчас все то же сделают с ней. О своей жизни на родине она никогда не вспоминала сама, и отказывалась поддерживать разговор, если его заводили другие, от будущего не ждала ничего, кроме мучений и смерти, настоящим не интересовалась... Оставалось надеяться, что это исправят время и приглашенный Ринатом психолог, но пока изменения в глаза не бросались.

К Гаянэ Аня привычно отправилась через сад. И привычно сделала маленький крюк, чтоб пройти мимо Голубого Дерева. Просто взглянуть на него лишний раз, провести рукой по нежному, чуть вибрирующему под пальцами стволу, мимолетно прижаться щекой.

Настоятельная просьба Рината проводить возле этого дерева по два часа в неделю Аню не тяготила. Сад Рината действительно обладал какими-то колдовскими силами. В каком бы настроении девочка ни пришла сюда, прогулка по этим тропкам дарила покой, умиротворение, уверенность в собственных силах. Ане казалось, здесь даже воздух прозрачней. Оттого и дышится легче, и даже запоминается лучше. Те страницы, что она прочла, сидя рядом с Аршезом возле Голубого Дерева, она помнила удивительно четко. А уж те поцелуи...

Да, благопристойным чтением дело не ограничивалось. И, если бы не Анин страх, что хозяин дома застанет их за не самым пристойным занятием, «целомудренными поцелуями» дело бы не ограничилось тоже. Но вот любопытно, когда Ар целовал ее дома, ему приходилось порой достаточно резко прерываться, поскольку острые, как иглы, зубы грозили превратить поцелуй в укус. А вблизи Дерева зубы у него не трансформировались никогда, притом, что желание его тела она ощущала временами весьма отчетливо.

Но исключительно сквозь одежду. Аршез оставался верен своему слову, и как бы страстно ее ни целовал, и как бы сильно ни желал, никогда не переступал установленных им же самим границ. А Аня все чаще ловила себя на мысли, что его вскользь брошенная фраза о том, что она будет умолять его передумать, когда-то показавшаяся ей излишне самоуверенной, с каждым днем все больше походит на пророческую.

Она вздохнула, прижимаясь лбом к любимому Дереву в попытке немного успокоиться. И отправилась дальше, в глубину сада. Гаянэ, возможно, и не выражала бурной радости при ее появлении, но, каждый раз внимательно осматривая с головы до ног и не находя следов пыток, чуть успокаивалась, что тоже было неплохо.

Аршез следил за своей девой в окно до тех пор, пока она не скрылась за деревьями. Нет, он не отслеживал ее перемещений. Просто любовался. Его Избранница. Во всех смыслах этого слова. Теперь уже во всех, даже в официальном.

— Как отец, все еще злится? — поинтересовался Верховный, по-прежнему сидящий в своем кресле.

— Да даже не злится, скорее, в каком-то шоке: не может поверить, что я сделал с ним это... Да я, если честно, и сам не могу поверить... Но, по крайней мере, теперь мне не нужно опасаться, что мать в любой момент окажется на улице, а наш дом продадут за долги.

А то, что он не желает больше со мной разговаривать, я как-нибудь переживу. Хватило уже разговоров, пока шли все эти судебные разбирательства, — Аршез поморщился, вспоминая. Добиваясь, чтоб сын отступился и забрал заявление, папочка не брезговал ничем: ни душевными беседами о счастливом детстве и океане своей родительской любви, ни ударами на жалость, ни откровенными угрозами. Возможно, если бы не Аня, чье благополучие напрямую зависело от опекуна, и не Верховный куратор, внезапно и крайне жестко поставивший освобождение от финансовых и юридических проблем с отцом обязательным условием получения Аней гражданства, Ар бы и не выдержал, отступился. Все же отец — это один из столпов мироздания любого ребенка. И лишить его малейшей возможности вести ту жизнь, к которой тот привык, унижить, добившись признания недееспособным, Младшим... Даже мать была категорически против последнего, звонила, умоляла: «не ломай ему жизнь!» В те дни лишь обнимая вечерами свою деву, зарываясь носом в ее волосы и замирая так на неопределенное время, он возвращал себе душевный покой. И набирался сил, чтобы идти дальше.

Тем более, что и без отца проблем было выше крыши.

— Ты с рационом своим как-то определился? — вот об одной из них Риниеритин и напомнил.

— А что с ним определяться? — Аршез лишь устало пожал плечами. — Кровь хочу. Анину. Всегда. А то, что они привозят... — он вздохнул. — Нет, если зацеловать Анюту до умопомрачения, а потом добежать до машины с едой достаточно быстро, то все неплохо. Жажда возникает лютая, удовлетворяется большим объемом крови, пьется легко... А вот если без нее — иногда даже зубы не трансформируются. Смотрю на еду, смотрю... И прошу у сотрудников службы доставки иглы, у них есть специальные... для кормления таких вот убогих... Пью, питаюсь же как-то надо. Вот только с трудом, в горло не лезет, давиться начинаю. Да и потом хочется рот прополоскать от привкуса...

— А чай тебе при этом вкусный?

— Чай вкусный, — кивает. — Но даже не в этом суть. Я теперь даже после хорошей порции крови все равно голод чувствую. Не сразу, конечно. Но по утрам... И потом, в середине дня. Только чаем и снимаю. Сладким. Я пробовал без сахара — не то, даже голова не проходит.

— Так, может, тебе чаем не ограничиваться? И, вместо того, чтобы заставлять себя пить кровь, попробовать что-то еще из человеческой кухни?

— Смерти моей хотите? — недовольно хмурится на это Аршез. — Чтоб, если не едой человеческой траванулся, так солнечную болезнь заработал, отказавшись от крови? Может, мне и завещание сразу на ваше имя черкнуть?

— Черкни, если хочешь, — невозмутимо отзывается Риньер. — А над расширением рациона подумай. Пока думаешь — пропей курс витаминов. Человеческих. Только не в таблетках, найди растворимую форму, раньше были, вроде, такие.

— Может, все же, вампирских?

— Да что ж упрямый ты у меня такой! Ну не усваивает у тебя организм вампирские источники энергии, так не мучай его, переходи на другие. Смирился ж ты как-то с тем, что секс-вечеринки с друзьями тебя больше не привлекают. Так и с кровью смиришься, и прекрати уже свой организм насиловать.

Не привлекают, да. Однако он вовсе не стремился это афишировать. И Риниеритину вот уж точно, не говорил. Его постоянные расспросы о здоровье и так излишне нервировали. А

тут еще это. На вампирские вечеринки со времен знакомства с Верховным (и его незабвенным Древом) он сходил раз, другой, третий... На четвертый окончательно убедился, что ничего, кроме раздражения и усталости он после них не испытывает, и ни желая, ни потребности идти туда не ощущает. Он хотел Аню. Аню, а не абы кого, будь то вампирша или человечка. Ему нужна была ее кровь, ее плоть, ее запах... Ее взгляд, улыбка, дыхание... Прикосновения — сначала робкие, а потом все более уверенные... Ее наслаждение и ее жажда, и жар разгоряченной его ласками плоти, и сок ее естества, смешавшийся с кровью и делающий эту кровь не просто непередаваемо вкусной — умопомрачительной...

Он заставил себя остановиться, почувствовав, что его фантазии снова его заносят.

— Тебе способность летать никогда не отказывала? — Риниеритин задумчиво разглядывал стоящего у окна юношу.

— Способность летать отказывала только моей старой машине, — пожал тот плечами. — С новой таких проблем не возникает.

— Я рад за твою машину, Арик, но вопрос был все-таки о тебе.

— А мне-то она как может отказать? — вампир с недоумением взглянул на Древнего. Тот был, в общем-то, неплохим мужиком, несмотря на возраст, но порой выдавал совершенно безумные вещи.

— Как и многое другое, Аршез. Ты ведь неглупый мальчик, уже должен был догадаться: то, что с тобой происходит, это не недомогание, это мутация.

— Обратно в эльвина? — Аршез усмехнулся. Про мутации он думал, конечно. Прочел все, что достал, и про древних эльвинов, и про то, как они вампирами стали. Тогда мутации были одновременны для всех и крайне болезненны. И, хотя никто не указывал сроков, Ар так понял, что в тот раз все было довольно быстро: мучительная агония, почти до беспамятства, а когда боль отступает — ты уже вампир. То, что сейчас происходит с ним, меньше всего похоже на обратный процесс. — Слишком уж фантастично, чтобы быть правдой. Хотя некоторые признаки при желании можно было бы трактовать, но... Да даже если бы это было и так, способность летать-то тут при чем? Вы разве знали эльвинов, которые не летали?

— А кто сказал, что в эльвина? Эльвинерэлл погиб, даже если мы перетащили это название на новое место. Это другой мир и другое солнце. Ты взял в Единственные человеческую деву и закрепил брак на земном Древе, каким боком сюда эльвины?

— Я сделал... что? — Аршез все-таки сел. Пощупал вокруг себя в поисках ближайшей горизонтальной поверхности, и сел. А глаза так и не смог отвести от этого Древнего безумца.

— Ауры, Арик. Так, как у вас они сплетены, в древности сплетали свои ауры те, кто называл друг друга Единственной и Единственным. Я не сразу узнал. Человеческая аура имеет слишком много отличий, да и слабенькая она, часть рисунка просто выходит из видимого спектра. А четкость твоего рисунка нарушали многочисленные хвосты, порожденные бесконечными связями со случайными сексуально-энергетическими партнерами... Но, по мере того, как Анина аура крепла, подпитываясь Древом, а твои хвосты растворялись, отмирая за ненадобностью в связи с переходом организма на другой источник энергии, рисунок выкристаллизовался полностью.

Аршез потрясенно молчал, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Единственная... Да, не Избранница, это слово давно испоганено лицемерием и ложью навязанных людям правил, но Единственная, его Единственная на свете дева... Не удивительно, что его

перестали интересоваться все остальные... Но Единственная — это легенды, это что-то из утраченного мира эльвинов, у вампиров не бывает Единственных, вампиры любят всех... И он не мог сплести ауры согласно древнему обряду, он просто не знает этот обряд, да и цели такой не ставил, он всего лишь хотел, чтоб им было комфортно рядом... Да, чуть увлекся, он помнит. Но он же тогда свою Аню совсем не знал, как могла она стать Единственной?.. Нет, Единственной она, как раз, стала, тут он согласен. Просто не в первый же день... Да и не в этом суть. Вопрос, как у него вообще могло выйти такое плетение с незнакомой девой? С человеческой девой... С человеческой... На земном Древе... Брак... тоже человеческий видимо, как союз двух сердец... А он мутирует... не в эльвина.

— Вы полагаете, я стану человеком в итоге? — спросил, чувствуя, как замирает сердце. Ведь если... Нет, просто предположить... Но он ведь смог бы тогда никогда с ней не расставаться. Прожить вместе всю жизнь...

— Нет, Аршез, я не думаю.

Нет... Конечно, он не расстроился. Он ведь и не верил в такое. Давно не ребенок, и знает: чудес не бывает. А что размышлялся... Так это он не всерьез.

— Тогда я вас не понимаю, — Ар хмуро взглянул на Риниеритина. — Вы намекаете, что я не просто болею, но перестаю быть вампиром. Но эльвином не становлюсь. Человеком тоже. Тогда кем?

— Кем-то еще, — загадочно улыбнулся Древний. — Ты точно не будешь вампиром, Аршез, в этом я не сомневаюсь. Наш вампиризм — это следствие отторжения нас этим миром, а тебя он принял. Видимо потому, что ты сумел принять его... Но что сотворит с твоими эльвийскими генами земная энергия, которую ты получаешь эльвийским способом от земного древа, сказать сложно. Не знаю, что останется в тебе эльвийского. Не знаю, что появится человеческого... Я даже не знаю, что останется человеческого в твоей деве, и что эльвийского может в ней появиться...

— У Ани? Но как?

— Думаешь, энергетическая связь с Древом может пройти для нее бесследно? А та глубокая связь с тобой, которая возникла в результате сплетения ваших аур? Все это меняет ее. Не так заметно, как тебя, но процесс идет. Ты разве не видишь, как крепнет ее аура? Похоже, еще немного, и энергетическое воздействие вампиров вообще не будет представлять для нее угрозы. А как четко, совсем по-эльвийски, она ощущает любые твои эмоции? Людям такое не доступно. И это только начало. Что будет дальше — я и предположить не могу.

— И хорошо. Лучше не предполагайте, — поспешно согласился Аршез. — А то я поверю, и начну изводить себя, мечтая о невозможном.

— Мечтай о возможном, — вновь улыбается Риньер, глядя на ошарашенного мальчика. — И наслаждайся тем, что имеешь сейчас. Разве сегодня у вас мало поводов для радости?

Аршез лишь улыбается в ответ. Немного растерянно, немного смущенно, но очень счастливо. А почувствовав, что Аня возвращается от подруги, легко перемахивает через подоконник и устремляется ей навстречу

Чтобы прижать ее к себе — такую маленькую и такую хрупкую: юную человеческую деву, ставшую его судьбой. И долго и упоенно целовать посреди этого сказочного сада, где, похоже, сбываются даже самые фантастические мечты. И в самом деле, не все ли равно, кем они станут? Если они смогут быть вместе, если его аура не будет губить ее, если, возможно, даже ее кровь ему не понадобится...

И пусть разум все еще отказывается верить в вероятность последнего, но здесь, под сенью волшебных деревьев из детских сказок, ему уже не раз удавалось почувствовать, каково это: желать свою деву, не ощущая потребности присвоить себе всю ее кровь. И это желание — чистое, не приправленное разрушительной жаждой — казалось ему самым прекрасным из всего, что он когда-либо испытывал.

А сердце замирало от нежности, чувствуя, как искренне, всей душой тянется к нему та, что изменила всю его жизнь. Его Единственная. Сжимая ее в объятьях, он уже не мог размышлять, как такое вообще могло случиться. Он просто знал, что это именно так. И чувствовал себя самым счастливым существом во вселенной

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net